

РОБЕРТ ГОВАРД

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

ТОМ 3

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КТ

РОБЕРТ ГОВАРД
ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 3

РОБЕРТ
ГОВАРД

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

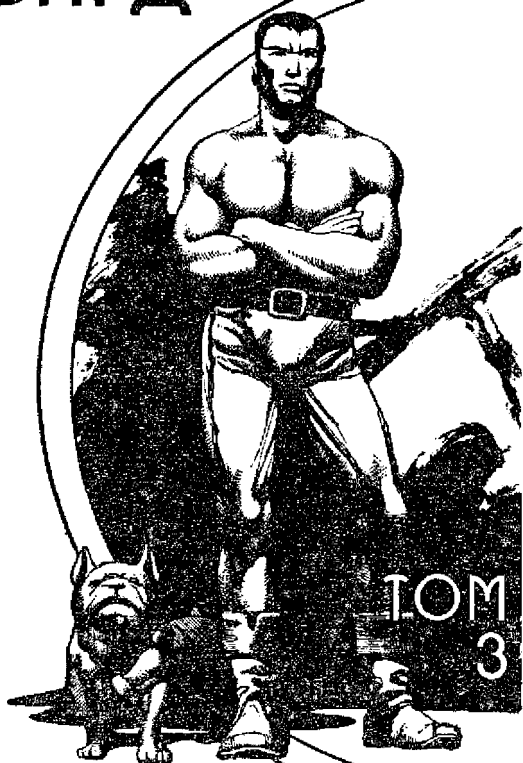

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2003

ROBERT
E. HOWARD

Роберт Говард

ЧЕсть КОРАБЛЯ

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель
А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Говард Р. И.

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3: Честь корабля: Рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2003. — 496 с.

ISBN 5-275-00862-7 (т. 3)

ISBN 5-275-00830-9

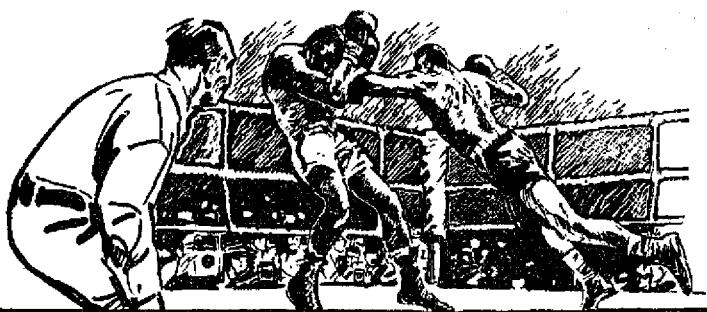
Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

Третий том включает в себя рассказы, герои которых — жители экзотического побережья Тихого океана. Они всегда с радостью приветствуют тех, кто на потеху публике готов выйти на ринг, чтобы отстоять честь своего корабля; спасти от жестоких негодяев туземную красотку или просто подзаработать денег, поставив на кон свое жалование за год вперед...

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-00862-7 (т. 3)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2003
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2003

ОТЛИТЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Какой каприз природы создает железных людей? Все знают, что человеческий череп отлично приспособлен для того, чтобы выдерживать внешние нагрузки.

Можно и мышцы натренировать до невероятной силы и выносливости. Но я не об этом, а о феномене, который хорошо известен в мире бокса. Я хочу поговорить о тех, кого называют железными людьми.

Все мы знаем, что обычного человека можно убить сравнительно легким ударом в голову. Даже опытный боксер, получив удар в определенное место, падает без сознания, причем такому удару вовсе не требуется особая мощь. А теперь сравните эти аксиомы с тем, что творят железные люди! Пятерых из них я назову вам прямо сейчас: Джо Грим, Баттлинг Нельсон, Том Шарки, Майк Боуден и Джо Годдард.

Отдельно позвольте мне сказать о Джиме Джеффрисе — одном из всего двоих железных людей, которым удавалось завоевать чемпионский титул. Несомненно, он был величайшим из себе подобных, но, в отличие от всех прочих, совмещал выносливость и способность держать удар с настоящей боксерской

техникой. А теперь я перейду к тем бойцам, чьим главным, а порой и единственным козырем являлась невероятная сопротивляемость.

Джо Грим, по национальности итальянец, родился в Филадельфии. Он не был боксером или бойцом в обычном смысле этих слов. Дрался он настолько «открытым», что и слепой смог бы увернуться от его ударов и ударить сам. Однако при этом ни Боб Фитцсиммонс, ни Джо Ганс, ни Сэм Маквей не сумели нокаутировать его. Весил Грим меньше 165 фунтов. Представьте, как он подставляет себя под удары двухсотфунтового детины! Стэнли Кетчен считался одним из самых «ударостойких» боксеров в свои годы, однако отправленный им в нокаун Джек Джонсон встал на ноги и нокаутировал его одним ударом в подбородок, выбив при этом все передние зубы, которые так и остались торчать из его перчатки. Так вот, этот самый Джонсон, весивший 210 фунтов, молотил Джо Грима, пока сам не выдохся и не был вынужден отказаться от идеи нокаутировать его. Сэм Маквей славился еще более сильным ударом, чем Джонсон, но и он не смог уложить Железного Джо Грима, хотя пытался это сделать в двух боях.

Боб Фитцсиммонс небезосновательно славился одним из самых результативных и эффективных ударов в современном боксе. Однако даже он ничего не смог сделать с Гримом в течение шести раундов. Чтобы вы получше представили Фитцсиммонса и поняли, против кого выходил Джо Грим, перечислю кое-какие заслуги Боба. Это он, Боб Фитцсиммонс, нокаутировал великого Корбетта, укладывал на ринг Тома Шарки и великана Рухлина. 320 фунтов плоти Эда Донкхорста он свалил с нескольких ударов. Доставалось от Фитцсиммонса и Джефффри-Котельщику, и многим другим. Один из боксеров умер от его молотоподобных ударов прямо на ринге.

А теперь — смотрите! В течение шести раундов этот убийца Фитцсиммонс молотит итальянца Грима

одиночными ударами и сериями — в общем, всеми приемами, какие известны в боксе. И на эти страшные удары, валившие с ног стальных противников, Джо практически никак не реагирует. Свингами в голову Фитцсиммонс отправлял его в нокаун раз шестьдесят, в среднем — по десять раз за раунд. И каждый раз Джо Грим поднимался. После того как прозвучал финальный гонг, он в очередной раз вскарабкался по канатам, выпалонул в перчатку горсть зубов и, расплывшись в довольной улыбке, произнес свою ритуальную речь-заклинание:

— Я — Джо Грим! Я никого не боюсь! Я остановлю любого, кто рвется в чемпионы!

Следует отметить, что, абсолютно не умея боксировать, Джо не выиграл ни одной официальной встречи. Его целью было устоять, противники же пытались доказать окружающим свое превосходство, рассчитывая когда-нибудь все же нокаутировать его.

Исследовавшие Грима ученые пришли к выводу, что череп его имеет необычно толстые стенки, а внутреннее пространство черепной коробки столь мало, что мозговые каналы и нервы оказались сжатыми до нечувствительности. Говоря, что не чувствует ударов, Джо не врал. Удар, способный свалить с ног, а то и убить среднего человека, вызывал у Грима лишь ощущение легкого неудобства.

Впрочем, крепость черепных костей не объясняет невероятной способности Грима держать удар по корпусу. Как-то раз на спор он разрешил одному бейсболисту из всех сил врезать ему битой по животу. Бита сломалась, Джо упал, но встал целым и невредимым.

Джо Ганс ближе других подобрался к тому, чтобы нокаутировать это чудо природы. Ганс, весивший даже меньше Грима, всего 138 фунтов, сумел найти к нему ключик. Он навязывал ему ближний бой, подходил вплотную и награждал несколькими короткими хуками слева или справа в челюсть. Челюсти Грима не выдержали и оглушительно хрустнули.

Шеф местной полиции, присутствовавший на матче в качестве зрителя, своей властью приказал остановить бой. Ганс, пожалуй, был даже рад такому повороту событий, поскольку ему самому стало не по себе от вида того, во что превратились челюсти Джо Грима. Сам же Железный Джо едва не забился в истерику, уверяя, что ему не больно и что он готов, а главное — жаждет и настаивает продолжать поединок.

В конце концов бесчисленные побои сделали свое дело, и неожиданно для всех Грим был нокаутирован Матросом Бьорком — парнем из второй лиги, отличавшимся весьма мощным ударом. Сердце Грима, не выдержав таких нагрузок, остановилось.

Можно предположить с большой долей вероятности, что для нормального человека падение с четырехфутовой ступени головой на бетонный пол приведет, как минимум, к потере сознания. В первом поединке с Джо Чоинским Том Шарки именно так и упал. Он не только ничего не повредил себе, но поднялся на ноги, вышел на ринг и продолжил поединок. Весивший всего 170 фунтов, Чоинский, по словам Корбетта, отличался неожиданно мощным проникающим ударом. Вторил Корбетту и Великан Джеффрис, утверждавший, что самые болезненные удары он получал от Чоинского. В бою на выживание где-то между двадцатым и двадцать третьим раундами Чоинский так врезал Джеффрису в подбородок, что губа Великана оказалась «вправленной» ему в рот и застряла между передними резцами — одному из секундантов пришлось ножом выковыривать ее.

Шарки был зеленым новичком. Чоинский — опытным ветераном с кучей заслуг. Ничего удивительного, что добротной серией ударов Чоинский перекинул Шарки через канаты, за пределы ринга, и тот рухнул головой на бетонный пол. Череп нормального человека раскололся бы от такого удара, как яичная скорлупа. Шарки же встал, поднялся на ринг, продолжил бой и вскоре нокаутировал противника.

Чоинскому, мастеру тяжелого удара, довелось в жизни встретиться с еще одним парнем из отряда железных — Майком Боуденом, в Чикаго. Этот боксер дрался так же открыто и неумело, как Грим, и отличался не меньшей, чем у итальянца, выносливостью. В течение шестираундового поединка Боудену не удалось ни разу по-настоящему врезать противнику. Чоинский же измолотил его по полной программе, желая нокаутировать, что так ему и не удалось.

А в Австралии Чоинский был дважды нокаутирован неким Джо Годдардом, который утверждал, что от удара, каким бы сильным он ни был, человек не может потерять сознание...

Вот лишь некоторые воспоминания кое о ком из тех, кого называют железными людьми.

1

Пушечный выстрел и удар грома! Гранитная челюсть и тело из закаленной стали! Ярость тигра и сердце великого воина, бьющееся меж стальных балок ребер, под стальными плитами грудных мышц! Все это — Майк Бреннон, боксер-тяжеловес.

Давным-давно, задолго до того, как спортивные журналисты впервые написали своими перьями имя Майка Бреннона, я заглянул на карнавал в одном небольшом городишке в Неваде. Разумеется, я подошел к цирковому шатру с громким названием «Зал боев до смерти». Около входа зазывала, он же хозяин, из всех сил кривлялся и плоско острил, заманивая публику. Главным его аргументом были пятьдесят долларов, которые он обещал любому, кто простоит четыре раунда против «Фирпо-младшего, Калифорнийского Убийцы, чемпиона Лос-Анджелеса и Ост-Индии».

Вышеупомянутый Фирпо, здоровенный лохматый детина с мускулами тяжелоатлета, находился тут же, с торжественно-тоскливым выражением на широ-

ком, не блещущем интеллектом лице. Весь этот балаган был для него привычным делом, каждодневной рутинной.

— Ну что же, друзья мои, — надрывался зазывала, — неужели среди вас не найдется храброго юноши, готового рискнуть жизнью вот на этом ринге? Кстати, прошу запомнить: администрация за увечья и смерть участников ответственности не несет! Но если кто-то все же решится ступить за канаты на свой страх и риск...

Сначала к рингу сунулся было деревенского вида бугай — явно подсадная утка, но в этот момент толпа зрителей заколыхалась, и вскоре нестройный гул голосов перерос в скандирование: «Бреннон! Бреннон! Давай, Майк!» Со своего места поднялся какой-то парень и, неуверенно улыбаясь, неловко пролез под канаты. Подсадной боец куда-то смылся, Фирпо-младший обнаружил некоторую заинтересованность, зазывала впился в парня оценивающим взглядом, — по всем этим признакам, а также по тому, как реагировали на происходящее зрители, я понял, что обмана нет и парень, вышедший на ринг, действительно из местных.

— Ты — профессиональный боксер, — не столько вопросительно, сколько утверждающе-обвинительно произнес хозяин.

— Ну, дрался, бывало, здесь да в соседних городишках, — отозвался Бреннон. — Но ты же не говорил, что ваша контора только с доходами связывается.

— Обижаешь, — буркнул, расплываясь в приторной улыбке, зазывала. — Нам бояться некого.

Пока шел этот привычный обмен любезностями, а Фирпо и хозяин присматривались к незнакомцу, я прикидывал, как балаганщики собираются обеспечить себе победу, если чужак вдруг окажется крепким орешком для их бойца. Ринг находился посередине арены, раздевалки были вынесены за кулисы, а значит, канаты не проходили в непосредственной близости от занавеса. В подобных заведениях частенько

практиковали одно «невинное» ухищрение. Цирковой боксер всеми силами заманивал или загонял противника к дальним от зрителей канатам, откуда тот получал сквозь занавес предательские удар-другой со спины. Однако, как я уже сказал, в этом цирке такой вариант предусмотрен не был.

Зайдя на минуту в раздевалку, Бреннон вновь поднялся на ринг, и его встретили бурные аплодисменты публики. Сложен он был великолепно: ростом шесть футов один дюйм, крепкие руки и ноги, тонкая талия и, по контрасту, впечатляюще широкие плечи и мощная грудная клетка. Загорелый, с чуть раскосыми серыми глазами, с черной челкой, падающей на низкий, но широкий лоб, скуластый, с крепкой челюстью и тонкими губами, он вполне соответствовал облику идеального бойца. Мощные канаты мышц играли под его кожей, когда он двигался — с несколько тяжелою грацией, присущей тиграм. Рядом с ним Фирпо выглядел неуклюжей обезьяной. Объявили результаты взвешивания: Бреннон — 189 фунтов, Фирпо-младший — 191. В толпе засвистели — любому было ясно, что цирковой боксер весил не меньше двухсот десяти фунтов.

Бой оказался коротким, яростным, непредсказуемым и с весьма сумбурным финалом. По сигналу гонга Бреннон вылетел из своего угла — открытый, даже не приняв защитную стойку, ни дать ни взять — завсегдатай кабацких драк. Фирпо-младший встретил его сильным ударом левой в подбородок, сбив темп наступления противника. Майк притормозил и, не успев подставить руки, схлопотал боковой правой в челюсть. Удар был чудовищный, но, против ожидания, он, как и предыдущий, не возымел ожидаемого эффекта. Бреннон тряхнул головой и снова бросился вперед — по-прежнему открытый — и тотчас вновь получил от отступившего на шаг Фирпо удар в ту же многострадальную челюсть. Вот тут Бреннон рухнул ничком, как бревно. Зрители замерли. Хозяин балагана, он же ре-

фери на ринге, принялся быстро отсчитывать секунды, не мешая Фирпо поудобнее встать над лежащим противником.

На счет «пять» Бреннон еще не подавал признаков жизни. На «семь» он начал бесцельно шевелить ногами и руками. На «восемь» он уже встал на одно колено, и взгляд его блуждающих, налитых кровью глаз сфокусировался на противнике. В тот же миг в этих глазах зажглась ярость убийцы. За долю секунды до того, как рефери произнес окончательное «десять», Бреннон вскочил на ноги, влекомый невероятной вспышкой ярости, поразившей даже зрителей.

Похоже, Фирпо-младшего такой поворот дела озадачил не меньше. Бледнея на глазах, он стал поспешно отступать. Но уйти далеко Бреннон ему не дал. Рывок, широкий замах — и вот правый боковой Майка с силой, заставившей ринг содрогнуться, вцепился в грудь противника. А затем прямой слева пришелся тому точно в подбородок.

Фирпо повалился на ринг, обалдевший судья стал не торопясь отсчитывать секунды, но Бреннон не пустил дело на самотек. Оттолкнув рефери, он нагнулся над поверженным противником и сорвал с его руки перчатку. Тряхнул ее, вытащил и показал, подняв над головой, чтобы было видно всем зрителям, массивный слиток свинца в форме сжатой в кулак руки. Я вздрогнул от ужаса, представив, как этот предательский снаряд летит в мою голову. Ничего удивительного, что Фирпо-младший запсиховал, когда его противник встал после нокаута. Свинчатка, дважды ударив в челюсть Бреннона, должна была бы переломать ему кости, а он после этого не только поднялся меньше чем за десять секунд, но и уложил противника с двух ударов.

Что тут началось! Хозяин балагана прыгал вокруг Бреннона, пытаясь отобрать у него свинчатку. Один из секундантов Фирпо зачем-то набросился на победителя с кулаками. Поняв, что с местным парнем обошлись несправедливо да еще и права качают, толпа

хлынула на ринг. Зрители явно вознамерились разделаться с заезжими циркачами и попутно разнести шатер, арену и трибуны. Пробираясь к ближайшему выходу, я успел заметить, как один из зрителей занес над головой табурет, собираясь обрушить его на голову все еще пребывавшего в прострации Фирпо. В тот же момент к цирковому бойцу наклонился и Бреннон, видимо, желая высказать тому свою точку зрения на применение в поединке недозволенных приемов. Траектории падения табурета и движения Бреннона совпали; раздался страшный треск — и, получив удар доской по плечу, Майк осел на пол. В общем, потеха удалась на славу, и до меня еще долго доносились беспорядочные крики, грохот и свистки полицейских.

Позднее я вновь увидел Бреннона на ринге в одном из клубов на Западном побережье. Его противником был боксер из второй лиги по имени Малкахай. Тогда-то Бреннон и заинтересовал меня по-настоящему. Невероятно выносливому, умеющему держать удар, обладающему невиданно сильным ударом, ему не хватало только одного: он абсолютно не умел боксировать. Малкахай, сильный и упорный, обладал весьма посредственной техникой, но и он на голову превосходил Бреннона. В течение двух раундов он измолотил Майка всеми возможными ударами. Впрочем, даже лучшие из них не произвели на чернобрового парня никакого эффекта. За полминуты до конца второго раунда один из размашистых свингов Бреннона достиг-таки цели... и бой был окончен.

Я тотчас прикинул: у этого парнишки есть все задатки чемпиона, вот только дерется он, как кабацкий дубошир. Впрочем, техника — дело наживное. Сколько талантливых ребят перебивается с хлеба на воду только потому, что у них нет хорошего тренера и менеджера.

Я прошел в раздевалку Бреннона и представился:

— Меня зовут Стив Амбер. Я видел тебя на ринге два раза два...

— Слышал про тебя, — ответил Бреннон. — Чего приперся?

Не обращая внимания на хамский тон, я поинтересовался:

— Кто твой менеджер?

— Никто.

— В смысле?

— Нет у меня менеджера.

— А что скажешь, если я предложу тебе тренироваться у меня?

— Ничего против тебя, как, впрочем, и любого другого, я не имею. Но — это был мой последний бой. Я завязываю. Надоело молотить сопляков в третьеразрядных заведениях.

— Положись на меня. Я смогу организовать тебе бои посерьезней и повыгодней.

— Не выйдет. Я уже дважды пробовал. Один раз — с Матросом Слэйдом, другой — с Джонни Вареллой. Оба боя я проиграл. Только не надо ничего говорить, утешать или проповедовать. Я все решил. Завязываю. А сейчас спать хочу.

— Что ж, прийти в себя после боя — дело святое, — понимающе кивнула я. — Вообще-то я никогда не приглашаю дважды, но... вот тебе моя визитка. Если передумаешь, дай знать.

2

Шли недели и месяцы, но Майк Бреннон оказался не тем парнем, которого легко забыть. Как все настоящие болельщики, а уж тем более менеджеры боксеров, я частенько предавался мечтам. Мечтам о воспитанном мной чемпионе, настоящем, непобедимом супербоксере. И всегда в этих грезах передо мной возникал образ Майка Бреннона — темная, мрачная фигура, пышущая некоей первобытной яростью. Однажды Бреннон все же явился ко мне — не во сне или мечтах, а наяву, жи-

вой-живехонький, из плоти и крови. Он остановился посреди моего кабинета, комкая в руках мятую шляпу. По его губам скользила виновато-беспокойная улыбка. В общем, это был далеко не тот хамоватый, уверенный в себе тип, с которым я встречался раньше.

— Мистер Амбер, — сразу взял он быка за рога, — если вы не передумали, то я хочу, чтоб вы стали моим менеджером.

— Ладно, — кивнул я.

— А не могли бы вы побыстрее устроить мне поединок? — нервно спросил он и пояснил: — Мне очень нужны деньги.

— Ты не торопись, всему свое время, — сказал я. — Могу выдать тебе аванс, если ты задолжал кому-то... — Бреннон махнул рукой:

— Нет, дело не в этом. Лучше будет, если вы организуете бой уже на этой неделе.

— А ты хоть в форме? Сколько времени на ринг не выходил?

— С тех пор, как мы с вами виделись, ни разу. Но я всегда в форме.

Я проводил Бреннона в раздевалку, а затем во двор, где на открытом ринге тренировался Спайк Гэнлон, весьма неглупый и очень техничный полутяжеловес и мой помощник. Я предложил им немного поработать — в легкой, но по возможности подвижной манере. Бреннон оказался весьма юрким, но более всего меня поразила его техника, его аккуратные, правильно поставленные удары, которые он противопоставлял высшему пилотажу Гэнлона. Разумеется, сравнивать их было нельзя: как-никак Гэнлон — заметная фигура в техничном боксе средних весовых категорий. Смущало меня только то, что Бреннон не применял своего молотоподобного удара. Но сомнения рассеялись, когда он, встав к большому мешку, чуть не разордал его и не сорвал с канатов. Я решил, что Майк старается придержать свои лихие удары, чтобы ненароком не травмировать спарринг-партнера.

Последующие дни мы посвятили тяжелым, изматывающим тренировкам. Бреннон внимательно слушал, что говорили ему мы с Гэнлоном, но результаты оказались, мягко говоря, неудовлетворительными. Бреннон вовсе не был дураком, но, как выяснилось, он абсолютно не способен был применить на практике то, что легко усваивал в теории.

Впрочем, на первых порах я от него многого не ждал. Пригласив из другого клуба достаточно техничного тяжеловеса, я заставлял Бреннона подолгу тренироваться и с ним, и с Гэнлоном. Однако первый же учебный бой разочаровал меня донельзя. Сначала Майк пытался боксировать по науке, неловко осыпая противника бесполезными из-за недостаточной силы ударами. Когда же резкий тычок в нос разозлил его, о боксе было забыто. Началась драка, в которой Бреннон мгновенно вернулся к своему стилю — размашистым кабацким оплеухам недюжинной силы. Мощь и беспорядочная, но высокая скорость возвратились к Бреннону. Я поспешил остановить схватку и признался:

— Похоже, я был не прав. Нечего пытаться сделать из тебя мудреца-теоретика бокса. Ты — боец от природы, и похоже, всему, что умеешь, учишься на практике. Видимо, мне следует лишь подкорректировать твои навыки и сделать из тебя бойца типа Демпси, Салливэна или Макговерна. Теперь понятно: ты можешь боксировать по всем правилам, тренируясь с приятелем, просто ради собственного удовольствия, но стоит дойти до дела, да еще вдруг зацепить, разозлить тебя, и ты забываешь все, кроме своего природного стиля. Это вовсе не значит, что ты скудоумен или неспособен учиться. Тот же Демпси неплохо боксировал в спарринге, но на ринге от нормального бокса не оставалось и следа. Он начинал молотить противника почти как ты. И все же, Майк, я не могу не признать, что, каким бы диким и необузданным ни был Демпси на ринге, он проявлял куда больше способности к обучению, чем ты. Пойми, я говорю это для твоего же блага.

Демпси, Кетчелл и Макговерн даже в начале карьеры инстинктивно умели работать ногами, кружить вокруг противника, уходить, подныривать под его удары и защищаться. Ты же идешь на соперника открытым, незащищенным, и блокировать твои оплеухи не смог бы разве что следой. У тебя есть скорость, но ты не умеешь использовать ее. В общем, теперь, поняв свои просчеты, я сменю методику тренировок.

Поначалу все шло хорошо, и я поверил в то, что сумею сделать из Бреннона второго Демпси. Как он ни просил меня, я не позволил ему выйти на ринг в течение трех месяцев. Все это время он по несколько часов ежедневно проводил у тяжелой груши, молотя ее прямыми короткими ударами. Так я хотел выбить из него это бесцельное, невероятно долгое замахивание. Лучше, чем прямые удары, у него получались хуки — как и у Демпси. Еще я пытался обучить его азам работы ногами, финтам и умению идти вперед, прикрываясь баррикадой из локтей и перчаток. Обучение нам обоим давалось нелегко.

Однажды Гэнлон сказал мне:

— Майк — странный тип, твердый орешек для тренера. У него тело и сердце бойца, но совершенно не бойцовские мозги. Он все понимает, усваивает, но на ринге применить свое знание не может. Над простейшим приемом он работает неделями — и все для того, чтобы благополучно забыть о нем, едва нырнув под канат. Будь он тупицей, я бы понял. Но ведь во всем остальном он соображает отлично.

— Может быть, сказываются долгие выступления в третьесортных клубах.

— Частично — да. Но собака не здесь зарыта. Просто в башке у парня не того...

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоился я.

— Да нет, я о другом... Согласись, у него там словно клапан какой-то, блокирующий все, что им усвоено. Стоит начать боксировать, как он останавливается и кумекает о чем-то. На ринге, сам понимаешь, вре-

мени нет. Видишь летящую в тебя перчатку, и в отпущенную тебе долю мгновения ты должен решить, как уйти от удара, куда шагнуть и что предпринять в качестве контратаки. Разумеется, ты не успеваешь обмозговать тактику, все происходит инстинктивно. Вот почему ты и я можем боксировать быстро, не задумываясь. А если ты — открытый нараспашку тормоз вроде Майка, то просто получаешь по морде, сплевываешь зубы и прешься дальше.

— Ну и что? — возразил я. — Есть такой тип бойцов. Мы же не пытаемся сделать из Майка образец техники бокса.

Гэнлон покачал головой:

— Я все понимаю, но речь сейчас не об этом. Майк — другой. Он не создан для этого спорта. Даже простейшие приемы и движения слишком сложны для него. В общем, или он научится хоть немного защищаться, или через пару лет из него мозги вышибут. Вспомни, чем кончали все великие бойцы — психушкой. Выходить на ринг открытым, получать чертову уйму ударов, да еще выступая в тяжелом весе, — ни один череп долго не выдержит. Всем таким ребятам светит смиренная рубашка или, в лучшем случае, халат для тихих психов.

— Да ну тебя! Накаркаешь. Майк — парень соображающий, хоть и не быстро. Вот ты и поучи его уму-разуму. Я уверен, что он, если захочет, всему научится.

— В любом другом деле — безусловно. А вот в боксе... теоретически возможно, но вряд ли.

Вскоре после разговора со Спайком Гэнлоном Бриннон пришел ко мне все с той же просьбой:

— Стив, мне нужен бой. С кем угодно. Деньги позарез нужны. Понятно?

— Майк, — ответил я, — это, конечно, не мое дело, но я не понимаю, почему ты настаиваешь. Здесь, в тренировочном лагере, на полном пансионе, ты не тратишь ни гроша. Долгов, говоришь, у тебя нет, от аванса отказываешься...

— Какое тебе дело?! — рявкнул он.

— Никакого, — поспешил я успокоить его. — Просто, как твой менеджер, я слишком близко к сердцу принимаю и твои финансовые интересы. Приношу свои извинения.

— Ты тоже меня извини, Стив, — буркнул он. — Я же знаю, что ты в мою частную жизнь никогда не лезешь, но, понимаешь, мне очень нужны деньги. Много. Сейчас, срочно... — И он назвал неслыханную для меня сумму. Подумав, я сказал:

— Есть единственная возможность получить такие деньги. Монк Барота отправился в турне по побережью. Слышал о Монке? То-то. Если честно, то я считаю, что ты не готов к бою с боксером из высшей лиги. Но раз уж приспичило... Менеджер Бароты — мой приятель, и, полагаю, нам удастся договориться с ним о примерно такой сумме. Но учти: поражение поломает тебе карьеру, к тому же Барота церемониться не станет, запросто может покалечить по полной программе. И не говори мне потом, что я тебя не предупредал. Впрочем, ты сейчас в неплохой форме и, если будешь действовать, как тебя учили, — вполне сумеешь переплюнуть Бароту и победить.

— Я его переплюну, — мрачно кивнул Майк.

Мне хотелось надеяться, что в своей уверенности он был более искренен, чем я. На самом деле я действительно считал, что он не готов к поединку с парнем из высшей лиги. Я собирался выводить Майка на ринг последовательно, начиная с малого. Но было в Бренноне нечто необычное: говоря о деньгах, он выглядел мрачно уверенным, что совершенно подавляло мою решительность. Бреннон вообще обладал неким магнетизмом. Как Салливэн, он подавлял всех вокруг — тренеров, секундантов, менеджеров, партнеров. А в вопросе денег его магнетизм приобретал особую, непонятную силу — казалось, деньги для Майка являются навязчивой идеей.

Благодаря немалым ухищрениям с моей стороны Бреннон — никому не известный в то время парень —

был заявлен на бой с весьма опытным и популярным боксером. Букмекеры принимали ставки пять к одному в пользу итальянца, и при этом никто из зрителей не хотел ставить на Бреннона, считая, что в этом поединке исход predetermined заранее. Напоследок я напутствовал Майка:

— Запомни! Используй все, чему тебя научил Гэнлон о защите и отходе. Если не будешь использовать, Барота изувечит тебя на веки вечные.

В зале погас свет, зажженными остались лишь мощные лампы над рингом. Толпа притихла. Это мгновение тишины всегда предшествует началу поединка. Соперники скользнули из своих углов к центру ринга.

— О Господи! — вырвалось у Гэнлона, стоящего рядом со мной. — Да он все забыл, начисто!

Майк действительно двигался по рингу в своей старой манере. Свет, рев толпы, огласивший ринг сразу после удара гонга, лицо противника перед собой — все это сделало Майка похожим на привезенного в центр города тигра. Обитатель джунглей был одновременно насторожен и растерян. Барота повел поединок в присущей ему манере. Майк поддался на обманное движение, и первый же удар соперника угодил ему в глаз. От этого тяжелого, но медленного удара увернулся бы любой человек, даже не боксер, — но не Майк. Гэнлон взвыл:

— И это после всего того, чему мы его учили! Он же ни черта не помнит! Лучше сразу выбрасывай полотенце и уводи его, пока не поздно. Ты только посмотри!

В этот момент Майк попытался достать противника своим видным за версту размашистым ударом.

— Даже ударить правильно не может, — стонал Гэнлон. — Ясно. Скоро все кончится, если только Барота не захочет потешить зрителей и помучить нашего Майка чуть дольше нужного.

Барота наверстывал упущенное время. Всякий нормальный человек замрет на месте, заглянув в мрач-

ные глаза Бреннона, замер и Монк. Но первая половина раунда развеяла его опасения. Теперь он легко и уверенно кружил вокруг этого неумелого детины, жала его короткими прямыми ударами по корпусу. Гэнлон чуть не плакал:

— Я же научил его всему, что знал сам! И что? Да из него же дух вышибут на потеху всем.

За полминуты до конца раунда Барота ринулся в стремительную, рискованную атаку, на которые он считался большим мастером. Майк, разумеется, встретил его, широко и бесполезно размахивая руками. Проскользнув между этими жерновами, Барота с близкого расстояния принялся форменным образом выбивать из Бреннона пыль, как из старого ковра. Избиение остановил гонг.

Разумеется, на лице Майка остались кое-какие отметины, но сам он выглядел свежим, словно не его только что основательно избивали. На жалостливые мольбы и рекомендации Спайка он ответил одной безразличной фразой:

— Этот парень совсем не умеет бить.

— Не умеет бить! — Гэнлон чуть не выронил губку, которой протирал лицо Майка. — Да он на первом месте по серии побед нокаутами за последние десять лет! И не он ли сейчас гонял тебя по всему рингу?

— Да не чувствую я этих шлепков, хоть ты тресни, — сообщил нам Майк, поднимаясь по сигналу гонга.

Барота явно решил побыстрее закончить сегодняшний поединок. С первой же секунды он бросился в атаку. Правой он расквасил Майку губы, а затем принялся молотить его по корпусу прямыми левыми, которые частенько выводили из боя противников. Удар за ударом — подоглушительные вопли зрителей Барота гонял Майка по рингу. Вдруг я почувствовал, как в мое плечо впились пальцы Гэнлона.

— Разрази меня гром! — взволнованно прохрипел он мне в ухо. — Вся толпа думает, да и сам Барота уверен, что эти левые в корпус вот-вот добьют Майка.

А он ведь даже не чувствует их. У него есть один-единственный шанс. Когда Барота выстреливает правой...

В этот момент Барота как раз сделал шаг назад, перенес центр тяжести и выстрелил правой. Нет, не зря он гордился своим коронным ударом. Майк стоял перед ним полностью открытый, и Барота вложил в удар весь свой вес до последней унции, всю свою скорость — и кулак в перчатке обрушился на челюсть Майка Бреннона со звуком, ясно слышимым во всех уголках большого зала. Зрители охнули, сжали кулаки, закусили губы... Майк пьяно покачнулся, но не упал.

На миг и Барота замер — не в силах поверить, что этот удар не отправил противника хотя бы в нокдаун. А в следующий миг, в первый раз с начала боя, удар Майка — размашистый свинг слева — попал в цель. Перчатка угодила в скулу Бароте... и Барота повалился на пол. Толпа взревела, зрители вскочили со своих мест. Пошатывающийся Барота встал, не дожидаясь начала отсчета, и тут Майк налетел на него, словно тигр, почувствовавший запах крови. Ослепленный, ничего не соображающий Барота был отличной мишенью, но Майк и здесь умудрился дважды промахнуться, прежде чем, широко загребая, словно минный трал, его правая рука не угодила сопернику в лоб. Барота не просто упал. Он потерял сознание.

Толпа ревела, и, перекрикивая ее, Гэнлон сообщил мне:

— Он — железный человек! Теперь я понял! Ошибка природы, урод, не чувствующий боли, и научиться он ничему не сможет, хоть сто лет тренируй. Железный человек, ничего не попишешь.

3

На следующее утро после того, как победа Бреннона потрясла спортивный мир, я, Гэнлон и Майк сидели за завтраком и менее всего напоминали отмеча-

ющую удачу компанию. Гэнлон просматривал утренние газеты и ругался.

— Весь штат взбеленился, — бурчал он. — Журналисты свежатинку почуяли и как с цепи сорвались. Пишут, что Барота, когда его привели в чувство, закатил истерику в раздевалке... А здесь утверждают, что Майк одурачил противника, прикинувшись полным болваном в первом раунде. Смотри-ка, Майк, тут тебя называют вторым Фитцсиммонсом! Чушь какая! А вот и кое-что толковое. Слушай: «Бреннон — тот самый парень, который всего лишь год назад проиграл бой с Матросом Слэйдом. Есть все основания полагать, что нокаут, которым он уложил Бароту, не что иное, как счастливое для него стечение обстоятельств, всего лишь чистая случайность. Но нельзя не отметить упорство и выносливость этого парня». — Гэнлон отложил газету и вздохнул: — Истинная правда, Майк. Мне неприятно говорить, но известие о том, что ты новая звезда бокса — это ложная тревога. И это не твоя вина. У тебя душа и тело бойца, но таланта не больше, чем у какого-нибудь задрипанного клерка. К тому же ты неспособен учиться. У тебя есть чутье боя, но нет чутья бойца, а ведь между ними большая разница. Ты всего-навсего Джо Грим в тяжелом весе. Железный человек. Кроме, пожалуй, Джеффри, я не знаю ни одного, кто сумел бы чему-нибудь научиться. И мой тебе совет: уходи с ринга. Прямо сейчас. Такие, как ты, плохо кончают. Слишком много ударов в голову. Возникает нечто вроде постоянного наркотического опьянения от этих оплеух. В конце концов, ты не безмозглый баран и вполне сможешь преуспеть в каком-либо другом деле. У тебя есть три варианта действий. Во-первых, крутиться в небольших клубах на договорных встречах с не слишком сильными противниками и продержаться достаточно долгое время. Во-вторых, подписать один из контрактов, что сейчас посыпятся на тебя. Вряд ли ты победишь многих техничных тяжеловесов, да и протянешь недолго. Ты не выдержишь града бес-

конечных ударов и либо рехнешься, либо станешь инвалидом. А в-третьих, что было бы для тебя наилучшим, ты можешь получить причитающиеся тебе деньги и уйти. С этой суммой плюс той, что мы со Стивом одолжим тебе, ты вполне сможешь открыть какое-нибудь небольшое дельце.

Я кивнул в знак согласия. Майк же покачал головой и уверенно положил на стол растопыренные ладони. Как обычно, он играл первую скрипку — внушительный мрачный образ еще неизвестных способностей и недюжинной силы.

— Во многом, Спайк, ты абсолютно прав. Я всегда знал, что человек, настолько нечувствительный к физической боли, не может иметь абсолютно нормальные мозги. Чудес не бывает. У меня дела не шли не только в боксе, но и во всем, за что я брался. А на ринге... Ну не могу я вспомнить, что и каким образом надо делать, и вынужден драться так, как умею, как получается. Но... я могу побеждать! Это моя единственная надежда. Вот почему я не оставляю бокс. Возможно, здоровьем буду расплачиваться — не только физическим, но и умственным. Будем надеяться, что природная выносливость и здесь сработает на меня. Ты прав, я оказался сейчас в роли неожиданной козырной карты. Что ж, воспользуемся этим; к тому же я перестаю быть человеком в поединке. Никто не причинит мне боль в этот момент. Никто не остановит меня. Конечно, когда-нибудь кто-нибудь отправит меня в нокаут. Но до того я рассчитываю немало поймать от моей выносливости и нечувствительности. И уверен, что смогу сколотить неплохое состояние, если у меня будет хороший менеджер.

— Господи! — воскликнул я. — Да ты ведь ничего не понял. Теперь ведь тебе придется постоянно драться с парнями из высшей лиги. А эти ребята владеют техникой, да и удар у них не хуже твоего. Ты же не умеешь защищаться. Пока ты спишь, они тебя крошат в мелкую капусту.

— Моя защита — гранитная челюсть и железные ребра, — ответил он. — Они всегда со мной и всегда наготове. Любой боец сдохнет от усталости, пока пробьет меня.

— Наверно, — кивнула. — Человек может выдохнуться, молотя изо всех сил по гранитному валуну. Я видел это на примере Тома Шарки и Джо Годдарда. Но что будет с валуном, не задумывался? С Баротой тебе повезло. Следующий противник будет знать о тебе все и поведет себя осторожнее.

— Ну и что? Мне все равно наплевать на их удары. А я свалю с ног любого, кого достану. Так что, побеждая или проигрывая, я буду привлекать публику, а значит — получать хорошие деньги. Это-то мне и нужно. Неужели вы думаете, что я сунулся бы в этот ад, если б не крайняя нужда?

— Раз все дело в бедности... — начал я.

— Да что ты знаешь о бедности?! — вдруг вспылал он. — Тебя что, оставили в корзине на ступеньках детского приюта, когда ты был младенцем? Ты, что ли, провел детство вместе с пятьюстами такими же, как ты, там, где каждому полагается лишь самое необходимое, и ничего сверх того? Это ты подростком вкалывал грузчиком и чернорабочим, получая за малейшую провинность розги, и ни разу не наедался досыта? Нет, тебе все это незнакомо, а я хлебнул такой жизни сполна! Но сейчас речь о другом. В конце концов, не бедность привела меня обратно на ринг. Вот что я тебе скажу: ты — мой менеджер и занимайся своим делом. Если я смогу победить еще раз, то стану собирать больше зрителей, больше заработаю, да и ты внакладе не останешься. Я не жду долгой карьеры. На меня будут ходить, как ходили на бои железного Джо Грима — просто чтобы посмотреть, можно меня нокаутировать или нет. И пока болельщики не почувствуют, что я сдаю позиции, мое железное тело будет приносить деньги. Барота настаивает на матче-реванше. Мне сейчас это не нужно; не нужен и бой с любым

другим техничным, соображающим боксером, который все пятнадцать раундов продержит меня на расстоянии, победит по очкам, да еще и разукрасит мою физиономию до безобразия. Я хочу, чтобы зрители видели меня окровавленным, истерзанным, но — выдерживающим все удары и продолжающим драться до победы. Вот что нужно толпе. Дайте мне боксера-убийцу, бойца, который захочет свалить меня, нокаутировать, вогнать в гроб прямо на ринге! Устройте мне бой с Джеком Мэлони.

— Это самоубийство! — воскликнул я. — Мэлони действительно убьет тебя. Нет, я в это дело ввязываться не буду.

— Да пошел ты!.. — заорал Бреннон, вскакивая со стула и с грохотом опуская кулак на жалобно скрипнувший стол. — Все, разошлись, как в море корабли. Ты сумел бы помочь мне, как никто другой, — мало кто знает спортивный мир так хорошо. Я б не остался в долгу, дал бы и тебе неплохо заработать. Но раз ты не хочешь...

Тут что-то щелкнуло у меня в мозгу, словно включилось реле подчинения железной воле Бреннона. Я неуверенно сказал:

— Ну, если ты так решительно настроен... Я сделаю все возможное, чтобы организовать для тебя этот бой. Но предупреждаю: тебя с ринга вынесут на носилках и отвезут, скорее всего, в дурдом.

Взволнованно пожимая мне руку, Майк чуть не сломал мои пальцы.

— Спасибо, Стив. Я знал, что ты рискованный парень. А за мою башню не беспокойся. Та штучка, которая в ней шевелит шариками да роликами, прикрыта отличной литой броней.

Когда он вышел, Гэнлон, опасливо оглянувшись, прошептал мне:

— Похоже, с этой самой башней у него уже что-то не в порядке. Деньги, деньги, только деньги. Больше он ни о чем говорить не хочет. При этом — ничего

не тратит и одевается, как нищий. Куда он их деваает? То, что престарелых родителей в деревне у него нет, — это мы с тобой знаем. Он сам рассказал, как его подкинули в детдом. Тогда на что он их тратит?

Я только покачал головой. Бреннон оставался для меня неразрешимой загадкой.

* * *

Сейчас восхождение звезды Железного Майка Бреннона стало частью истории бокса. И, пожалуй, в главе о железных людях эта страничка и по сей день остается самой яркой и впечатляющей.

Железный Майк! Взгляните на него в лучшие его годы. Шесть футов один дюйм от пяток до макушки. Сто девяносто фунтов железных пружин, броневых плит и китовой кости. Из-под густых черных бровей грозно сверкают глубоко посаженные темные глаза; тонкие, иссеченные в боях губы искривились в гримасе ярости — таким, только таким, в образе Бреннона, и по сей день мерещится мне гипотетический супербоец, суперчемпион, супербоксер. Представьте себе человека с невероятной жизнестойкостью, упорством и при этом с чудовищной силой удара. Теперь отнимите у него малейшую способность научиться хотя бы азам, хотя бы простейшим приемам настоящего бокса и замените ее двойным, тройным чутьем боя при отсутствии инстинкта бойца. Вот вам и Железный Майк Бреннон — человек, который был бы чемпионом всю свою жизнь, если б не упомянутая неспособность к обучению.

После того памятного завтрака он впервые вышел на ринг; ему противостоял Джек Мэлони — сто девяносто пять фунтов раскаленной докрасна ярости, с правой рукой страшнее кузнечного молота. Бой проходил в Сан-Франциско.

При помощи Гэллона и знакомых журналистов я раскрутил маховик рекламы. В газетах замелькало имя

Бреннона. Репортеры говорили о более чем двадцати его победах нокаутами и благополучно обходили стороной тот факт, что все его жертвы, за исключением одной, были никому не известными третьесортными бойцами. Аккуратно избегали газетчики и того, что по очкам Майка побеждали и ребята из второй лиги, а Матрос Слэйд и вовсе сделал из него отбивную. Гневно опровергали мои приятели и то, что победа Майка над Баротой есть всего лишь счастливая случайность — в спорте и не такое бывает. Без этого разогрева мне ни за что не удалось бы подбить менеджеров Мэлони на поединок с Бренноном.

И вот настал день встречи. Зал был переполнен. Зрители шумели. Заплатив деньги, они хотели увидеть полноценное зрелище. Я шептал Майку на ухо последние указания, от которых явно не было никакого толку. Он лишь повторял без устали:

— Ты посмотри, аншлаг! Гляди, сколько людей! Если я выиграю, будут и другие аншлаги, а значит — большие гонорары. Мне нужно, нужно победить!

Гонг. Два великана бросились из своих углов в центр ринга. Опытный боец, Мэлони шел вперед пригнувшись, прикрыв подбородок плечом, высоко подняв руки. Бреннон же, забыв все, чему его учили, рванулся навстречу высоко подняв голову, сжав кулаки где-то на уровне пояса — словом, абсолютно открытый любому удару, с единственной мыслью в голове: добраться до противника и сокрушить его. Так выходили на поединок все железные люди с незапамятных времен.

Разумеется, первым угодил в цель удар Мэлони. Его чудовищной силы левый хук вызвал бурю восторга у зрителей и вздох облегчения у его менеджера и секундантов. Победа казалась им такой близкой! Мэлони принадлежал к тому типу боксеров, которые, почувствовав, что противника можно «пробить», достать ударами в голову и корпус, приходят в состояние, близкое к опьянению. Он гонял Бреннона по рингу,

молотя его так сильно и так часто, что Майк не успевал собраться. Несколько его неприцельных свингов безрезультатно просвистели над вовремя пригнувшимся Мэлони.

Под конец первого раунда Гэнлон сказал мне:

— А Мэлони-то помедленнее стал двигаться. Старая тактика железных бойцов — дожидаться, пока соперник выдохнется.

И действительно, удары Джека не стали слабее, но сыпались уже реже. Ни один человек не смог бы долго выдержать темп, который он взял в начале боя. Бреннон же был свеж как огурчик, и за несколько секунд до гонга его первый удар пришелся Мэлони в корпус.

В перерыве, вытирая кровь с лица Майка, Гэнлон шептал ему с радостной улыбкой:

— Черт побери, Бреннон! Я начинаю верить, что ты выиграешь. Правда, вытерпеть тебе придется немало. Сейчас, отдохнув, он снова набросится на тебя, но с каждым раундом будет все больше слабеть. Держись, Майк. Он скоро выдохнется.

* * *

Болельщики встретили вышедшего на второй раунд Мэлони бурей аплодисментов. Но они не почувствовали того, что почувствовал он и во что не мог поверить: столько полновесных, отлично проведенных, попавших в цель ударов — а его противник ни разу не побывал в нокдауне. Вновь, с какой-то дикарской энергией, он погнался Бреннона по рингу, не давая тому опомниться, нанося ему удары то слева, то справа. Звук при этом был похож на удар копытом лягающегося мула. Бреннон же, с разбитыми губами, сломанным носом, заплаканными глазами, не подавал никаких признаков беспокойства до последних секунд раунда, когда Мэлони всадил ему подряд два сокрушительных удара правой в челюсть. На миг Майк дрогнул, чуть присел,

но тут же огрел Мэлони слева, разодрав тому щеку в кровь.

Во время второго перерыва публика начала осознавать, что происходит. На сотни голосов зал стал выяснять, не потерял ли Джек Мэлони свою знаменитую силу и не сделан ли Майк из чистого железа.

Гэнлон, промакивая губкой разбитое в кровь лицо Майка, шептал:

— У Мэлони уже ноги дрожат. Возвращаясь в свой угол, он обернулся к тебе, и его аж передернуло! Еще бы — ты-то шел спокойно, не шатаясь. Джек знает, что силы в его ударах не убавилось, и это-то его и пугает. Ты — первый человек, которого он избивал в течение двух раундов практически безнаказанно и который при этом остался в форме. Может быть, у него хватит сил еще на один взрыв, но морально он уже сломлен. Давай, Майк, теперь он твой.

Прозвенел гонг. С обреченностью в глазах Мэлони вышел отстаивать свою рушащуюся славу молотобойца.словно десяток кузнецов опустили свои молоты на Майка, и тот не устоял перед этим градом. Наклонившись над упавшим Бренноном, рефери начал отсчет. Мэлони же привалился спиной к канатам и жадно пил воздух измученными легкими. Он выдохся.

— Ничего, встанет, — совершенно спокойно сказал мне Гэнлон.

Бреннион, явно испытывающий не боль, а лишь головокружение, встал на одно колено, и его губы шевельнулись. Я сумел прочесть его беззвучную молитву:

— Больше боев — больше денег.

Резким движением он вскочил на ноги. Мэлони вздрогнул всем телом. Тот факт, что Бреннон очухался после нокаута, выбил его из колен быстрее самого сильного удара. Майк, инстинктивно ощущая смятение Мэлони, тигром бросился на него.левой, правой — мимо; одновременно он легко, словно девичьи пощечины, блокировал ослабевшие удары Джека. И вот наконец — попадание. Левый хук в голову. Мэло-

ни замер, а следующий удар снизу в челюсть заставил его согнуться в три погибели. Сделав шаг назад, он рухнул на колени. На счет «девять» встал, но очередной удар, от которого мог бы увернуться и слепой, вновь угодил ему в челюсть. Поколебавшись, рефери все же поднял руку Майка, а уже затем — для протокола — принялся отсчитывать секунды.

Пока Мэлони, опираясь на секундантов, полз в свой угол, я заметил, что по странной иронии судьбы внешне победитель выглядел сплошным кровавым месивом, побежденный же отделался одной-единственной раной на щеке. Я вспомнил бои других железных людей в былые годы. Джо Годдард, старина Бэрри-Чемпион, да и великий Чоинский — все они частенько выходили из боя измородованными до полусмерти, но — победителями. Вспомнил я и то, в каком виде был Шарки, когда свалил-таки Кида Маккоя, вспомнил и Нельсона, уложившего Ганса. И даже по сравнению с ними — людьми, полагавшимися в бою прежде всего на свою выносливость, Майк был самым «открытым», а его движения — самыми беспорядочными.

Вытирая кровь с его физиономии в раздевалке, я не удержался и напомнил Майку о нашем разговоре:

— Теперь ты понял, что такое бой с настоящим боксером? Теперь тебе несколько месяцев к рингу и близко подходить нельзя будет.

— Что?! Несколько месяцев? — пробубнил он распухшими губами. — Ерунда! На следующей же неделе ты мне устраиваешь бой с Джонни Вареллой!

4

После победы над Мэлони болельщики и журналисты осознали, что на большом ринге появился очередной железный человек — Майк Бреннон. Он стал, как и предсказывал, козырной картой устроителей матчей — народ валом валил на бои с его участием. На

переговорах Майк нещадно торговался, вцепляясь зубами в каждый цент гонорара, но из-за своей жадности скорее соглашался снизить ставки, чем упустить поединок. Первый и единственный раз в жизни я оказался лишь церемониальной фигурой и по совместительству — бухгалтером. Подлинной закулисной пружиной был Бреннон. По его настоянию я организовывал ему бои, как минимум, раз в месяц.

— Ты сломаешься в три раза быстрее, если будешь выступать так часто, — протестовал я. — Зачем укорачивать свою карьеру?

— А зачем удлинять ее, если я могу заработать за несколько месяцев те же деньги, что ты предлагаешь мне за несколько лет?

— Подумай, какое это напряжение.

— Это уже мое дело, — резко отвечал он. — А твое — организовать бой.

* * *

Бои шли один за другим. Зрители ломились на поединки с участием Майка. Он выступал против отчаянных молотобойцев, хитрых «танцоров», технических мастеров, сочетающих в себе качества бойца и боксера-спортсмена. Если под рукой не оказывалось первоклассного соперника, Майк снижал ставку и выходил против какого-нибудь лихого парня из второй лиги. Пока Майк зарабатывал деньги — много ли, мало ли, — он чувствовал, что живет не зря. Всегда предельно честный и немелочный в расчетах с секундантами, тренером и спарринг-партнерами, в остальном он был жутким скрягой и, несмотря на все мои протесты, продолжал жить в самых дешевых гостиницах (а если позволяла ситуация — то и в тренировочном лагере), одеваться во всякое рванье и не позволял себе ни малейших излишеств.

Сначала он выигрывал постоянно. Такой человек опасен для любого противника. Сочетание невероят-

ной выносливости, нечувствительности к боли и особого склада ума позволяло ему вновь и вновь подниматься после очередного нокаута. Подобное являлось уже чем-то запредельным; эту железную волю он приобрел уже после того, как мы впервые столкнулись с ним и он отказался тренироваться у меня.

В те годы среди тяжеловесов существовала негласная, но тем не менее очень жесткая табель о рангах. Одно то, что своим появлением Майк изменил ее, рассыпал всю стройную систему, равняло его с теми, кто медленно, упрямо занимал верхние этажи в этой иерархии.

Вслед за победой над Мэлони Майк вышел на ринг против Йона ван Хайрена по кличке Крепкий Голландец, которого тогда многие считали наиболее упорным и стойким боксером. По крайней мере, победить его нокаутом пока не удавалось никому. По манере ведения боя он походил на Бреннона, и один известный репортер окрестил этот поединок «дракой кабацких дебоширов». В одной из газет я прочел: «Этот бой отбросил наш бокс на четверть века назад. Ни один нормальный человек, придя впервые на матч и увидев эту мясорубку, никогда больше не захочет и одним глазом посмотреть на поединки боксеров. Незнакомый с настоящим спортом человек мог бы запросто назвать такой бокс схваткой двух горилл, напроць лишенных разума и даже инстинкта самосохранения, превративших ринг в скотобойню».

Перед тем как выйти на ринг, противники заставили судью пообещать не останавливать бой ни при каких обстоятельствах. Необычная, не входящая в протокол процедура — в той ситуации она была более чем уместна.

* * *

Тот бой научил Майка кое-чему новому: большую часть ударов получал не он, а противник. Ван Хай-

рен — шесть футов два дюйма, двести десять фунтов — обладал ужасающим ударом, но ему недоставало взрывной энергии и злости Майка. Характерные брэнноповские свинги, от которых легко уворачивались другие боксеры, слепо и мощно влетали в голову и корпус Голландца. К концу первого раунда лицо Хайрена было разбито в кровь. К концу четвертого — его черты потеряли всякое сходство с человеческими, да и тело превратилось в сплошной багровый синяк.

Так, нога к ноге, стояли они друг против друга раунд за раундом. Ни один из соперников не сделал ни шага назад. Пятый, шестой, седьмой раунды стали настоящим кошмаром. Майк трижды побывал в нокауне, в два раза чаще валился на ринг его противник. Тут и там с трибун под руки уводили женщин, которым становилось плохо. Многие болельщики кричали, требуя остановить бой.

В девятом раунде ван Хайрен рухнул в последний раз. С изуродованным навеки лицом, с четырьмя сломанными ребрами, он лежал на ринге, едва слыша отсчет секунд. Выкрикнутое судьей «десять!» поставило точку на боксерской карьере Крепкого Голландца.

Майк Бреннон с трудом пополз до раздевалки — впервые в жизни он по-настоящему выдохся в поединке. Но для него игра стоила свеч. Теперь он стал некоронованным королем железных людей, отобрав этот титул у поверженного голландца. Больше славы — больше зрителей, дороже билеты, выше ставки, а значит — больше денег! Величайший из железных людей своего времени, за три года, что Бреннон дрался под моим руководством, он встречался едва ли не со всеми известными тяжеловесами, выигрывал и проигрывал. Но все его поражения были проигрышами по очкам тем, кто ухитрился устоять против него, кто выдержал бешеный темп в течение всех пятнадцати раундов. А побеждал он всегда нокаутами. Немало из-

вестных боксеров, измолотив его до полусмерти, падали на ринг под его слепыми, беспорядочными, но безжалостными атаками. Об него ломали руки, сам он разбивал противникам боксерские судьбы, частенько ставил точку в их спортивной карьере.

Больше шансов против Бреннона было у полутяжеловесов, обладающих отличной техникой. Их удары Бреннону — как слону дробина, но им было легче уйти от его размашистых ударов. Так, по очкам его победили Финнеган, Фрэнки Гроган и Флэш Салливан — чемпион в полутяжелом весе.

Тяжеловесы же чаще ставили на мощь своих ударов — и ошибались. Например, Вояка Хэндлер в течение четырех раундов пять раз отправлял Майка в нокаун, а затем сам наткнулся на один-единственный боковой правой, пришедшийся ему в голову и отправивший его в нокаут едва ли не на полчаса, а заодно и поставивший крест на дальнейших выступлениях на ринге. Знаменитый латиноамериканец Хосе Гонсалес сломал обе руки о железную грудь Бреннона, выдохся и также пропустил единственный удар, сваливший его с ног. Броненосец Слоун рискнул на ближний бой с Майком и, не защищаясь, обменивался с ним ударом на удар. Егохватило от силы на полраунда. Нокаутом победил Майк и Рикардо Диаса — Испанского Великана, свалил Удава Кальберино, довел до инфаркта Черного Призрака. Джонни Варелла и несколько полутяжеловесов в буквальном смысле сломали об него руки и были вынуждены покинуть ринг навсегда. Вне схемы поединков, в частных клубках, он встречался с Белоснежкой Бродом и Кидом Алисоном; проиграл ему и Хансен-младший. Тяжело дался Майку пятнадцатираундовый бой с Матросом Стивом Костиганом. Этот малый, никогда не поднимаясь выше второй лиги, славился тем, что мог время от времени задать хорошую трепку кое-кому из тех, кто вовсе не плелся в арьергарде даже первого дивизиона.

А тем, кто не верит, что человеческая плоть способна выдержать такое количество ударов, я предлагаю заглянуть в архивы бокса, где хранятся отчеты о выступлениях железных людей. Вспомним Тома Шарки, в открытую вышедшего против смертоносных ударов Джеффри. Вспомним его же, перелетевшего под хуками Чоинского через канаты, головой на бетонный пол, — и вышедшего из той схватки победителем.

Я обратил бы ваше внимание и на Майка Боудена, который, умея защищаться не лучше Бреннона, запросто противостоял Чоинскому. А Джо Грим, которого отметелил Фитцсиммонс, который по пятнадцать раз за поединок оказывался на полу, но тем не менее заканчивал бой стоя? Нормальному человеку железные люди ринга непонятны, как непонятны они и нормальным боксерам. Но никто никогда не сможет вырвать алую, кровавую страницу, которую они вписали в историю бокса.

Шло время. Огромной ценой Бреннон одерживал победу за победой, зарабатывал деньги, говорил мало — и по-прежнему оставался для меня загадкой. Журналисты пронюхали о его страсти к деньгам и, разумеется, прицепились к ней. Майка обвиняли в мелочности и жадности, в черствости по отношению к менее удачливым коллегам — в общем, пользовались всеми избитыми приемами, чтобы сделать себе имя, опорочив знаменитость. Эти измышления были верны лишь отчасти. На самом деле Бреннон время от времени давал деньги — причем не в долг, а безвозвратно — тем, кто отчаянно в них нуждался. Но, признаю, подобные вспышки щедрости были весьма нерегулярны и редки.

Затем он начал сдавать. Первым это почувствовал Гэнлон. В тот вечер, когда Майк вышел на ринг против Кида Аалисона, Спайк Гэнлон наклонился ко мне и тихо-тихо прошептал:

— Он стал двигаться медленнее, Стив. Понимаешь? Это начало конца.

В ту ночь Гэнлон завел с Бренноном откровенный разговор:

— Майк, ты уже на пределе. Твой запас почти исчерпан. Удары действуют на тебя сильнее, чем раньше, устаешь ты больше. Чего ты хочешь — три года в таком аду. Пойми меня правильно: тебе пора завязывать с боксом.

— Только после нокаута, — ответил Майк упрямо. — Надо мной до десяти еще никто не считал.

— Когда у такого парня, как ты, дело дойдет до нокаута, это будет означать, что он — окончательно «пробитый», отмороженный псих, — заверил его Спайк. — Если удары стали причинять тебе боль, значит, они достигают мозга. Помнишь ван Хайрена, которого ты одолел? Знаешь, что с ним сейчас? Живет в интернате, где целыми днями машет руками, утверждая, что готовится к встрече с Фитцсиммонсом, который уже пять лет как помер.

При упоминании Голландца по лицу Майка пробежала мрачная тень. Странное дело: даже обезображенное сотнями страшных ударов, это лицо, приобретя зловещее выражение, не утратило выразительности и неясной, скрытой значительности.

Подумав, Майк произнес:

— Я сгложусь еще на несколько боев. Мне нужны деньги...

— Опять деньги! — не выдержав, заорал я. — Да у тебя уже по меньшей мере полмиллиона! Ты, похоже, действительно психопат, патологический скряга, который...

— Стив, — вдруг перебил меня Гэнлон. — Тут вчера к нам заходил ван Хайрен — его на время выпустили из психушки...

— Ну и что с того?

— Майк дал ему тысячу долларов, — пожал плечами Гэнлон.

— А вам-то что?! — вдруг вспыхнул Бреннон. — Какое вам дело?! Я когда-то добил этого парня. Наверное, именно из-за меня он теперь не может заработать себе на кусок хлеба. Что с того, если я и помогу ему немного? Какое кому дело?!

— Никакого и никому, — заверил его я. — Просто это доказывает, что ты — не жадный человек, вот и все. Но, с другой стороны, от этого ты не становишься менее загадочной личностью. Не хочешь ли поведать нам, на что ты тратишь столько денег?

Майк поспешно отмахнулся:

— Не вижу в этом смысла. Зачем? Ты организовываешь мне бои, я дерусь. Мы зарабатываем и делим деньги, а все остальное — это уже дело каждого из нас.

— Извини, Майк, — как мог вежливо сказал я. — Но это не только дело каждого по отдельности. Пойми, я на тебе заработал больше, чем на любом из прошлых своих чемпионов. И если б речь шла только о деньгах, я бы ни за что не стал гнать тебя с ринга. Но пойми: ты мне не чужой, а я — не только бизнесмен. Поверь мне, моему опыту — тебе нужно завязывать, уходить с ринга. И прямо сейчас. Еще не поздно даже попытаться и восстановить твоё лицо. Пластические операции — потрясающая штука. Красавчиком, конечно, тебе уже не быть, но вполне сносную рожу сделать можно. И поверь: ещё один бой — и, вполне возможно, мне придется брать над тобой опеку и устраивать в богадельню.

— Я крепче, чем ты думаешь, Стив, — мрачно сказал Бреннон. — Я сейчас в лучшей, чем когда-либо, форме. Организуй-ка ты мне Матроса Слэйда.

— Однажды он уже отделал тебя, а тогда за тобой не было трех лет постоянного мордобоя. С чего ты взял, что на этот раз...

— Тогда у меня не было воли к победе.

С таким доводом я не мог не согласиться. Откуда возникла эта воля, я не знал, но, повинуясь таинственному внутреннему приказу, Майк умудрялся вставать

и побеждать даже тогда, когда проигрыш казался неминуемым. Сколько раз я видел, как он падает, бьется головой о холщовое покрытие ринга, как закатываются его глаза, бледнеет лицо... но затем он вновь вставал и шел в бой. Что же заставляло его совершать невозможное? Не страх ли? Да, страх проиграть! Этот страх двигал им, когда даже его железное тело содрогалось и сгибалась под могучими ударами противника, когда даже его первобытные злость и ярость, приглуляемые усталостью, начинали утасать. Что заставляло Бреннона столь странно воспринимать возможный исход боя, я не знал, но чувствовал, что каким-то образом это связано с его необъяснимой страстью к деньгам.

— Запишешь меня на четыре боя, — приказным тоном сказал Майк. — С Матросом Слэйдом, Хансеном-младшим, Джеком Слэттери и Майком Костиганом.

— Да ты, видать, уже рехнулся! — не сдержался я. — Наметил четырех самых опасных для тебя в мире бойцов. Это тебе не пронырливые полутяжеловесы. У этих ребят удар так поставлен, что держись.

— Ерунда. С Хансеном вообще проблем не будет. Один раз я его уже уложил, уложу и сейчас. Вот со Слэттери сложнее, оставим его напоследок. А для начала я разберусь со Слэйдом. Потом — очередь Костигана. Он наименее техничен из всех них, зато лупит от души. Если я действительно сдаю, то не хотелось бы откладывать встречу с ним надолго.

— Но это же самоубийство! Если тебе приспичило драться, пошли ты этих мордоворотов к чертовой матери и выходи на клубные, договорные бои на потеху публике. Ребята там попроще, да и всегда можно договориться, чтобы били не в полную силу. А эти четверо... Если Слэйд не раскатает тебя в лепешку, то, по крайней мере, измотает так, что Костиган прямо на ринге вгонит тебя в гроб, да еще и крышку заколотит. Он же убийца! Не забывай, что и его частенько называют Железным Майком.

— Великолепная компания. Весьма выгодная, — совершенно серьезно заметил Майк. — Смотри не продешеви. Матрос Слэйд — тоже козырной туз, как и я. А Костиган... что ж, публика валом повалит на бой двух железных парней.

Что касается рассуждений Майка на темы коммерческой конъюнктуры, то с ними я спорить не мог. Бреннон был, как всегда, убийственно прав.

5

Это случилось за несколько дней до поединка с Матросом Слэйдом. Я заглянул в комнату к Майку, и мой взор случайно упал на недописанное письмо у него на столе. Я не собирался читать его, лишь скользнул взглядом по конверту... и оторопел, увидев, что адресовано оно какой-то Маргарет Вэлшир, в одну из самых престижных и дорогих частных женских школ Нью-Йорка.

Рядом лежало письмо от этой Маргарет. Тут любопытство во мне взяло верх над воспитанием. Я никак не мог уразуметь, какого черта девушка, uczающаяся в дорогой светской школе, переписывается с простым боксером. Пробежав глазами две строчки, я обалдел и уже не смог оторваться от письма; я жадно прочитал его от первой до последней буквы. Отложил и тотчас схватил лежавшее рядом письмо, адресованное Майку.

Не успел я дочитать его до конца, как в комнату вошли Майк и Гэнлон. Глаза Бреннона вспыхнули, но прежде, чем он успел что-либо сказать, я сам набросился на него с оскорблениями, которые, в общем-то, мне не свойственны.

— Идиот! — заорал я. — Болван! Вот, значит, из-за чего ты уродуешь себя!

— Какого черта ты копаешься в моих личных письмах? — задыхаясь от гнева, прохрипел Майк.

— Я не собираюсь вести с тобой дискуссии по этикету, — не унимался я. — Можешь потом дух из меня вышибить, но сначала я скажу все, что думаю! Ты, значит, содержишь какую-то девчонку в одной из самых дорогих школ страны? Это частный университет! Что же это за женщина, которая позволяет тебе проходить через мясорубку? Хотел бы я, чтоб она посмотрела на твою изуродованную рожу. Пока она там прохлаждается в самой дорогой из всех известных школ, ты подставляешь башку и тело под камнедробильные молоты, харкаешь кровью!.. И все из-за какой-то...

— Заткнись! — проревел Бреннон, бледный, трясущийся от ярости.

Он наклонился над столом, оперся о него кулаками. Костяшки пальцев побелели, а ножки стола, казалось, вот-вот не выдержат напряжения и сломаются одна за другой.

Теперь Бреннон заговорил более спокойно:

— Знай же, Стив: да, это она. Она, та, что заставляет меня вновь и вновь выходить на ринг, вставать после ударов и снова бросаться в бой. Она — единственная девушка, которую я любил в своей жизни, которую люблю и буду любить всегда. Выслушай меня. Знаешь ли ты, как одинок ребенок, у которого в целом мире нет ни одного человека, кого он бы полюбил? В приюте, где я жил, работали добрые, сердечные люди, но нас было слишком много. Основы начального образования они мне дали, и это все. Выйдя из приюта, я оказался в еще худшем мире. Мне пришлось вкалывать до седьмого пота, голодать, драться, учиться обманывать. Все, что у меня есть, я отвоевал у жизни, зубами вырвал. Ты говоришь, что я лучше образован, чем большинство боксеров. Возможно. Но и это мне пришлось выбивать из жизни. Несмотря на все сложности, я одолел среднюю школу, плюс к этому я прочел все книги, которые мне удалось выпросить, украсть или взять в библиотеке. Не раз я отказывал себе в куске хлеба, чтобы купить книгу. На ринг меня вы-

бросило после того, как я потерпел поражение во всех других начинаниях. Зато в пьяных драках равных мне не было. В тот вечер, когда ты пришел ко мне с предложением, я твердо решил уйти из бокса. С тех пор меня несло по течению жизни. И вот в одном из небольших городков в Аризоне я встретил ее — Маргарет Вэлшир.

Ты говоришь — бедность. Кто-кто, а она тоже знала о нищете не понаслышке, работала до потери сознания, до кровавых мозолей на руках — она была посудомойкой в придорожном кафе. Но что-то отличало ее от большинства людей, влачащих такое существование, как, наверно, и меня. Может быть, что-то было вложено в нас от рождения, вот только судьба распорядилась иначе. А Маргарет — она уж точно была рождена для шелков и бархата, а не для жирной посуды, едкого порошка и грязных столов. Я полюбил ее, она — меня. Как-то она поведала мне свои сокровенные, несбыточные — как она считала — мечты. Впрочем, какая девушка не мечтает о хорошем гардеробе, приятном обществе? У Маргарет к этому набору добавлялась мечта получить хорошее образование.

Что я, по-вашему, должен был делать? Забрать ее из кафе, чтобы обречь на никчемную жизнь жены работника-неудачника, у которого нет ни профессии, ни связей? Вот я и решил вернуться в бокс. Как только это стало возможно, я отдал ее в хорошую школу. Посылал ей достаточно денег, чтобы она жила не хуже других девушек в том обществе. Помимо этого, я скопил кое-что на тот день, когда она закончит учебу, я уйду с ринга, мы поженимся, начнем свое дело — проживем жизнью, в которой не будет грязной работы и нищеты. Бедность — вот причина большинства преступлений, жестокости и страданий. Из-за бедности у меня не было своего дома, семьи, братьев и сестер, как у нормальных людей. Сам знаешь, как бывает в трущобных кварталах: люди рожают больше детей, чем могут прокормить и воспитать. Мои родители остави-

ли меня на ступеньках приюта с запиской: «Мальчик рожден в законном браке. Мы любим его, но не сможем прокормить. Назовите его Майклом Бренноном».

В маленьком городке бедность ничуть не менее жестока, чем в большом городе. В той дыре, где жила Маргарет, не было даже приюта. И что? Она выросла, но все, что ей светило в жизни, — это грязная посуда да похабные шутки проезжих клиентов. Именно воспоминания о ней, о моей Маргарет, о ее тонких, изящных, но покрытых мозолями руках помогали мне выстоять, когда мир превращался в кровавую пелену, рассекаемую лишь белыми вспышками чудовищных ударов, крушащих мое тело и сотрясающих мозг. Только мысль о ней заставляла меня подниматься с пола, чтобы вновь и вновь идти в атаку, к победе, бить и бить человека, которого я подчас уже даже не видел. И пока она ждет меня, мой свет в конце туннеля, моя Маргарет, — до тех пор нет на земле человека, способного покаутировать меня!

Последняя фраза Майка прозвучала как победный клич, но ничуть не развеяла мои сомнения.

— А как получается, — спросил я его, — что та, которая любит тебя, позволяет тебе жертвовать собой ради нее?

— Так она же ничего не знает о боксе, — просто-душно, радостно подмигнул мне Бреннон. — Я убедил ее, что люди на ринге не столько дерутся, сколько танцуют и изображают удары. Я рассказывал ей о Корбете и Тинни, умных техничных ребятах, которые могли простоять и двадцать раундов без единого синяка, без единой ссадины или царапины, и она думала, что я — один из таких. Почти четыре года она не видела меня, с тех пор, как я увез ее из родного городка и отправил в Нью-Йорк. Я всегда отказывал, когда она просила разрешения приехать ко мне или звала меня к себе. Если она увидит мое изувеченное лицо... конечно, это потрясет ее. Но, в конце концов, я ведь никогда красотой не отличался.

— Неужели ты хочешь, чтобы я поверил, будто она ни разу за все эти годы не появилась ни на одном из твоих поединков, не читала ни одной спортивной газеты, в которых полным-полно репортажей о твоих боях?

— Она даже не знает моего настоящего имени, — спокойно ответил Майк. — Бросив бокс в первый раз, я везде записывался под именем Майка Флинна — хотел, чтобы меня перестала доставать парочка прилипчивых менеджеров, они дожимали предложениями побоксировать в их клубах, порой — в боях без правил. Познакомившись с Маргарет, я стал подумывать о возвращении на ринг и решил не посвящать ее. Деньги ей я переводил чеками на предъявителя. В общем, для нее я — Майк Флинн, а о таком боксере ни в одной газете ничего нет. Что же до фотографий, то на них она меня ни в жисть не узнает.

— А письма? Они ведь адресованы Майку Бреннону.

— Да ты даже прочесть внимательно не удосужился. Письма адресованы Майку Флинну, а проживающий в этом тренировочном лагере М. Бреннон должен только передавать их ему. Она полагает, что Майк все время в разъездах, и его приятель Бреннон быстрее разыщет его и отдаст письма. Теперь, по-моему, вам ясно, на что я трачу деньги и почему я такой жадный. Что касается Голландца — тут другое дело. Я виноват в том, что он умом тронулся, и должен помочь ему. Сейчас мне предстоят четыре поединка, и любой из них может стать для меня последним. Деньги есть, но мне нужно больше. Я хочу, чтобы Маргарет никогда ни в чем не нуждалась. Сейчас мне светит получить за первый поединок около ста тысяч долларов. Всего третий раз такая сумма на кону. Спасибо тебе, Стив. С тобой я заработал куда больше, чем многие другие боксеры. Если я одолею этих четверых — значит, буду драться и дальше. Если один из них нокаутирует меня — что ж, придется уходить. Будь что будет.

Описывать в деталях поединок Майка с Матросом Слэйдом у меня не хватает духу даже сейчас. Давно Бреннона так не избивали. Видимо, он начал сдавать раньше, чем мы это заметили, и процесс стал необратимым. Ноги, некогда без усталости носившие Бреннона по рингу, дрожали, и движения его замедлились. Дикие удары не ослабели, но стали вялыми, и наносил их Майк куда реже. Удары же соперника заставляли его вздрагивать и морщиться от боли. Слэйд хорошо подготовился к схватке: продумав защиту от размашистых ударов Майка, он действовал мощно и наверняка. Сколько раз он укладывал Бреннона на пол, я не упомню. Несколько раз Майка спасал удар гонга. Но все же «железный тигр» остался верен себе: в четырнадцатом раунде он сумел отчаянным штурмом сломить Слэйда и отправить его в нокаут. Матрос не просто упал — он надолго потерял сознание.

Дождавшись, пока судья досчитает до десяти и поднимет руку победителя, Бреннон сделал шаг к своему углу — и рухнул рядом с побежденным. Обоих унесли с ринга без чувств. Ту ночь я просидел рядом с Майком, который в полубреду все время что-то бормотал и время от времени вздрагивал, словно мысленно принимал телом очередной сокрушительный удар. Лицо его, и до того основательно покалеченное, представляло собой сплошную багровую маску из синяков и запекшейся крови. Немалую боль причиняли ему и три сломанных ребра.

Иногда он шептал имя любимой девушки, на миг замирал и снова бросался в воображаемый бой, сжимая кулаки так, что белели костяшки пальцев, а сквозь разбитые губы вырывались почти звериные то ли крики, то ли стоны.

В какой-то момент он затих, затем, постанывая от боли, приподнялся над постелью, оперся на локоть; глядя невидящими глазами куда-то в пустоту, он не-

громко, но четко заговорил, словно отвечая далеким голосам богов: «Джо Грим! Баттаинт Нельсон! Майк Боуден! Джо Годдара! Железный Майк Бреннон!»

Я не мог сдержать слез.

Наконец Майк погрузился в нормальный, без бреда, сон. Выходя из комнаты, я столкнулся с Генлоном, следом за которым шла какая-то девушка. Дорого и со вкусом одетая, с модной притеской, явно принадлежащая к светскому обществу, она вела себя абсолютно не так, как пристало даме ее круга.

— Где он? — в отчаянии крикнула она, увидев меня. — Где Майк?! Я должна его увидеть! Мне нужно, очень нужно!..

— Он спит, — коротко ответил я, а затем жестко, быть может, даже жестоко добавил: — Вы и так уже достаточно для него сделали. А кроме того, он не хотел бы, чтоб вы его видели в таком виде.

Она вздрогнула, словно от пощечины.

— Умоляю вас, позвольте мне хотя бы взглянуть на него с порога, — простионала она, заламывая руки. — Я не стану будить его. Ну пожалуйста, прошу вас.

Я сомневался, но вдруг ее глаза вспыхнули, и нередко мной оказалась не девушка из высшего света, а просто разъяренная любящая женщина.

— Только попытайтесь меня остановить, я убью вас! — крикнула она и ринулась в комнату Майка.

6

Девушка остановилась в изножье кровати. Майк что-то промычал, невидяще посмотрел в ее сторону, но не проснулся. При виде его изуродованного лица девушка не смогла сдержать короткого вскрика, похожего на визг попавшего в капкан животного. Затем, бледная как смерть, она подошла к изголовью, села на край кровати и аккуратно приподняла голову Майка на своих изящных ладонях.

Майк снова забормотал что-то, но по-прежнему не просыпался. В конце концов я заставил девушку встать и вывел ее в соседнюю комнату, закрыв за собой дверь. Там она разрыдалась.

— Я же не знала! Ничего не знала! — сквозь слезы повторяла она. — Я и понятия не имела, что бокс — это вот так, как он... Он говорил, чтобы я никогда не ходила на бои, никогда не ловила прямые трансляции по радио. И я всегда слушалась его, тем более что особого интереса к спорту у меня не было. Да откуда, что я могла знать из тех редких писем, в которых он едва упоминал бокс. Я же их наизусть помню! Они всегда у меня с собой.

Я взял один из протянутой ею пачки конвертов и взглянул на штемпель. Почти три года назад Майк написал своей возлюбленной:

«Вчера я одолел еще одного соперника, Джека Мэлони. Все было красиво, как на рыцарском турнире. Мы едва касались друг друга перчатками, но судья все же отдал предпочтение мне. Не волнуйся за меня, дорогая. Ведь в конце концов, все это — не более чем игра».

Я горько усмехнулся, вспомнив, в какое кровавое месиво Мэлони превратил Майка, прежде чем тому удалось нокаутировать его.

— Видимо, я был несправедлив к вам, — признался я. — Честно говоря, мне не верилось, что человек может годами держать любимую женщину в неведении относительно истинного положения вещей. Однако Майку это удалось. Что ж, теперь дело за вами. Быть может, вам удастся уговорить его бросить бокс, уйти с ринга. Мы с Гэнлоном оказались бессильны.

— Да разве он сможет хотя бы думать о боксе, если... если выживет? — поразила ее.

— Ну, то, что он не умрет, я вам гарантирую, — усмехнулся я. — Отлежится немного, придет в себя. А пока отвезу-ка я вас в гостиницу.

— Нет, я останусь здесь, с Майком, — торопливо возразила она. — Я не выдержу одна, вспоминая о том,

как ему плохо. Нет, я с ума сойду, думая о том, что он перенес ради меня. Завтра мы поженимся, и я увезу его отсюда.

Устроив Маргарет в свободной комнате, я набросился на Спайка:

— Ты что, сдурел? Не мог подождать, пока Майк не встанет на ноги и не приведет хоть чуть-чуть в порядок свою рожу? Неужели ты не понимаешь, какое потрясение испытала девчонка, когда увидела своего возлюбленного?

— Я надеялся, что так оно и будет, — резко ответил Гэнлон. — Я написал ей письмо и спросил, знает ли она, что ее друг Майк Флинн — не кто иной, как знаменитый Майк Бреннон, которого бокс все быстрее и быстрее загоняет в гроб или в психушку? В нескольких штрихах я описал, что из себя представляет боксерский матч и каким из него выходит ее возлюбленный. Если бы она не упала в обморок и не опоздала на ближайший поезд, — что ж, у нее была бы прекрасная возможность лично присутствовать на поединке... Так вот, теперь меня заботит другое, — добавил Спайк. — Если не отговорить Майка сейчас, то Костиган убьет его. Я уже видел, как в одно мгновение ломаются железные люди. Помнишь Тома Берга и как его нокаутировал Хосе Гонсалес? Берг умер, пока судья считал над ним секунды. Да, есть такие люди, которых нужно убить, чтобы они остановились. Майк Бреннон — один из них. И если в его девчонке есть хоть искра женского чутья, интуиции и обаяния — она сделает все возможное, чтобы отговорить его.

* * *

К утру железный человек пришел в сознание: недюжинные жизненные силы сделали свое дело. Приведя к нему в комнату Маргарет, я вышел раньше, чем он успел сказать хоть слово. Когда она вновь присоединилась к нам с Гэнлоном, ее глаза были красны от слез.

— Я спорила, доказывала, умоляла! — в отчаянии редела она. — Но он стоит на своем!

Тогда мы втроем зашли к Бреннону и сели рядом с ним.

— Майк, — начал я, — ты просто болван. Видимо, вчерашние оплеухи добрались-таки до твоих куриных мозгов. Даже не думай о том, чтобы выйти на ринг.

— Я еще вполне сгожусь на пару-тройку хороших гонораров, — с ухмылкой ответил он мне.

Маргарет вскрикнула, словно он ненароком толкнул ее:

— Майк, Майк! У нас уже столько денег, сколько нам в жизни не потратить! Ты поступил со мной нечестно. Я согласна ходить в лохмотьях и работать посудомойкой, я... я так и сделала бы, если б только знала, какой ценой тебе даются эти деньги.

Редкая для Майка улыбка осветила его лицо. Дотянувшись своей ладонью до рук Маргарет, он осторожно провел по ним пальцами.

— Мягкие, нежные ручки, — прошептал он. — Такие, какими они и должны быть. Видеть тебя такой — это уже награда за все, что я вытерпел. Да, собственно, что я терпел? Так, время от времени несколько оплеух. Люди часто страдают гораздо больше ради чего-то гораздо меньшего.

— Но теперь... больше нет причин приносить в жертву тебя... и меня. Это ни к чему.

Майк упрямо покачал головой. Да, упрямство действительно было худшей чертой его нелегкого характера.

— Пока тебе платят по сто тысяч за бой, нужно быть идиотом, чтобы бросить это дело. Я крепче, чем выдумаете. Вы только послушайте: сто тысяч долларов!

Былой огонь вновь зажегся в его глазах.

— Горят прожектора! — произнес он. — Публика ревет! И я — Майк Бреннон, выдерживающий все и остающийся на ногах! Нет, нет! Я брошу бокс только тогда, когда проиграю нокаутом...

— Майк! — резко прервала его Маргарет. — Если ты еще раз выйдешь на ринг, я уеду, и ты никогда больше меня не увидишь.

Их взгляды встретились — и Маргарет опустила глаза. Нет, никогда еще я не встречал человека (за одним исключением), который мог бы выдержать тяжелый взгляд Бреннона.

— Маргарет, — спокойно, уверенно произнес он. — Ты сейчас просто пытаешься блефовать, желая заставить меня сделать то, что считаешь нужным. Но ведь ты любишь меня и будешь любить. Хочешь не хочешь, а никуда ты от меня не денешься, никуда не уедешь. Просто не сможешь.

Закрыв лицо руками, она кивнула, и Майк нежно погладил ее по голове. Маргарет заплакала навзрыд.

— Майк! — вдруг заорал Гэнлон; на короткое время этот юркий полутяжеловес, за плечами которого было больше двух сотен боев, стал главным действующим лицом на сцене. — Майк, ты рехнулся! У тебя есть все. Все, ради чего люди вкалывают годами, десятилетиями, а потом не могут купить. А сам ты — признайся же — стоишь на краю пропасти. В следующий раз тебе не по зубам окажется и крепкий парень из второй лиги! Костиган сейчас в той форме, в какой ты был в лучшие свои годы. Если б я знал, что он разделается с тобой двумя ударами, я бы сказал: иди вперед, Майк! Но ведь двумя ударами дело не кончится. Он вырубит тебя, но перед этим отметелит по полной программе. А следующая такая встряска вышибет из тебя дух. Ты либо сдохнешь, либо прямиком отправишься в дурдом. И на кой черт тогда тебе или твоей любимой Маргарет будут все твои деньги?!

Майк выдержал паузу, обдумывая ответ, и опять его мощное воздействие окутало нас, как густой туман.

— Костиган не состоит в лиге. Он всегда выступает сам по себе, и его переоценивают. Я превосхожу его по всем показателям. Никогда ему не победить в

таком бою, в котором побеждал я. Да и удар у него послабже моего будет.

Спайк безнадежно всплеснул руками и вышел из комнаты. Позже он сказал нам с Маргарет:

— Невозможно. С ним невозможно спорить. Он уверен, что вся проблема в деньгах, но на самом деле здесь замешано кое-что иное. Бокс вошел в его тело, кровь, жизнь, душу. Бой с Костиганом для него — дело чести. Они оба — железные парни. Оба жутко гордятся своей выносливостью и упорством. Помнишь, как дрался Крепкий Голландец, ван Хайрен? Но десять раундов с Костиганом — это конец Майка. Независимо от того, победит он или проиграет. Оба они слишком сильны и упорны. Ни одного так просто не свалишь. Поединок будет долгим, кровавым, напоминающим скотобойню в разгар работы. Вполне возможно, для Костигана он станет последним, но то, что он добьет Майка — это наверняка. Бреннон либо откинет копыта прямо на ринге, либо останется инвалидом. Крыша поедет. В лучшие годы Майк сумел бы измотать и побить Костигана, как победил он в бою с ван Хайреном. Но когда это было? ... А сейчас Бреннон далеко не в лучшей форме, зато Костиган — молодой, в самом соку, что для железного человека куда важнее многого другого.

* * *

Майк Бреннон тренировался, как всегда, упорно. Я разогнал всех его спарринг-партнеров и заставлял часами молотить легкую грушу, чтобы восстановилась былая скорость. Немало времени потратил он на бег, прыжки и другие упражнения для укрепления слабых ног. Но все было бесполезно, я чувствовал. Дело заключалось не в восстановлении формы. Причина была в другом — в тысячах страшных ударов, полученных Майком на ринге. Боксер, делающий ставку на технику, на разум и тренировки, может оступись,

проиграть, временно не выступать, но затем восстановить силы и форму и вновь побеждать. Но если железный человек начинает сдавать — это процесс необратимый. В течение четырех месяцев, предшествовавших встрече с Костиганом, атмосфера обреченности окутала всех, кроме Майка. Маргарет, выплакав все слезы в бесконечных мольбах и уговорах, впала в апатию. То, что он жесток по отношению к девушке, в голове Бреннона не укладывалось, и мы были бессильны втолковать ему. Он смеялся над нашими опасениями и твердил, что по-прежнему в отличной форме. Он клялся, что поединок со Слэйдом не только не доказывает ухудшения его состояния, но, наоборот, демонстрирует обратное! Иначе нокаутировал бы он едва ли не самого опасного на ринге человека, а? А что касается Костигана, то полдюжины раундов в бесшабашном яростном темпе — и он будет сам рад хорошему нокаутирующему удару.

Майк не отрицал, что стал хуже работать кулаками, и даже признавал, что любой соображающий боксер из второй лиги сумеет победить его по очкам, если ухитрится уклониться от его чудовищных ударов. Зато Бреннон продолжал искренне верить в то, что он по-прежнему превосходит любого из живущих боксеров в выносливости и способности держать удар. А в глубине души, мне кажется, Майк был уверен, что не родился еще человек, способный отправить его в нокаут.

Он твердо стоял на том, что Маргарет не должна видеть поединок. На ее последние попытки переубедить его он невозмутимо ответил:

— Не нужно начинать все с начала. Подумай сама, Маргарет. Это четвертый бой, в котором моя ставка — сто тысяч долларов. Не многие чемпионы добивались такого. Сто тысяч за Флэша Салливэна, еще сто — за Гонсалеса, потом — Слэйд, и вот теперь очередь Костигана. Проданы уже тысячи билетов. И теперь, чтобы не платить неустойку, мне все равно

надо выходить на ринг. И главное — я чувствую, что одержу победу!

7

Я помню тот вечер, словно это было вчера. Помню залитый светом ринг и расходящиеся во все стороны, словно стены огромной чаши, погруженные в темноту трибуны. Круг белых лиц — зрители в ближайших к рингу рядах. А дальше — только огоньки сигарет да многоголосый гул собравшейся на матч толпы.

— Железный Майк Бреннон — сто девяносто фунтов! Железный Майк Костиган — сто девяносто пять фунтов!

Сидевший в своем углу с поникшей головой, Бреннон являл яркий контраст с самим собой, недавно по-тигриному напряженно мерившим шагами раздевалку. Я подумал, не заплаканное ли лицо Маргарет стоит сейчас перед его внутренним взором, Маргарет, целующей его в раздевалке перед выходом на ринг?

Судья вызвал участников на середину ринга, чтобы прочесть последние ритуальные, ничего не значащие инструкции. К моему удивлению, Майк шел безучастно, приволакивая ноги. Правда, оказавшись лицом к лицу с соперником, он встряхнулся и смерил его привычным взглядом. Железный Майк Костиган был на два дюйма ниже, но, будучи тяжелее, с лихвой компенсировал меньший радиус боя коренастостью и крепостью телосложения.

Противники напряженно впились друг в друга глазами. И вдруг я заметил, что Бреннон первым отвел взгляд. Это, по-моему, случилось впервые с тех пор, как я познакомился с Майком. Я поежился, вспомнив, как опускал глаза Салливэн перед роковым для него поединком с Корбеттом, как отводил глаза под взглядом Корбетта-младшего великий Макговерн...

Противники вернулись в свои углы, секунданты вылезли за канаты. Я шепнул Майку, что выброшу полотенце, если дела пойдут совсем худо, но он, похожему, даже не расслышал меня, а если и расслышал, то не отреагировал.

Прозвучал гонг.

Костиган вынырнул из своего угла компактным ступком воли и готовности драться. Бреннон двигался медленнее. Гэнлон пожал плечами:

— Что с Майком? Он словно пьяный.

Два Железных Майка сошлись в центре ринга. Костиган явно пребывал под давлением славы своего соперника. По крайней мере, он осторожничал и не лез на рожон. Бреннон же двигался к противнику волоча ноги!

Вдруг Костиган решился на атаку, и тотчас его прямой левый угодил Бреннону в скулу. Удар словно встряхнул Майка, заставив собраться и перейти к активным действиям. Мельничные жернова его рук замолотили с прежней силой, быть может, лишь чуть медленней. Костиган, разумеется, не был мастаком в защите и тут же схлопотал оглушительно прозвучавший удар в область сердца, а затем — уже более звонкий — в челюсть. И повалился на ринг как подкошенный.

Впрочем, встал он довольно быстро. Я же во все глаза следил за Бренноном. Эта атака словно отняла у него последние силы: он стоял, прислонившись к канатам, прикрыв глаза, и тяжело дышал. Почувствовав, что противник вновь на ногах, он двинулся вперед — неуверенно и как-то беспорядочно, сбивчиво.

Костиган, еще не окончательно очухавшийся после нокаута, действовал так, как требовал от него инстинкт железного человека: встать, идти вперед и бить, бить, бить — пока не упадет один из двоих! Вот он сломал защиту жерновов рук Бреннона, вот выстрелил короткий прямой правой в подбородок, вот... и больше ничего не произошло. Просто Бреннон по-

качнулся и рухнул на ринг, как падает пьяный в хлам матрос, когда кончается стенка, на которую он опирался.

Над неподвижно лежащим телом судья с удивлением, непроизвольно затягивая время, сосчитал до десяти — и на боксерской карьере Майка Бреннона, Железного Майка Бреннона, была поставлена точка. В зале повисла гробовая тишина. Да и сам победитель, Железный Майк Костиган, отныне — король железных бойцов, стоял, прислонившись к канатам, не в силах поверить своим глазам. Майк Бреннон нокаутирован!

* * *

Вокруг ринга строчили, как пулеметы, пишущие машинки журналистов, описывающих падение Железного Короля: «Видимо, знаменитая своей крепостью челюсть Майка Бреннона в конце концов хрустнула, не выдержав града ударов, сыпавшихся на нее в течение стольких лет...»

Мы перетащили бесчувственного Майка в раздевалку, где за него взялся доктор. Поняв, что в его услугах Майк срочно не нуждается, Гэнлон куда-то исчез. Маргарет, ждавшая нас здесь же, словно оцепенела и молча глядела на распростертого на кушетке Бреннона.

Наконец он открыл глаза и тотчас вскочил на ноги, поднял руки — явно готовый к бою. Затем пошатнулся, восстановил равновесие и замер, озираясь. Маргарет немедленно подошла к нему и мягко, но настойчиво заставила вновь сесть на кушетку.

— Что произошло? Я победил? — растерянно спросил он.

— Майк, тебя нокаутировали в первом же раунде. — Я решил, что прямой и честный ответ лучше всяких намеков и недоговорок.

Майк недоверчиво посмотрел на меня:

— Меня? Нокаутировали? Чушь какая-то. Не может этого быть!

— Может, Майк, может, — заверил я, ожидая, что он поведет себя, как все боксеры, очухавшиеся после первого в своей жизни нокаута. Обычно они либо по-женски ревут, либо слова грохаются в обморок. Некоторые бредят и прсклинают всех и вся, а кое-кто даже рвется, не видя ничего вокруг себя, чтобы отомстить обидчику, доказать ему, себе и всему миру, что происшедшее — лишь случайность, даже ошибка. Но Майк Бреннон и здесь остался самым собой, а именно неразрешимой для меня загадкой. Почесав подбородок, он пожал плечами и цинично рассмеялся.

— Сдается мне, что старина Гэнлон оказался прав. Я действительно выдохся сильнее, чем думал. Представляешь, Стив, я даже не помню свалившего меня удара. И — занятная штука, обхохочешься — я вышел из последнего поединка без единого синяка, без единой царапины!

— Ну, теперь-то ты наконец прекратишь свои драки! — радостно воскликнула Маргарет. — Это лучшее, что могло с тобой произойти. Ты ведь обещал, что уйдешь с ринга, как только потерпишь поражение не по очкам, а нокаутом. Ты обещал, Майк!

— Что ж, дорогая, не видать нам и половины присмотренного мной особнячка, — усмехнулся Бреннон. — Но не могу же я взять свои слова обратно.

В эту минуту в комнату вновь ворвался Гэнлон.

— Стив, Майк! — зарычал он. — Неужели вы, два болвана, не поняли, что здесь дело нечисто? Майк, давай соберись и вспомни, когда ты почувствовал сонливость и вялость?

Бреннон вздрогнул:

— А ведь ты прав, Спайк. Подожди-ка. Слабость я ощутил, поднимаясь на ринг по лестнице. Затем я стал засыпать, потом очнулся, когда судья подозвал нас... Хорошо помню, как горели глаза Костигана.

Так, а потом, уже возвращаясь в угол, я почувствовал себя сонным и пьяным одновременно. Смутно помню, как вышел на середину ринга после гонга, помню, что видел Костигана словно в тумане. Потом его удар обрушился на меня, будто молоток, и я проснулся. За несколько секунд, начав драться в полную силу, я отправил его в нокдаун. А потом... вот, пожалуй, и все. Больше я ничего не помню, очнулся я уже здесь.

— Еще бы, — усмехнулся Гэнлон. — Ты вырубился еще до того, как Костиган дал тебе по зубам. Не нужно быть боксером, чтобы свалить тебя. И ребенок управлялся бы.

— Подсыпали-таки что-то, — зло прохрипел я и попытался прикинуть, кто мог это сделать. — Так, первая версия — поклонники Костигана, но вряд ли. Скорее, те, кто поставил на него в этом поединке. Может быть, и администрация зала, хотя...

— Да погоди ты! — оборвал меня Спайк. — Наш Бреннон был выведен из боя тем человеком, на которого ты и в жизни не подумаешь. Пока вы тут выясняли детали хронологии, я на свой страх и риск взял на себя работу следователя. Слушай, Майк, перед тем как выйти из раздевалки, что ты сделал? Напоминаю: ты выпил маленькую чашечку чая, да? Ага, вспомнил! Несколько странный элемент подготовки к серьезному бою, правда? Совсем не в твоем духе. И все-таки ты согласился выпить этот чертов чай. Спрашивается: ради чего? Разумеется, чтобы сделать приятное кое-кому из здесь присутствующих...

Маргарет незаметно забилась куда-то в угол. Майк забеспокоился не на шутку.

— Но, Спайк, — он попытался оттянуть неизбежную развязку, — ведь Маргарет сама приготовила этот чай. Сама, лично...

— Да, да! И она сама, лично подсыпала в него спотворное! Майк, она сама обрекла тебя на поражение!

Мы втроем посмотрели на испуганно сжавшуюся девушку. Нечто вроде удивления и даже восхищения почувствовал я в себе. Однако в глазах Гэнлона застыл гнев, а во взгляде Майка — острая боль.

— Маргарет, зачем ты это сделала? — бесцветным голосом спросил Майк. — Я ведь мог выиграть...

— Да, мог! — отчаянно воскликнула она. — Но после того, как Костиган изуродовал бы тебя на всю жизнь! Да, это я подсыпала в чай снотворное. Это из-за меня он нокаутировал тебя. Теперь тебе нет смысла возвращаться на ринг, потому что ты перестал быть козырным тузом. Теперь на твои бои не будут ломиться толпы, как раньше. Для меня жизнь стала пыткой с тех пор, как я увидела тебя без сознания после боя со Слэйдом. А ты смеялся надо мной. Все, теперь тебе придется завязать с боксом. Ты выходишь из игры в здравом уме — это все, что меня заботит. Я спасла тебя от твоей безумной жадности и жестокой гордыни. Можешь ударить меня, можешь убить — я все равно считаю, что поступила правильно.

С минуту она напряженно стояла перед нами, сжав свои маленькие кулачки. Поскольку никто не проронил ни слова, ее напор и энергия улетучились. Сгорбившись, она медленно, словно на ватных ногах, направилась к дверям. Шаль, лежавшая на ее плечах, соскользнула на пол, и под ней открылось простенькое льняное платье — скорее всего, униформа ресторанных служащих. Майк, словно выйдя из транса, спросил ее:

— Эй, Маргарет, ты куда? И что это на тебе за обноски?

— В этом платье, Майк, я работала, когда мы впервые встретились с тобой. Я написала письмо в родной город. В том кафе меня вновь возьмут на работу.

Одним прыжком он пересек комнату и, схватив девушку за плечи, резко развернул к себе.

— Я тебя не понимаю, Маргарет, — строго сказал он. — Что это ты надумала?

Неожиданно для нас она разрыдалась.

— Разве ты не возненавидел меня за то, что я сделала? — всхлипывала Маргарет. — Я думала, что ты меня больше и видеть не захочешь.

Майк крепко прижал девушку к себе и пробормотал:

— А ведь, клянусь, я даже не подозревал, насколько тебе больно смотреть на меня. Я думал, что это — лишь капризы, не видел, как ты страдаешь. Но ты открыла мне глаза. Господи, да я, наверное, был просто безумцем! Ты права, меня грызла гордыня, бессмысленное тщеславие. Я тогда не понимал, но теперь... теперь мне все ясно. Я не понимал, что своими руками разрушаю наше счастье. Ведь ты — это все, что у меня есть, любимая. Только твоя судьба, только твое счастье имеют для меня значение. Теперь у нас впереди вся жизнь, а в ней — любовь и счастье. Клянусь, я сделаю все, чтобы ты всегда была любимой и счастливой.

Гэнлон кивнул мне, и мы потихоньку вышли за дверь. Оглянувшись, я впервые увидел, как смягчилось суровое лицо Бреннона. Глубоко спрятанная в его душе способность чувствовать, любить прорвалась наружу, отразилась на лице чем-то похожим на нежность.

— Эх, зря я так относился к этой девчонке, — вздохнул Гэнлон. — Беру обратно все, что сказал о ней. Она — просто класс, а Майк... Что ж, пожалуй, это единственный из железных парней, получивший за свои мучения достойную награду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕМПИОНА

-К аких-то три года назад ты был одним из лучших тяжеловесов, самым реальным претендентом на чемпионский титул! И во что ты превратился? В пропитавшегося виски забулдыгу, не вылезającego из дрянной мексиканской забегаловки!

Голос, сухой и резкий, звучал уверенно, каждое слово острым ножом вонзалось в уши того, кому они предназначались.

Собеседник потер красные от алкоголя глаза, помолчал, потом грубо ответил:

— А тебе-то какое дело?

— Да никакого. Просто я терпеть не могу, когда человек по собственному желанию катится вниз по наклонной, на самое дно. Когда мужик с задатками чемпиона превращается в завязатого алкоголика и губит себя в какой-то приграничной дыре.

Станный контраст представляли собой эти двое. Посетители салуна — заезжие фермеры, шоферы с той стороны границы и мексиканцы — с любопытством поглядывали в их угол. Человек, навалившийся

на изгаженный плевками и пролитым пивом столик, был молод и крепок телом, чего не могла скрыть даже его поношенная, грязная одежда. Лицо его отнюдь не казалось лицом человека, которому на роду написано стать сирым алкоголиком. Наоборот: правильные черты, тонкий нос — все это говорило о благородной крови, текущей в жилах парня. Форма губ, которая, на первый взгляд, выдавала слабость натуры, при ближайшем рассмотрении указывала на чувственность и лишь косвенно свидетельствовала о нестабильности, склонности к беспорядочным, непродуманным поступкам и, быть может, сильной внушаемости, хотя и глубоко скрытой воспитанием.

Стоящий же у стола человек был сухощав, жилист и принадлежал скорее к старшему, нежели к среднему поколению. Тонкие прямые губы, когда он не говорил, были крепко сжаты, темные, с искорками в зрачках глаза смотрели тяжело и мрачно. Одет он был дорого, но небрежно и выглядел белой вороной в этой заштанной забегаловке.

— Три года назад, — продолжал он по-прежнему резко, но бесстрастно, — тебе все прочили чемпионский титул в начинавшемся сезоне. Джек Мэлони, классный техничный боксер, прирожденный боец с умопомрачительным ударом! Человек с правой рукой — кузнечным молотом! Ты пробивал все блоки, как некогда это делал великий Демпси. Выйдя на ринг в восемнадцать лет, ты быстренько разобрался со второй лигой и в двадцать один уже подбирался к титулу чемпиона! В двадцать один год! Ну, не удалось бы тебе выцарапать титул в том году, так на следующий стал бы чемпионом просто играючи. В твои-то годы! В этом возрасте большинство ребят молотят друг друга в предварительных боях по десять долларов за раунд. А ты получал тысячные гонорары. За три года ты поднялся из ниоткуда на самую вершину. Для бокса у тебя было все: сила, скорость, мозги, упорство, выносливость. Твои удары были подобны раскатам грома. С тобой

носились, тебя пестовали, как надежду ринга, как будущую легенду! И что потом? Ты вышел на поединок с никому не известным Майком Бренноном, позже ставшим Железным Майком. Да, он уложил тебя за три раунда. Ну и что? С кем не бывает! А ты сдался, сломался. В следующем поединке ты даже не пытался всерьез противостоять Матросу Слэйду. Этот парень, тогда еще даже не вышедший из второй лиги, тоже запросто нокаутировал тебя... и в этом только твоя вина. А затем, вместо того чтобы взять себя в руки, ты бросил бокс, исчез с ринга. Ты сломался, обнищал, спился, просто-напросто струсил...

— Эй, полегче, ты... — Черета обвинений, похоже, вывела Мэлони из транса.

— Хорошо, не струсил. Но потерял напор, боевой дух, спортивный настрой. Короче, сломался под корень. В результате за три года ты совершил головокружительный прыжок... в пропасть. С Бродвея — напрямком в эту дыру.

Массивные кулаки Мэлони сжались в две чугунные гири. Из-под спадающих на лоб грязных, слипшихся прядей сверкнули нешуточной злостью черные глаза.

— Убить тебя, что ли? — задумчиво-грозно прохрипел он, подогреваемый изрядным количеством алкоголя в крови. — Ну, был ты менеджером нескольких чемпионов, так что, думаешь, тебе все можно? Даже говорить со мной в таком тоне? Учти: ты для меня — никто! Ясно?

— Не имею обыкновения тренировать и работать администратором спившихся бомжей, — процедил сквозь зубы его собеседник. — Парни, которых я натаскивал, может, и не были столь сильными и быстрыми, как ты, но они были настоящими мужчинами. Они не раскисали и не опускали руки только из-за того, что кто-то отправил их в нокаут ударом в челюсть.

Неожиданно он подсел к Мэлони и заговорил совсем другим тоном:

— Слушай, Джек, ты же еще совсем молодой. Подумай... Подумай, почему бы тебе не вернуться на ринг, не попробовать все сначала?

— Опять драться? — Мэлони передернуло, словно от воспоминаний о ночном кошмаре. — Ну уж нет.

— Ты так переживал из-за того нокаута, что он превратился для тебя в навязчивую идею. Забудь о нем, выкинь из головы, приди в норму...

— Нет! Нет! Я уже пытался — и не смог. Больше не хочу. Не хочу ни пытаться, ни даже думать об этом.

— Значит, ты и вправду слабак из слабаков. — Горечь послышалась в голосе старшего собеседника. — А бывшие успехи — просто ирония судьбы. Я-то думал...

— Слушай, ты! — на весь бар крикнул Мэлони. — Да что ты понимаешь в моих проблемах? Ты, который ни разу в жизни не надевал перчатки, не выходил на ринг!

— Согласен, я никогда не боксировал. Но вас, бойцов, я знаю и понимаю лучше, чем вы сами понимаете себя. И я знаю, что ты мог бы вернуться в большой спорт, если б в душе не был слабаком.

— Сядь, — осипшим голосом приказал Мэлони. — Я тебе расскажу все как было, как я это вижу и ощущаю на собственной шкуре.

— Ладно, посижу послушаю, как ты проведешь свою скорбную песнь, а заодно угощу тебя стаканчиком-другим, — презрительно усмехнулся старый мексиканец.

Глаза Мэлони на миг вспыхнули, но тут же погасли. Слишком низко он скатился, чтобы реагировать и обижаться на что-либо, кроме прямых оскорблений. Запом выпив поднесенную барменом текилу, он заговорил в порыве пьяной откровенности:

— Слабак? Сломался? Да что ты знаешь о человеке, из которого вышибли не только бесплотную душу, но и сердце? Так вот. Я был кандидатом в чемпионы, восходящей звездой и даже больше... до тех пор, пока не встретил Бреннона. Тебе этого не понять.

Не понять моего состояния, когда я — тот, кто мог свалить кого угодно одним, ну, двумя точными ударами, — измотался, выдохся, изо всех сил молотя этого парня. А он выстоял! И одного удара ему хватило, чтобы отправить в нокаут меня. Я был уничтожен...

— В каком смысле? Ты имеешь в виду — морально уничтожен? Тогда ты абсолютно прав. С того боя на твоём теле остались лишь два быстро сошедших синяка да шрам на скуле — и все! Я видел поединки, где победителя уносили с ринга на носилках. А ты... ты, мягко говоря, слишком близко к сердцу принял тот нокаут. Из-за проигрыша Бреннону ты потерял вкус к борьбе, волю к победе. И знаешь, почему ты не смог остановить его? Потому что он — исключение, особый случай, горилла с бронированными грудью и животом и с литой башкой. Естественно, его невозможно нокаутировать — победить можно только по очкам, за счет техники. Свалить его за десять секунд пока никому не удавалось — и не удастся, пока он не сломается сам. Вспомни Джо Грима, с которым не смогли справиться ни Гаус, ни Фитцсиммонс, ни Джонсон. Но с тобой другое дело: ты измотал себя и позволил ему взять верх... И нет чтобы подумать: ладно, что было, то было, впредь надо быть умнее. А ты сдался. Твое тщеславие не смогло справиться с поражением. Ведь к тому времени ты всерьез уверовал в то, что нет на земле человека, способного пробить твою защиту, устоять под твоими ударами. Будь ты нормальным мужиком, такая встряска пошла бы только на пользу, добавив к твоему самомнению каплю благоразумия и осторожности. А слабака поражение деморализует и сокрушает. Навсегда.

— погоди! — В голосе Мэлони злость и боль слились воедино; он был пьян, но ум его вдруг заработал с прежней ясностью. — Я попробую объяснить... Я ведь действительно никогда раньше не встречался с парнями типа Бреннона, а историям о железных бойцах прошлого — о Гримере, Годдарде, Боудене — не очень-то

верил. Мне действительно казалось, что ни один человек не сможет устоять против хорошо поставленного, правильно проведенного и точно попавшего в цель удара. Моего удара. И тут я натыхаюсь на Бренниона. В зале Хоупи, в Сан-Франциско. Я слышал, этот парень перебивался поединками с ребятами из второй лиги, появлялся тут и там на Западном побережье, пока за него не взялся Стив Амбер и не стал организовывать ему хорошие бои. Меня сразу поразили глаза Бренниона — ярость и спокойствие одновременно горели в них. Я ожидал, что на него произведут впечатление мои заслуги и длинный перечень побед нокаутами... но он смотрел на меня, как на очередного заштатного циркового силача, одного из множества подобных тем, кого он уже уложил на ринг. Было в его взгляде что-то и от тигра, который смотрит на бизона, собираясь разодрать того на куски. Я тебе серьезно говорю: тот парень — не человек! Он отлит из чистого железа, в его черепушке есть место только для одной мысли — убивать, убивать, убивать!

Когда прозвучал гонг, он вышел из своего угла — открытый, совершенно не умеющий защищаться. И ничего не знающий о науке бокса. Его свинги начинались чуть не от пола, как в деревенских драках. Я тут же уверился в том, что разделаюсь с ним в два счета, уложу в первой же атаке. Но когда мой первый удар — хук левой в корпус — попал в цель, я испытал самое сильное за всю мою жизнь потрясение: Бреннион даже глазом не моргнул! А я, вместо того чтобы почувствовать, как мой кулак сминает человеческое тело, со всей ясностью ощутил, что наотмашь врезал по паровому котлу. Я тебе серьезно говорю: этот парень сделан из стали. Но я не терял надежды. Я принялся молотить его так, как только умел. Если верить газетам, я был первым боксером высшей лиги, с которым Бреннион встретился на ринге. Что ж, я ему устроил боевое крещение по полной программе. Нещадно гонял по всему рингу. Этот чугунный идол не умел даже приседать, чтобы

уйти от удара, не знал даже того, что поднятыми выше кулаками можно защитить челюсть. Вся его рожа была залита кровью, один глаз совсем запала. И когда до гонга оставались считанные секунды, а во мне росла уверенность, что он вот-вот рухнет, Бреннон вдруг всадил мне один из своих левых свингов, прямо под сердце. На миг мне показалось, что он пробил меня, буквально — пробил мое тело насквозь, вышиб из меня дух. Но поразил меня не только и не столько сам удар, а то, что этот парень, которого я изо всех сил молотил в течение трех минут, который сам основательно вымотался, был как огурчик и бодр, точно перед началом боя.

В перерыве менеджер и секунданты уговаривали меня действовать медленнее и аккуратнее: они испугались, что я измотаю себя раньше времени. Но я держался на гордости, которая-то меня и сгубила. Ведь сразу можно было понять: здесь что-то не так. Нет, только представь себе: три минуты ты лупишь человека изо всех сил, он, не умея защищаться, принимает удары по полной программе... а в результате — ты еле дышишь, а с него — как с гуся вода. Остерегаясь уже знакомых мне боковых ударов, во втором раунде я действовал более настойчиво. Видел бы ты, во что превратилась его рожа: кровавая каша, нос расплюсчен и размазан по скулам, глаза — узкие щелочки за вспухшими, лопнувшими веками. И при всем этом в них горят тот же огонь, та же жажда убийства. Чтобы остановить такого человека, как Майк Бреннон, нужно убить его. Он крепче даже легендарного Баттлинга Нельсона.

Я чувствовал, как силы покидают меня. Удары замедлялись, руки налились свинцом, ноги дрожали, дыхание сбилось. Отчаянным усилием воли я бросился в последнюю перед гонгом атаку и четырежды — понимаешь, четырежды! — закатал ему правой в челюсть. Знал бы ты, сколько раз я валил противников с одного такого удара! А Бреннон — ну, четыре такие оплеухи не прошли для него даром. Он, видите ли, по-

качнулся. Покачнулся — я уж подумал, что пробил-таки его, — но тут он восстановил равновесие и звезданул меня справа по скуле. Кожа на моем лице лопнула, а сам я на секунду ослеп от ярко-белой вспышки в мозгах. Нет, меня и раньше били. Били крепко, нокаутировали даже. Но подобного удара я не помню. Это было вторым потрясением для меня за один поединок. Первое — «непробиваемость» Бреннона, второе — чудовищная мощь его ударов.

На полусогнутых я побрел в свой угол. На полпути оглянулся — посмотреть, как чувствует себя Бреннон после очередных трех минут непрерывного избивения. Лучше бы я этого не делал! Я увидел, как он легко, не шатаясь, подходит к канатам. Я вздрогнул. Что-то оборвалось во мне. Я не понял, но почувствовал, что все кончено. Сядь на табурет, я слышал, как зрители кричат: «Эй, Джек, что с тобой? Забыл, как бить надо? Каши мало ел? Неужто этого дебила уложить не можешь? Он, часом, не железный?» Я и сам засомневался в том, что мои удары сохраняют былую силу. Все прочие объяснения лежали за гранью разумного, мой мозг отказывался воспринимать происходящее! Вдумайся: я, обладатель мощнейшего со времен Демпси удара, за два раунда молотьбы в одни ворота не смог даже загонять, вымотать противника! Но ведь должен быть предел любой выносливости, любой жизнестойкости!

Мой менеджер принялся умолять меня, чтобы я сменил тактику, больше внимания уделял технике и тянул время, оставив надежду отправить этого парня в нокаут. Уворачиваясь от его свингов, выиграть бой по очкам — и баста. Но я едва слышал эти советы. Я запаниковал. Так что не тщеславие вынудило меня поступать по принципу «убить или быть убитым». Нет, то был страх, обыкновенный, почти забытый за годы выступлений на ринге страх. Я чувствовал себя человеком, которого вот-вот запрут в клетке с голодным тигром. Убить или умереть самому!

Собрав в кулак все силы, я вышел на третий раунд, готовый к любым неожиданностям. Во мне кипела ярость. Не умеющий защищаться Бреннон был отличной мишенью. Я бил его как заведенный.левой! Правой! Каждая унция веса, напряжение каждого мышечного волокна — всего себя я вкладывал в эти удары. Они обрушивались на Бреннона со звуком, какой издает кузнечный молот, и вот наконец он дрогнул, покачнулся и — упал! Волна ярости тут же спала, и я понял, что сам едва держусь на ногах. Пока судья отсчитывал над Бренноном секунды, я стоял привалившись спиной к канатам — не человек, пустая, выпотрошенная оболочка. А потом... потом, к моему ужасу, Бреннон начал подниматься. Я ведь был уверен, что добил его, я знал, что больше не смогу сделать ни шага... но он очухался и был готов снова ринуться в бой! Ринг попал у меня под ногами.

Бреннон встал и пошел на меня. Я отлепил спину от канатов и поднял руки, которые в тот момент были не сильнее детских ручонек. Я выдохся полностью, но Майк даже в такой ситуации умудрился промахнуться, и не один раз. С четвертого замаха он угодил-таки мне левой в висок. В мозгу опять вспыхнуло. Теряя сознание, я ощутил очередной удар — хук в скулу. Свет померк. Потом мне рассказывали, что на счете «девять» я пришел в себя и даже умудрился оторвать колени от пола. Еще одним ударом он окончательно уложил меня — теперь уже на гораздо большее время, чем десять секунд. Но, повторяю, всего этого я не помню. Мои воспоминания заканчиваются на предпоследнем ударе Бреннона.

Мэдони помолчал, а потом продолжил рассказ, обращаясь, скорее, к самому себе:

— В том матче и родился легендарный Железный Майк Бреннон. Моя же звезда закатилась. В голове все перемешалось, о тренировках и речи быть не могло. Я не мог ни на чем сосредоточиться. В конце концов, спустя почти полгода я вышел на поединок с Воякой

Хэндлером. Даже придя в себя и восстановив форму, я не смог отделаться от наваждения: едва я начинал атаку, как передо мной вставал образ Майка Бреннона — непробиваемого, неуязвимого, железного Майка. И я тотчас уходил в защиту... слишком сильна была память того сокрушительного нокаута. Зрители свистели, улюлюкали, обзывали меня трусом. Короче говоря, в пятом раунде меня завалил боксер, с которым, по идее, я должен был расправиться в первой же трехминутке. Нет, я не потерял сознания. Я отчетливо слышал и видел, как судья ведет надо мной отсчет роковых секунд, но заставить себя встать я так и не смог.

Грендон беспокойно заерзал. Его деятельная натура не позволяла ему долго сидеть на месте, лишь слушая того, кто, в общем-то, в слушателях и не нуждался.

— Все эти проблемы можно решить, — уверенно заявил он. — Просто было задето твое самолюбие, но за столько-то лет ты вполне мог прийти в себя. Видел я твой бой с Хэндлером. Да ты двигался, точно пьяный. Или обкурившийся дури. Но вместе с тем при каждом твоём удачном ударе Вояка дергался и чуть ли не корчился от боли; да и то, что для победы над не желающим, неспособным сопротивляться противником ему понадобилось целых пять раундов, тоже говорит кое о чем. А что касается Бреннона, то могу сказать: ты переоценил свою подготовку к схватке с ним. Нет, физически ты был в хорошей форме, отлично натренирован... но вот душевно и психологически настроиться не сумел. Был слишком уверен в себе. Это-то тебя и подвело. Вдолбив себе в голову, что должен нокаутировать Железного Майка, ты выдохся... и сам был отправлен в нокаут. А главное, потом ты не сумел убедить себя, что ничего страшного в проигрыше железному человеку нет. Нужно было побыстрее забыть об этом эпизоде и, пользуясь тем, что Майк не слишком сильно отдала тебя, снова входить в форму. А теперь я еще раз спрошу: хочешь ли ты, чтобы я помог тебе

выбраться отсюда, привести себя в божеский вид и вновь выйти на ринг?

В ответ Мэлони лишь впился взглядом в бутылку с текилой, оставленную барменом на столике. Несколько мгновений он еще чувствовал на себе ледяной взор Грендона, а затем... не сразу, но понял, что менеджер уже ушел.

Мэлони пил уже три года. Беспробудно. И сегодня с удвоенной энергией предался этому пороку, дабы в винных парах утопить духов прошлого, вызванных Грендоном. Вскоре он так набрался, что перестал удивляться, с чего это бармен подносит ему рюмку за рюмкой, — ведь тот прекрасно знал, что у Мэлони не хватит денег расплатиться за такое количество выпитого.

Чуть позже Джек уже находился на грани потери сознания. До его ушей доносились крики, грохот падающей мебели. Кто-то сильно пихнул его в плечо, и он закатил незнакомцу полновесный апперкот в челюсть. А может быть, только собрался закатать...

В себя Джек пришел мучимый жаждой и адской головной болью. Само по себе это не могло напугать или обеспокоить его, ибо последние три года он частенько просыпался в подобном состоянии. Однако вскоре он смекнул, что окружающая обстановка несколько непривычна. Сначала его внимание привлек треснувший кувшин с водой неподалеку. Мэлони обвел взглядом помещение — маленькую комнату с грубым каменным полом, такими же стенами и крышей с толстыми стропилами. Единственная дверь была закрыта, единственное маленькое окно — зарешечено.

Бывший боксер не на шутку встревожился и, подойдя к двери, попробовал открыть ее. Заперто. Только теперь до Мэлони дошел весь ужас его положения. Тюрьма! Джек был наслышан о мексиканских тюрьмах, в кишках червями и крысами камерах которых люди умирали, забытые следователями, судом и всем миром. В ужасе Мэлони принялся вопить и изо всех сил молотить кулаками в дверь.

Снаружи слышались шаги, металлический лязг — дверь распахнулась. На пороге выросли двое вооруженных мексиканских солдат, выражение лиц которых не предвещало ничего хорошего. За их спинами Мэлони с удивлением разглядел знакомую фигуру.

— Грендон! — воскликнул он. — Что все это значит?

Ни единой искры сочувствия не мелькнуло в глазах менеджера, когда он осведомился:

— Вчерашний вечер ты хорошо помнишь?

Почесав раскалывающийся затылок, Мэлони признался:

— После нашего разговора я вообще мало что помню.

— Ну так вот, могу тебе сообщить: ты нажрался как свинья! Когда я ушел, в распивочной началась драка — разумеется, с битьем посуды и ломанием мебели. Вызвали полицию. Один из служивых во время задержания зачинщиков налетел на тебя, за что ты одним ударом отправил его в нокаут. А поскольку парень был там не один, да и ты не спешил смыться куда-нибудь подальше, то... Результат — вот он, сам видишь. Здесь, в приграничной Мексике, законы суровые. Нападение на полицейского — дело серьезное. Ты должен будешь заплатить немалый штраф.

— Да у меня ни цента нет! — развел руками бывший боксер. — Слушай, расплатись за меня, а я отдам...

— Что? Заплатить пятьсот долларов за провонявшего дешевым ромом алкоголика? — Голос Грендона звучал суше и язвительнее, чем когда-либо раньше.

— Пятьсот долларов! — в ужасе повторил Мэлони.

— Вообрази себе. А если не сможешь заплатить — отсидишь не знаю сколько, но не в этой уютной, прохладной камере, а в «бычем загоне», как мне сказали. Что это такое, наверное, ты и сам слышал. А теперь представь несколько месяцев в его условиях.

Мэлони передернуло. Ему доводилось заглядывать в «бычий загон», видеть несчастных, слонявшихся там под палящим солнцем. Для мексиканца «загон» — это такая же тюрьма, но без крыши. Ветер не проникает за высокие внешние стены, а внутри проволочный забор отгораживает место, куда почти не падает тень, и целыми днями безжалостное солнце субтропиков отчаянно жжет беззащитные тела заключенных. Ни сесть, ни лечь не на что — только голые камни под ногами, раскаленные днем, ледяные ночью. В общем, сойти с ума в таком месте — пара пустяков.

— Слушай, не оставишь же ты, белый человек, меня, своего сородича, в этом кошмаре, среди мулатов и индейцев? — взмолился Мэлони.

— А почему бы и нет? — усмехнулся Грендон, а затем, понаблюдав за гримасой отчаяния на лице Мэлони, произнес: — Слушай меня внимательно. Мэр этого городка — мой давний приятель. Все возможное я для тебя выторговал. Наверное, ты знаешь, что тут по соседству есть что-то вроде клуба с рингом, где делают ставки на победителя. Хозяин там один американец — шулер, скрывающийся от полиции нескольких штатов. Так вот. В город приехал мексиканский тяжеловес Диас, и ему нужен партнер для матча. На бой тебя отконвоируют. Разумеется, ты ничего не получишь, но я поставлю на тебя пятьсот долларов, и ты... ты должен выиграть, чтобы заплатить штраф. Если нет — тебе остается только «бычий загон».

Мэлони в ужасе закричал:

— Матч? Ринг? Да я сейчас и раунда не выстою. Ни силы, ни скорости, ни дыхания — во мне ничего не осталось. Да меня сейчас младенец отметелит!

— Ладно, ладно, успокойся. Не хочешь — не надо. Может быть, в «бычьем загоне» тебе полегчает, глядишь — и форму восстановишь.

Заметив, что Грендон собирается уходить, Мэлони завопил:

— Стой! Подожди! Я... я согласен драться. Но как, скажи на милость, я могу победить?

— Человек способен на все, если приспичит, — сухо ответил Грейдон. — Я пойду, нужно еще кое-что уладить. До поединка ты будешь находиться здесь. Я позабочусь о том, чтобы тебя кормили получше. Но, прохладаясь тут, в камере, вспоминай иногда о палящем солнце над «бычьим загоном».

Мэлони ничком упал на нары. Головная боль, изжога, жажда — все было забыто. Одна мысль теперь мучила его: как в таком состоянии ему выстоять против боксера, пусть наверняка и не Бог весть какого класса... как там его — Диас? Нет, не просто выстоять — выиграть! От одной мысли о бое Джеку становилось плохо. Правда, при мысли о солнце над «загоном» ему становилось еще хуже.

* * *

Прошло несколько дней. Наконец дверь открылась, и два солдата вывели Мэлони из камеры, подгоняя его штыками в спину.

Ринг находился в бывшем амбаре — темном, крытом жестью сооружении с грубо сколоченными трибунами для зрителей. Сесть там было негде, лишь в двух первых рядах располагались скамейки для почетных и богатых посетителей.

Диас прохаживался в своем углу, ожидая появления своей, как он полагал, легкой добычи. И для такой уверенности были все основания: ему сказали, что соперника приведут на бой из местной кутузки. А скажите начистоту, разве может стоящий боец, да еще американец, оказаться за решеткой в этом паршивом городишке, который целиком и полностью обязан своим существованием жажде, мучающей жителей противоположного берега приграничной реки? Диас даже не удосужился поинтересоваться именем своего противоборца.

Он презрительно следил за черноволосым американцем, который, пошатываясь, пролезает через канаты. Помогал ему какой-то старый пень, в котором Диас неожиданно узнал великого Грендона. Сердце мексиканца екнуло. Что делает в этой дыре тренер и менеджер чемпионов? И какого черта он ассистирует безвестному драчуну-пропойце? Нет, здесь что-то не так.

С заметно возросшим интересом присмотревшись к своему сопернику, Диас вздрогнул, побледнел и быстро заговорил о чем-то со своим менеджером.

Джек Мэлони с удовлетворением почувствовал, что мандраж перед самым фактом его появления на ринге прошел. Видимо, знакомая атмосфера — огни, гул толпы в темноте за кругом света, мешковина покрытия ринга, канаты — успокоила его нервы. В памяти всплыли другие залы, другие ринги, другой, куда более представительный, могучий и уверенный в себе Джек Мэлони, без пяти минут чемпион. Но тотчас еще одно видение отрезвило его: образ тюрьмы под открытым небом, где удел узника — безумие, ибо человеческий мозг закипает, не в силах выдержать пытку палящим солнцем мексиканской пустыни.

Джек присмотрелся к противнику — боксеру второй мексиканской лиги, о котором он раньше и не слышал. Заметил он и то, как побледнел, как испугался Диас, когда узнал его. В сердце Мэлони поселились гордость пополам с горечью. Как бы низко он ни пал, но одной памяти о его бывших заслугах было достаточно, чтобы этот мексиканец струхнул.

Впрочем, горечи все же оказалось больше, чем гордости, ибо слишком разителен был контраст между воспоминаниями, между былой славой и нынешним его плачевным положением.

Вызвав соперников на центр ринга, судья принялся диктовать привычные правила, которые все пропустили мимо ушей. Диас почувствовал, как возвращается уверенность в своих силах. Менеджер рассказал, что этот американец уже несколько месяцев пьет за-

поем в местном салуне, да и сам Диас знал, что Мэлони три года не появляется на ринге. Отсутствие тренировок и море разлитое текилы, конечно, оставили свой отпечаток на внешности Джека, на каждом его движении... но в любом случае с ним нужно быть осторожным.

Однажды мексиканцу довелось разогревать публику в предварительном бое перед поединком с участием Мэлони, и в его памяти остался не его, Диаса, тогдашний соперник, а образ неистового, сметающего все на пути, пробивающего любую защиту своими молотоподобными кулаками Джека Мэлони.

Соперники вновь разошлись по своим углам. Секунданты покинули ринг. Вылезая за канаты, Грендон прошипел на прощание своему подопечному:

— Я поставил на тебя пять сотен. Выиграешь — ты свободен. Проиграешь — добро пожаловать в «бычий загон»!

Прозвучал гонг. Мэлони медленно двинулся к центру ринга. Диас шел еще медленнее и осторожнее. Он не знал, что противник почти не видит его: перед лицом Мэлони вновь замаячил кровавый демон, три года назад отправивший его в нокаут.

Несколько секунд соперники выжидающе кружили по рингу. Наконец Диас решился. Против его собственных ожиданий, первый же, в полсилы нанесенный пробный удар угодил в грудь Мэлони. Мексиканец, решив, что здесь какой-то подвох, зажмурился на миг в ожидании неминуемого сокрушительного возмездия. Но Мэлони даже не попытался ответить ударом на удар, не воспользовался секундной заминкой противника. В этот момент, оживленные болью, образ Бреннона смешался с грозной тенью Вояки Хэндлера — двух людей, оборвавших его карьеру боксера.

Обнаружив, что жизнь не кончилась, Диас рискнул повторить выпад. На этот раз Мэлони контратаковал левым хуком, и мексиканец с немалым удив-

лением почувствовал, что кулак Джека лишь слегка скользнул по подставленному плечу. От бывшей силы американца не осталось и следа. Диас с облегчением понял, что нынешний Джек Мэлони — жалкая копия бывшего бойца. И только природная осторожность удерживала его от того, чтобы броситься в атаку и в два счета разделаться с этим лунатиком.

Резким тычком в лицо Диас заставил Мэлони отступить, а затем достал его по-настоящему сильным правым в корпус. Слово острый нож вошел между ребер Мэлони, пронзил легкие, сбил дыхание. Начало сказываться отсутствие тренировок. Ноги Джека дрожали, грудь ходила ходуном, — а ведь не истекла и первая минута первого раунда.

Лишь осторожность Диаса не позволила ему уложить противника еще до перерыва. Он обрушил на Мэлони град ударов слева, ударов, основательно разукрасивших лицо соперника, весьма болезненных, но неспособных свалить мало-мальски тренированного человека. Время от времени он бил правым кулаком по корпусу Джека, понимая, что тот долго не выдержит избиения.

Мэлони действительно держался не лучшим образом. Удары в корпус отзывались невыносимой болью во всем теле, а главное — с каждым ударом все отчетливее вырисовывались перед Джеком очертания тех, кто победил его в двух последних боях прошлой жизни.

Уверенность Диаса росла с каждой секундой. До сих пор противник ни разу не нанес ему ни одного стоящего удара. Да, некогда великий Мэлони отступал перед его натиском! Разумеется, это подогревало азарт в душе мексиканца. За две секунды до гонга Мэлони рухнул, и причиной тому были отчасти очередной удар противника, отчасти — собственная усталость.

Очнулся он в своем углу. Грендон трудился над ним со всем старанием и умением опытного, внимательного секунданта. Мэлони едва слышно прохрипел:

— Я сдох. Мне и с табурета не встать.

Не прекращая массировать губкой окровавленные брови боксера, Грендон со злостью ответил:

— «Бычий загон». Он от тебя никуда не денется. Как и позорное ощущение того, что тебя победил какой-то провинциальный мексиканский бутай.

Вновь прозвенел гонг. Откуда взялись силы, Мэлони не знал. Втайне он полагал, что то была мгновенная вспышка безумия, и, может быть, он оказался недалек от истины. По словам же Грендона, в голове Джека взорвалась накопившаяся смесь страха и ненависти. Ненависти к Грендону, готовому обречь его на погребение заживо, к мексиканским солдатам, стоящим вокруг ринга и следящим за тем, чтобы он не сбежал, ненависти к Железному Майку Бреннону, первопричине всех его неприятностей... И, разумеется, выплеснулась эта ненависть на человека, оказавшегося перед ним на ринге.

Диас вылетел из своего угла, словно тигр из клетки. Его подогревали азарт хищника, настигшего добычу, и мысль о том, что некогда знаменитый Мэлони будет лежать у его ног. Но навстречу ему вышел совершенно другой человек. Сам не понимая как, Мэлони поднял свое тело с табурета и на негнущихся ногах рванулся вперед. Одним коротким прямым в челюсть он остановил атаку Диаса, а затем с силой, удивившей его самого, всадил правый кулак в грудную клетку мексиканца, прямо в область сердца.

Диас содрогнулся, впервые в жизни ощутив полновесный удар первоклассного молотильщика. Ощущение оказалось не из приятных: словно раскаленная чугунная гиря обрушилась на его тело. На миг остановилось сердце. Желание увидеть великого Мэлони нокаутированным исчезло напрочь, уступив место стремлению самому избежать нокаута.

Мексиканец поспешно отступал, а Мэлони, чувствуя, как силы его быстро иссякают, не забывая об угрозе «бычьего загона», бросился в атаку. И у кана-

тов настиг Диаса, так и не оправившегося от удара в сердце. Держась левой рукой за верхнюю веревку, чтобы не упасть, Мэлони провел еще один хук правой — в челюсть.

Как подкошенный, Диас повалился на ринг. Дождавшись, пока судья досчитает до десяти, его примеру последовал Мэлони, в глубине души уверенный, что умрет от усталости и напряжения.

Первое, что он увидел, очнувшись, было лицо склонившегося над ним Грендона. Если старый менеджер и был доволен, то на его физиономии это никак не отразилось.

— Ну, очухался? — буркнул Грендон. — Давай собирайся. Мы уезжаем. Штраф я оплатил.

— Пошел к черту, — огрызнулся Джек, чувствуя, как вновь закипает в нем ненависть к Грендону. — Я выиграл бой, который организовал ты. Спасибо. Своих денег ты не платил. Стало быть, больше я тебе ничего не должен.

— Ты мне должен пятьсот долларов, — оговорил его менеджер. — Букмекер смылся с кассой, в которой были и мои полтысячи. Так что пришлось заплатить штраф из своего кармана. Итого на тебе я потерял тысячу. Ладно, мы друзья, скостим до пятисот. Однако ты должен их отработать.

— Отработать?

— Отбить, если тебе больше нравится. В буквальном смысле. Этот поединок доказал одно: ты не так низко скатился, как я думал. Кое-что от былой силы осталось, и, полагаю, хорошие тренировки вышибут из тебя дурь вместе с алкоголем, приведут в форму. Многого ты, наверное, уже не достигнешь, но проведи несколько боев и вернуть мне должок — вполне реальная перспектива.

— Ни за что, — отрезал Джек. — Ни за что и ни для кого на свете я больше не сунусь в этот ад.

— Мэлони, ты ведь меня ненавидишь, не правда ли? — Грендон глядел собеседнику прямо в глаза.

— Так, как только может один человек ненавидеть другого, — с обычной прямоотой ответил Мэлони.

— И что, ты собираешься жить с мыслью, что остался должен человеку, которого ненавидишь?

Кривая усмешка скользнула по губам Джека. Помолчав, он кивнул:

— Поймал ты меня... Значит, так: долг свой я рассчитаю с лихвой, за один поединок, если ты его правильно оформишь. А потом надеюсь больше никогда тебя не увидеть.

Грендон лишь молча улыбнулся в ответ.

Так некогда без пяти минут чемпион, а нынче бывший боксер Джек Мэлони попал в объятия знаменитого менеджера Грендона по кличке Айсберг. Ни единого доброго слова не проронили они друг другу, их общение сводилось к лаконичным требованиям или указаниям менеджера и еще более кратким ответам его подопечного.

Из приграничного мексиканского городка они уехали напрямик на побережье, откуда первым же пароходом направились в Австралию, на родину Грендона. У Мэлони не было ни гроша, все расходы оплачивал Грендон. Джек решил, что не склонный к благотворительности Грендон готов пойти на все расходы ради возвращения пятисот долларов только потому, что сам возненавидел Джека не меньше, чем тот его. Видимо, жажда мести пересилила в сердце старого менеджера доводы здравого смысла и простой арифметики. Не придумав иного объяснения, Джек предположил, что вдобавок ко всему Грендон вымещает на нем старую обиду: когда-то Мэлони оборвал карьеру одного из его перспективных воспитанников. И хотя Грендона никто никогда не обвинял в злопамятстве, других объяснений Джек найти не мог. Он твердо решил отдать старику не только пятьсот долларов штрафа, но и те полтысячи, с которыми сбежал букмекер. А потом... При этих мыслях кулаки Мэлони сжимались с такой силой, что белели костяшки.

На ферме Грендона, неподалеку от Сиднея, был оборудован тренировочный лагерь. Прибыв туда, Мэлони погрузился в изматывающую рутину восстановительных занятий.

При всех своих недостатках — реальных и кажущихся — Грендон доказал, что тренер он первоклассный. И поняв, что логичнее прислушиваться к советам старика, чем полагаться только на себя во время тренировок, Мэлони стал беспрекословно подчиняться ему.

Шли месяцы. Мало-помалу Джек входил в форму. Он чувствовал, как наливаются силой мышцы, укрепляются легкие, становится подвижнее тело. По спиртному он не тосковал. Не склонный по природе к алкоголизму, он и пил-то только для того, чтобы забыть свои поражения и утопить в стакане страшные воспоминания. Теперь, как и в былые годы, он без труда одолевал многие мили бегом, а тяжелый тренировочный мешок в зале под его ударами летал на канатах, едва не вырывая с мясом крепежные крючья из потолка. Работая со спарринг-партнерами, он понял, что возвращаются главные составляющие его прошлых успехов — сила удара и скорость. Откровенно говоря, Мэлони никогда не был боксером-виртуозом — скорее, просто лихим драчуном. Но при этом работать ногами и продумывать тактику боя он умел так, как не снилось многим из тех боксеров, что рассчитывают на свой ум и наработанную технику. В целом же его девизом было: догнать противника, измотать и бить, бить, бить до нокаута!

Когда Мэлони уверился, что готов к встрече с серьезным соперником, Грендон еще месяц тренировал его по щадящей программе. Мэлони ждал, хотел боя — чтобы, по крайней мере, вернуть долг. Не любовь к спорту или драке двигала им, но ненависть: чем скорее он отдаст Грендону его вонючие деньги, тем лучше. И все же едва Джек представлял себе ринг, атмосферу поединка, как тотчас перед глазами возникало

ужасное окровавленное привидение, ноги подгибались, руки дрожали.

Однако в глубине души он был рад тому, что благодаря всей этой заварухе из провонявшего виски ничтожества вновь превратился в человека. Он поверил в себя, в свои силы и твердо решил, что впредь не позволит себе раскисать и опускаться. Ему ведь всего двадцать пять. Еще можно найти подходящую работу и жить нормальной, достойной жизнью, раз уж не удалось стать боксером-профессионалом.

Наконец Грендон сообщил Мэлони, что подписал соглашение о поединке.

— Твой противник — американец по имени Пири. Если местные болельщики не забыли тебя, то касовый сбор будет немалым. Да и в любом случае поединок двух американцев привлечет внимание. Честно говоря, я не понимаю, что случилось с моей милой Австралией. За последние годы с этого континента бойцов вышло — раз-два и обчелся. А вот раньше было...

Посыпались имена, прозвища, даты, названия клубов. Лишь рассуждая о былой славе боксерской страны — Австралии, Грендон становился излишне говорливым. Мэлони же эта тема вовсе не интересовала.

Давно забытые ощущения испытал Джек Мэлони, выйдя на настоящий ринг в Сиднее. Многие болельщики помнили его, и трибуны взорвались овацией, когда он появился в зале. Но тотчас к приятным впечатлениям и воспоминаниям прибавились другие...

Огромным усилием воли Мэлони отогнал от себя кровавые тени прошлого и присмотрелся к своему сопернику. Сухощавый, собранный рыжий парень был выше его ростом, но весил меньше. Ведущий объявил:

— Джек Мэлони, Соединенные Штаты Америки, вес — сто девяносто пять фунтов. Рыжий Пири, Соединенные Штаты Америки, вес — сто восемьдесят фунтов.

Одновременно с сигналом гоша Грендон сказал:

— Пятьсот долларов, помни. Не забывай и то, как ты ненавидишь меня.

У Мэлони не было времени, чтобы задуматься или хотя бы удивиться мелочности и злопамятности своего тренера и менеджера.

Пири, как и Диас, знал прежнего Мэлони, и, подобно мексиканцу, ему вовсе не хотелось стать ступенькой на пути возвращающегося в большой спорт бойца. Однако, в отличие от Диаса, он сразу пошел в атаку, напористо и уверенно. Тренировки Грендона не пропали втуне. Уворачиваясь и блокируя удары Рыжего, Мэлони понял, что с точки зрения техники он еще никогда не был в столь прекрасной форме. Впрочем, техника и навык — это поддела. Важно, чтобы в поединок вступило сердце. А Мэлони, не ощущая угрозы оказаться в «бычьем загоне», даже подогревая себя несколько утихшей ненавистью к Грендону, не сумел забыть прошлое поражение.

Джек уворачивался, ломал атаки противника, порой принимал несильные удары на корпус, но не мог заставить себя перейти в нападение. Первый раунд прошел вяло. Лишь на последней минуте Пири пустил Джеку кровь серией коротких быстрых ударов левой в лицо. Мэлони, почти не почувствовав их, ответил стремительным левым хуком, который Рыжий умело блокировал.

— Давай, давай, просыпайся! — рывкнул на Мэлони Грендон в перерыве. — Ты же в отличной форме, самые сильные удары тебе как слону дробина. Ты бьешь сильно, сильнее, чем в лучшие свои годы. Сильно, но редко. Нельзя все время отступать, не то парень победит по очкам. — Не дождавшись от Мэлони ответа, Грендон прорычал: — Ты спишь на ходу! Тебе на все наплевать! Учти, он тебя уложит по твоей же вине — тебе не хочется драться!

Раздумывая над словами менеджера, Мэлони пропустил левый хук в голову, правый прямой в корпус и

только после этого вышел из оцепенения. И, к восторгу публики, его боковой по ребрам швырнул Пири на канаты. Но вспышка активности тут же исчезла. Увидев в отходящем от канатов Рыжем нестигаемого Майка Бреннона, Мэлони вновь лишился воли к победе. Умом он понимал, что удар не был достаточно силен и точен для нокаута, однако слепой, безрассудный ужас вновь вызвал в его памяти кошмарную картину: нечувствительный к боли противник.

Минули еще шесть раундов. Пири боксировал аккуратно, не рискуя, Мэлони лишь вяло защищался, и по очкам Рыжий далеко обошел Джека. Очередной перерыв, и вот — восьмой раунд.

Мэлони вышел на ринг свежим, точно перед первым раундом. В теле не осталось ни капли усталости. Пири же, глядя на его разбитые брови и залитое кровью лицо, даже не подозревал, что Мэлони в отличной форме и едва чувствует столь эффектные для стороннего наблюдателя удары. Поэтому Рыжий решил, что перед ним просто-напросто слабак и что стоит сменить стратегию — выиграть не по очкам, а нокаутировать бывшего без пяти минут чемпиона. С первых секунд восьмого раунда он ринулся в атаку.

Зрители восторженно приветствовали его напор — в конце концов, они пришли поглазеть на настоящий бой.

Мэлони оказался в центре смерча. Пири уступал ему в мощи, но у него были достаточно сильный, хорошо поставленный удар и отличная техника. Остерегаясь боковых контратак, он измолотил Джека прямыми ударами и свалил его в одном из углов ринга.

Мэлони долежал до «девяти», хотя мог подняться и раньше. Голова кружилась, но боли не было. Не успел он встать, как Пири в пылу азарта, словно почувствовавший кровь хищник, вновь налетел на него. Мэлони пропустил сильный удар в область сердца и серию коротких ударов в голову, прежде чем сумел принять оборонительную стойку.

Пири не давал ему передышки. Спровоцировав Джека на размашистый удар правой, он нырнул под летящий камнем кулак и провел короткий, но весьма чувствительный хук в челюсть. В мозгу вспыхнуло, и одновременно Мэлони понял, что дерется он не с Рыжим Пири, а с Железным Майком. Сквозь заливающую глаза кровь он видел злорадно ухмыляющегося Бреннона.

Неожиданно для самого себя Джек Мэлони расвирился. Достаточно он натерпелся от призраков прошлого! В конце концов, он боксер, и его основная задача — бить, а не бежать. Он забыл обо всем, даже о Пири, и превратился в материализовавшегося духа уничтожения, стремительного, как выпущенный из пушки снаряд. Молниеносный, отчаянно рискованный удар правой Джек нацелил в это смеющееся, окровавленное лицо привидения. Угодил же он в челюсть Рыжего Пири.

Словно очнувшись после кошмарного сна, Мэлони слушал счет рефери и смотрел на лежащего у его ног противника.

В раздевалке к Джеку подошел Грендон.

— Вот твоя доля гонорара. Пятьсот пятьдесят пять долларов.

— Забери свои деньги и катись отсюда, чтоб я...

Не обращая внимания на ругань и угрозы Мэлони, Грендон вынул из кармана вырезку из какой-то газеты и протянул Джеку:

— Вот. Прочти-ка.

Газета оказалась месячной давности. На стиге бумага истерлась и была кое-как подклеена. Пробежав заметку глазами, Мэлони недоверчиво воскликнул:

— Майк Бреннон был нокаутирован и проиграл?! Быть не может! Нет, погоди. Тут написано: «Сегодня вечером Рыжий Пири в первом же из пятнадцати назначенных раундов победил Железного Майка нокаутом. Это был последний бой Пири перед отъездом в турне по Австралии». Но как?.. Почему?

Все смешалось в голове Мэлони. Только что он победил человека, который нокаутировал Майка Бреннона. Ничего не понимая, не веря, он перевел взгляд на Грендона. Он чувствовал, как ненависть в его душе уступает место другим эмоциям.

— Нет, старик, ты останешься моим менеджером! — вдруг выпалил он, сам не ожидая от себя таких слов. — Организуй мне еще несколько боев. Если я смог одолеть парня, уложившего Железного Майка, значит, я смогу справиться и с любым из этих горилл-убийц. Даже с самим Бренноном.

— Как насчет Вояки Хэндлера? — с довольным блеском в глазах сообщил Грендон. — Он сейчас в Англии.

Мэлони по-мальчишески рассмеялся. Словно камень упал с сердца. Какой огромный — он понял только теперь, когда его не стало.

— А почему бы и нет? Я из него дух вышибу. Грендон, ты — менеджер будущего чемпиона! Сначала Хэндлер, потом Бреннон! А потом — любой, кто окажется между мной и чемпионским титулом. Я справлюсь с кем угодно!

Грендон повернулся к двери, и Мэлони крикнул ему в спину:

— Эй, деньги свои заberi.

— Оставь себе, — огрызнулся менеджер. — Я со своих боксеров денег не беру. Рассчитаешься тем, что станешь чемпионом.

Лондонские любители бокса на всю жизнь запомнят матч Мэлони — Хэндлер, который затмил многие другие достойные, красивые, кровавые, более длительные поединки. Этот бой был коротким, но таким, где зрители следят за каждым движением боксеров стоя, сжав кулаки, напряженно и молча, не выплескивая эмоции в улюлюканье и свисте.

До начала поединка Мэлони сидел в своем углу ринга — отдохнувший после морского путешествия; энергия кипела в нем, переполняла его, а со стороны

можно было подумать, что боксер нервничает. Хэндлер в другом углу уверенно потирал руки, всхрапывая, как застоявшийся в стойле жеребец. Не он ли свалил этого парня три года назад? А ведь Мэлони наверняка был тогда в лучшей форме. До Вояки доходили слухи о его прозябании в Мексике. Подумаешь — потренировался и нокаутировал двух лохов, никогда не поднимавшихся выше второй лиги. Хэндлер довольно усмехнулся, чувствуя себя в зените своей славы и в расцвете сил.

По сигналу гонга Мэлони вылетел из своего угла и пронесся по рингу как удар грома. Молнией атаковал опешившего Хэндлера. Исчезли все кровавые призраки, столько лет терзавшие его сознание. Он опять стал Джеком Мэлони, Вирджинским Громом!

Хэндлер не преодолел и половины пути до центра ринга, как попал в эпицентр урагана. Голова его дернулась назад, когда на нее обрушился прямой слева, и нижняя челюсть показалась из-за мощного плеча, которым Вояка, точно баррикадой, защищал лицо. Тут-то Мэлони и влепил в эту челюсть знаменитый полновесный удар правой рукой, рукой-молотом. Только прирожденный боец мог нанести этот удар: все тело, все мышцы работали в унисон, могучее плечо стремительно рванулось вперед, вслед за несущейся рукой, корпус развернулся в поясе, ноги с силой толкнули тело вперед и вверх, и все это произошло за ничтожную долю секунды!

Хэндлер ничком рухнул на ринг и не двигался, пока его не привели в чувство в раздевалке. Первые его слова, произнесенные после того, как он вновь обрел дар речи, надолго вошли в список классических боксерских выражений.

— Ну и дела! — сказал он, потирая подбородок. — Да этот парень не бьет, он взрывается!

Следующие два боя в Англии стали для Мэлони лишь эпизодами, ступеньками на пути к вершине успеха. Главной его целью был чемпионский титул. В глубине души он, боясь признаться в этом самому

себе, жаждал вновь встретиться с Железным Майком. Ради этого он жил, тренировался, проводил бои.

Вскоре после победы над Воякой Хэндлером ему выпало драться с Томом Вэлширом, чемпионом Англии. Хитрый британец в течение девяти раундов уворачивался от страшных ударов Мэлони, но Джека это не смутило. В десятом раунде он загнал-таки Вэлшира в угол и нокаутировал.

Следующим был Броненосец Слоун. Лучшие его годы уже миновали, но Броненосец все еще оставался первоклассным боксером с потрясающим чутьем, а его левая рука, как и раньше, летала стремительно, неуловимо и смертоносно, точно арбалетная стрела. Боксируя весьма технично, он продержал Мэлони на расстоянии четыре раунда, а в пятом влепил ему в челюсть левым кулаком — наконечником стрелы. Джек содрогнулся, публика замерла в ожидании неминуемого нокаута, но вместо того, чтобы упасть, Мэлони ринулся на Слоуна и отправил в нокаут прямым правым в сердце.

Через несколько дней после этой победы Мэлони заглянул в комнату Грендона — с некоторых пор их отношения намного улучшились. Втайне Мэлони восхищался Айсбергом, считал его лучшим пилотом для любого боксера, который стремится к высшим титулам. Да и сам Грендон, скорее всего, под маской неприязнителя ворчуна скрывал искреннюю симпатию к своему подопечному.

Заходя к Грендону, Мэлони озадаченно чесал в затылке.

— Смотри-ка, — протянул он менеджеру свежую газету. — Вчера в Америке Железный Майк Бреннон был нокаутирован другим Железным Майком — Костиганом. В первом же раунде! А еще здесь написано, что это первый нокаут Бреннона.

Грендон кивнул.

— Но ведь ты говорил, — удивился Мэлони, — что Рыжий Пирн, ну, тот, которого я побил в Сиднее, но-

каутировал Бреннона еще раньше. Только поэтому я смог собраться и вернуться в большой спорт, смог вновь побеждать.

Грендон еще раз кивнул:

— Согласен, Джек. Тебе нужна была эта подпорка. А теперь ты достаточно окреп, чтобы двигаться вперед самому.

Мэлони нахмурился. Постепенно серьезное выражение на его лице уступило место довольной улыбке. Усмехаясь, он сказал:

— Ты прав. Сейчас я выше этого. Все мои проблемы крылись лишь в одной загвоздке в мозгах. А сейчас мой разум и сердце свободны, значит, путь вперед открыт. И я буду драться, драться и драться.

Тут он прервал свой монолог, пораженный мыслью, до сих пор ему в голову не приходившей.

— Слушай, а ведь Бреннону, поди, здорово досталось, если дело кончилось нокаутом.

— Последний раз я его видел за месяц до того, как поехал к тебе в Мексику. Он выглядел старой развалиной. Кандидат в дурдом. Да и физически он сильно сдал. В том состоянии его мог побить кто угодно. Так обычно и бывает с железными людьми — годами они остаются непобедимыми, а потом вмиг ломаются.

Мэлони покачал головой:

— Столько лет я его ненавидел... но, знаешь, ненависти не осталось. Я даже не хочу встречаться с Майком на ринге. Впрочем, в газете пишут, что он уходит из спорта. Даже если это не так, я все равно не хочу драться с человеком, который стоит на пороге могилы... или психушки. Нет, дайте мне помериться силами с Костиганом — парнем, который одолел-таки Железного Бреннона!

— Но, Джек, он ведь тоже Железный Майк! Зеркальное отражение Бреннона. Четыре года назад он здорово отдал тебе.

— Ну и что? Кстати, Грендон, давно хотел сказать тебе, да все недосуг было. Я очень благодарен тебе за

то, что сейчас могу подумывать о бое с Костиганом, за то, что я победил уже нескольких первоклассных мастеров, за то, что вновь стал человеком, пусть поначалу и не хотел этого. Нет, я не знаю твоей цели, но результат меня устраивает вполне.

— Что ж, Джек. — Голос Грендона был непривычно мягок. — Я положил на тебя глаз много лет назад, когда ты только начинал выступать. Но перекупить твой контракт мне не удавалось. Как боксер ты мне нравился всегда. А в последнее время нравишься и как человек. Когда я узнал, что ты пропадаешь, спиваешься в захудалом городишке, я решил выяснить, сможешь ли ты подняться из грязи, если протянуть тебе руку помощи. Помнишь, я сказал тебе, что мэр той дыры — мой приятель? Так оно и есть. Я все это и устроил с его помощью. Никаких полицейских ты не бил. Ты нажрался так, что ударить кого-нибудь или что-нибудь вспомнить уже не мог. И денег на тебя я не ставил. Честно говоря, ставить-то было не на кого и не на что.

Признаю, что отправлять тебя на бой с Диасом в твоем состоянии было жестоко. Но я хотел понять, осталось ли в тебе то главное, что делает нормального человека боксером, бойцом. И даже если б мексиканец уложил Джека Мэлони первой же оплеухой, я все равно не оставил бы тебя пропадать в том паршивом городишке, поверь. Однако в бою с мексиканцем ты доказал, что в тебе сохранилось великое, почти сверхъестественное умение драться. Не думаю, что кто-либо другой после трех лет пьянства умудрился бы покаутировать боксера в хорошей форме. И я в тебе не ошибся. Сердце бойца по-прежнему билось в твоей груди. Проблема заключалась лишь в чувствах и разуме. И чтобы справиться с ними, тебе нужна была встряска. Что же касается мнимой победы Пири над Бренноном — пусть этот трюк останется на моей совести. Главное, что он помог тебе, сыграл свою роль катализатора.

— Но как ты все это устроил?

— Очень просто. Проще, чем можно предположить. Помнишь ту заметку? Она еще была порвана и склеена. Немножко работы с ножницами и клеем — и вот результат. Вместо «был нокаутирован» мы видим «нокаутировал в первом же раунде». Я же знал, что ты не будешь всматриваться в эту бумажку. Для тебя был важен смысл заметки.

Мэлони рассмеялся:

— Да, сработано отлично. Я ведь как на крыльях летал, вновь уверился в себе, и эту уверенность теперь из меня никто не выбьет. Нет, старик, теперь я точно настроился на бой с Костиганом.

— Джек, ты ничего не добьешься, встретившись с этим железным парнем. Он сейчас в отличной форме. Ни Демпси, ни даже Фитцсиммонс не смогли нокаутировать его. Если ты уложишь Железного Майка, что ж — слава и известность тебе обеспечены. Но если победит он, тебе наверняка конец. Железные люди — самые страшные противники для нервных, чувствительных боксеров твоего типа. Лучше выйди против смекалистого техничного парня — толк будет при любом исходе.

Мэлони покачал головой:

— Я стал старше и умнее. Теперь я не позволю измотать себя, как в бою с Бренноном. Но я хочу, понимаешь, мне нужно победить человека, победившего того, кто победил и уничтожил меня. Только тогда я смогу в полной мере восстановить самоуважение и уверенность в себе!

* * *

Вот заметка, появившаяся в газетах месяц спустя:

«Джек Мэлони, о сенсационном взлете и падении которого говорит спортивный мир до сих пор, сделал еще один большой шаг на пути возвращения к вершинам бокса, победив по очкам Железного Майка Кос-

тигана, победителя Железного Майка Бреннона. Мэлони, похоже, полностью восстановил свой могучий удар и скорость, за которые был прозван журналистами Вирджинским Громом. Теперь ему вновь предсказывают быстрое восхождение к чемпионскому титулу.

Это был первый бой Мэлони в Америке с тех пор, как он решил вернуться в спорт. На протяжении всего поединка он уверенно вел по очкам, а в последней трехминутке дважды посылал Костигана в нокадауны, из которых тот выходил на последней секунде отсчета. Только сверхчеловеческое упорство Майка и его невероятная нечувствительность к боли, которым мог бы позавидовать сам Джо Грим, помогли ему продержаться и избежать первого в его карьере нокаута. Впрочем, почти наверняка следующий раунд был бы для него последним. Противник добился бы своего. Джек Мэлони, хотя он и не одержал победу нокаутом, заслуживает всяческих похвал за великолепную работу на ринге и выглядит наиболее реальным претендентом на чемпионский титул этого года».

КУЛАКИ ПУСТЫНИ

1

Небольшая железнодорожная станция — краска давно облупилась на солнце, — вагоноремонтная мастерская, несколько ржавых складских сооружений да кучка убогих домишек по другую сторону насыпи — вот что представлял собой разъезд Юкка, изнывающий под палящим солнцем пустыни, пустыни без конца и края.

В скудной, не дающей прохлады тени станции прохаживался взад-вперед Эл Лайман. Маленький, щуплый, с узкими плечами и впалой грудью, он выглядел типичным выходцем из трущобных кварталов. Хищно поблескивающие, маленькие бегающие глазки, острый клювообразный нос — все это, конечно, не добавляло ему обаяния, а говорило лишь о порочности, отсутствии щепетильности в вопросах чести и болезненном тщеславии.

Тот, кто обеспечивал ему кусок хлеба, маячил по соседству — внушающий уважение своими габаритами Спайк Салливэн, хорошо известный посетителям боксерского клуба на Барбари-стрит. Вычи плечи,

длинные, по-обезьяньи висящие руки, немытые черные волосы... Сальное лицо, квадратная, выступающая вперед челюсть, глубоко посаженные глаза...

В общем, ни дать ни взять красавчик с обложки модного журнала. К тому же этой, и от природы «очаровательной» физиономии, видимо, пришлось вынести немало сильных ударов, оставивших весьма милые следы — глубокие шрамы, швы и расплющенный нос.

Салливэн со злостью озирался, прохаживаясь рядом с Лайманом. Оба двигались только по одной причине — ходить в такую жару было менее неприятно, чем стоять на месте. Салливэна раздражало все: убогий городишко, станция, человек, едва различимый за немытым сто лет окном зала ожидания, даже бродячий пес, прячущийся от жары под перронной скамейкой.

Добродушная псина сделала ошибку, неправильно истолковав взгляд человека. Пес почесал за ухом, вылез из-под скамейки, потянулся и шагнул к Салливэну, умильно виляя хвостом. Спайк раздраженно послал его куда подальше. На эту тираду отреагировал человек в зале ожидания — он вышел на порог и бесстрастно оглядел незнакомцев.

Человек этот настолько же органично вписывался в окружающий пейзаж и интерьер, насколько оба приезжих казались инородными элементами в этой обстановке. Высокий, как Салливэн, он был лишь чуть более узок в плечах и намного меньше напоминал гориллу. Зато он был пропорционально сложен — выкованный пустыней и отшлифованный солнцем, не оставившим в его теле ни грамма лишнего веса. Мирно сложив на груди могучие руки, он уставился вдаль, в ту сторону, откуда должен был появиться поезд.

Пес прошелся вслед за незнакомцами, несколько напуганный, но все еще ожидающий, что его ласково погладят по голове и почешут за ухом. Дойдя до места, где тень заканчивалась, Салливэн вдруг резко повернулся и бросился на ошарашенного пса, широко раз-

ведя руки. Собака отскочила в сторону, и тогда он пнул ее изо всех сил — несчастный зверь поспешил забраться под скамейку, чтобы переждать там очередные жизненные невзгоды. Но в Салливэне вдруг проснулся куда более сильный звериный инстинкт, нежели тот, что присущ любой собаке. Он перестал контролировать себя, его сжигала жажда разрушения всего, что вызывало у него недобрые чувства, а значит — разрушения всего мира... или хотя бы вот этой несчастной псины.

— Перестань, Спайк, — попытался успокоить его Лайман. — Плюнь ты на нее, пусть сидит.

Салливэн не обратил внимания на слова Лаймана, вознамерившись вколотить ногами визжащее животное в асфальт перрона или кирпич стены. Неожиданно в обычный для него хód вещей вмешался человек из зала ожидания. Сделав шаг вперед и оказавшись между скамейкой и Салливэном, он сильно отпихнул того в сторону.

— Оставь собаку в покое, — спокойно сказал он.

— Это твоя скотина? — прорычал боец, сжимая кулаки.

— Нет. Была б моя, я бы не разговаривал с тобой, а всадил бы тебе в башку девять грамм свинца. А так я всего лишь прошу тебя.

Не дослушав, Салливэн нанес удар правой рукой. Бить он умел так, как умеют все боксеры клуба «Барбери-стрит». Числились за ним и драки со смертельным исходом. Противник был застигнут врасплох, и его челюсть приняла на себя всю мощь удара Салливэна. Лайман ойкнул и отскочил в сторону. Однако человек из пустыни не упал. Он покачнулся, на губах показалась кровь, но падать он не собирался, чем привел Спайка в замешательство. Вместо того чтобы продолжить атаку, Спайк на миг замер и немного опустил руки. Это было ошибкой, ибо ответ человека из пустыни оказался сильным и быстрым, как бросок тигра.

Скрипнули подошвы ботинок, крутанувшихся на месте вслед за разворотом тела, и левая рука незнакомца впечаталась Салливэну в грудную клетку. Спайк, не ожидавший такого поворота событий, не успел поставить блок. Еще бы, ведь никто в «Барбары», где выступали самые лихие, самые упрямые бойцы Западного побережья, не мог блокировать его удар.

Незнакомец ничего не понимал в боксе, его удары были слепыми, размашистыми, но в каждый из них он вкладывал весь свой вес, мощь плечевых мышц, корпуса, ног. Казалось, он сотворен из железа и камня. Кулаки Салливэна ранили его до крови, но он держал удары, и те, казалось, лишь распаляли его злобу. Во взгляде Салливэна мелькнуло отчаяние: ни один человек не может устоять против его ударов, однако для этого незнакомца из пустыни они как семечки!

Болезненный хрип вырвался изо рта Салливэна, когда кулак противника, пробив неумело поставленный блок, врезался ему в живот. Спайк невольно опустил руки. И тут же — в первый раз с начала драки — молотоподобный кулак человека из пустыни ударил ему в лицо, словно гиря в спелый арбуз. Кровь полилась ручьем; Салливэн покачнулся и рухнул.

Поскуливая, пес вылез из-под скамейки и поспешил найти себе более спокойное местечко. Над станцией повисла тишина, нарушаемая лишь стрекотом телеграфного аппарата. Дежурный даже не удосужился выйти на перрон, бесстрастно обозревая поле боя через раскрытое окно.

— Т-ты... кто такой? — прохрипел Эл Лайман, торопливо расстегивая вдруг ставший ему тесным воротник рубашки.

— Кирби Карнес, — коротко ответил незнакомец, глядя на менеджера сверху вниз.

— Боец? — Похоже, Лайман забыл о Салливэне, валяющемся у его ног в луже крови. — В смысле, чем ты на жизнь зарабатываешь? На ринге выступаешь?

Карнес покачал головой.

— Я был разнорабочим на нефтяном плато Сан-Годро, пока компания не закрыла скважины. Теперь ищу работу.

— Эй! — торопливо заговорил Лайман, поглядывая в сторону приближающегося к Юкке поезда. — Ты в эти скважины талант свой зарываешь! Знаешь, что ты сейчас сделал? Думаешь, просто морду кому-то набил? Нет, ты набил морду Спайку Салливэну, одному из самых твердых орешков на всем побережье! Ты мог бы стать сенсацией!

— Драться голыми руками, без перчаток — это мне знакомо. Приходилось. — Кирби задумчиво массировал глыбы бицепсов. — Но боксировать на ринге... Я как-то об этом и не думал.

— Давай так: я буду твоим менеджером, а ты будешь драться, — затараторил Лайман. — Обещаю: за месяц в Сан-Франциско ты заработаешь больше, чем за год, ковыряясь в своем мазуте. Ну, что скажешь?

Карнес оглядел колышущийся в знойном мареве горизонт, словно прощаясь со столь милой его сердцу пустыней, а затем произнес:

— Всегда хотел побывать в Сан-Франциско. Работы здесь нет и, скорее всего, в ближайшее время не предвидится.

— Отлично! — Лайман не скрывал удовольствия. — Помоги мне перетащить эту развалину в зал ожидания.

Несколько секунд спустя все еще валяющийся без сознания Спайк был перемещен на диванчик в душном зале ожидания. Мухи роем кружились вокруг его окровавленного лица.

— Пошли. — Лайман потянул Карнеса за рукав. — Поезд уже прибыл, стоянка всего две минуты.

— А с ним что? — Карнес ткнул пальцем в лежащего Салливэна.

— Да плюнь ты на него, пусть лежит. — Эл настойчиво тянул свою находку к дверям. — Я вконец извелся с этим доходягой. Пусть возвращается в свой по-

селок и вкалывает на шахте. Там ему и место, коли ничего другого не умеет.

Стук колес уносящегося на запад поезда звучал в ушах Лаймана точно звон монет. Легкие деньги! Отличный заработок! Эл уже продумал, как правильнее использовать этого дикаря Карнеса. Что-что, а использовать людей на полную катушку жуликоватый менеджер умел превосходно. А сам Кирби, не искушенный в спортивных делах, абсолютно не умеющий распознавать проходимцев вроде Лаймана, предугадывал, как тот собирается выжать его и что ему уготовано судьбой.

2

Элу Лайману не составило труда организовать первый поединок для Кирби Карнеса в клубе «Барбари»: ведь хозяин заведения знал, что у всех бойцов Лаймана есть некая изюминка. Элу же было известно, что именно нужно публике — он чувствовал это нутром. На всякий случай Эл позаботился о том, чтобы первый противник Карнеса оказался не слишком сильным. И выбрал одного стареющего ветерана, даже в лучшие свои годы не хватавшего звезд с неба.

Циничный интерес к предстоящему бою у зрителей возрос, когда Лайман принялся повсюду распространяться о жестокости и выносливости настоящего «льва пустыни».

— Ребята, он абсолютно не умеет боксировать, — говорил он знакомым в кафе. — Да ему это и не нужно. Он сделан из стальных пружин, обмотанных вокруг железных балок, и китовой кости, покрытой невыделанной бизоньей шкурой. Ну, Спайка Салливэна вы все знали. Тупица он был преизрядный, но что-что, а бить умел. Так вот, Спайк с минуту молотил его изо всех сил, со всем старанием, — а этому как об стенку горох. Нет, ребята, моего парня нокаутировать невозможно. Это я вам серьезно говорю.

По крайней мере, старине Джо Харригану сделать это не удалось. По сигналу гонга Карнес смерчем вылетел из своего угла. Не умея защищаться и уворачиваться, он дрался как мог. И даже не подозревал, что поединок на ринге сильно отличается от тех бесчисленных кабацких драк и стычек на улице, в которых ему доводилось участвовать. Огни ламп и крики зрителей сначала беспокоили его, но после гонга он забыл обо всем. И пулей вылетел на середину ринга.

Харриган никогда не отличался особыми достоинствами. А сейчас и вовсе его мышцы превратились в истертые веревки, костяшки пальцев — в стертые куски мела, и любое прикосновение перчатки противника к его голове отзывалось в мозгу гулким болезненным эхом.

В течение раунда он избегал убийственных, свистящих кулаков Кирби Карнеса — уворачивался, блокировал, зажимал противника в клинч.

То же продолжалось и во втором раунде, и только под конец мощный удар Карнеса снизу со всей силой влился в солнечное сплетение Харригана. Старый боксер, позеленев лицом, рухнул на ринг, и спас его от нокаута лишь прозвеневший гонг.

Лайман шепотом вторил орущей толпе, побуждая Карнеса к активным действиям. В конце концов, публика приходила в «Барбари» именно за этим — насладиться полновесными ударами, кровью, текущей по лицам, расквашенными носами и рассеченными бровями бойцов, видом корчащегося на ринге проигравшего... Лишь один человек в первом ряду, покачивая седой головой, что-то неодобрительно бормотал себе под нос, и, судя по выражению лица, находил в таком боксе нечто отталкивающее.

На третий раунд Харриган вышел, все еще морщась от резкой боли в животе. Карнес обрушил на него удар правой. Харриган слишком устал, чтобы увернуться, слишком плохо себя чувствовал, чтобы продумать защиту.

Перчатка противника лишь скользнула по его челюсти, но этого оказалось достаточно. Харриган рухнул на ринг (как и в трех предыдущих боях), а рефери, сосчитав до десяти, поднял руку Карнеса. Зрители свистели и восторженно вопили. Свистели — ибо знали, что старина Джо уже вышел в тираж, а кричали потому, что свалить его с ног, в конце концов, было работой Карнеса, и сделал он ее вполне достойно.

— Отлично, Кирби, отлично, — бубнил Лайман, накидывая халат на плечи своего подопечного. — Что я тебе говорил? Дерись как умеешь, не надо ничего придумывать. Принимай все удары, изматывай противника, лупи сам. Наплюй на технику. Тебя все равно никто не сможет нокаутировать.

Когда зрители стали расходиться, один из болельщиков ткнул пальцем в сторону седого худощавого мужчины из первого ряда и сказал своему приятелю:

— Знаешь, кто это? Сам Джон Рейнольдс. Он был менеджером не менее дюжины парней, которых с самого дна вывел в первую лигу. Время от времени он появляется в клубах вроде нашего — высматривает подходящий материал.

Его собеседник, пораженный услышанным, пробрался поближе к уходящему менеджеру и, сам удивляясь своей дерзости, обратился к нему:

— Мистер Рейнольдс, как вам сегодняшние бои?

— Грязь, как всегда, — сухо ответил тот. — У Лаймана отличный парень, так ведь он, как обычно, изматывает его, высосет все соки и бросит.

Справедливость этого пророчества подтвердилась не сразу. Поначалу Карнес быстро завоевывал популярность в «Барбари». Он мог бить сильно, умел держать удар. А большего на Барбари-стрит и не ждали.

Невежество Карнеса в отношении бокса было потрясающим. Он беспрекословно выполнял все требования и рекомендации Лаймана. Он даже не предполагал, насколько тот обманывает его, выдавая подсчитанную им единолично сумму гонорара. Жил Кир-

би в дешевых мебелирашках неподалеку от клуба, тренировался в убогом зале, переделанном из конюшни, а в перерывах между матчами подрабатывал помощником бармена — разливал пиво по кружкам.

Один спившийся, превратившийся в развалину ветеран обучил его азам бокса — но не более. Лайман не хотел, чтобы его подопечный чему-либо учился: он зарабатывал хорошие деньги в основном на способности Кирби выдерживать постоянные побои. Чем меньше тот будет знать, тем зрелищнее будут моменты боев, когда Карнес, не умея уходить от атаки или защищаться, принимает на себя весь шквал ударов противника.

— Напирай, бей, терпи удары и молоти сам! — К этому сводились все инструкции Лаймана.

Первые полдюжины боев Карнес выиграл нокаутом. Зеленые юнцы и загнанные ломовые лошади не могли устоять против его ураганных нападений и сокрушительных свингов. Затем он встретился с более серьезным соперником: Джим Харпер не был ни салагой, ни развалиной. Он знал, что такое бокс, знал технику и умел бить. Карнеса он победил по очкам в десяти сумасшедших раундах. Кирби вовсе не был обескуражен плачевным исходом поединка. Лайман подбодрил его: дескать, с каждым бывает. Любой боксер время от времени проигрывает встречи. «Главное, говорил Эл, не позволить никому нокаутировать тебя.»

В матче-реванше Карнес, противопоставив навыкам и опыту Харпера безудержную силу и железную челюсть, сумел победить нокаутом. В этом бою зрители впервые по-настоящему оценили упорство и непробиваемость человека из пустыни. Кулаки, ломающие кости другим, отскакивали от его ребер и челюсти, словно мячи от каменной стены.

С этого дня эксплуатация его мускулов, костей, силы и нервов началась всерьез. Его ставили в спарринг с самыми серьезными молотильщиками, каких только удавалось найти среди тех, кто не брезговал выступать в заведениях типа «Барбары». Бой за боем Кир-

би проигрывал по очкам — не в силах справиться с грамотно действующими, опытными, не желающими рисковать боксерами. Однако хозяина клуба и Эла Лаймана это ничуть не огорчало. Привлекательность Карнеса заключалась не в количестве побед, а в его непробиваемости. Зрители и не ждали от него победы — они приходили заключать пари на то, сколько раундов он продержится и достоин ли до конца боя. Кроме того, время от времени Кирби удавалось победить нокаутом — когда измотавший себя соперник забывал об осторожности и один из слепых свингов «льва пустыни» попадал-таки в цель.

Кирби Карнес получил известность как человек, которого невозможно нокаутировать. Вечер за вечером выходил он на ринг ревущего зала «Барбари», чтобы подставить себя под град ударов очередного безжалостного мордоворота, и терпел эту пытку до последнего сигнала гонга. И вечер за вечером приходил на его выступления Джон Рейнольдс — с непроницаемым лицом следил он за поединками.

Настал день, когда Эл Лайман решил, что пришла пора большой жатвы. Кирби Карнес был записан на матч с Джеком Миллером.

Миллер выделялся среди тех, кто выступал на ринге «Барбари». Не чемпион, он тем не менее славился отменным поставленным ударом, отличной профессиональной техникой и грамотно построенной тактикой передвижения по рингу. Класс, опыт, выносливость, способность быстро адаптироваться — в общем, все это не оставляло сомнений в том, кто победит в предстоящем поединке. Неясным было лишь, одолеет Миллер Карнеса нокаутом или ограничится победой по очкам. Немалые деньги — по мерке заштатного клуба — были поставлены на кон. Учитывая бои Карнеса, в которых он ни разу не был нокаутирован, а также недостаток настоящего взрывного характера убийцы у Миллера, ставки шли три к одному на то, что Кирби выстоит до конца поединка.

Незадолго до начала матча к Элу Лайману подошел некий Джон Линч по кличке Большой Джон.

— Лайман, запомни, твой Карнес должен лечь в девятом раунде. Можно раньше, но не позже, — пробурчал он, глядя Лайману в глаза.

— Сделаем, — пообещал Лайман. — Я и сам немало поставил через своих ребят. Карнес выдохся: слишком часто его молотили. Долго не простоит. А потом пусть катится обратно к себе в пустыню. Уверен, что Миллер уложит его и без чьей-либо помощи. Но — рисковать не будем, я все возьму под контроль и, если будет нужно, вмешаюсь.

Лайман был достаточно проницателен — он почувствовал, что Карнес от природы честен и неподкупен и не стоит соваться к нему с предложениями поиграть в поддавки. Он уверял Кирби, что его единственный шанс на победу — идти напролом, не обращая внимания на град ударов противника. Карнес знал, что на любой работе приходится вкалывать в поте лица, и не видел, почему бокс должен отличаться от другой работы. Он никогда не сомневался в словах менеджера. Зато в последнее время стал сомневаться в другом — в своих собственных способностях. Он и не подозревал о том, насколько жестоко и безжалостно его эксплуатируют.

Сидя в своем углу ринга, он рассеянно разглядывал зрителей, угадывая среди них примелькавшиеся лица. Вот худое, вытянутое лицо человека, которого, кажется, зовут Джон Рейнольдс, — известного боксерского менеджера. А вот и широкая грубая рожа Большого Джона Линча в окружении гориллоподобных физиономий его ассистентов-телохранителей — Штеймана, Макгурти и Сорелли. Линч был хозяином букмекерских контор и тотализаторов в квартале, а значит, едва ли не хозяином всей Барбари-стрит и прилегающих улочек.

В противоположном углу готовился к бою Джек Миллер — высокий, мощный, с литыми мускулами,

безжалостным лицом и расплюснутым носом. Не чемпион лиги, но наиболее серьезный и знаменитый боксер из всех тех, с кем доводилось встречаться Карнесу.

Лайман, обвешанный полотенцами, время от времени бросал опасливые взгляды в сторону попыхивающего сигарой Линча. Карнес чисто механически ковырял носком покрытие ринга. Его ждала привычная тяжелая работа. То, что нокаутировать Миллера ему не удастся, он уже понял; оставалось стоять насмерть самому и продержаться до конца поединка. В мозгу родилась весьма нерадостная мысль: ведь все его достояние — это железная, «непробиваемая» челюсть. У каждого человека есть свое место в жизни. Он, Кирби Карнес, занял нишу железного человека — кто дерется не столько для победы, сколько для того, чтобы продержаться до конца. Закончить бой стоя уже означало победить. Это казалось странным, но Лайман не раз убедительно доказывал, что так и должно быть, что другого ему не дано.

Жизнь, в которую он окунулся, была слишком сложной для человека пустыни, поэтому Кирби слепо подчинялся Лайману. Он даже понятия не имел о сумме его сборов и своей доле в них. Доля эта выходила весьма скромной. Но думать о сложностях городской жизни ему было втягость. Привычных мыслей не хватало, нужно было шевелить мозгами.

Порой он сравнивал себя с человеком, бредущим по незнакомой местности в густом тумане. Впрочем, туман, рождающийся от огромного количества ударов в голову, действительно начинал окутывать его мозг плотной пеленой. Изувеченные уши, брови, нос — он уже выглядел ветераном, прошедшим всю жизнь на ринге. Кирби озарило: несомненно, любое дело человек должен начинать с азов, с самого дна, однако выходило так, что ему суждено остаться на дне, на захудалом ринге, до конца своих дней — видимо, весьма недалекого. Тряхнув головой, Кирби отогнал несвое-

временные мысли и вернулся к реальности, к последним торопливым указаниям Лаймана.

Гонг! Привычный ураганный рывок в сторону противника. Привычный рев толпы в изуродованных ушах: «Карнес! Карнес! Карнес!» Человек, которого невозможно нокаутировать!

Миллер холодно улыбался. Ему и раньше доводилось встречаться с железными бойцами, но он был для них опаснее любого молотобойца-убийцы. Тактика Миллера была проста — растряссти крепкого на удар парня не сокрушительными, но опасными тычками и хуками в голову. Заставить его пропотеть, устать, сбиться с ритма. Не изматывать себя, пытаясь пробить его с первой же атаки.

Миллер, огрызаясь, отступал. Карнес лез вперед. Миллер безошибочно почувствовал, что не следует пытаться резко остановить, сбить эту атаку мощными ударами. Он пятился, время от времени выстреливая короткими прямыми тычками в лицо противника, и лишь иногда прорывался вперед, буравя корпус Карнеса сериями резких апперкотов. Карнес, соображая, что его кулаки молотят воздух где-то за спиной Миллера, замирал в недоумении. Ничего не зная о правилах предельно близкого боя, он в лучшем случае обхватывал Миллера локтями и ждал, пока судья остановит бой и разведет противников. Его брюшные мышцы стальными плитами звенели под молотоподобными кулаками Миллера. Сам же Миллер недовольно кричал, понимая, что ему придется немало потрудиться, чтобы «довести» этого парня.

Раунд за раундом Карнес держался — держался непоколебимо физически и душевно. Когда он проводил удачный удар, Миллер содрогался до самых пяток. Впрочем, случалось это нечасто. Опытный боксер, Джек быстро приноровился к весьма однообразному стилю соперника. Несмотря на лавину ударов и несколько свежих отметин на лице, Кирби чувствовал себя уверенно, дышал ровно и глубоко. К концу седь-

мого раунда он не давал ни малейшего повода усомниться в своей решимости закончить бой на ногах.

Вынув сигару изо рта, Большой Джон многозначительно кивнул Лайману. Эл суетливо вынул из кармана маленький пузырек. В перерыве под прикрытием правильно вставшего и расправившего полотенце секунданта он поднес пузырек к окровавленным губам Карнеса.

— Выпей! — прошипел он. — Давай, живее!

Не задавая вопросов, Карнес сделал глоток. Приказ менеджера — закон. Жидкость пахла неприятно, рот обожгло горечью. Фыркнув, Кирби хотел спросить Эла, зачем это было нужно... но тут прозвенел гонг.

Карнес привычно вылетел на ринг и понял: что-то идет не так. Фонари поплыли перед глазами, и он на миг замешкался, чтобы проморгаться. В этот момент полновесный хук Миллера угодил ему в неприкрытую челюсть.

Карнеса отбросило к канатам, затем — отдачей — обратно. Ощущение было такое, словно перчатка противника все еще давит на его челюсть — с силой, почти равной силе удара. Ноги дрожали, руки повисли плетями. Однако помутившееся сознание упрямо твердило ему, что этот удар был ничуть не сильнее множества других. А значит, причина странного эффекта лежит в нем самом, в Кирби Карнесе.

Человек пустыни разозлился больше обычного. Зрители приняли это за результат умелого боксирования Миллера, но Кирби понимал, что в нем самом поселилось нечто, тянущее к земле руки, наливающее свинцом взгляд. Миллер чувствовал перемену в состоянии противника, но действовал осторожно. Может быть, это ловушка. А рисковать он не имел права — слишком высока была цена каждого пропущенного удара. Энергично работая вытянутой левой рукой, правую он все время держал наготове — в «заряженном» состоянии.

Конец раунда Карнес встретил на ногах.

Эл Лайман с тревогой поглядывал на Большого Джона, который демонстративно мрачно и злобно загасил окурки сигары о подошву ботинка. Поежившись, Лайман наклонился над Карнесом:

— Ну, Кирби, как дела? Как себя чувствуешь?

— Паршиво, если не сказать хуже, — ответил тот. — Что ты в меня влил?

— Просто чуть-чуть разбавленного бренди, — соврал менеджер. — Ты побледнел, и я подумал, что это поможет тебе взбодриться.

— Я продержусь! — сказал сам себе Карнес и встал с табурета. — Меня не собьешь...

«Никто не сможет нокаутировать меня», — такая мысль билась в затуманенном мозгу Карнеса, пока он вновь и вновь подставлял свое тело и голову под безжалостные кулаки соперника. Миллер, поняв, что заторможенное состояние Карнеса — никакая не уловка, вылил на него всю скопившуюся и до сих пор придержаваемую ярость.

«Не падать! Вытерпеть до конца!» — повторял про себя Карнес. Устоять — вот единственно возможный для него вариант победы. Значит, надо крепче стоять на подгибающихся, дрожащих ногах, чаще работать отяжелевшими руками и, главное, держать, держать, держать все новые и новые удары противника. Будь что будет, пусть обрушится крыша зала, пусть землетрясение сметет с лица земли весь город, пусть мир рухнет, но он должен выстоять до конца поединка.

В перерыве он точно сквозь туман видел неприлично бледное лицо Эла. Откуда-то издали доносился его взволнованный, произносящий странные слова голос:

— Хорош, Кирби, хватит! Кончай мучить себя. Получи хороший хук в челюсть и вались на ринг.

Лайман знал, что выбрасывать полотенце на канаты бесполезно. Большие деньги поставлены на миллеровскую победу нокаутом, и произойти это должно до того, как начнется десятый раунд. Да и зная репу-

тацию Карнеса, судья ни за что не остановит поединка. Лайман попал в свою же ловушку.

— Брось, старик, — не чувствуя подвоха, успокаивал Карнес менеджера. — Я еще в форме. Меня так просто не возьмешь. Я достоин до конца.

Гонг — и рев толпы. Хруст пальцев, согнутых плотной кожей перчатки, пот, что заливает горящие огнем глаза. И Кирби Карнес — все еще на ногах, не смотря ни на что.

Единственный знакомый Кирби прием защиты — в крайнем случае поплотнее обхватить голову руками — против Миллера не срабатывал. Его увесистые апперкоты, проникающие меж локтей Кирби, били по голове, словно падающие с крыши кирпичи. Раскрывшись, Карнес молотил перчатками воздух, а кулаки противника, казалось, срезали кожу с его корпуса острыми ножами.

На этот раз гонг прозвенел, когда Карнес лежал на полу.

Секунданты оттащили его в угол, усадили на табурет. Лайман был вне себя от злости и страха. Один из ассистентов успокоил его — разглядывая Карнеса, он покачал головой:

— Все. Он и половины раунда не продержится. Такого не вынесет никто.

— Продержусь, — почти в бреду прохрипел Карнес. — Он не сможет меня нокаутировать.

Рев толпы превратился в далекий гул. Огни ринга слились в одно туманное пятно, на фоне которого вырисовывался силуэт Миллера — безжалостного кровавого божества с двумя палицами вместо рук. Гонг — едва различимый звоночек — донесся откуда-то с другого конца вселенной.

Словно пьяный, пошатываясь, Карнес вывалился на ринг. Миллер, почуяв беспомощную добычу, налетел на него пантерой.

Карнес вяло отмахивался и сквозь застилавший разум туман вдруг понял, что удары противника почти

перестали причинять боль его онемевшим нервным окончаниям. Он вошел в то критическое, очень опасное состояние, когда человека легче убить, чем остановить. Еще несколько раундов — и карьере Кирби Карнеса придет конец, как, скорее всего, и его жизни. Но бой заранее был ограничен десятью раундами. И когда последний удар гонга остановил поединок, на ринге остался стоять пошатывающийся, окровавленный, почти обезумевший, но непобежденный «лев пустыни». Карнес дошел до своего угла и рухнул под крики толпы, что приветствовала его и освистывала не оправдавшего надежду, измотанного, вконец выдохшегося Миллера.

Мир погрузился в густой туман. Карнес смутно помнил, как секунданты внесли его в раздевалку, потому что идти он не мог. Послали за врачом, которого, по обыкновению клуба «Барбари», опять не оказалось на месте в самый нужный момент.

Впрочем, невероятная жизненная сила Карнеса и здесь дала о себе знать. Чувствовал он себя все хуже и хуже — ведь только усилием воли он до сих пор умудрялся преодолевать воздействие снотворного. Однако при этом Кирби нашел в себе силы сесть и отрешенно осмысливать происходящее, удивляясь, например, странной суетливости в поведении менеджера. Эл Лайман в ужасе задрожал, когда дверь раздевалки распахнулась от удара тяжелого сапога. На пороге вырос Большой Джон — мрачнее тучи; за ним — его гориллы-телохранители.

— Вон! — рявкнул Большой Джон; секунданты и ассистент поспешили исполнить его приказ.

Эл Лайман собрался было последовать за ними, но толстая, как стальная балка, рука Джона Линча перегородила дверной проем прямо перед его носом.

— Грязная продажная крыса! — рявкнул Линч, от слов и тона которого Лайман затрясся мелкой дрожью. — Это ты все подстроил. Ты! Видать, ты чего-то не понял. Я из-за тебя потерял три тонны баксов. Нет, ты, наверное, и вправду не понимаешь. Да я...

— Нет, Джон, нет! — взмолился Лайман. — Я сделал все, что мог. Я пытался, пытался уговорить его податься и лечь. Честное слово! Видит Бог, пытался! Карнес, скажи ему, скажи. Скажи, я просил тебя податься?

— Да, просил, — буркнул Карнес, чей затуманенный мозг не мог уследить за столь резкой сменой событий.

— Вот видишь? — Лайман подобострастно заглядывал Линчу в глаза. — Я ведь и снотворное ему дал. Ты же сам видел. Оно просто не сработало. Этот парень — не человек, он сущий дьявол...

Размашистая оплеуха открытой ладонью отшвырнула Лаймана в угол. Карнес с трудом встал на ноги. О чем весь этот базар, он понятия не имел, но так обращаться с его менеджером значило оскорбить и его самого. Никому он этого не позволит... Никому...

Снотворное, что проникло в воспаленный, измученный страшными ударами мозг, действовало все сильнее, не встречая сверхъестественного волевого барьера. Откуда-то издалека до Карнеса донеслось:

— Так это все из-за тебя! Это ты нас всех подставил. Ишь ты, он тут своевольничать будет, гонор держать, славу завоевывать, а нам что — деньги терять?!

Большой Джон ударил неожиданно. И без того неслабый, его удар был утяжелен зажатой в кулак свинчаткой. Кирби вздрогнул, развернулся, но тут ворвавшийся в комнату Сорелли огрел его тяжелой деревянной дубинкой. Карнес все еще стоял на ногах и пытался защищаться. Помутившееся сознание вновь перенесло его на ринг, где он отражал атаки напавшей со всех сторон темноты. Но возможности любого человека не беспредельны. Только что проведенный бой (десять раундов жестокого избиения) да слоновья доза снотворного делали свое дело. К тому же на этот раз противников оказалось несколько. Кулаки — вот самое безобидное, что обрушилось на него: со всех сторон его били кастетами, дубинками, стволами и

рукоятками пистолетов. Слышались приказы Большого Джона. Его подручные вышибли заднюю дверь клуба и, протаскив по коридорам бесчувственное окровавленное тело, вышвырнули его в пыль и грязь темного тупика в безлюдном конце квартала.

3

Джон Рейнольдс присел на край старой кровати, стоявшей в обшарпанной комнате — жилище Кирби Карнеса. После боя с Миллером прошла неделя, и Карнеса все еще трудно было узнать в лицо. Только человек недюжинной внутренней силы и природной выносливости мог очухаться после двух безжалостных избиений.

— Лайман заходил проведать? — осторожно спросил Рейнольдс.

Ответом ему были лишь гримаса презрения и легкий смешок.

— Я так и думал, — вздохнул Рейнольдс, помолчал и резко сменил тему: — Знаешь, Кирби, я давно за тобой наблюдаю. Несколько месяцев. В общем-то это не мое дело, но я не могу видеть, как пропадает человек с отличными задатками. Лайман — жулик, дешевый мошенник и болван. Все, что он в тебе увидел, это возможность сорвать пригоршню грязных долларов.

— А ты что, видишь во мне большее? — цинично усмехнулся Карнес. — Что же именно?

— Все. Скорость, удар, напор. Ты можешь учиться. Но до сих пор ты делал все, абсолютно все неправильно. Лайман ведь тебя ничему не учил.

— Он научил меня главному, — мрачно улыбнулся Карнес. — Показал мне, что собой представляет этот спорт.

— Нельзя судить о всех людях этой профессии по нескольким мерзавцам, вцепившимся в корку большого пирога. Ты никогда не встречался с настоящими

рыцарями ринга. Давай я буду тренировать тебя и вести твои дела. У тебя большое будущее.

Смех Карнеса был не самым приятным звуком для человеческого слуха.

— То же самое не уставал повторять мне и Лайман. А потом, в один прекрасный день, он влил в меня снотворное, продав с потрохами Линчу. Судя по всему, он со страху вкатил мне почти смертельную дозу. Я с трудом пришел в себя через сутки. Что поделать, предусмотрительностью и проницательностью я никогда не отличался. Все, что у меня было, это железная челюсть. Так, кстати, и Лайман говорил. Он мне создал репутацию непробиваемого бойца, а потом решил сорвать жирный куш, подставив меня, организовав ложный нокаут.

— Очень похоже на Лаймана. Но, поверь, у тебя есть нечто более ценное, чем стальные челюсти. И вина Лаймана в том, что он не давал тебе расти, совершенствоваться, проявлять себя по-новому.

— Виноват во всем только я сам. А еще большим идиотом я буду, если останусь в этом гадюшнике, — зло процедил Карнес. — Я возвращаюсь в пустыню. Туда, где вырос, где мне и место... Вот только улажу кое-какие делишки, долги верну — и вперед.

Рейнольдс побледнел.

— Нет, даже не думай! — взмолился он. — Они не стоят того, чтобы из-за них нарываться на неприятности. Оставь этих мерзавцев. Лучше пойдем со мной. Уверен, я смогу сделать из тебя достойного боксера.

— Еще большего болвана, чем сделал из меня Лайман? Ну уж нет. И вообще, проваливай отсюда! Я не хочу видеть никого, кто хотя бы отдаленно напоминает боксерского менеджера. Что я надумал, касается только меня. И не лезь не в свое дело.

Рейнольдс хотел сказать что-то еще, но удержался и вышел из комнаты. Карнес встал с кровати и оделся; двигался он осторожно, чтобы не вызывать боль. Из своих скудных пожитков извлек вороненый кольт

сорок пятого калибра, сунул за брючный ремень. На его изуродованном лице застыла мрачная решимость довести задуманное до конца.

Чуть позднее, когда уже стемнело, Карнес вышел из дома, прошел несколько кварталов, свернул в темный переулок. Здесь его походка приобрела легкость и бесшумность крадущейся пантеры. В конце переулочка находилась задняя дверь подпольного питейного заведения, где любили промочить горло Большой Джон и его приятели. Но не успел он сделать несколько шагов, как из глубины переулочка навстречу ему метнулся темный силуэт — это был не кто иной, как Рейнольдс.

— Я так и думал, так и думал, — сокрушенно качал менеджер седой головой. — Не зря в твоих глазах горел огонь убийства. Пожалуйста, Карнес, не надо. Одумайся. Тебя или пристрелят эти мерзавцы, или посадят на электрический стул. Пойми, не стоят они того.

— Там, откуда я пришел, — мрачно ответил Карнес, — есть только один ответ на то, как они со мной поступили. Прочь с дороги!

Карнес попытался одной рукой отодвинуть мешавшего ему Рейнольдса, но тот с неожиданной силой вцепился в нее. Карнес попробовал осторожно стряхнуть менеджера, не желая причинять пожилому человеку боль. В суете борьбы задралась пола его куртки и обнажила хорошо заметную в темноте кожаную накладку на рукоятке револьвера. Рейнольдс схватился за оружие, вытащил его из-за ремня Карнеса и вознамерился забросить кольт за высокий забор. Карнес, проклиная все на свете, перехватил руку менеджера и принялся медленно разжимать его пальцы. В какой-то момент чей-то палец непреднамеренно коснулся курка, и спустя несколько секунд случилось то, что должно было случиться: раздался выстрел — полыхнуло огнем, пахнуло дымом, от грохота заложило уши. Вдруг Карнес осознал, что Рейнольдс больше не держится за револьвер, а лежит на земле, бледный, и вокруг его ноги расплывается кровавая лужа.

В переулок вбежал полицейский. Рейнольдс, превозмогая боль, подтянулся и выхватил пистолет из онемевшей руки Карнеса.

— Что случилось? — сухим угрожающим тоном осведомился сержант. — Кто стрелял?

— Несчастный случай, — морщась от боли, ответил Рейнольдс. — Я показывал другу мой револьвер и случайно нажал на курок. Моя вина.

Карнес открыл было рот, но промолчал, повинувшись молчаливому приказанию Рейнольдса. Наклонившись над раненым, он умело наложил на его ногу жгут из ремня, пока полицейский вызывал «скорую помощь».

* * *

Несколько дней спустя Карнес сидел на краю больничной койки старого менеджера. Комкая в руках шляпу, Кирби искоса поглядывал на правую ногу Рейнольдса, оканчивавшуюся обмотанной окровавленными бинтами култей. Тяжелая пуля, войдя в ногу, пробила артерию и разворотила кость так, что восстановить ее оказалось невозможно. Врачам пришлось ампутировать Рейнольдсу ногу выше колена.

Рейнольдс спокойно смотрел в потолок. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Не дрожали и руки, когда он опирался на простыни, чтобы сесть поудобнее.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил Карнес, чувствуя, как его грубый голос буквально физически вспарывает больничную тишину.

— Ну, кое-каких денег мне скопить удалось.

— Немного, полагаю. Я тут узнал о тебе кое-что. Ты честный, не то что Лайман. Эх, знать бы раньше. Ты вывел в люди немало отличных парней, но на них состояния не сколотил. А теперь... Это все из-за меня, из-за моего упрямства. Я даже не знаю, как искупить свою вину.

— Если хочешь сделать мне доброе дело, забудь о мести Лайману и Линчу, — улыбнулся Рейнольдс. — Не стоит укусившая тебя крыса того, чтобы ты ее ненавидел.

— Договорились. Я их не трону. Но это ничего не меняет. Знаешь, если ты еще не передумал, возмись тренировать меня. Согласись, что... что нога не самое важное для тренировки боксера. Я хочу драться под твоим руководством — и для тебя. Мне не нужно ни цента, только самое необходимое, чтобы прожить. Все остальное я отдам тебе. Я, конечно, никакой не боксер, но кое-что заработать могу. В конце концов, покаутировать меня еще никому не удавалось.

Слабая улыбка осветила измученное болью лицо Рейнольдса. Его рука, с трудом поднявшись над одеялом, крепко пожала загорелую до бронзового цвета руку «льва пустыни».

4

Семь месяцев спустя Джон Рейнольдс, прихрамывая на еще не притершемся протезе, пришел к координатору поединков «Золотой перчатки».

— Билл, сделай одолжение, — попросил он, — поставь моего парня — Кирби Карнеса — против Джека Миллера.

— Карнес? — удивился Билл Хопкинс. — Это не тот ли кретин, которого Лайман в «Барбари» чуть ли не каждую неделю швырял, как кость голодным собакам? Да ну тебя, Джон. Этот парень не годится для нашего клуба.

— Еще как годится, особенно теперь, — настаивал Рейнольдс. — Я с самого начала знал, что из него выйдет толк. Все, что ему было нужно, это хороший тренер. Из инвалидной коляски я учил его боксу, с самых азов,ставлял ему самых разных спарринг-партнеров. Он ведь ни черта не знал о технике бокса, обо

всех премудростях. Да еще эта скотина Лайман вдолбил в парня, что он якобы не сможет ничему научиться. Это он-то, который все на лету схватывает! Он был почти насмерть «пробит», когда я взял его к себе, но сейчас, спустя больше полугода, он здоров как бык и стремителен как стрела. Он готов ко всему. Ну, зеленый еще — отрицать не стану. Так вот, именно опыта, и только опыта, ему и не хватает. Он быстро двигается, технично боксирует, крепко, очень крепко бьет. Он именно тот боец, о котором я мечтал годами. Ни один из моих бывших воспитанников ему и в подметки не годится. Наконец-то я получил в подопечные настоящего кандидата в чемпионы. Так что я очень прошу тебя, назначь его на бой с Миллером.

— Ладно, Джон, убедил, — негромко, словно из телефонной трубки, прозвучал голос Хопкинса.

Билл деликатно не смотрел на протез Рейнольдса, но ход его мыслей предугадать было нетрудно. Тяжело отказать человеку, который всю жизнь тянулся до заветной цели, а едва предоставилась возможность претворить свою мечту в жизнь, как он оказался инвалидом, к тому же — на пороге старости. В конце концов, независимо от результата, этот матч должен стать бенефисом Джона Рейнольдса.

Миллер не пришел в восторг от решения администрации. Среди спортсменов и болельщиков до сих пор ходили разговоры о том, как он не сумел свалить Карнеса. На этот раз Джек твердо решил с первых же секунд идти в отчаянную атаку и добить-таки ненавистного Карнеса — любой ценой. Почему такой разумный и просчитывающий все наперед человек решил вдруг посоревноваться в упорстве, упрямстве и способности терпеть боль со славящимся именно этими качествами противником — рациональному объяснению не поддается. Видимо, главную роль в этом сыграла жажда мести.

«Золотая перчатка» — современный клуб с большим залом, просторными и светлыми раздевалками —

показался Карнесу, привыкшему к грязному, сумрачному, обшарпанному «Барбари», волшебным сном. Все было другим. Во-первых, поразила непривычная чистота. Во-вторых, публика оказалась куда респектабельнее и достойнее, нежели сброд, посещавший клуб на Барбари-стрит. Впрочем, как ни странно, Кирби Карнес очень скоро почувствовал себя в своей тарелке — словно попал в родную стихию.

Рейнольдс, опираясь на угловой столб ринга, шнуровал его перчатку.

— Это, сынок, лишь первая ступенька твоей лестницы, — сказал он.

Карнес улыбнулся. Улыбнулся впервые с тех пор, как попал в Сан-Франциско. В противоположном углу ринга ухмылялся и скалил зубы Миллер. Наконец прозвучал гонг.

Карнес вышел на центр ринга быстро, но не открытой мишенью, как раньше, а легко скользя по мешковине, чуть опустив и выдвинув вперед плечи. Миллер, бросившийся было на него, как орел на жертву, замешкался в нерешительности. Что-то резко изменилось в Карнесе. Что именно? Скорее всего, перемена была вызвана появлением динамической уверенности, целенаправленности. Тень седоволосого пожилого менеджера, стоявшего за спиной Карнеса, не могла не привлечь внимания осторожного Миллера.

Карнес продолжал двигаться вперед, сохраняя профессиональную стойку. Миллер бросил пробный камень — провел прямой удар левой вытянутой. Корвес ответил яростно, но не беспорядочным размахиванием руками, а предельно сжатой контратакой.

Нырнув под вытянутую руку противника, он всадил ему в ребра правый кулак с таким звуком, что зрители вскочили с мест. У Миллера перехватило дыхание, горло сжалось. Левый кулак Карнеса, словно начиненный динамитом, обогнул замершие на миг руки противника и вонзился ему в челюсть. Человек пустыни более не тратил время на широкий замах с длин-

ной траекторией. Его свинги сменились короткими, быстрыми как молнии хуками, производящими эффект попадания пушечного ядра.

Ноги Миллера подкосились, он стал заваливаться вперед, но прежде, чем Джек успел упасть, хук справа поднял его в воздух и швырнул спиной на канаты, по которым он и сполз на пол — без сознания. Восторженно аплодируя виртуозной работе Карнеса, зрители, увы, не поняли главного.

Ведь именно в этот момент на небосводе спорта зажглась звезда Кирби Карнеса — новая звезда старой закалки. Да, в мир джаза, коктейлей, сброшенных идов ворвалось свежее дыхание прошлого — человек-боец, искренне верящий, что его главное дело в жизни — бой, борьба, поединок.

Остановись, мгновенье! Вернитесь назад, года! Вот он, Кирби Карнес. Бронзовокожий варвар из пустыни, обладающий ловкостью пантеры и всеразрушающей яростью песчаной бури.

Кирби Карнес был любимым творением Джона Рейнольдса, в которое он вложил все свое мастерство, весь свой опыт. Великие тени прошлого ступали по рингу бок о бок с Карнесом. Тени тех дней, когда бокс был искусством, а не шоу-бизнесом.

Вынырнув из ниоткуда, Карнес сверкающим метеором пронесся по спортивному небосклону. Журналисты писали, что он не просто дерется, но сражается за победу в высоком смысле этого слова. В то время как чемпионы-тяжеловесы изображали на публике этаких бродвейских попрыгуний, Карнес, не рисуясь, тяжело, потом и кровью пробивал себе дорогу по крутой, шаткой лестнице спортивных успехов.

Его больше не называли железным человеком — не потому, что он утратил свою фантастическую выносливость, нет. Просто в бою он уже не зависел только от нее — единственного козыря железного бойца. Под руководством Джона Рейнольдса он стал настоящим боксером. Непредсказуемый, как само проведе-

ние, быстрый, как дикая кошка, с кулаками, словно начиненными взрывчаткой, Кирби Карнес был тем бойцом, о котором менеджеры мечтали, пожалуй, со времен Джема Фичча.

За год, прошедший после победы над Миллером, Карнес поднялся почти на самый верх лестницы, разрушил все устоявшиеся представления о рангах. Восемнадцать боев — восемнадцать побед — восемнадцать нокаутов, из которых ни один нокаут не был договорным или подставным! Теперь лишь один человек стоял между ним и званием чемпиона — легендарный гондурасец Лопес. Не блещущий острым умом, он был силен, как буйвол, а его правая рука напоминала булаву средневекового рыцаря — и по силе удара, и по виду. Пока Карнес переезжал из города в город Западного побережья, одерживая победу за победой, Лопес на востоке превращал в отбивные соперника за соперником.

Встреча этих двоих была неминуема. Лучше всех создавшуюся ситуацию обрисовал Лундгрен — известный в спортивных изданиях карикатурист. Он изобразил Карнеса и Лопеса стоящими на груди тел поверженных соперников и свирепо разглядывающими друг друга с противоположных концов континента.

Их встречу, пожалуй, можно было назвать матчем на звание чемпиона. Ведь после этого боя с победителем должен встретиться официальный чемпион, но всем было ясно, что любой из двух претендентов запросто выиграет у чемпиона, который с тех пор, как завоевал титул, переместил свои тренировки в ночные клубы и дорогие рестораны.

Крупнейшие боксерские клубы Чикаго и Нью-Йорка дрались за право проведения этого матча. Но предпочтение было отдано куда более скромной «Золотой перчатке». Так Рейнольдс расплатился с Хопкинсом за оказанную когда-то услугу.

Газеты наперебой кричали о предстоящем матче. И где-то в пыльных переулках, прилегающих к Барбастрит, кое-кто из посетителей боксерского клуба

грустно вздыхал, вспоминая «льва пустыни», и шептался о чем-то с соседом, склонив голову над очередным номером «Спортивного обозрения».

5

Наступил вечер поединка. Боксеры прошли окончательное взвешивание, результаты которого были занесены в протокол: Карнес — 196 фунтов, Лопес — 210. Врачи пришли к единодушному выводу: оба в отличной форме.

Теперь, когда все организационные волнения остались позади, Карнес устроился в дальней, пустынной комнате отдыха, сел почитать книжку. Несмотря на то что денег у него и у Рейнольдса было достаточно, запросы их оставались весьма скромными. Кирби по-прежнему тренировался в простеньком зале в нескольких кварталах от «Золотой перчатки». И он очень любил несколько часов перед поединком побыть в одиночестве, почитать, подумать о своем. Секунданты и ассистенты охраняли дальние подступы к его крепости от настылка журналистов и вездесущих болельщиков-фанатов. Вот-вот из клуба должен был вернуться Рейнольдс и занять пост непосредственно перед комнатой Кирби.

В заднюю дверь неожиданно постучали.

— Войдите, — сказал Карнес, нахмурившись: это явно не Рейнольдс.

В комнату псуверенно вошел худенький юркий человек в дешевом, безвкусном костюме. Карнес молча уставился на него, пережидая, пока схлынут воспоминания о самом тяжелом, самом омерзительном периоде его жизни.

— Ну, — сказал он наконец, — и что тебе от меня нужно?

Эл Лайман облизнул губы. Он был мертвенно-бледен.

— Меня прислал Большой Джон Линч, — пробормотал он.

— И что?

— Они захватили Рейнольдса! — выпалил Лайман. — Они схватили его на улице... примерно час назад.

— Что?!

— Подожди, Кирби! Только не бей! — взмолился Лайман, отскакивая от вскочившего Карнеса. — Это не я придумал. Я вообще был против. Линч заставил меня. Он как с цепи сорвался в последнее время. Заикнись я, и он бы прикончил меня. Линч поставил кучу денег на Лопеса. Еще больше поставили другие люди — те, на кого он работает, кто планирует миллионные ставки на бой Лопеса с нынешним чемпионом. Так вот, Линч передает тебе, что ты должен лечь в пятом раунде, или они вышибут из Рейнольдса дух. И они это сделают, Кирби, я не сомневаюсь. Если ты обратишься к легавым, они его все равно убьют. А если ты послушаешься, Рейнольдса отпустят живым и невредимым сразу после матча.

Карнес остолбенел. На него пахнуло зловонным дыханием прошлого. Далекого, но не забытого. Память Кирби была памятью пустыни, закон которой ничего не прощает и ни о чем не забывает. Только ради Джона он отмел прочь мысли о мести. Ярость настолько глубоко проникла в душу Карнеса, что он едва сумел сохранить спокойствие на лице, во взгляде и голосе.

— Могу я лично побеседовать с Линчем?

— Разумеется, — кивнул Лайман. — Линч сказал, что ты можешь прийти — один. Он так и подумал, что ты захочешь поговорить. Только умоляю, Кирби, не держи на меня зла. Я даже не знаю, где они схватили Рейнольдса и где его держат. Честно, не знаю. Пойдем. Моя машина за углом.

Темными улицами и глухими переулками они добрались до того самого тупика, где в подпольной рас-

пивочной ошивался Линч, где пуля продырявила ногу Рейнольдса. Кулаки Карнеса сжались с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Молча он проследовал за Лайманом в темную прихожую, а затем в комнату.

Большой Джон сидел за столом, мрачный, как прежде толстый, с неизменной сигарой в зубах. За его спиной стоял Сорелли — рука в кармане пальто. Липкой от пота ладонью Лайман провел по лбу и срывающимся голосом произнес:

— Вот он, Джон.

— Сам вижу, кретин! — рявкнул Линч. — Запри двери!

— Где Рейнольдс? — сухо спросил Карнес.

— А что, не видишь старика? — криво усмехнулся Линч.

Карнес отрицательно помотал головой, одновременно внимательно оглядывая помещение. Его взгляд остановился на ковре, на котором стояло кресло Большого Джона.

— Он там, где никакая полиция его искать не будет. — Большой Джон опять усмехнулся и ткнул сигарой в сторону Карнеса. — И, пожалуйста, Кирби, без глупостей. Итак, Лайман передал тебе наши условия. Ты их принимаешь?

— Похоже, что выбора у меня нет, — буркнул Карнес.

Линч довольно покачивался в кресле, две ножки которого время от времени повисали в воздухе. Карнес, будто бы случайно, уронил шляпу; та упала на край ковра. Наклонившись за ней, Карнес резко дернул ковер на себя. Линч потерял равновесие и, катапультировавшись из кресла в сторону Сорелли, повалил того на пол. Карнес мгновенно бросился вперед; глаза его сверкали яростью.

Сорелли повернулся, нащупал курок пистолета и выстрелил сквозь ткань пальто. Не попал. Отпустил застрявшее в складках оружие и вытянул перед собой

правую руку, чтобы защититься от набросившегося на него Карнеса. Лево́й же рукой он привычным движением выхватил из-за пояса длинный, узкий нож-зачточку.

Карнес почувствовал острую боль в паху, и в тот же миг его железный кулак настиг телохранителя, швырнул того на пол; Сорелли потерял сознание.

Лайман пудей вылетел в переулок. Линч пошарил рукой по полу, нащупал пистолет. Давненько, уже много лет ему не доводилось драться самому, и сейчас его движения были медленными и беспорядочными. Даже схватив пистолет, он долго не мог нащупать пальцем предохранитель. Карнес же, не тратя времени, перехватил его толстое, волосатое запястье и резко крутанул в сторону, излив таким образом часть накопившейся на Большого Джона ненависти.

Что-то хрустнуло, как сухая ветка, и Линч взвыл. Пистолет со стуком упал на пол. Большой Джон позеленел. Он стонал и бился в безжалостной, подобной тискам, хватке Карнеса.

Снаружи, из-за двери, донеслись голоса:

— Что случилось, босс? Все в порядке?

— Скажи им, чтобы убирались прочь, — негромко произнес Карнес в ухо Линчу. — И поторопись, пока я не оторвал тебе руку.

— Ненавижу, — простонал Линч, а потом громко прокричал: — Пошли вон, болваны! Чтоб я вас тут не видел!

Люди, бормоча извинения, отступили от двери.

— Где Рейнольдс? — спросил Карнес.

— Его взяли Макгурти и Штейман, — прохрипел Линч, закатывая глаза от боли.

Подтащив Большого Джона к столу, Карнес ткнул его лицом в телефон.

— Звони им! — рявкнул он. — Живо!

Трясущимся пальцем Джон Линч набрал номер.

Голос ответившего был хорошо слышен Карнесу, стоявшему совсем близко к аппарату.

— Скажи им, чтоб они немедленно вернули Рейнольдса в наш зал, — приказал Карнес, чуть крепче сжимая запястье Линча. — Живого и невредимого!

Линч поспешил исполнить приказ — не дай Бог, Карнес сожмет сильнее свои стальные клещи.

— Эй, Макгурти, слышишь меня? Значит, так: дело отменяется, понял, да? Ну вот, берешь сейчас этого одноногого и целехоньким доставляешь обратно. Что? Я тебе покажу, кто из нас сдурел! Нет, ты что, не врубился? Живо!

— Ладно, — донесся из трубки голос разочарованного, но готового подчиниться боссу Макгурти. — Все сделаю. Прямо сейчас.

Карнес набрал номер зала и сообщил удивленно-му спарринг-партнеру, который поднял трубку:

— Слушай меня внимательно. Как только придет Рейнольдс, двигайте все в «Золотую перчатку». Я скоро там появлюсь. Да, Рейнольдс уже выехал, вот-вот будет у вас.

Посмотрев на скорчившегося от боли толстяка, Карнес развернулся и без единого слова вышел на улицу.

По ноге текла кровь. Остановившись под фонарем у темного подъезда, он осмотрел себя. Стреляя, Сорелли промахнулся, зато нож оказался более метким.

Брюки и боссы Карнеса были залиты кровью, сочащейся из раны в том месте, где живот переходит в пах. Судя по боли, не царапина — глубокая рана. С каждым шагом ее края расходились все шире, и кровь лилась все сильнее.

Повернувшись, он как можно быстрее заковылял к знакомому дому. Постучал в дверь давнего приятеля, надежного, проверенного человека.

— Доктор Аллистер! — позвал он. — Впустите меня. Пожалуйста, быстрее!

Открывшего дверь врача поразила не рана Карнеса, а сам факт его появления. Что касается травмы,

то на Барбари-стрит даже куда более серьезные увечья были не в диковинку.

— Не станем терять времени, — деловито поторопил врача Карнес, снимая перепачканную кровью одежду. — Я очень занят. Через час мне выходить на ринг.

— Да ты что, приятель? — изумился врач. — Стакой раной нельзя драться! Это исключено!

— Кстати, я возьму у тебя взаймы кое-какую одежду, — перебил его Карнес. — Все журналисты в городе на уши встанут, если я появлюсь на людях в залитых кровью штанах.

6

Рейнольдс нервно ходил из угла в угол раздевалки «Золотой перчатки», когда в дверях неожиданно появился Карнес.

— Ты в порядке, Джон? Они ничего с тобой не сделали?

— Нет-нет, — отмахнулся Рейнольдс, для которого все его приключение по-прежнему оставалось сплошной загадкой. — А ты-то как? Где ты был? Что случилось, объясни наконец! Ты очень бледен.

— Я так волновался, так беспокоился о тебе, — пробормотал Карнес, рассматривая собственные ботинки. — Потом все объясню. А сейчас выстави всех отсюда, пока я переодеваюсь. И сам иди, пообщайся с репортерами. Не доводи дело до скандала, они и так наворняка что-то почуяли.

Оставшись один, Карнес переоделся и с облегчением увидел, что форма полностью прикрывает аккуратную повязку, наложенную на рану доктором Аллистером. Накинув халат, он открыл дверь. В раздевалку ввалились секунданты, ассистенты и журналисты. Карнес почти не слышал их суетливых голосов и ждал, пока, нафотографировавшись всласть, репортеры уда-

лятся. Он поймал на себе взгляд Рейнольдса — счастливый взгляд человека, как никогда близкого к своей заветной цели и не знающего о том, что поражение было так близко... да и сейчас оно неподалеку.

Один из журналистов затараторил:

— Ставки делаются в соотношении четыре к трем в пользу Карнеса. Утверждают, что за счет более грамотной и точной работы ногами он сможет еще больше склонить чашу весов в свою пользу.

Рейнольдс улыбнулся и кивнул:

— Согласен, хорошо подмечено. Во многом благодаря грамотной работе ногами Кирби и завоюет для нас обоих чемпионский титул.

Карнес слегка наклонил голову. Никто и не подозревал, как болит свежая рана на животе. Какая уж тут виртуозная работа ногами, какие полеты над рингом...

Дверь широко распахнулась, и представитель администрации клуба распорядился:

— Все, интервью окончены. Карнес, пора на выход!

Медленно, точно неживой, Карнес вышел в зал. На ринг он не взлетел, как Лопес, а аккуратно пробрался между канатами.

Лопес пришел первым — гора костей и мускулов. Широоченная лохматая грудь, густые черные брови над глубоко посаженными глазами, узел черных как смоль волос на затылке. Вылитый пещерный человек, неандерталец. Выслушивая ритуальные указания судьи, он с людоедским интересом рассматривал противника. Затем боксеры вновь разошлись по своим углам. Зрители замерли в ожидании.

— Боксируй, сынок, боксируй, — в последний раз повторял распоряжения Рейнольдс. — Переиграй его техникой, летай по рингу. Загоняй его! В общем, делай все так, как мы с тобой задумывали.

Карнес молчал, вспоминая долгие часы тренировок и теоретических занятий, на которых они составляли план поединка с помощью специально подобран-

ных спарринг-партнеров и фрагментов спортивной кинохроники с участием Лопеса.

Прозвенел гонг. Лопес понесся по рингу как ураган, намереваясь нанести удар правой рукой.

Зрители взревели от восторга. Бой начинался отлично. Карнес не принял своей знаменитой стойки; он сделал несколько осторожных шагов вперед, плотно закрылся и встретил атаку стоя на месте, перейдя в глухую оборону.

Этот маневр озадачил знающих толк в боксе зрителей, не говоря уж о профессионалах. А в следующую секунду Карнес еще больше удивил всех. Вместо того чтобы уйти с линии атаки и ответить Лопесу хорошим, трудно блокируемым хуком справа или слева, он нырнул под его руку и, перейдя в ближний бой, два раза коротко ударил гондурасца в грудь. Лопесу это пришлось по душе. Оказывается, столь опасный в движении противник решил не использовать своего главного преимущества и решиться на прямой, жесткий обмен атаками и контратаками. Рука-палица занялась своим привычным делом — стала наносить страшные, крушащие удары.

Рейнольдс не верил своим глазам. То, что приятно удивило Лопеса, не могло не напутать старого тренера. Как же так? Столько работать над техникой движения ради того, чтобы в решающий момент затеять обмен жесткими ударами с самым, пожалуй, мощным «молотильщиком» последних лет!

Нет, Карнес не дрался абсолютно открытым, как раньше. Он с поразительным мастерством уворачивался, уходил от ударов, блокировал их. Но удары сыпались на него с такой частотой, что, даже контратакуя, он неизбежно пропускал часть из них. Кровь капала из носа Кирби, выступила на старых шрамах на голове.

По сигналу гонга обалдевший радиокомментатор проорал на весь континент, что первый раунд с большим перевесом выиграл Лопес, а Карнес, по всей видимости, слегка повредился умом, если не сказать резче.

Прямо на глазах постаревший Рейнольдс отчаянно шептал на ухо своему ученику, своей последней надежде:

— Кирби, прошу тебя, блокируй! Двигайся, сын-нок, действуй свободнее, техничнее! Дерись так, как мы планировали, ради всего святого!

Карнес молча смотрел на перчатки, чтобы не встречаться взглядом с полными боли глазами тренера.

Второй раунд Карнес начал с того, что, нырнув под руку противника, сделал выпад и резко, изо всех сил полоснул боковым ударом по волосатому корпусу гондурасца. Несмотря на броню мышц, Лопес сполна ощутил, что такое удачно проведенный удар «льва пустыни». Содрогнувшись всем телом, он был вынужден свернуть начатую атаку и отступить на шаг, чтобы позволить себе мгновение передышки.

Однако в любом случае Диего Лопес был не тем парнем, которого можно свалить одним — даже самым мощным — ударом. Зарывав, словно приближающийся тайфун, он снова пошел вперед. Его правая рука все время висела дамским мечом над противником, угрожая, как минимум, нокдауном в случае полновесного, не ослабленного защитой удара. Порой Лопес действовал ею не как частью тела, а, скорее, как ударно-дробильным инструментом. Каждый ее удар сотрясал все тело Карнеса, отдавался не меньшей болью в душе Рейнольдса. Во втором перерыве секундантам пришлось поработать уже по полной программе, приводя в форму беззвучно шевелящего губами Карнеса. Тренер не мог уразуметь, почему такой техничный боксер заставляет свое тело «держаться» столь сильные удары, которых не так уж трудно избежать?

Карнес знал, что изменить тактику сейчас он не в состоянии. Он поднялся очень высоко, следуя советам и указаниям Рейнольдса, но последнюю ступеньку на пути к успеху предстоит одолеть одному, без помощи тренера.

Кровь заливала ему глаза, знакомый соленый вкус ощущался на языке. С мучением принимая каждый удар убийственной правой руки-булавы, он, тем не менее, раз за разом наносил ответный удар и с удовлетворением видел, как все яснее отражается в глазах великана Лопеса резкая боль. Дикая, первобытная радость охватила Кирби. Он снова стал железным человеком, дерущимся по-особенному — противопоставляя стальную броню мышц и черепа динамиту в перчатках противника. Кровь сочилась из его трусов, но оба боксера были уже настолько окровавлены, что ни судья, ни зрители, ни секунданты ничего не заметили. Перед тем как начался пятый раунд, Рейнольдс взмолился в последний раз:

— Кирби, сынок, перестань, ради Бога! Неужели ты хочешь погубить меня?

Карнес молчал, опустив голову. Толпа ревела, требуя, чтобы ее любимец вышел из ступора и продемонстрировал подвижный бокс — свой конек. Начался еще один сеанс пытки.

Рука-булава превратила левую половину лица Карнеса в кровавое месиво. В отбивную превратилась и левая сторона грудной клетки. По меньшей мере одно ребро было сломано. Но на этот раз, в отличие от всех железных людей, он не только принимал и терпел удары. Нет, на каждый из них он отвечал отчаянным, разящим хуком в голову или корпус противника.

Удар, еще удар! Четыре перчатки, со свистом рассекая воздух, поочередно вонзаются в человеческую плоть. Знатоки утверждали, что выстоять против ударов Диего Лопеса и одновременно контратаковать невозможно. Но что эти знатоки слышали о «Барбери», как они могут судить о человеке, почти год проработавшем там мешком для отработки удара? Перед внутренним взором Карнеса возник обшарпанный ринг, прокуренный зал, оскаленные лица зрителей. А он — он вновь был железным человеком, подставлявшим под удар железную челюсть и стальные балки ребер.

«Меня нельзя нокаутировать! Никто не может меня нокаутировать!» — на разные лады эта фраза повторялась в его мозгу, перекрывая крики и шум зала.

Наконец Карнес увидел сквозь кровь и багровую пелену столь знакомое по взглядам других бойцов отчаяние в глазах Лопеса. «Меня невозможно нокаутировать», — повторял про себя Кирби, удваивая усилие, с которым вгонял кулаки в тело гондурасца. Лопес покачнулся, попытался уйти от очередного хука «льва пустыни» и начал отступать. Увлечшийся Карнес шагнул вперед и раскрылся, догоняя отступающего противника. Расплата последовала незамедлительно. Промажнувшись, Карнес получил полновесный удар булавой в солнечное сплетение. Ощущение было такое, словно с него живьем срезают мясо тупым раскаленным ножом. А главное, из раскрывшейся раны на животе хлынула кровь, вызвав на трибунах возгласы ужаса и изумления. Оторопевший судья замешкался, не зная, что предпринять, но прежде, чем он решился остановить бой, Карнес последним усилием воли швырнул в тигрином прыжке свое тело вперед. Теперь все было поставлено на одну карту — эту последнюю атаку.

Он не чувствовал адской боли в животе и в груди. Не чувствовал ударов булавы, становившихся с каждым разом слабее и слабее. Он дрался так, как дрался в старые времена, в прошлой своей жизни. В каждый удар он вкладывал всю накопившуюся в нем первобытную, животную злость и ярость. Ошеломленный этим натиском Лопес, с кружащейся от пропущенных ударов головой, с затуманенным взглядом, пытался на подгибающихся, дрожащих ногах, отчаянно и безуспешно пытаясь нанести ответный удар, перейти в контратаку.

Левой в голову, правой в корпус, левой, правой — с постоянством метронома и энергией парового котла,двигающего многотонные колеса. Последний хук — от бедра, всем корпусом, плечом, рукой — в голову...

И вот великан Диего Лопес лежит на ринге без движения, его голова — в луже крови.

Время снова отступило на год назад, снова замаячили тусклые фонари над рингом «Барбари», снова на холсте корчилося, пытаясь встать, человекообразное существо. «Десять!» — выкрикнул рефери, и Карнес, не дождавшись, когда поднимут в знак победы его руку, рухнул на ринг, на того самого человека, у которого он только что вырвал, выбил свой триумф.

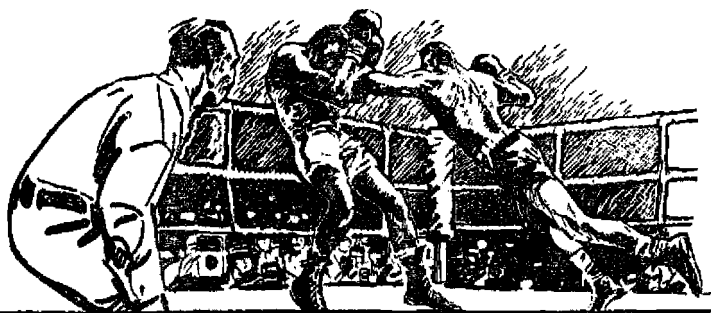
* * *

Первое, что Карнес услышал, придя в себя, был полный тревоги и ужаса голос Джона Рейнольдса:

— Господи, ну и рана! Она была наскоро зашита, а тот страшный удар Лопеса сорвал все швы! Кирби! Кирби, сынок! Ну почему ты мне ничего не сказал?!

На избитых, окровавленных губах появилось подобие улыбки.

— Ты бы ни за что не разрешил мне драться в таком состоянии, отменил бы матч. Вот почему я был вынужден неподвижно стоять и молотить Лопеса в ответ на его удары. Я закрылся, как мог, дабы обезопасить корпус, поскольку боялся, что из-за слишком резкого движения в сторону рана может раскрыться. Но сейчас все кончено, Джон, я в полном порядке. Да не убивайся ты так! Не забывай, тебе еще нужно дотренировать будущего чемпиона. И помни: меня никто не сможет отправить в нокаут! Никто! Никогда!

ЗМЕИНАЯ ЯМА

Едва сойдя на берег, я почуял: быть беде. Причиной моих дурных предчувствий послужили отиравшиеся неподалеку ребята с «Даунтлесс». Они команду «Морячки» недолюбливают.

С тех самых пор, как наш шкипер в Занзибарском порту вчистую разделал их капитана. Тогда эти злопамятные типы пустили слух, что у нашего Старика на правой руке был кастет. Нелепая и грязная ложь! Кастет он надевает на левую.

Словом, когда я встретил этих грубиянов в Маниле, то иллюзий никаких на их счет не питал, однако и на неприятности нарываться не хотелось. Я чемпион «Морячки» в тяжелом весе, и ежели вам угодно отпускать шуточки насчет великой важности моего титула, так сходите на полубак, поглядите на Хансена-Мухомора, Грэннигена Один Раунд, Плоскорожего О'Тула, Хеннига-Шведа и прочих бугаев, из которых набрана команда «Морячки». Однако, несмотря на такое окружение, меня никто не сможет обозвать задирой, и потому я, вместо того чтоб последовать зову натурального инстинкта да уложить рядом семь-восемь этих чудиков с «Даунтлесс», обо-

шел их стороной и отправился в ближайший Американский Бар.

Через некоторое время я обнаружил, что нахожусь в дансинг-холле. Да, верно, я не шибко представлял себе, как туда попал, но, уверяю вас, выпивки в моем трюме плескалось вовсе не так уж много. Пиво, несколько рюмочек виски, самую чуточку бренди да, может статься, бокал вина — для заливки. Но уж велю я себя во всех отношениях заправским благородным джентльменом, что и было подтверждено фактом: танцевал я с самой симпатичной девушкой в Маниле, да, пожалуй, и на всем белом свете. Яркие губы, черные волосы, а лицо! О, что за лицо!..

Я и дальше повел себя, точно сама вежливость.

— Слушайте, мисс, — спросил я, — где же вы были всю мою прошлую жизнь?

— О-о-о-ля! — ответила она с таким мелким, серебристым смехом. — Вы, американцы, говорить та-кие вещи! О-о-о, сеньор такой огромный, сильный!

Я разрешил ей пощупать мои бицепсы, и она взвизгнула от удовольствия и удивления, захлопав в ладоши, словно девочка, которой подарили новую куклу.

— О-о-о! Сеньор может просто поднять меня, такую маленькую, и унести! Верно, сеньор?

— Не стоит вам ничего бояться, — мягко сказал я. — Я просто сама вежливость со слабым полом и никогда грубостей не допускаю. Ни разу в жизни не ударил женщину, даже тудамочку в Суэце, что метнула в меня нож. Малышка моя, кто-нибудь хоть намекал вам, что ваши глазки просто валят с ног?

— Ну что вы! — засмущалась она. — О-ох-х!

— Вам на ногу кто-то наступил?

Я оглянулся в поисках, кому это надо дать по башке.

— О да. Давайте лучше сесть, сеньор. Где вы учиться танцевать?

— Наверное, само по себе вышло, — скромно признался я. — До нынешнего дня вовсе не представлял, что умею танцевать. Просто ни разу не пробовал.

Из всего вышесказанного вам наверняка отлично ясно, что я поддерживал светскую беседу и ни с кем не связывался. И не моя вина в том, что случилось дальше.

Значит, сидели мы с этой девушкой — звали ее Ракель ла Коста, и была она, стало быть, испанкой — тихо-мирно. Я ей еще хотел выдать такую замечательную штуку: мол, глаза ее — словно темные озера ночи (наповал бьет, я ее у Хансена-Мухомора позаимствовал, он у нас вроде как поэт). Вдруг вижу: она через мое плечо кому-то подмигивает. Меня это привело в легкое раздражение, однако я все равно не стал бы обращать особого внимания, только в голове почему-то было мутновато и фразочка Хансенова вдобавок позабылась. Поэтому я сказал:

— Послушай, миланшка... Эй, кому это ты там подмигиваешь? А, в глаз что-то попало... Так о чем это я? Ну да. Есть, значит, у нас на «Морской деке» такой парень, Хансен его фамилия, так он стихи пишет! Вот послушай:

К славе нам маршрут пролет
Мимо филиппинских вод,
Где испанцев мы надрали
В знойный солнечный денек!

И тут подваливает к нашему столику какой-то гад, вроде как меня в упор не видя, кланяется девушке и приглашающе на нее зыркает:

— Пойдем, детка, стряхнем пыль с копыт!

Я его сразу узнал — это был Слейд-Упырь, чемпион «Даунтлесс» на кулачках.

Мисс ла Коста ничего не сказала, а я поднялся и отодвинул Слейда от столика.

— Леди, — пояснил я вежливо, — занята, дубина! И ежели есть у тебя какие дела, займись лучше ими!

А он грязно ухмыльнулся:

— Не шути так, Костиган! Или теперь дамы вправду предпочитают орангутанов нормальным людям?

К этому времени вокруг нас уже народ столпился. Я сдержал естественное негодование и сказал:

— Слышь, ты, гусь! Убери свою харю из поля видимости, пока я ее не расквасил!

Упырь, доложу вам, парень симпатичный, к дамам имеет подход, и ясно было: если он один раз потанцует с моей девушкой, то наверняка успеет изобрести против меня какую-нибудь подлянку. Вокруг не было больше никого с их посуды, однако и с «Морячки» в баре был только я один.

А он вдруг заявил:

— Пусть леди сама выбирает!

Нет, видали такого наглеца? Сначала лезет, куда не просили, а после еще требует равноправия! Это уж было слишком. Я взревел и ударил левой от бедра, но Упыря почему-то в том месте, куда я бил, не оказалось — верткий, зараза! Я промахнулся едва не на ярд, а он врезал левой мне в нос, так что я полетел кувырком через кресло.

В голове у меня мгновенно прояснилось, и я понял, что малость зол. Зарычал, поднялся на ноги, но, прежде чем бой возобновился, мисс ла Коста встала между нами.

— Фи! — сморщила она носик, шлепая нас веером. — Фи! Что это значит? Или я публичный девка, что меня оскорблять два большой бродяга, которые драться из-за меня на публика? Фи! Вы хотите драться — идите в лес или в другой место, где не будет скандал, и делать что хотите! Пусть будет победить лучший! Нет, сэр, из-за меня — нет драться на публика!

С этими словами она повернулась и пошла прочь. И тут же подбежал к нам этаким весь из себя масляный тип.

— Тихо, ребята, тихо, — заговорил он, потирая руки, словно от непрерывного самодовольства. — Пусть все будет по чести. Хотите драться? Ай-яй-яй,

как нехорошо! Но если уж собрались драться, пусть все будет по чести, вот что я вам скажу! Пусть все живут в мире и согласии, если могут, но если уж вы, ребята, собрались драться, пускай все будет по чести!

— Отойди-ка с курса! Я ему сделаю, так его и растак, по чести! — рявкнул я, трясаясь от ярости.

Сами подумайте: получить в нос и не дать сдачи, да еще у дамы на глазах!

— Да ну? — ухмыльнулся Упырь, поднимая грабки. — Ну, выходи! Поглядим!

— Тихо, ребята, спокойно, — взмахнул ручонками этот гусь. — Давайте все устроим по чести! Костиган, ты согласен драться со Слейдом в моем клубе?

— Да где уютно! — заревел я. — На кулачках, в перчатках или хоть свайками!

— Изумительно! — воскликнул тот, масляный, потирая руки пуще прежнего. — Просто замечательно! А... Э-э... Костиган, согласен ты драться со Слейдом в змеиной яме?

Мне бы еще тогда следовало подметить, что Слейда он ни о чем не спрашивал и тот только тихонько ухмылялся. Но слишком уж я был зол, чтобы мыслить ясно.

— Хоть в преисподней с дьяволом вместо рефери! Где твой клуб, или там ринг, или палуба — веди!

— Вот это разговор! — обрадовался тот масляный тип. — Идемте.

Он направился к выходу, а мы со Слейдом и еще несколько человек последовали за ним. Если б я малость поразмыслил, так понял бы: слишком гладко все вышло для простого совпадения. Однако я все еще пылал гневом и не мог спокойно думать.

Успел, правда, прикинуть свои шансы против Слейда. В росте я имел преимущество: во мне ровно шесть футов, а Слейд на два дюйма ниже. Вдобавок я был на несколько фунтов тяжелее, но не настолько, чтоб разница для тяжеловесов вышла существенная.

Однако Слейд был мне известен как самый проворный и хитрый боец всего торгового флота. Я с ним ни разу не дрался только по той простой причине, что ни один устроитель матчей ни в едином порту не желал сводить вместе ребят с «Морячки» и бродяг с «Даунтлесс» с тех самых пор, как Слейд дрался в Сингапуре с Грэннигеном Один Раунд. Там дошло до всеобщей махаловки и кончилось тем, что весь зал разнесли. Слейд в тот раз нокаутировал Грэннигена, который был в те времена чемпионом «Морячки» — это уже позже я его победил.

Ну, а по сравнительным результатам никогда не скажешь наверняка. Я одержал победу по решению судей над Хэгни-Хвастуном, чемпионом Британско-Азиатского ВМФ, а он однажды в Гонконге нокаутировал Слейда. С другой стороны, Слейд выиграл нокаутом у Майка Лири с «Голубого родника», ужасно вздрычавшего меня в Бомбее...

Мои размышления прервал тот масляный тип. Мы как раз вышли из бара на мостовую, где стояло около десятка авто и зрители битком набивались в них. Гусь этот подтолкнул меня к одной из машин, и я влез тоже.

И вот понеслись мы по улицам, фонари уже горели, а я сидел и ни о чем не спрашивал, даже когда мы оставили деловые кварталы позади, вихрем промчались сквозь пригород и выехали на дорогу, которой явно никто особо не пользовался. Сидел, значит, и молчал.

В конце концов мы подъехали к большому зданию, стоявшему в отдалении от города и очень похожему на заброшенный дворец. Зрители повывезали из машин, и я тоже выбрался наружу, хотя был совершенно озадачен. Других домов поблизости не было, вокруг повсюду густо росли деревья, да и само здание выглядело темным и мрачным. Словом, местный пейзаж мне крайне не понравился, однако не мог же я дать слабину, когда Слейд-Упырь этак надменно на меня взирал. «В конце концов, — подумал я, — не убьют же

меня тут! Не настолько Слейд подл, хотя, вообще-то, от него чего угодно можно ожидать».

К дому вела дорожка с тропическими деревьями по обеим сторонам. Отперев двери, тот масляный тип зажег свет, и мы спустились в подвал. Просторное такое оказалось помещение, с бетонным полом, а в центре — яма примерно восемь на десять футов и футов семи в глубину. В тот момент я не обратил на нее внимания, зато потом пришлось, да еще как!

— Слышь, — сказал я, — на кой ты меня сюда приволок? Я дурачиться не расположен! Где ринг?

— Здесь, — ответил этот гусь.

— Да где же? Где мы будем драться?

А он указал на яму:

— Там. Внизу.

— Что?! — заорал я. — Ты что мне тут вкручиваешь?

— Охолони, охолони, — вмешался Упырь. — Ты ведь согласился драться со мной в змеиной яме, так? Значит, не ной и вылазь из штанов!

— Ладно, — согласился я, весь изнутри пылая гневом. — Не знаю, что ты такое затеял, но дай только дотянуться до твоей смазливой рожи кулаком, больше мне ничего не надо!

— Гр-р-р! — зарычал в ответ Слейд, направляясь к противоположной стороне ямы.

С ним в качестве секунданта пошли два каких-то бандита — судите сами, что он за человек. Какая бы ни собралась жуткая публика, у него везде найдутся знакомцы. Оглядевшись по сторонам, я узнал одного карманника, с которым познакомился на Кубе, и попросил его секундировать мне. Он согласился, но добавил, что от секунданта в данных обстоятельствах пользы мало.

— Слушай, — спросил я его, пока раздевался, — во что это я встрял? Что за малина такая?

— Был тут один испанец, — ответил мой парнишка, помогая мне переодеться. — Капусты — куда

больше, чем мозгов. Без ума был от боя быков и всякого такого прочего, а потом изобрел новую потеху. Велел устроить эту яму, послал слуг за разными змеями. Двух змей бросали вниз, и они дрались, пока не убивали друг друга.

— Что?! Значит, мы будем драться в змеином логове?!

— А, да не волнуйся. Здесь уже много лет нет никаких змей. Испанца того убили, и дом обветшал. Устраивали здесь петушинные бои, а несколько лет назад хмырь, что организовал вашу встречу, додумался купить этот дом и использовать для поединков из-за личной злобы.

— Аденьги-то ему с чего капают? Я не видал, чтобы кто-нибудь платил за билеты. Да и всей публики здесь — человек тридцать или сорок.

— На этот раз у него просто не было времени. Деньги он делает на ставках, а ставит всегда на победителя. И судит всегда сам. Он узнал, что ваши корабли завтра уходят, и не успел ничего приготовить. А этот клуб — для немногих избранных, слишком пресыщенных либо жестоких, чтобы довольствоваться обычными призовыми матчами. Все это, конечно, незаконно, и никто в городе этого клуба не знает, кроме некоторых шишек, которые за удовольствие заплатят, не торгуясь. Когда Слейд дрался с Хэндлером-Моряком, здесь было сорок пять человек, и каждый заплатил за вход сто двадцать пять долларов. Считай сам.

Тут до меня мало-помалу начало доходить, в чем штука.

— Так Слейд и раньше здесь дрался?

— Конечно. Он в этой яме чемпион. Месяц тому назад нокаутировал Хэндлера-Моряка на девятом раунде.

Господи Иисусе! Только пару месяцев назад мы с Хэндлером (рост шесть футов четыре дюйма, вес — двести двадцать фунтов) целых двадцать раундов только что ножами не резались — и закончили вничью!

— Э-э! — протянул я. — Значит, Слейд нарочно подвалил и затеял ссору, зная, что он тут фаворит, что меня обжулят...

— Нет, — возразил мой карманник. — Не думаю. Просто ему очень уж понравилась та испаночка. Если б они сговорились наперед, новость непременно дошла бы до всех богатеньких клиентов в городе. Да хозяину все равно ваша встреча ничего не стоит, потому он и за вход платы не брал. Подумай сам, что он теряет? Два крутых матросика сами друг друга хотят побить, им платить не нужно. Организационных расходов — никаких. А клубу — реклама. И на пари он выиграет кучу денег.

— И на кого же он ставит?

— На Слейда, конечно. Он здесь чемпион.

Не успел я усвоить все эти радостные известия, как Слейд заорал с другого края ямы:

— Эй, так твою и растак, готов?!

Он остался в носках, башмаках да подштанниках. Перчаток на руках не было.

— А перчатки? — спросил я. — Мы что, собрались мериться, у кого кулак ширше?

— Никаких перчаток, — ответил Слейд с довольной ухмылкой. — Драться будем так. Ты правилами не знаешь?

— Понимаешь, Костиган, — заговорил тот масляный тип, вроде как слегка нервничая, — у нас бойцы перчаток не надевают. Обычная жесткая мужская игра, понимаешь?

— Эй, начинайте! — заорала публика. — Действуйте! Не отдыхать пришли! Вперед!

— Ишь, ни цента не выложили, а прибыль подавай!

— Тихо! — рявкнул я, успокоив их одним-единственным злобным взглядом. — Что, вообще, за дела?

— Разве ты не согласился драться со Слейдом в змеиной яме?

— Да. Но...

— На попятный пошел, — сказал Слейд со своей обычной грязной ухмылкой. — Все они, эти бродяги с «Морячки», такие...

— ...! ...! — завопил я, срывая тельник и прыгая в яму. — Иди сюда, так-твою-разэтак, я из тебя сделаю последнюю розу лета...

Слейд соскочил в яму со своей стороны, и публика тут же принялась воевать за места поудобнее — кому-то, верняк дело, суждено было вовсе ничего не увидеть. Стенки ямы оказались твердыми и шершавыми, пол тоже — чего еще ждать от бетона? И никаких стульев для бойцов, понятное дело, не было.

— Ну, — сказал тот, масляный, — начинаем решающую схватку между Стивом Костиганом с «Морячки», вес сто восемьдесят восемь, и Непобедимым Слейдом, вес сто семьдесят девять, с «Непотопляемого», чемпионом Филиппин по кулачному бою, каковой титул им был завоеван в этой самой яме! Раунд — три минуты, минутный перерыв, число раундов не ограничено! Побед «по решению судей» у нас не бывает! Бойцы дерутся до тех пор, пока кто-то один не отключится! Рефери — я. Правилами не запрещено ничто, кроме ударов ниже пояса. Разве что случайно... По команде «брэк» — расцепляться, бить можно в тот же момент, если желаете. Секундантов почтительнейше просят не бить бойцов противной стороны ведерком для воды! Готовы?

— Сотня, что я разложу тебя, как половик, — сказал Слейд.

— Принимаю, и еще сотня сверху! — прорычал я.

Толпа принялась ругаться и вопить, хронометрист ударил по куску железа стволом шестизарядной пукалки, и драка началась.

Я немедленно понял, что ввязался в бой при совершенно незнакомых условиях. Наряду со всем дозволенным в любом спортзале допускаются откровенные грубости. Простора для перемещений — никакого, падать в случае чего — на бетон, лампы, свисающие

с потолка, почти не дают света, да плюс еще этакое неприятное чувство, будто заживо замурован, не говоря уж про мысли о дравшихся в этой яме змеях. Бр-р-р! Змей я, должен признаться, не выношу!

Я прикинул так, что у меня как более тяжелого и мощного будет преимущество. Проворство Слейду не поможет, загоню его в угол да размажу по стенке. Однако не прошло и двух секунд, как выяснилось: все мои прикидки придется забыть. Слейд бился — точь-в-точь повзрослевший Малыш Гриффо. Не столько работал ногами, сколько нырял и ускользывал из-под удара. Ну да, он-то и прежде дрался в этой яме, успел найти подходящую для себя манеру: перемещался едва-едва, чтобы только держаться на расстоянии, а удары мои все пропускал под мышкой, мимо шеи, над плечом или же поверх головы.

Так вот, со звуком гонга я шагнул вперед, пригнулся и заработал обеими руками в обычном и единственном своем стиле. Слейд пропустил мою левую над плечом, парировал правую локтем и — бац! бац! — дважды ударил левой мне в лицо. А удар костяшками, доложу я вам, совсем другое дело, чем в перчатках. Он не так оглушает, зато гораздо больнее. Но терпеть боль я привык давно и потому просто продолжал наступать. Свинг левой в ребра заставил Слейда всхрюкнуть, а уж правой в корпус я промазал.

Таково было начало того жестокого, кровопролитного боя без всякой денежной выгоды. Когда у меня выдавалось время на то, чтоб чувствовать хоть что-то, кроме Слейдовой левой, я ощущал себя диким животным, спущенным для драки в эту окруженную кольцом орущих, искаженных рож яму. Тот масляный тип, рефери, склонился над самым краем, рискуя упасть нам на головы, и, стоило войти в клинч, орал: «Брэк, так вашу растак!» — и тыкал нас тростью.

Чтобы доставать до нас, ему приходилось бегать вокруг ямы и сыпать проклятиями, когда под ноги подворачивался кто-то из публики — сасвом, ругался

он без умолку. В яме для него места не оставалось. Нам там и вдвоем было не повернуться.

Немедля после того как я попал левой, Слейд повязал меня в клинче, наступил мне на ногу, ткнул пальцем в глаз и ударил правой в подбородок, едва мы расцепились. Слегка взбешенный подобным обхождением, я подобрал губу и едва не по запястью воткнул левую в его диафрагму. Похоже, ему это нисколько не понравилось. Он ответил левой в корпус и правой в голову и принялся за дело всерьез.

Нырком уйдя от удара правой, он приблизился вплотную и принялся обрабатывать мое брюхо короткими тычками, а когда я в отчаянии вошел в клинч, выстрелил апперкотом с правой в грудь, сбив мне стойку. Не успел я восстановить равновесие, он всем весом толкнул меня, так что я порядочно ободрал плечо о шершавый бетон. Я взревел, высвободился, швырнул его через всю яму, бросился следом, но он как-то ухитрился сместиться в сторону, и я головой врезался в стенку. Бам-м-м! Перед глазами вспыхнули миллионы искр, я рухнул на пол, а тот, масляный, заорал:

— Раздватричетырепять!..

Я вскочил на ноги — со мной все было в порядке, только малость кружилась голова. Упырь тут же кинулся на меня, чтобы прикончить. Бац! Бац! Бац! Я ударил правой — это был бесподобный удар! — но он уклонился.

— Осторожно, Упырь! — заорал тот гусь. — Парнишка-то опасен!

— Я тоже!

С этими словами Упырь рассек мне губу, увильнул от встречного правой и сам ударил правой под вздох, заставив меня охнуть. После этого он послал два удара левой и так уже расквашенную мою физиономию, а вот следующий удар правой отчего-то пришелся мимо. Все это время я работал быстрыми и увесистыми свингами, но — разрази Бог! — это было

все равно что бить привидение. А Упырь еще ловкими движениями оттеснил меня в угол, так что я и защищаться как следует не мог: едва отводишь руку назад в замахе — ударяешься локтем о стенку. Наконец я втянул голову в плечи и ринулся вперед, прорываться сквозь сыплющиеся на меня удары, надеясь на свой вес. Столкнувшись со Слейдом, я выбросил вперед руки, и оба мы рухнули на пол.

Он, будучи проворнее, поднялся первым и ударил меня левой в голову, чуть за ухом, пока колено мое еще касалось пола.

— Фол! — заорал кто-то из публики.

— Заткнись! — рявкнул тот, масляный. — Эту встречу сужу я!

Когда я поднялся, Слейд был совсем рядом, и мы обменялись правыми. Тут ударил гонг. Я отошел в свой угол и сел на пол, привалившись спиной к стенке. Парнишка мой перегнулся через край:

— Надо тебе что-нибудь?

— Ага, — говорю. — Вышиби мозги из того, такого-сякого, что с понтом «судит» наш матч.

«Такой-сякой» в это время сунул рыло в яму с другой стороны и тревожно так шепчет:

— Как думаешь, Слейд, раунда за два управишься?

— Будь спок, — скривился Упырь, — удваивай ставки, утраивай! В следующем раунде уложу.

— Да, ты у нас лучше, — заявил сей судия праведный.

— Как с ним, вообще, хоть кто-то заключает пари? — спросил я.

— А-а, — ответил мой парнишка, подавая мне губку — кровь утереть. — Некоторые вообще заложатся на что уютно. К примеру, я самолично поставил на тебя десять монет.

— Что я выиграю?

— Не-е. Что продержишься пять раундов.

В это время зазвучал гонг, и я ринулся на ту сторону ямы с весьма достойным намерением — сте-

реть Слейда с лица земли, да только опять плоховато соотнес мощь своего броска с размерами ямы. Слейду явно некуда было убраться с дороги, но он решил задачу, упав на колени и предоставив мне кувырком лететь через его голову. И не просчитался.

— Фол! — закричал мой парнишка. — Он упал, когда его не били!

А этот гусь морду скорчил:

— Хрен те — «фол»! Слепому ясно, что он просто случайно поскользнулся!

Поднялись мы со Слейдом одновременно, но мне от этого падения лучше вовсе не сделалось. Упырь пропустил мою левую над плечом и ответил левым хуком в корпус. За сим последовали прямой правой в зубы и левый хук в ухо. Я вошел в клинч и молотил его правой по ребрам, пока трость рефери не заставила нас расцепиться.

И снова Слейд заманил меня в угол! Он-то в этой треклятой яме уже освоился, а я со своей привычкой к нормальному рингу все время забывал про тесноту, понимаете? Казалось, стоит шевельнуться — тут же натыкаешься на грубый цемент бедром или локтем или сдираешь шкуру с плеча. А на Слейде вовсе никаких отметин не было, кроме синяка на ребрах! Глаза мои от его прямых левой и тычков пальцем быстро заплывали, губы кровоточили, весь я был в ссадинах, но все же дела обстояли не шибко плохо.

Словом, выбрался я снова на середину и до самого гонга обменивался с Упырем ударами, причем здорово попал ему в висок — так что он, к немалому моему удовольствию, зашатался и «поплыл». Словом, дела во втором раунде было немного, больше вязали друг друга в клинче.

Зато третий раунд начался — точно ураган! Со звуком гонга Слейд вскочил, оказался в моем углу еще до того, как я успел подняться, ударил с левой, с правой, чем совершенно меня ошеломил, уклонился от моей левой, нырнул под правую и гвозданул мне в солнеч-

ное сплетение. Я согнулся вдвое. Да, этот малец, без сомнения, умел бить!

Разогнувшись, я ответил левым свингом в голову и в бешеном ближнем бою пропустил по два хука с каждой руки — все заради того, чтобы раз попасть ему правой по ребрам. Слейд крикнул, попробовал было сбить меня на пятки, а когда это не удалось, пригнулся, боднул меня в брюхо, задел коленом подбородок и черт знает, что еще проделал бы, кабы я не прекратил на время эти процедуры, выбив из него прыть ударом правой сверху в затылок.

Мы сцепились в клинче. Казалось, у любого осьминога щупалец меньше, чем у этого прощелыги рук, когда он входит в клинч! Всякий раз он ухитрялся не только связать меня до полной беспомощности, но и наступить на ногу, ткнуть пальцем в глаз или ребром ладони ударить по загривку. И вдобавок еще частенько притирал меня к стенке. Теперь вам, надеюсь, вполне понятно, с каким типом мне пришлось драться? Превосходство в весе и росте не давало никакого преимущества — тут требовались ловкость и быстрота. То, что Упырь был поменьше, как раз помогало ему, а не мне.

Однако я тоже задал ему приличную колотовку. К концу третьего раунда Упырь щеголял отличным синяком и несколькими отметинами на ребрах. Тут-то это и случилось. Я пошел вперед, работая свингами, он шагнул в сторону, выбрался из угла и, пока я старался оторваться от стены, чтоб было место для замаха, пару раз здорово достал меня левой.

Я ударил правой в корпус, и, хотя не думал, что попаду, Упырь, пошатнувшись, чуть приопустил руки. Я выпрямился, замахнулся правой и немедленно просек, что купился. Слейд переиграл меня. Стоило мне забыть об обороне и приподнять подбородок, он тут же ударил в него с правой. Голова моя треснулась о стенку так, что шершавый бетон рассек шкуру. Ошеломленный, не слишком-то понимая, что происходит,

я отшатнулся от стенки — и прямехонько наткнулся челюстью на Слейдов кулак. Р-раз! В то же мгновение я сам изо всех оставшихся сил вогнал правую ему под сердце, и на пол мы рухнули вместе.

Ох ты! Где-то далеко-далеко в вышине орали зрители, а лампы, свисавшие с потолка, казалось, плясали в густом тумане. А я понимал лишь одно: нужно как можно скорее подняться на ноги!

Тот масляный тип принялся отсчитывать секунды нам обоим:

— Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Упырь, так твою растак, поднимайся! Шесть... Семь... Проклятье, Упырь, шевели копытами! Восемь... Хуан, бей в гонг! Что ты за хронометрист?!

— Раунд еще не кончился! — заорал мой парнишка, видя, что я подтягиваю под себя ноги.

— Кто здесь рефери?! — завопил в ответ этот склизкий гусь, выдергивая из кармана пушку сорок пятого калибра. — Хуан, бей в гонг! Девять...

Хуан ударил в гонг. Секунданты Упыря прыгнули в яму, уволокли его в угол и принялись приводить в чувство. Я уполз в свой. Там мой парнишка вылил на меня ведро воды, и мне здорово полегчало.

— Как ты? — спросил он.

— Отлично, — ответил я, хотя в голове еще все пылало. — В следующем раунде я из этого гуся половик сделаю. За честь и любовь прекрасной дамы. К славе наш маршрут пролег...

Он пожал плечами и откусил от плитки жевательного табака.

— Ладно. Бывает, людям еще хуже мозги отшибают...

Четвертый раунд! Слейд заметно ослаб, однако в глазах его еще горел дьявольский огонек. Я, в общем, был в порядке, только ноги что-то отказывались работать, как надо. Слейд явно чувствовал себя куда лучше. Видя это или чувствуя, что теряет силы, он отбросил осторожность и начал обмен ударами.

Публика обезумела. Правая! Левая! Правая! Левая! Я получал четыре удара за один, однако мои были гораздо мощней! Долго бой в таком темпе продолжаться не мог.

Тот, масляный, вовсю орал на Упыря, что-то советуя, и скакал на самом краю ямы, точно чокнутый. Мы сцепились в очередном клинче, он нагнулся, чтобы, как обычно, разогнать нас тростью... Уж не знаю, сам он нагнулся дальше, чем надо, или ему кто-то пособил — в общем, он шмякнулся на нас в тот самый миг, как мы расцепились и снова начали обмен ударами. Ну, а свалившись промеж нас, он поймал челюстью чей-то правый кулак, рухнул ничком — и больше не вставал!

Мы с Упырем по молчаливому соглашению приостановили военные действия, взяли нашего несчастного рефери за шкурку и за штаны, раскачали, выбросили наверх, а затем без единого слова возобновили бой. Конец был близок.

Еще несколько ударов — и Упырь вдруг подался назад. Я последовал за ним, работая свингами с обеих рук, и тут увидел, что он прижат чуть не к самой стенке. Ха! Вот теперь-то не уйдет! Я ударил прямым правой в лицо, но он опять упал на колени. Уй-й-я! Кулак мой, пройдя вскользь по его тылке, врезался в бетонную стенку...

Треснула кость. Руку пронзило нестерпимой болью, и она бессильно повисла вдоль тела. Слейд, поднявшись, налетел на меня, но мучительная боль заставила вовсе забыть о нем. Это был конец, хотя я еще стоял на ногах. Упырь изо всех сил ударил левой, метя в челюсть, однако я поскользнулся в какой-то луже на полу, и удар пришелся по лбу. Я упал, но тут же услышал визг и поднял взгляд. Слейд корчился от боли, прижимая левую к груди.

Нокдаун малость прочистил мне мозги. Рука мгновенно онемела, и боль поэтому почти не чувствовалась, а Упырь, видимо, сломал левую о мой череп, как мно-

гие до него. Ну, это только справедливо! Я вскочил, и Слейд с отчаянием во взгляде бросился на меня, полностью раскрывшись, ставя все на один завершающий свинг правой.

Я нырнул под удар, вонзил левую ему в диафрагму и ею же ударил в челюсть. Он зашатался, руки его повисли, и тогда я послал левую «в путовку», вложив в удар все, что только во мне оставалось.

Упырь рухнул наземь.

Человек восемь из публики выставили рыла над краем ямы и принялись считать — тот масляный гусь все еще был в отключке. Считали вразнобой, так что я как-то ухитрился опереться о стенку и, чтобы все было наверняка, держался, пока последний из них не сказал «десять». А уж после перед глазами моими все завертелось, я шмякнулся поверх Слейда и утас, точно фитилек в ночи.

Ну, что было дальше, мы с вами пропустим — сам не шибко помню, как оно все продолжалось. Проснулся я лишь назавтра в полдень, и из постели, куда мой парнишка отволол меня накануне, выбрался только из-за того, что вечером «Морячка» поднимала якорь, а Ракель ла Коста дожидалась победителя, то бишь меня.

И вот, у самого порога кабака, с которого все началось, сталкиваюсь я не с кем другим, как со Слейдом-Упырем!

— Х-хе, — усмехнулся я, обозрев его наружность. — И ты еще смог подняться?

— Ты на себя погляди.

Что да, то да... Правая на перевязи, оба глаза подбиты, весь в ссадинах... Однако Слейду нечего было вякать — его левая была загипсована, во весь глаз красовался чернющий сипяк, и физиономия была не лучше моей. Я от души понадеялся, что двигаться ему так же больно, как и мне. Хотя в одном он взял надо мной верх — шкуру о стенки ободрал куда меньше.

— Где мои две сотни? — прорычал я.

А он осклабился:

— Хе-хе, попробуй получи! Мне сказали, что нокаут был неофициальным. Рефери его не зафиксировал! Значит, и победа твоя не засчитана.

— Хрен с ними, с деньгами, подлый желторожий прохиндей! Я уложил тебя, и тому есть три десятка свидетелей, а вот здесь тебе что понадобилось?

— Пришел встретиться со своей девчонкой!

— Со своей? За что же мы вчера дрались?!

— Ежели, — сказал он с диким блеском в глазах, — тебе и повезло меня побить, это еще не значит, что Ракель выберет тебя! Сегодня она сама скажет, кто ей больше по праву, ясно? И после этого тебе придется убираться восвояси!

— Отлично, — зарычал я, — я тебя честно побил и могу доказать это! Идем! Пусть она выбирает. А ежели не выберет лучшего, так я и еще раз тебя разложу! Давай, идем!

Не тратя больше слов понапрасну, мы распахнули дверь и вошли. И, окинув беглым орлиным взглядом интерьер, увидели: сидит Ракель за столиком, подперев ладонями подбородок, и душевно этак смотрит в глаза какого-то смазливового офицера в форме испанского ВМФ!

Ну, значит, подвалили мы к столику. Она посмотрела на нас с удивлением. Ну, не ее вина — нас и впрямь нелегко было узнать...

— Ракель, — вежливо начал я, — мы вот вчера бились, как вы нам велели, за вашу честную руку. И я, как следовало ожидать, победил. Однако вот этот олух бессмысленный думает, будто есть в вас какая-то скрытая приязнь к нему, и требует, чтобы вы сами, своими собственными розовыми губками, произнесли, что любите другого, то есть, значит, меня. Одно ваше слово — и я его выпшвырну вон. Мое судно покидает порт сегодня вечером, а мне еще так много нужно сказать вам...

А Ракель вдруг возмутилась:

— Санта Мария! Какие такие дела? Что это такое — вы, два бродяги, приходите в таком виде и гово-

рить вздор? Разве я виновата, если два громилы набить друг другу морда, так? Что мне до этого?

Эти ее слова меня вовсе сбили с курса.

— Но вы же сказали, идите, мол, деритесь, и лучший из нас...

— Я говорить: пусть лучший будет победить, так! Разве я давала какой-нибудь обещаний? Что мне два бродяги-янки, дерущиеся на кулаки? Ха! Иди домой, приложи на глаз бифштекс. Ты оскорбить меня, если говорить со мной на публике с разбитый нос и лицо в синяках!

— Так ты не любишь никого из нас? — уточнил Упырь.

— Я любить два горилла? Ха! Вот мой мужчина — дон Хозе-и-Бальза Санта-Мария Гонсалес!

Сказала она так и тут же завизжала: мы с Упырем, не стовариваясь, одновременно ударили этого дона Хозе-и-Бальза Санта-Марию Гонсалеса, Упырь — правой, я — левой. Затем мы повернулись к ошарашенной Ракели спиной, взялись за руки, переступили через ее поверженного любимого, с достоинством вышли вон и навсегда исчезли из ее жизни.

Так же молча ни о чем не стовариваясь, завернули мы в бар, присели к стойке, и я сказал:

— Вот и кончен наш роман, и маршрут к славе завершился лишь разочарованием и обманом...

— Все они — вертихвостки, эти бабы, — мрачно согласился Упырь.

Тут мне кое-что вспомнилось.

— Слушай! — воскликнул я. — А как насчет двух сотен, которые ты мне должен?

— За что?

— За то, что уложил тебя.

— Стив, — Упырь этак по-братски положил мне руку на плечо, — ты ж понимаешь: я и не думал тебя надувать. В конце концов, Стив, оба мы с тобой моряки, только что втоптаные в грязь какой-то иностранкой. Оба мы американские матросы, хоть и пришлось

встать друг против друга. Я тебе скажу: что было, то быльем поросло! Фортуна изменчива, сам знаешь. Мы с тобой дрались по-честному, на сей раз повезло тебе. Так давай же примем еще по одной и разойдемся в мире и согласии!

— И ты не затаишь злобы, что я тебя уложил? — подозрительно спросил я.

— Сти-ив, — ответил Упырь, вроде как в праведном гневе, — все люди — братья, и если тебе уж так повезло меня побить, это не поколеблет моих братских чувств! Завтра мы будем в море, разделенные многими милями... Так давай же вспоминать друг друга с братским уважением! Забудем старую вражду и старые распри! Пусть нынешний день станет для нас зарей новой эпохи — эпохи дружбы и чистосердечия!

— А как насчет моих двух сотен?

— Стив, ты ж понимаешь, я к концу увольнения всегда на нуле. Вот мое слово: отдам я тебе эти паршивые две сотни! Разве слова товарища недостаточно? А теперь давай выпьем за нашу грядущую дружбу и за дружбу между командами наших достопочтенных судов! Вот моя рука! Скрепим рукопожатием нашу дружбу. Никаким бабам впредь не разрушить ее! Счастливо, Стив! Счастливо! Всего тебе доброго!

Ну, пожали мы друг другу руки и повернулись, чтобы идти. То есть я повернулся и тут же крутанулся обратно, как раз вовремя, чтоб уклониться от удара правой и вырубить Упыря схваченной со стойки бутылкой.

БУЛЬДОЖЬЯ ПОРОДА

Вот так, — подытожил наш Старик. — Махнул этот бычок бутылкой с сельтерской, и вышибло у меня из головы все, что только там было. Мне вдруг показалось, будто «Морячка» тонет со всей командой и со мной в придачу, но это просто какой-то болван облил меня водой с ног до головы, чтобы привести в чувство. Ох, да... И этот бугай-лягушатник, с которым я сцепился, оказался всего-то-навсего, не стоило б и разговоров, Валуа-Тигром, чемпионом французского флота в тяжелом весе...

Ребята, и я в их числе, принялись перемигиваться. Пока капитан не решил прилюдно излить свои обиды Пенрину, старшему помощнику, мы все гадали, с чего это он в Маниле, проведя ночь на берегу, вернулся на борт с роскошным синяком во весь глаз и с тех пор пребывал в необычайно мерзком расположении духа. А все оказалось очень просто. Старик наш был валлийцем и французов ненавидел пуще змей.

А он вдруг повернулся ко мне и этак брюзгливо проговорил:

— И ты, ломоть ирландской ветчины, если в тебе осталась еще хоть что-нибудь от мужика, никогда не

позволил бы этому, распротудить его, французишке вот так уложить своего капитана. Да-а, конечно, я понимаю, тебя там с нами не было. Но, если б ты подрался с ним...

— Ага! — саркастически ответил я. — Я уж не буду говорить, что весьма польщен сравнением с Валуа. Отчего бы вам не подыскать мне что-нибудь попроще, Демпси, например? Вы хоть понимаете, что пытаетесь меня, обычного оболтуса, сравнять с единственным и неповторимым Валуа-Тигром, побившим всех в европейских и азиатских водах? У него и на мировое чемпионство шансы — будь здоров!

Старик наш зарычал:

— И я-то еще хвалился в каждом порту Семи Морей, будто плаваю с самой крутой командой со времен Гарри Моргана...

Он с отвращением отвернулся от меня, и тут же на глаза ему попался мой белый бульдожка Майк, который мирно прилег вздремнуть на задраенном люке. Тут Старик снова как зарычал да как вмазал изо всех сил ни в чем не повинному псу ногой! Майк немедленно вцепился в его икру, от которой мне в конце концов едва удалось оторвать его, правда, вместе с куском мяса и клоком штанины.

Принялся наш капитан скакать по палубе на одной ножке, так виртуозно выражая свои чувства, что все ребята бросили на время работу, дабы послушать и восхититься.

— Не пойми превратно, Стив Костиган, — заявил он наконец, — но наша «Морячка» слишком тесна для меня и этого треклятого бульдога. И он в следующем же порту отправится на берег. Ты слышал, что я сказал?

— Тогда и я отправлюсь на берег вместе с ним, — с достоинством ответил я. — Вовсе не из-за Майка вы заработали синяк под глаз. Если б вам не пришло в голову обидеться на меня, вы б на него и не взглянули. Майк — настоящий дублинский джентльмен, и никакой валлийский бобр не сможет, пнув его, уйти целым.

Если хотите вытурить с корабля лучшего матроса — ваше дело. Но, пока не дойдем до порта, держите свои башмаки подальше от Майка, иначе я — заметьте, лично! — сломаю вам хребет. Хотите назвать это бунтом на борту — давайте. Эй, господин старший помощник, я вижу, вы подбираетесь к кофель-нагелю! Вспомните-ка, что случилось с последним, кто ударил меня кофель-нагелем!

После этого между мной и Стариком появился этакий холодок. Старикан, конечно, всегда был неласков и вздорен, но сердце имел доброе, и скорее всего, стыдно ему было за самого себя. Однако исключительное его упрямство не позволяло признаться в этом, а кроме того, он еще был здорово обижен на нас с Майком. И вот в Гонконге он без звука выплатил мне причитающееся жалованье, и мы с Майком спустились по сходням на пирс. На душе было как-то погано и страшновато, хотя я и не показывал виду, а вел себя так, точно безумно рад распрощаться наконец с этой старой лоханью. Однако я с тех самых пор, как вырос, не знал другого дома, кроме «Морячки», и, хоть покидал ее время от времени, чтобы малость побездельничать или поучаствовать в боксерских состязаниях, всегда возвращался назад...

Теперь же было совершенно ясно, что обратного пути нет, и от этого я чувствовал себя хуже некуда. Чемпионом я был опять-таки только на «Морячке» и, сойдя на берег, тут же услышал, как Хансен-Мухомор и Билл О'Брайен пытаются решить промеж собой, кому из них отныне будет принадлежать этот почетный титул.

Что ж... Быть может, некоторые и скажут, что мне следовало спровадить Майка на берег, а самому остаться. Но, по-моему, если человек вот так запросто бросит своего пса, это еще хуже, чем оставить в беде товарища.

Майка я подобрал несколько лет назад в Дублинском порту, где он бродил сам по себе, дрался с любым

попадавшимися на пути четвероногим и тяпнуть при случае какого-нибудь двуногого обормота тоже не возражал. Майком я его называл в честь моего брата, Железного Майка Костигана, отлично известного в тех высших бойцовских кругах, куда мне никогда не попасть.

Так вот, побродил я малость по местным забега-ловкам и вскоре наткнулся на Тома Роуча, тощего такого механика; я однажды в Ливерпуле его нокаутировал. Мы немного потрепались, кочуя из заведения в заведение и понемножку выпивая, и наконец забрели в кабачок, несколько отличающийся от других. Сплошь, понимаете ли, одни французы, в великом множестве, да такие важные, разодетые в пух и прах, спасу нет! Бармены с официантами, тоже все французы, покосились на Майка нехорошо, но ничего не сказали. Я принялся было выкладывать Тому свои горести, но тут заметил, что прямоком к нашему столику движется высокий молодой человек в элегантном костюме, при перчатках и трости. Его в этом кабаке хорошо знали, судя по тому, как местные олухи повскакивали с мест, салютуя ему бокалами и вопя что-то по-французски. Он им всем снисходительно улыбнулся и этак замысловато взмахнул тростью. Вот этот его жест меня здорово разозлил. То есть этот чудака с самого начала себя повел вызывающе, понимаете?

Ну а Майк дремал себе спокойно подде моего стула — он, как и всякий настоящий боец, не слишком привередлив. А этот здоровый франт вполне мог бы через него перешагнуть или же обойти, однако он остановился и ткнул Майка своей тростью. Майк приоткрыл один глаз и вежливо этак приподнял верхнюю губу, словно бы говоря: «Нам неприятностей не нужно. Иди куда шел и оставь меня в покое».

Тогда этот французский идиот — что бы вы думали? Поднял ногу в шитой на заказ кожаной туфле и изо всех сил пнул Майка по ребрам! Мне кровь ударила в голову, и в какую-то секунду я был на ногах, но

Майк оказался проворнее. Он прыгнул и целью себе наметил уж никак не ногу этого лягушатника, а глотку. Однако француз, оказавшийся на удивление шустрым, опустил тяжелую трость Майку на голову. Бульдожка мой упал и замер. В следующий же миг француз тоже грохнулся на пол и тоже замер, да, вы уж поверьте, еще как! Мой удар с правой в челюсть его уложил, а стойка бара, к которой он, падая, приложил-ся маковкой, помогла ему не подняться.

Я нагнулся к Майку, но он уже и сам очухался, хотя о голову его сломали трость со свинцом внутри. Да, чтобы отключить Майка хоть на несколько секунд — это постараться надо. Как только он снова начал соображать, глаза его налились кровью и забегали в поисках обидчика. Я тут же схватил его и целую минуту был занят только тем, как бы его удержать. Затем глаза его вновь стали нормального цвета, он завилял обрубком хвоста и лизнул меня в нос.

Однако я отлично знал, что при первой же возможности он перегрызет этому французцу глотку, если только раньше не сдохнет. Взять верх над бульдогом можно, только убив его.

Будучи занят Майком, я не слишком-то обращал внимание на то, что творится вокруг. Но банда французских моряков, возжелавших было броситься на меня, остановилась, завидев в руке Тома Роуча револьвер. Том — боец серьезный, к дурачествам не расположенный.

К этому времени мой француз очнулся. Стоял, прижимая платок к кровоточащей губе, и, слава Юпитеру, никогда еще не видел я такого взгляда! Лицо его было мертвенно-бледным, а черные глазищи, устремленные на меня!.. Нет, ребята, в них была не просто ненависть и желание разделаться со мной. В глазах его сверкала мгновенная смерть! Однажды, в Гейдельберге, я видел известного фехтовальщика, убившего на дуэлях десять человек; вот у него глаза были точно такие же.

А вся тамошняя французская банда меж тем суетилась вокруг Майкова обидчика — орали, выли, лопотали что-то по-своему, так что ни слова не разобрать. Потом один подскочил к Тому Роучу, потряс кулаком перед его носом, указал на меня, заорал, и вскоре Том обратился ко мне:

— Стив, этот гусь вызывает тебя на дуэль. Что скажешь?

Я снова вспомнил того немецкого дуэлянта, подумал: «Этот петух наверняка родился с рапирой и дуэльным пистолетом в руках!» — и только открыл рот, чтобы сказать: «Ну уж дудки!», как Том шепнул:

— Это ведь тебя вызывают! Значит, и выбор оружия — за тобой.

Тут я облегченно вздохнул, а лицо мое, просто-душное, но честное, расплылось в улыбке.

— Скажи, что я выбираю боксерские перчатки. По пять унций.

Конечно же, я так прикидывал, что этот хлыщ в глаза никогда не видал перчаток. Поэтому вы, может, думаете, будто я с ним играл нечестно, ну а он-то сам? Я-то, рассчитывая, что он не отличит левого хука от нейтрального угла, намеревался только задать ему небольшую взбучку. Ну да, верно, чувствуя за собой явное преимущество. Но он-то намерен был убить меня! Я ведь вовсе никогда не держал в руках шпаги, а из пистолета не попаду даже в стену сарая...

Ну, Том перевел им мои слова, и они снова залопотали по-своему, и, к изумлению моему, на красивом, но злобном лице моего визави заиграла холодная, убийственная улыбка.

— Они спросили, кто ты такой, — пояснил Том. — Я сказал, мол, Стив Костиган из Америки. А этот петух ответил, что его зовут Франсуа и этого, как он полагает, для тебя достаточно. Сказал, что будет драться с тобой прямо сейчас, в частном клубе «Наполеон». Там, похоже, держат ринг на случай, если кому-нибудь вздумается выставить приз для боксерского матча.

По дороге в вышеупомянутый клуб у меня было время как следует поразмыслить. Весьма вероятно, что этот Франсуа, кто бы он ни был, кое-что смыслит в нашем мужественном искусстве. Похоже, размышляя, парень — из богатеньких клубменов, боксирующих удовольствия ради.

И обо мне он, видать, не слышал, так как даже самый богатенький любитель не мог бы возомнить себе, будто у него имеется шанс против Стива Кости-гана, который всюду известен как самый крутой матрос во всех азиатских водах (если только позволительно мне самому о себе это говорить), чемпион (то есть теперь уже экс-чемпион) «Морячки», самой крутой посуды среди торговых судов.

При мысли, что деньки мои на нашей старой лоханке кончены, меня словно бы пронзило насквозь острой, мучительной болью. Интересно, что за обормот теперь займет мое место в кают-компании и будет спать на моей койке и что отмочат над ним наши баковые... А будет ли ребятам недоставать меня? И одолел ли Билл О'Брайен Хансена-Мухомора? Или же датчанин выиграл? Кто там теперь чемпион на «Морячке»?

В общем, было мне здорово не по себе, и Майк это понял, заворочался на сиденье рикши, что вез нас в клуб «Наполеон», придвинулся поближе и лизнул мою руку. Я потрепал его за ухо, и на душе сделалось полегче. Уж Майк-то, всяко, ни за что меня не оставит!

Клуб оказался заведением — будь-будь! Дворецкие при входе, или там дворовые, или еще кто, один черт, в ливреях, не хотели было пускать внутрь Майка, однако пришлось, еще как! Раздевалка, которую мне отвели, тоже была самой роскошной из всех, что я видел в жизни, и выглядела скорее дамским будуаром, чем боксерской раздевалкой.

— У этого типа, видно, монет — куры не клюют, — сказала я Тому. — Ишь как они все за него держат мазу! Как считаешь, жульничать не станут? Кто будет рефери? Если француз, как же я услежу за счетом?

А Том ухмыльнулся:

— Вот так-так! Ты что же, вправду полагаешь, будто ему придется считать секунды для тебя?

— Нет, — ответил я. — Но предпочел бы следить, как он отсчитывает секунды над тем типом.

— Ну, — улыбнулся Том, помогая мне влезть в зеленые трусы, которые мне принесли, — можешь не волноваться. Я так понял, этот Франсуа говорит по-английски, и потому поставил условие, чтобы рефери судил весь бой только по-нашему.

— Так отчего же этот Франсуа не заговорил по-английски со мной?

— Он с тобой вовсе ни по-каковски не говорил. Весь из себя такой шикарный... Думает, что замечать тебя — ниже его достоинства. Ну, разве только для того, чтобы дать по физиономии.

— Хм-м, — задумчиво протянул я, коснувшись небольшой царапины, оставленной тростью Франсуа на невероятно твердой голове Майка.

При виде этой царапины, должен признаться, перед глазами моими появилась легкая красная дымка.

Взойдя на ринг, я отметил сразу несколько деталей. Помещение было небольшим и роскошно обставленным. А еще — народу немного. В основном — французы, да несколько англичан, да один китаец, одетый на английский манер. Всюду сплошь цилиндры, летние пальто и трости с золотыми набалдашниками. Но, к удивлению моему, были среди этой публики и французские матросы.

Я сел в своем углу, а Майк, как всегда, устроился у самого ринга, стоя на задних лапах, а передние и голову положив на ковер, чтобы удобнее заглядывать под канаты. На улице, если кто пытался ударить меня, Майк без разговоров бросался к его горлу, но старый мой пес отлично понимал, что ринг — дело другое. Тут он не вмешивался, хотя порой, когда я оказывался на брезентовом ковре или сильно истекал кровью, глаза его краснели, а из горла вырывалось глухое рычание.

Том слегка разминал мои мускулы, а я почесывал Майку за ухом, когда на ринге появился этот Франсуа, мистер Сама Таинственность.

— Уи! Уи! — завопили зрители.

Только тут я как следует разглядел, каков он из себя, и Том шепнул, чтобы я подобрал хлебало хоть на пару футов и не выглядел полным олухом. Когда Франсуа сбросил свой расшитый шелком халат, мне окончательно стало ясно, что встреча предстоит тяжеленькая, даже если этот гусь всего-навсего любитель. Парень был из тех, кто хоть, может быть, и не видал никогда перчаток, но выглядит и ведет себя как боец.

Росту в нем было добрых шесть футов полтора дюйма, то есть на полтора дюйма выше моего. Мощная шея плавно переходила в широкие, упругие плечи, торс — гибкий, точно сталь, а талия — тонкая, прямо-таки девичья. Ноги — стройные и сильные, с узкой ступней, значит, в скорости ему не откажешь. Руки — длинные и крепкие, прекрасно тренированные. Да, скажу я вам, этот Франсуа был похож на чемпиона-победителя больше, чем кто-либо другой! С тех самых пор, как я в последний раз видел Демпси.

И лицо... Блестящие черные волосы были гладко зачесаны назад, придавая его злобному лицу некоторое благообразие. Глаза его так и жгли меня из-под тонких черных бровей, и теперь уж не были глазами обычного дуэлянта. То были глаза тигра! И когда он, опершись о канаты, сделал пару махов назад для разминки, мускулы его заиграли под гладкой, точно шелк, кожей, и весь он сделался точь-в-точь огромная кошка, которая точит когти о ствол дерева.

Том Роуч сразу посерьезнел.

— С виду востер, — сказал он. — Похоже, в боксе что-то смыслит. Ты лучше, как только гонг, — иди вперед, тесни его, не давай опомниться...

— А когда я дрался иначе? — ответил я.

Тут какой-то прилизанный француз с лихо закрученными усами вылез на ринг, поднял руки, прося

тишины, так как публика все еще вопила, приветствуя Франсуа, и разразился длинной французской фразой.

— Что он говорит? — спросил я у Тома.

— Да повторяет, что и так всем известно, — ответил он. — Что это не обычный бой за приз, а вопрос чести между тобой и... Э-э... Этим самым Франсуа.

Том окликнул француза, сказал ему что-то, и тот вызвал из публики англичанина. Том спросил, не возражаю ли я против того, чтоб этот англичанин был за рефери. Я не возражал. Тогда о том же спросили Франсуа, и он этак высокомерно кивнул. Затем рефери спросил, сколько я вешу, и я ответил, и после этого он заорал:

— Бой будет проходить без учета весовых категорий, по правилам маркиза Куинсберри, раунд — три минуты, минутный перерыв! До полной и окончательной победы, даже если схватка займет всю ночь! В этом углу — месье Франсуа, вес двести пять фунтов! В том углу — Стив Костиган из Америки, вес сто девяносто фунтов! Вы готовы, джентльмены?

Прозвучал гонг. Рефери наш, вместо того чтобы убраться за канаты, как делают англичане, остался на ринге, на американский манер. Я рванулся на середину, видя перед собой только холодную усмешку на красивом лице, и хотелось мне лишь одного: как следует это лицо разукрасить. Спешил, точно на пожар, и — наудачу — с ходу послал верхний правый хук Франсуа в челюсть. Удар пришелся слишком высоко, но все же сбил его с носков на пятки. Издевательская улыбка на его лице поблекла.

Прямой левой, так быстро, что и глазу не уследить, он парировал мой хук и сразу, с той же руки, ударил в голову. В следующую минуту, промахнувшись с обеих рук, я снова получил этот прямой левой в лицо и понял, что против меня дерется настоящий боксер.

Я явно уступал ему и в скорости, и в мастерстве. Он был точно кошка: двигался быстрее молнии, а если уж бил, то бил быстро и жестко и притом еще проду-

мывал на ходу каждый шаг, так что застать его врасплох было невозможно.

Единственным шансом моим было продолжать наступать, и я шел вперед, нанося быстрые и тяжелые удары. Выстоять ему не удалось бы, поэтому он принялся отходить, передвигаясь по всему рингу. И все же я понимал, что не шибко-то он меня испугался, а отступает с какой-то вполне определенной целью. Но я никогда не медлю, чтобы прикинуть, что там замышляет вышедший против меня гусь.

А Франсуа продолжал жалить меня своим прямым левой, пока я в конце концов не нырнул под его удар и не воткнул свою правую в его диафрагму. Удар здорово потряс его. Вообще-то, должен был свалить, однако он вошел в клинч и так связал меня, что я больше не мог сделать ничего. А когда рефери разводил нас, этот тип еще скребанул шнуровкой перчатки мне по глазам! С приличествующим случаю замечанием я изо всех сил послал правую ему в голову, но он уклонился, и сила моего же собственного свинга бросила меня на канаты. Толпа издевательски завывала.

Тут прозвучал гонг.

— Малец-то крутенок, — заметил Том, разминая мне мышцы живота, — но ты продолжай теснить его, ныряй под его левую, если сможешь. Только не забывай следить за правой.

Я протянул руку назад, чтобы почесать Майку нос.

— В следующем раунде посмотришь.

Да, в следующем раунде вправду было на что посмотреть. Франсуа решил сменить тактику и, едва я пошел вперед, встретил меня левой, разбив нос, отчего глаза мои немедля заполнились слезами. А потом, пока я соображал, что творится, правой подбил мне левый глаз и ею же ткнул в солнечное сплетение. Тут я очухался, левым хуком достал его печень, заставив согнуться пополам, и добавил, пока он не выпрямился, правой сверху в голову, за ухом. Он встряхнул головой, прорычал какое-то французское про-

клятие и отступил, заслонившись все тем же прямым левой.

Я ринулся к нему, точно смерч, снова и снова пропуская его короткий прямой левой в корпус, пытаюсь достать его, но мои свинги всякий раз оказывались чуть короче, чем нужно. Эти прямые в корпус мне пока не шибко-то вредили, их нужна целая уйма, чтобы человек ослаб. Однако это было — точно все время натыкаешься на каменную стену, понимаете? А потом он пустил в ход перекрестные удары правой — бац! бац! бац! Правая, братики мои, у него работала просто отменно!

Его рывок вперед был таким неожиданным и ударил он так быстро, что я и в оборону уйти не успел. Правая его сработала, словно молния! В тот же миг я «поплыл», а Франсуа ударами с обеих рук погнал меня назад через весь ринг. Бил он с такой скоростью, что я успевал парировать не больше четверти его ударов. Бил и бил, полностью раскрывшись. Наконец я почувствовал спиной канаты и на какой-то миг увидел его, пригнувшегося передо мной, словно огромный тигр. Он совсем забыл об обороне, и левая его как раз устремилась ко мне. Вот в эту долю секунды моя правая, взметнувшись от бедра, парировала его удар и угодила точно в подбородок. Франсуа, будто под копер попав, рухнул на ковер, рефери прыгнул вперед — и тут ударил гонг!

Пока я шел в свой угол, публика безмолвствовала. Обернувшись, я увидел, как Франсуа с остекленевшими глазами поднимается на ноги и ковыляет к своему табурету, опираясь на плечо секунданта.

Но к третьему раунду он снова был свеж, как ни в чем не бывало. Он понял, что удар мой не хуже его и что я, как большинство кулачных бойцов, опасен, даже когда «плаву». Он был взбешен, улыбочка исчезла с его лица, вновь сделавшегося мертвенно-бледным, глаза полыхали черными угольями, однако осторожности он не утратил. Отступил перед моим натиском в сто-

рону, и я, пронесшись мимо, получил жесточайший хук в ухо, а когда развернулся и ответил хуком правой, Франсуа уклонился от него нырком, отступил назад и снова ударил левой в голову. Так прошел весь раунд: он, держа правую в резерве, разукрашивал мою карточку короткими прямыми левой, а я бил по корпусу, причем большей частью промахивался или же попадал в его перчатки. Перед самым гонгом он пошел в атаку, достал меня молниеносным правым хуком в голову и получил в ответ сокрушительный левый хук в ребра.

В четвертом раунде он сделался еще агрессивнее прежнего. Он посылал удары прямой левой мне в голову и затем с той же руки наносил хук в корпус. Или делал ложный выпад левой в лицо и только в последнее мгновение бил по ребрам. Да, с этих хуков в корпус вреда немного, но хорошего-то — вовсе ничего. Да и прямые в голову начали меня раздражать. Я и так уже бы краше некуда.

Работал он с такой скоростью, что я обыкновенно не успевал парировать или уклониться, и потому, едва он шевелил левой, я наугад бил правой ему в голову. После того как несколько таких моих ударов достигли цели, он прекратил финтить, посвятив большую часть времени ударам по корпусу.

Именно тогда-то я и понял: коготок у него востер, а вот с выносливостью — хуже. То есть он умел многое, гораздо больше моего, но на себе все это испытывать никак не любил. В ближнем бою он всегда наносил три удара на один мой, но отступал всегда первым.

Так дошло у нас дело до седьмого раунда. Мне к тому времени уже здорово досталось. Левый глаз быстро заплывал, а под правым была довольно мерзопакостная ссадина. Ребра начали побаливать от ударов, пропущенных в ближнем бою, а правое ухо на глазах принимало форму капустного листа. А мой быстроногий противник помимо нескольких синяков на тулове имел лишь одну-единственную отметину — неболь-

шую ссадину на подбородке, оставленную моим кулаком в том кабаке, с которого все началось.

Но сил терять я еще не начал: подобную колотовку я могу, так сказать, глотать, не поморщившись. Я загнал Франсуа в угол, втянув голову в плечи, сократил дистанцию и тут же отошел, ударив слева в голову.

Франсуа ответил весьма болезненным встречным правой под сердце, и тогда я еще раз ударил левой. Франсуа шагнул навстречу моему правому свингу, наступил мне на ногу, ткнул большим пальцем в глаз и, зажав мою правую, принялся своей крушить мне ребра. Рефери не выказывал никакого намерения вмешиваться в эту забаву, и потому я, от всего сердца выругавшись, рывком высвободил свою правую и сокрушительным апперкотом едва не снес Франсуа башку.

Тут смешок его перешел в рык. Он снова принялся обрабатывать мою физиономию левой. Обезумев, я бросился на него, что есть силы ударил правой под сердце — и почувствовал, как ребра его прогнулись под ударом. Он побледнел, пошатнулся и вошел в клинч прежде, чем я смог хоть что-то извлечь из своего выигрыша. Я чувствовал, как отяжелело его тело, как подгибаются его колени, но он прилепился ко мне, и рефери не собирался разводить нас. А когда я, ругаясь, наконец-то высвободился, мой очаровательный дружок, конечно же, успел вполне прийти в себя.

И тут же доказал это на деле, достав левой мой поврежденный глаз и той же левой ударив в ноющие ребра. Дальше последовал правый в челюсть, в первый раз за весь этот вечер опрокинувший меня на спину. Все это он проделал с кошачьим проворством. Раз! — два! — три! — и я на ковре.

Том Роуч заорал, чтобы я выждал счет, но я никогда не остаюсь на ковре дольше, чем нужно. Я вскочил на счете «четыре». В ушах еще звенело, слегка кружилась голова, но во всех прочих отношениях я был в порядке.

Однако Франсуа этого не понял, рванулся ко мне, но был остановлен левым хуком и повис на канатах так, что просто загляденье...

Ударил гонг.

В начале восьмого раунда я пошел вперед так же, как в самом начале, принял удар правой в переносицу, сам ударил левой по корпусу, и он снова отступил, жала меня прямым левой. Я начал наносить боковые удары, промахнулся правой — кр-рак!

Должно быть, он впервые за весь тот вечер ударил с правой в полную силу — и как раз точно в челюсть. В следующее мгновение я вдруг увидел себя со стороны: лежу, скорчившись калачиком, на ковре, челюсть моя, по ощущениям, вроде бы напрочь оторвана, а рефери, слышу, произносит: «...Семь!...»

Уж не знаю, как мне удалось подняться на колени. Казалось, рефери где-то далеко, в тумане, милях в десяти от меня. Однако в этом тумане я различил улыбку, вновь появившуюся на лице Франсуа, на счете «девять» поднялся на ноги и устремился к этому лицу.

Крак! Кр-рак!

Уж не знаю, как именно он снова послал меня на ковер... В общем, я снова упал, и все тут. Поднялся буквально за долю секунды до того, как рефери сказал «десять», и снова пошел вперед — на одном самолюбии, толкавшем меня к Франсуа!

* * *

Он мог бы тут же меня и прикончить, да только хотел действовать наверняка — знал, лягушатник, что я и в последний миг могу быть опасен. Достал меня пару раз прямым левой, ударил правой. Я нырнул под удар, пришедшийся вскользь по лбу, и вошел в клинч, мотая головой, чтобы в ней хоть малость прояснилось. Рефери развел нас. Франсуа снова ударил в голову — осторожно, но ощутимо и погнал меня через весь ринг.

Мне оставалось только пригнуться и обороняться из последних сил.

Когда он прижал меня к канатам, мне удалось развязаться с ним, изо всех сил ударив с правой, но Франсуа ожидал этого. Уклонившись, он нанес встречный удар левой в челюсть, а за ним — правой в висок. Еще один хук левой снова швырнул меня на канаты, и на сей раз мне пришлось обеими руками ухватиться за них, чтобы не упасть. Я нырял и уклонялся, но его перчатки раз за разом били то в ухо, то в висок, вызывая гул в голове, раз от разу становившийся все глуше — пока сквозь этот гул не прорезался звук гонга.

Я отпустил было канаты, чтобы идти в свой угол, и тут же рухнул на колени. Перед глазами стояла сплошная кровавая пелена. Где-то в миллионе миль от меня ревела публика. Сквозь ее рев я услышал презрительный смех Франсуа, а затем Том Роуч потащил меня в наш угол.

— Ты, ей-богу, здорово держишь удар, — сказал он, обрабатывая мои избитые глаза, — Джо Гриму делать нечего, но лучше уж, Стив, позволь мне выбросить полотенце, а? Это же настоящее смертоубийство...

— Ему и придется убить меня, чтобы победить, — прорычал я. — Иначе — я выстою.

— Но, Стив, — возразил Том, отирая мне губы и вливая в рот лимонный сок, — этот француз...

Но я не слушал его. Майк понимал, как плохо приходится его хозяину, и с коротким утробным рычанием зарылся носом в мою правую перчатку. И тут я кое-что вспомнил.

Было так: лежал я со сломанной ногой в маленькой рыбацкой деревеньке на аляскинском берегу и, не в силах ничем помочь, наблюдал через окно, как Майк дрался с огромным серым упряжным дьяволом — скорее волком, чем псом. Со здоровенным серым убийцей. Они забавно выглядели рядом — низенький, коренастый, кривоногий Майк и жестокий, поджарый, жилистый волчина...

И вот, пока я лежал, и бесновался, и пытался подняться, а четверо ребят прижимали меня к койке, этот проклятый волк — или пес — располосовал Майку бок до кости. Он был словно молния, как и Франсуа. Он точно так же, как и Франсуа, наносил удар и отступал. И весь, совсем как Франсуа, точно из стали пополам с китовым усом.

А бедный старина Майк все шел на него, рвался вперед — и промахивался, потому что волк всякий раз успевал отскочить в сторону. И всякий раз умудрялся полоснуть Майка длинными острыми клыками, так что вскоре бульдожка мой весь был изранен и выглядел просто ужасно. Не знаю уж, сколько времени все это продолжалось, однако Майк не сдавался. Ни разу он не заскулил, не сделал ни единого шага назад, он только шел и шел вперед.

В конце концов он достиг цели! Прорвался сквозь оборону волка, сомкнул челюсти, перегрыз ему глотку и тут же сам рухнул наземь. Его принесли ко мне в койку скорее мертвым, чем живым. Но мы подлечили его, и вскоре бульдожка мой совсем поправился. Только шрамы у него остались с тех пор на всю жизнь.

И вот, пока Том Роуч массировал мне живот и промакивал кровь с лица, а Майк терся холодным влажным носом о мою перчатку, я подумал: ведь мы с Майком оба одной породы, и единственное наше преимущество в бою — настырность. Чтобы победить бульдога, его нужно убить. Настырность! А чем еще я выигрывал схватки? Благодаря чему одолевал противников Майк? Проще простого: идешь и идешь вперед, на противника, и нипочем не сдаешься, как бы худо ни приходилось! Нас всегда превосходят во всем, кроме хватки да выдержки!

Дурацкие ирландские слезы обожгли мне глаза. Не от мази, которую Том втирал в мои раны, не от жалости к себе — уж не знаю отчего! Дед мой, помнится, говаривал: ирландцы плачут о Бенбарбе, где англичане задали им здоровую трепку...

Тут зазвучал гонг, и я снова оказался на ринге, играя с Франсуа в старую бульдожью игру, то есть идя вперед и вперед и без звука глотая все, чем он меня угощал.

Я не шибко-то помню, как прошел этот раунд. Левая Франсуа раскаленной пикой вонзалась в лицо, а правая, точно кувалда, сокрушала ребра и голову. К концу раунда ноги мои онемели, а руки сделались тяжелей свинца. Не знаю, сколько раз я падал и поднимался. Помню только, как один раз, войдя в клинч, едва не с рыданием вытолкнул сквозь расквашенные губы:

— Не остановишь, пока не убьешь, ты, мясо!

И когда нас разводили, увидел странную какую-то усталость в его взгляде! Тогда я ударил изо всех сил и — повезло! — попал ему под сердце. Затем все вокруг снова заволокло кровавым туманом, и я оказался на своем табурете, а Том Роуч поддерживал меня, чтобы не упал.

— Какой следующий раунд? — еле выговорил я.

— Десятый, — сказал Том. — Стив, ради всего святого, хватит!

Я завел руку за спину — посмотреть, где там Майк, и почувствовал его холодый, мокрый нос, который ткнулся мне в запястье.

— Не хватит, — отвечал я, точно в бреду. — Пока еще стою на ногах, вижу и чувствую... Это — как бульдог против волка. И Майк в конце концов разорвал ему глотку. И я — рано ли, поздно — разорву этого волчину на части...

Я снова вышел на середину. Грудь моя была сплошь в крови, так что перчатки Франсуа намокли и при каждом ударе брызгали кровью пополам с водой, но внезапно я обнаружил, что удары его будто бы утратили часть своей силы. Уж и не скажу, сколько раз он сбивал меня с ног, зато теперь-то я знал, что он старается изо всех сил, а я все же держусь. Ноги, конечно, почти отказывали, зато руки еще вполне годились в дело.

Франсуа здорово обработал мои глаза, и они совсем закрылись, но, пока он занимался ими, я три раза попал ему под сердце, и с каждым разом он хоть чуточку да ослабевал!

— Какой следующий раунд?

Я зашарил вокруг в поисках Майка, так как вовсе ничего не мог видеть.

— Одиннадцатый, — сказал Том. — Стив, это же сущее смертоубийство! Верно, ты из тех гусей, что могут драться еще двадцать раундов, хоть уже избиты до бесчувствия. Но я хочу тебе сказать: этот француз...

— Вскрой мне веки карманным ножом, — перебил я его, нашарив загривок Майка. — Должен же я видеть!

Том заворчал, однако ж я почувствовал острую боль, и правому глазу сделалось полегче. Теперь я мог разобрать хоть что-то перед собой. Тут зазвенел гонг, но я не сумел подняться: ноги точно отнялись.

— Том, ирлашка проклятый, помоги же! — зарычал я. — Выбросишь полотенце — забью тебе в глотку эту бутылку!

Том покачал головой, помог мне встать и вытолкнул на середину. Определив, где нахожусь, я чудным, механическим каким-то шагом пошел вперед, к Франсуа. Тот медленно двигался мне навстречу, и лицо у него было такое, словно он предпочел бы сейчас оказаться где уютно, только бы подальше от этого ринга. Да, он измочалил меня в хлам, бессчетное число раз сбил с ног, но я — вот он, снова иду за добавкой! Бульдожий инстинкт ничем не перешибешь. Это не просто храбрость, не просто кровожадность, это... В общем, такова сама бульдожья порода.

Оказавшись лицом к лицу с Франсуа, я заметил, что глаз его совсем почернел, а под скулой — глубокая рана, хотя я напроць не помнил, откуда она взялась. И на туловище отметин тоже хватало. Выходит, и наносить удары могу, не только получать!

Глаза его горели отчаянием. Он бросился на меня и несколько секунд молотил с прежней силой. Удары сыпались на меня градом, так что в голове моей все окончательно переменялось. Я решил, что он вовсе отшиб мне мозги — казалось, я слышу знакомые голоса, орущие, выкликающие мое имя, и голоса эти — ребята с «Морячки», которые уж никогда не станут орать, поддерживая меня...

Тут я снова оказался на ковре и на сей раз почувствовал, что больше не встану. Где-то далеко, точно в тумане, маячил Франсуа. Я еще мог различить, как дрожали его ноги, да и сам он весь трясся, словно от холода. Однако мне было не достать его! Я попробовал подтянуть под себя ноги, но они окончательно отказали. Я осел на ковер, плача от ярости и бессилия.

И тут сквозь гвалт публики до меня, точно звон старого ирландского колокола, донесся лай Майка! Он у меня, вообще-то, был не из пустобрехов и подавал голос лишь в особенных случаях. И сейчас всего-навсего коротко гавкнул. Я взглянул в его сторону — он словно бы плавал в тумане, и взгляд его яснее всяких слов говорил:

— Стив, старина, поднимайся! Ну, еще удар! Ради чести нашей породы!

Нормальному человеку, доложу я вам, непременно нужно драться за что-то еще, помимо самого себя. За свой флаг, например, за свой народ, за женщину, за ребенка или же за своего пса. Вот тогда он не может не победить! И я поднялся на ноги, уж не могу сказать как! Взгляд Майка точно вздернул меня за шиворот — и как раз в тот миг, как рефери открыл рот, чтобы сказать: «Десять!» И прежде чем он успел это сказать...

Сквозь застилавший глаза туман я увидел лицо Франсуа, бледное и отчаянное, и выражение его тоже говорило яснее слов. Мои удары под сердце, нет-нет да достигавшие цели, подточили его силы, да и выдохся он, молотя меня. Но главное — он понял, что вышел

даться против старой бульдожьей породы! Это-то его и dokonало.

Я изо всех сил ударил правой в его лицо, и голова Франсуа запрокинулась назад, словно на петлях. Брызнула кровь. Он ответил правым свингом в голову, но удар оказался так слаб, что я засмеялся, тоже брызгая кровью пополам со слюной. Смеясь, я ударил левой в корпус, согнув Франсуа едва не пополам, и добил правой в челюсть. Он рухнул на ковер, скорчился, приподнялся было, опираясь на руки, но так и не смог встать до счета «десять». Шатаясь, я прошагал в свой угол и обнял Майка, а он, поскуливая, принялся вылизывать мне лицо.

Первым, что я почувствовал, придя в себя, был холодный мокрый нос, который тыкался в мою правую ладонь, казалось, совсем бесчувственную. Затем кто-то схватил эту ладонь и едва не оторвал напрочь, и я услышал голос:

— Эй, старая ракушка! Хочешь ему, бессознательному, руку сломать?

И тут до меня дошло, что все это сон, так как голос-то принадлежал Биллу О'Брайену, который в это время должен быть уже далеко в море!

— Кажется, приходит в чувство, — сказал Том Роуч. — Эй, Стив, глаза открыть можешь?

Я собрался с мыслями, разлепил пальцами веки, и первым, кого я увидел — или же хотел видеть, — был Майк. Он на свой обычный манер завилял куцым хвостом и вывалил язык, улыбаясь, как ни в чем не бывало. Потрепав его по ушам, я огляделся вокруг: возле меня стоял Том Роуч, а рядом с ним... Билл О'Брайен, и Хансен-Мухомор, и Олаф Ларсен, и старший помощник Пенрин, и второй помощник Ред О'Доннели, и наш Старик собственной персоной!

— Стив! — завопил Старик, чуть не прыгая от восторга и трясая мою руку так, точно вознамерился ее оторвать. — Ты просто чудо! Сказка!

— Э-э... — только и сказала я. — Что бы это все зна...

— Дело-то в чем, — начал Билл О'Брайен. — Мы только-только собрались поднимать якорь, и тут прибежал малец, говорит: ты, в клубе «Наполеон», дерешься с...

— Как только я услышал, с кем ты дерешься, тут же приказал все бросить, и мы всей командой отправились сюда, — перебил его Старик. — Но парнишка, присланный Роучем, заплутал, олух этакий...

— ...И нам еще пришлось уложить нескольких лягушатников, чтобы войти в клуб, — добавил Хансен.

— Поэтому мы видели только последних три раунда, — продолжил Старик. — Но дело того стоило. Он превосходил тебя во всем, кроме выдержки. Он избил тебя в хлам, но никак не мог заставить понять это, и я тут заключил пари-другое...

И, провалиться мне на месте, если Старик при этих словах не вложил в мою болезненно ноющую пятерню пачку купюр!

— Половина выигрыша, — пояснил он. — И больше тебе скажу: «Морячка» останется в порту, пока не поставим тебя на ноги!

В голове моей все поплыло.

— А как же с Майком?

— Растреклятый кривоногий ангел, — проворковал Старик, любовно почесывая Майку за ухом. — Да я отдам за вас обоих все оставшиеся зубы! Я и так в долгу перед тобой, Стив. Ты уйму всего для меня сделал. Но никогда еще я не чувствовал себя в таком долгу перед тобой, как сейчас. Я отдал бы правую руку, чтобы только видеть этого здорового лягушатника битым, и...

— Эй! — Тут до меня дошло, в чем дело, и я сразу почувствовал себя слабым и разбитым. — То есть это был...

А Том вдруг сказал:

— Ты уложил Валуа-Тигра, чемпиона французского военного флота в тяжелом весе! Следовало тебе знать, что в увольнения на берег он одевается фран-

том и ходит туда, где публика пошкарнее. Он не представлялся, боясь, как бы ты не отказался драться с ним, а я поначалу опасался обескуражить тебя, а после уж ты не дал мне возможности сказать...

Тогда я повернулся к Старику:

— Могу заверить, я не знал, что этот гусь — тот самый, с кем вы сцепились в Маниле. И дрался с ним не из-за вас, а из-за того, что он пнул Майка.

— К черту повод! — воскликнул Старик и улыбнулся шире крокодила. — Ты его одолел, и этого достаточно. А теперь надо бы откупорить бутылочку и выпить за американские суда и янки-моряков и отдельно за Стива Костигана!

А я ответил:

— Прежде выпейте за парня, который стоит всех названных судов и моряков, — за Майка из Дублина, почтеннейшего джентльмена и лучший талисман для любого бойца!

ЗЛОСТЬ МОРЯКА

В Лос-Анджелесе я сошел на берег в поисках мира и покоя. Быть чемпионом в тяжелом весе на судне «Морячка», капитан которого всюду хвастается, что плавает с самой крутой командой Семи Морей, это вам не шутки. Мы встали в док, и я пошел себе гулять, открыто заявив о намерении пару деньков повалять дурака. Я даже бросил своего белого бульдога Майка на борту. Нет, я вовсе не хотел оставлять его без берега. В доке мы должны были простоять самое малое неделю, и мне хотелось побыть одному, вроде как для успокоения нервов. Майк, он только и смотрит, как бы откусить кому-нибудь ногу, а я потом либо плати за порванные штаны, либо дерись с их хозяином.

Словом, сошел я на берег в одиночестве и забрел в жилые кварталы, тянувшиеся вдоль берега, знаете, там, где такие маленькие летние коттеджики, которые занимают замечательные, высоких, можно сказать, помыслов и чувств, люди.

Так вот, побродил я по берегу, поглазел на игравших в песочке ребяташек и загоравших девушек, причем из этих последних большинство были просто сног-

сшибательными, но вскоре понял, что попал в такие малолюдные места, куда наш брат забредает редко. Одет я был хоть без претензий, но прилично и никак не мог уяснить, с чего владельцы коттеджей так косо на меня посматривают.

Сначала я услышал чей-то голос:

— О-о-о, моряк! Йох-хо!

Это меня слегка разозлило. Нет, я своей работы не стесняюсь, никоим образом, только убей не понимаю, отчего во мне постоянно узнают моряка, даже если я и не в рабочей одежде! Однако ж злость моя мигом улетучилась: обернувшись, я увидел, что на меня застенчиво смотрит прекрасная миниатюрная девчонка со светлыми волосами. Не теряя времени даром, я устремился к ней. Она стояла возле лодки, держа над курчавой головкой дурацкий крохотный зонтик-парасоль.

— Мистер моряк, я не умею грести... Покатайте меня, пожалуйста, — вкрадчиво проворковала она, скользя взглядом по моим мужественным формам. — Просто обожаю моряков!

От взгляда ее у меня вроде как малость закружилась голова.

— Мисс, — вежливо ответил я, — для вас я готов грести до Панамы и обратно, только скажите!

С этими словами я помог ей подняться на борт и прыгнул в лодку сам. Как кавалер я всегда на высоте. Хоть и рос в грубости да невежестве, однако ж никогда не ленился подмечать, как приятно держаться среди людей любезных и вежливых.

Так мы обогнули всю бухточку. Я греб, а она, поуютнее устроившись на банке и заслоняясь от солнца своим розовым зонтиком, с восхищением смотрела на меня из-под длинных шелковых ресниц.

Мы поболтали о разных пустяках вроде того, как жарко в это время года и какая мерзкая погода стояла в холода, а затем она спросила, с какого я судна. Я назвал ей судно и еще прибавил, что мое имя — Стив

Костиган, что было сущей правдой, а она сказала, что ее зовут Марджори Харпер, и принялась, как все девочки, расспрашивать о моих плаваниях и обо всем таком прочем. Ну, и я рассказал ей в ответ уйму историй, большей частью позаимствованных из библиотеки Хансена-Мухомора — у него полно книжек, какие всюду продаются по десять центов штука.

Однако я ни слова не сказал ей, что я боец, боксер, отлично известный во всех портах как крутой парень в перчатках, божья кара для старших помощников и боцманюг из тех, что всегда рады угостить матроса «персиком». Не сказал потому, что видел: девочка — примерная дочь почтенных родителей и ничего такого не знает о нашем грубом, огромном мире, хотя и не из последних в искусстве легкого флирта.

Ближе к вечеру мы расстались, и, признаться, она здорово понравилась мне. Она обещала встретиться со мной завтра на том же месте, и я, весело насвистывая, зашагал к своему отелю.

* * *

Назавтра я с самого утра отправился на наше место, хотя и понимал, что Марджори вряд ли появится раньше полудня. Проходя мимо укромной тенистой бухточки, куда парочки частенько прячутся от лишних глаз, я услышал спор на повышенных тонах. Конечно, я подслушивать не люблю, но и на ухо не туг, а потому отлично расслышал, что там говорили, по крайней мере мужчина, обладавший замечательно сильным голосом и пользовавшийся им на всю катушку. Сперва я решил, что он отчитывает ребенка, призывает вроде как умерить прыть...

— ...Сколько раз тебе говорил: держись подальше от моряков, вертихвостка этакая! Они не твоего круга!.. Неважно, как я узнал, что вчера ты гуляла с каким-то насквозь просоленным кретином! И все! И не смей возражать! Поймаю с ним — так отшлепаю, сво-

их не узнаешь! Ступай домой и носа наружу не смей показывать!

Тут я подумал, что это он уж слишком, и тут же проникся к этому парню неприязнью. Я вообще не люблю, когда мужик грубит женщине. Но в следующую же минуту я просто окаменел от удивления и гнева. Мужчина с девушкой, обойдя бухту кругом, вышли с другой стороны. Шли они спинами ко мне, но я хорошо запомнил лицо мужчины, когда тот невзначай оглянулся. Он был молод и симпатичен с виду, одни золотистые кудри чего стоили. А девушка... Девушкой была Марджори Харпер!

Какое-то мгновение я стоял как вкопанный. Ах ты!.. Запрещать девушке гулять со мной!.. Оскорблять моряков!.. Обзывать меня кретином, когда даже не знаком!.. И то, как повела себя Марджори, меня тоже изумило и разозлило — она покорно, как ребенок, пошла за ним и даже на словах ничего не возразила. Прежде чем я собрался с мыслями, они сели в машину и укатили.

Нечего и говорить, что я покраснел как рак! И ведь по сложению и походке этого молодого да раннего ясно было видно: он тоже моряк! Вот же мерзавец!

В общем, ровно в назначенный час я явился на то место, где накануне познакомился с Марджори, хотя не шибко-то надеялся, что она придет. Однако она все же пришла, и вид у нее был совершенно подавленный. Даже маленький розовый зонтик едва не тащился по земле.

— Я пришла только сказать, — волнуясь, заговорила она, — что не смогу сегодня кататься на лодке. Мне нужно сейчас же идти домой.

— А вы ведь, похоже, говорили, что не замужем, — горько сказал я.

Марджори изумилась.

— Но я и вправду не замужем! — воскликнула она.

— Ну, — нахмурился я, — если так, то должен вам сказать: я слышал, как утром вас отчитывали за то, что

ны гуляли со мной. И не понимаю, как вы можете такое терпеть.

— Не знаете вы Берта, — вздохнула она. — Он сущий тиран и обращается со мной, как с маленькой. — Марджори гневно сжала кулачки. На глазах ее блеснули слезы. — Хулиган! Будь я женщиной — башку бы ему свернула!

— А где же этот Берт сейчас? — спросила с древним, как мир, зловецким спокойствием.

— Где-то в Голливуде, — ответила она. — Кажется, ему дали какую-то маленькую рольку в кино. Но остаться я все равно не могу. Нельзя, чтобы Берт узнал, что я выходила встретиться с вами.

— Значит, я так больше никогда вас и не увижу? — спросил я уже напрямик.

— О, Господи, нет! — Она, вся дрожа, промокнула глаза платочком. — Я боюсь! Берт в ярость приходит, стоит мне только взглянуть на какого-нибудь моряка!

Я чуть слышно скрипнул зубами и мягко спросил:

— А разве этот олух сам не моряк?

— Кто? Берт? Да. Но он заявляет, что моряки — неподходящее общество для приличных девушек.

Отчаянным усилием я подавил желание взвыть и сказал как можно спокойнее:

— Что ж, я уйду. Но помните: я еще вернусь к вам!

— О, пожалуйста, не надо! — взмолилась она. — Мне ужасно жаль, но, если Берт застанет нас вместе, нам обоим придется плохо!

Мне ничего не оставалось, как только вежливо поклониться, и я, ног под собою не чуя, помчался в Голливуд. Марджори казалась весьма мужественной девушкой, а значит, с этим Бертом наверняка что-то неладно. Что ж за власть у него такая над ней, если он позволяет себе разговаривать подобным образом? Отчего она не даст ему от ворот поворот? Не может же она любить такого грубияна, когда рядом есть па-

рень вроде меня! И уж всяко: если б она его любила, то не стала бы флиртовать со мной!

Тут, решил я, должно быть, положение вроде того, что показывали однажды в кино. «Проклятие рома» называлось. Там главный негодяй много чего знал про старика отца главной героини, так что ей приходилось терпеть все его пакости, пока не явился главный герой и не напинал ему как следует. Я и решил, что Берт, должно быть, знает что-то этакое на папашу Марджори, и уж собрался вернуться и спросить, что именно. Но тут же подумал: пускай-ка лучше сам Берт и расскажет.

* * *

Так вот, прибыл я в Голливуд и принялся, как дурак, бродить, надеясь, что пощастливится мне наткнуться на этого Берта. И почти сразу повезло! Вижу: сидят в кафе трое или четверо, и Берт среди них! Он, конечно, выглядел еще шикарнее прежнего, лучше одет и все такое, но его золотистые, выующиеся волосы я узнал, едва взглянув.

В следующий же миг я оказался у их столика, ухватил Берта за шкирку и поднял его на ноги.

— Значит, командовать моей девушкой, так?! — зарычал я и что было сил ударил его правой в челюсть.

Он чудом уклонился, избежав-таки полного и немедленного поражения, а потом, к величайшему моему удивлению, полез под стол и заорал, зовя на помощь! В следующее же мгновение на меня навалились словно бы все официанты, сколько их там есть в мире, но я разметал их по сторонам, точно солому, и закричал:

— Берт, остолоп кудрявый, вылазь! Я-те покажу, как...

— Какой он тебе Берт! — взвыл толстенный низенький мужичонка, повисая на моей правой. — Это Реджинальд ван Вир, знаменитый киноартист!

В изумлении от его слов я умерил пыл, и эта самая знаменитость боязливо высунулась из-под стола. Тут-то до меня окончательно дошло, что вышла ошибка. Не Берт оказался, хоть и замечательно похож.

— Извините, — буркнул я. — Обознался...

С этими словами я швырнул одного официанта на стол, другого — в угол и вышел наружу, исполненный безмолвного величия. А оказавшись на улице, нырнул в аллею и промчался бегом до самого ее конца — что-то, а уж копов на мою голову они наверняка позовут.

Словом, сдаться я решил, только когда уже зажглись уличные фонари. И в это-то самое время наткнулся не на кого другого, как на Томми Маркса, с которым еще мальчишкой дружил во Фриско. И отправились мы, значит, отмечать такую встречу кружечкой пива с бифштексом. Томми с тех пор успел отрастить усики с бачками и сказал, что работает ассистентом режиссера — во как! — аж в самой кинокомпании «Тремендоуз Артс».

— И мы, — похвастал он, — такую штукенцию снимаем, блеск! Сногшибательную просто! Боксерскую картину снимаем, и называется она «Слава победителя»! Главный герой — Реджинальд ван Вир, главная героиня — Хони Прешиз! Киношки будут набиты битком!

— Надуваловкой занимаетесь, — хмыкнул я. — Скажешь, этот хлыщ ван Вир позволит себя метелить ради искусства?

— Ну, правду сказать, — признался Томми, — не позволит. Да и компания не позволит себе рисковать целостью его профиля. На счастье, нам — просто чудом! — подвернулся под руку парень, похожий на Реджи, точно родной брат. Крутой такой морячина, настоящий боец, и драться перед камерой будет он. А для крупных планов, когда клинч, скажем, снимется сам Реджи, в гриме, будто он весь вспотел, да в синяках, да в крови. А потом эти крупные планы так вклеют в настоящий бой, что ни одна собака не отличит.

Внезапно меня осенило:

— И кто таков этот его дублер?

— Не знаю. Подобрал в Лос-Анджелесе. А имя его...

— Берт! — выпалил я.

Томми вроде как удивился:

— Ну да, верно. Так и есть.

— А-а-ар-р-р-р-р! — Я стиснул зубы. — Ну, завтра я приеду на студию. Нужно мне этому Берту сказать пару слов.

— Э-э! — закричал Томми, видно догадавшись о моих намерениях. — Оставь его совсем, Господа Бога ради, пока не закончим картину! Завтра мы снимаем большую сцену на ринге, кульминацию всей картины, понимаешь? На роль противника Реджи приглашен настоящий боксер — Терри О'Рурк из Сизтла, ему заплатили уйму денег! Если ты оставишь нас без дублера, это же... Страх подумать!

— Ладно, — буркнул я. — Завтра с утра буду на студии, а там поглядим. Внутрь меня, я так полагаю, не пустят, но я и снаружи подожду, когда он выйдет.

* * *

На следующее утро я приехал на студию «Тремендоуз Артс» еще до открытия. И — в такую-то рань! — обнаружил возле бюро по найму четверых крутых с виду парней. Одного даже узнал — это был Спайк Монахан, матрос первой статьи с купеческого судна «Хорнсвогль». Вряд ли на флоте когда-нибудь бывали бойцы лучше.

— Отчего такое сборище головорезов, Спайк? — спросил я.

— А ты не слыхал, да? — ответил он. — Терри О'Рурк прошлым вечером дал раза вышибале в ночном клубе и сломал запястье! Ну, мы и пришли наниматься вместо него. Не, деньги-то мне особо не нужны, понимаешь? А вот начистить ряшку этому красавчику ван Виру — это да!

— Ну, тогда не повезло тебе, — сказал я. — Вместо него дерется дублер.

— Да плевать! — возразил один из парней. — Ведь в кино попадем! Здорово ведь, да?

— Ну, ребята, — с этими словами я скинул куртку, — подумав немного, я решил взять эту работу на себя.

— Стив, — отозвался Спайк, плюя в кулаки, — я ничо такого особого против тебя не имею. Но это ж мой долг перед народом: чтобы появилась моя физия на серебристом экране и чтобы зрители, уставшие глазеть на расфуфыренных олухов вроде ван Вира, просто жаждущие посмотреть, каков из себя есть настоящий мужик, получили свое. Только без обид, Стив...

Тут он выстрелил правым хуком мне в подбородок. Я нырнул, уклонился, уложил его хорошим апперкотом, заслонился от свинга другого здоровяка и левым хуком под ложечку уложил его поперек Спайка. Потом я обернулся к двум другим, воинственно размахивавшим руками, наткнулся глазом на кулак и сокрушил владельца этого кулака левым хуком в путовку.

Четвертый успел как следует приложить мне дубинкой, и я, будучи этим малость раздражен, прямым левой расплющил ему нос, правой сломал пару ребер и ею же ударил в челюсть, после чего он тоже лег и лежал спокойно, точно колода.

Спайк тем временем пытался подняться. Видя обиду в его глазах и бронзовый кастет на левой руке, я не стал дожидаться, пока он окажется на ногах, и ударил правой чуть позади уха. Ну, Спайк и осел на землю с ангельской улыбкой на страхолудном лице. А я перекинул куртку через локоть и направился к дверям бюро — их как раз открывал какой-то невысокий человек в очках.

— Что вам угодно? — спросил он, не отводя взгляда от моего быстро темнеющего глаза.

— Я новый боксер, — ответил я. — Вместо Терри О'Рурка.

В его взгляде появилась озадаченность.

— Да, я знаю, что вчера поздно вечером было дано объявление... Но предпочтительнее было бы выбирать из нескольких претендентов.

— Здесь были еще четверо, — пожал я плечами, — только им дожидаться надоело.

Он выглянул наружу, увидел тех четверых нескладах, ковыляющих прочь, снова взглянул на меня и слегка вздрогнул.

— Зайдите в следующем месяце, — сказал он. — Мы будем снимать картину о джунглях.

Я не понял, в чем дело, и спросил:

— Это вы что? Хотите сказать, что я вам не подхожу, или как?

— Нет-нет, — быстро ответил он. — Господи Боже, конечно же, подходите! Идемте.

Я пошел следом за ним, и, миновав уйму помещений и предметов непонятного смысла и назначения, мы пришли туда, где все было устроено, как на настоящем открытом стадионе — ринг, трибуны и все такое прочее. И на трибунах тех, несмотря на рань раннюю, были уже рассажены статисты в великом множестве.

К нам суетливо подскакал главный режиссер и оглядел меня с головы до ног. Вел он себя, надо заметить, точно полоумный, что, впрочем, вовсе неудивительно. Кто б не чокнулся в этаким-то гаме и суматохе, да еще если каждый миг подбегают спрашивать об освещении, декорациях, костюмах — словом, о каждой мелочи.

— Как звать? — рыкнул он. — С виду — боец! Откуда?

— Стив Кости... — начал было я.

— Отлично, слушай меня. Ты Непобедимый О'Хэнлон, чемпион Британских островов, понимаешь? А Реджи ван Вир — чемпион Америки, и вы с ним деретесь за мировое чемпионство, понимаешь? Конечно, вместо Реджи дерется дублер. После того как отснимем бой, будем снимать еще несколько крупных планов — ты с

Реджи в клинче, чтобы вставить в нужные места. Томми, отведи его в гримбурную и приведи в порядок!

Тут к нам подбежал Томми Маркс. Увидев меня, он замер как вкопанный и побледнел. Он махнул рукой, чтобы я шел за ним, но, когда я попробовал было заговорить, зашипел:

— Заткнись! Я тебя не знаю! Ясно же: ты что-то затеваешь, и, если увидят, что мы с тобой друзья, я потеряю работу! Подумают, что это я тебя подговорил!

Смекнув, в чем дело, я ничего не ответил, и он повел меня в гримбурную, где намазал мне лицо какой-то дрянью и подкрасил брови. По-моему, внешность моя от этого лучше не стала, но Томми сказал, что и хуже, определенно, не будет, потому что хуже некуда. Затем я влез в трусы, шикарнее которых в жизни еще не надевал, и Томми повязал мне вокруг пояса британский флаг. Это меня порядком насмешило: сколько дрался против тех, кто так же точно его повязывал, но никак не предполагал, что придется самому! Я было попросил его повязать лучше флаг Свободной Ирландии, но он сказал, что у них на студии такого нет. Потом он дал мне отличный шелковый халат, и, таким вот образом разнаряженный, я двинулся вперед.

Едва отворив дверь гримерки, я услышал дикий рев. Осторожно выглянув в павильон, я увидел, что по проходу этак величаво шествует Реджи ван Вир, одетый даже еще шикарнее моего. Две камеры стрекотали вовсю, режиссер прямо-таки надрывался от крика, а на трибунах скакала и вопила толпа статистов — совсем как болельщики на настоящем боксерском матче, когда на ринг выходит фаворит.

Окруженный роем секундантов с помощниками, он пролез под канатами, и Томми сказал, что настала моя очередь. Я и пошел к рингу по противоположному проходу, а следом за мной двинулась толпа еще побольше, чем у него, с ведрами и полотенцами, которых, если надо, хватило б на целую армию. Удивительно, как

тяжко этим киношникам приходится, чтобы все получалось будто взаправду! Уж не знаю, сколько статистов они собрали, однако мне сразу стало ясно: перед такой уймой публики я в жизни не дрался никогда.

Повинуясь тому, что орал мне режиссер, я прыгнул через канаты. Такая прыть мне тоже показалась удивительной: я-то всегда думал, что в кино бывает множество репетиций, или дублей, или как там еще. А тут рефери вызвал нас на середину, они сняли крупным планом, как мы с Реджи пожимаем друг другу руки, потом камеры перестали трещать, Реджи быстро удалился, а вместо него на ринг поднялся Берт! Он был одет совсем как Реджи, и я снова поразился, до чего же они похожи.

— Вот теперь, — заорал режиссер, — пойдут те кадры, которые должны выглядеть как можно реальнее! Вот почему я вас, ребята, не заставлял репетировать! Деритесь, как всегда, как пожелаете, сколько требуют правила! Мы берем ринг со всех точек, под любым углом, так что не бойтесь выйти из кадра! Это будет нечто новенькое в кино! Забудьте на время, что вы актеры! Втемяшьте, как следует, в свои непрошибаемые черепушки: вы бойцы, боксеры, как всегда! Чтобы мне все было взаправду! За эти четыре раунда вы должны показать все, на что только способны! А потом, Берт, когда я в пятом раунде крикну, делай шаг назад и бей левой в корпус! Тогда ты, Стив, раскрываешься, а ты, Берт, кр-р-роши правой в челюсть! И посильнее! Нужно, чтобы все было, как на самом деле! Стив, когда его правая угодит тебе в челюсть, ты падаешь!

Тут я как раз подумал, что с самого начала собирался устроить все, как на самом деле!

— Мне тут не нужно покаутирующих ударов в плечо! Любители бокса, что ходят на матчи и понимают в нем толк, мгновенно все приметят! А именно их и должна привлечь наша картина! Так что, ребята, если будут выбитые зубы или сломанные носы, получите

премии! Отлично, давайте по местам, а по звуку гонга бр-р-росайтесь вперед, словно вы лично злы друг на дружку!

Я вполне мог заверить его, что так и есть. Пока режиссер трепался, я из-под полуопущенных век рассматривал Берта. Выглядел он неплохо, а по повадке видно было, что на ринге он — точно у себя дома. Широкие плечи, узкие бедра, мускулы грациозно перекатываются под кожей... Росту в нем было примерно шесть футов один дюйм, а весил он, пожалуй, фунтов сто девяносто восемь, то есть был на дюйм выше и на восемь фунтов тяжелее меня. В общем, смотрелся парень — точь-в-точь те греческие боги, по которым люди с ума сходят. Однако твердая квадратная челюсть и серые стальные глаза ясно говорили: работенка мне предстоит не из легких. Так вот, ударили в гонг, и мы бросились друг на друга. Я хотел предупредить его почестному и потому сразу, нырнув под его левую, вошел в клинч.

— Забудь, что там лопотал этот режиссер, — прорычал я ему на ухо. — Одного из нас унесут на носилках, и я постараюсь, чтоб это был ты!

— Я же тебя даже не знаю, — буркнул он, высвобождаясь рывком.

— Узнаешь!

С этими словами я дико осклабился и изо всех сил ударил правой под сердце. Он отскочил, закрывшись молниеносным левым хуком в корпус, и вести задущевные беседы нам стало некогда.

Парень он оказался быстрый, да вдобавок пообразительнее меня, однако тоже любил ближний бой. За левым хуком последовал просто-таки сокрушительный правый. Я закрылся, порядочно попал ему под глаз, вошел в клинч и принялся дубасить его правой, пока нас не развел рефери.

Мы обменялись правыми в голову, левыми в корпус, а потом он выдал роскошный апперкот, который начисто снес бы мне голову, попади он только в цель.

Тогда я обеспечил ему дрожь в коленях при помощи правого хука под сердце, а он в ответ нанес прямой правой и одарил меня хорошей ссадиной под левым глазом.

Затем он принялся отступать, как на тренировке, обрабатывая левым мой поврежденный глаз. Мне это сильно не понравилось, и я двинулся через весь ринг за ним и неожиданно нанес перекрестный правой в голову, заставивший его упасть на колени. Впрочем, он вскочил, не выжидая счета, ударил левым прямым все в тот же мой поврежденный глаз и немедленно добавил правым апперкотом в корпус. Мой правый прошел мимо цели, зато левый — попал, а затем я пропустил два правых прямых в лицо ради того, чтобы попасть левым хуком ему в живот. Тогда он вошел в клинч, я высвободился, и дальше вплоть до самого гонга мы гоняли друг друга вдоль канатов.

Статисты уж давно вопили и скакали не за деньги, но от всей души, а режиссер так просто плясал от удовольствия и орал, чтобы мы продолжали в том же духе. Я зарычал, бросил многообещающий взгляд в сторону легконогого моего противника, и он так оскалился в ответ, что я понял: режиссер получит, что ему требуется, сполна.

Со звуком гонга Берт метнулся вперед, словно рысь, и, еще прежде чем я успел собраться с мыслями, нанес мне прямой левый под вздох и два прямых правых в лицо. Я отступил, заслонившись коварным правым хуком под сердце, ударил с той же руки в челюсть, но промахнулся. Очевидно, Берт решил, будто прямой правый — лучшая его карта, вроде козырного туза, так как продолжал пробивать им мою защиту и лупить под мой левый хук. Обозлившись, я внезапно нырнул так, что этот его прямой правый прошел над моим плечом, и нанес хор-роший перекрестный левой в челюсть.

Берт только хрюкнул, а я, прежде чем он сумел обрести равновесие, воткнул правую глубоко в его ребра. Он повис на мне в отчаянном клинче и замотал

головой, чтобы в ней хоть малость прояснилось. Рефери развел нас, и Берт, очевидно взбешенный до крайности, нанес мне ошеломительный правый свинг чуть выше уха, отбросивший меня на канаты противоположного конца ринга. Пока я, превозмогая легкое головокружение, отталкивался от них, он бросился следом за мной, словно разъяренный тигр, и уж каким-то прямо пушечным правым апперкотом поднял меня на воздух. Теперь уже я вошел в клинч, и рефери потребовались все его силы, чтобы развести нас.

Берт сделал финт левой и тут же ударил правой под сердце. Я промахнулся с правой, неплохо достал его левой, и в это время прозвучал гонг.

Я сел на табурет и, пока мои помощники с секундантами совершали уйму вовсе ненужных движений, взглянул на трибуны. И тут сердце мое чуть не выпрыгнуло изо рта! Там, у самого ринга, в первом ряду, сидела Марджори!

Она смотрела на ринг и была сильно бледна. Я улыбнулся ей, показывая, что за меня не нужно тревожиться, но ответный ее взгляд был разве что испуганным. Бедное дитя! Я сообразил: она ведь совсем непривычна к таким грубостям и боится, как бы этот Берт меня не поранил! Эта мысль заставила меня весело улыбнуться и испытать чувство глубокого удовлетворения. Ничего, сейчас она увидит, как я задам этому типу заслуженную трепку!

Гонг!

На сей раз Берт пошел вперед с опаской. Он сделал ложный выпад левой, ударил правым в голову, промазал и отступил. Я, не шибко заботясь о защите, последовал за ним, нырнул под следующий правый свинг и решил, что в следующий раз блокирую его левой, подшагну и ударю правым в челюсть. Вот левый свинг, правый — и я автоматически выбросил вперед левую, блокируя его. И — слишком поздно — заметил, что он как-то странно сместился, так что находится ко мне гораздо ближе, чем должен бы. Бац! В следующий же

миг я оказался на ковре с таким чувством, точно под ложечкой у меня дыра.

Уже подбирая под себя ноги, я смекнул, что он сыграл со мной старый трюк Фицсиммонса. Вместе с ложным ударом справа он подшагнул правой ногой вперед, оказавшись таким манером внутри моей защиты и в прекрасной позиции для страшного удара левой в солнечное сплетение. Вот как он все это проделал, и еще хорошо, что не попал, куда метил, и не ударил с дистанции в несколько дюймов по ребрам. Иначе я не скоро пришел бы в себя.

А так я поднялся на счет «девять», и Берт рванулся ко мне — добивать. Прямым правой в челюсть я сбил его с курса и добавил левый хук в корпус, который ему частично удалось отклонить. Любой, кто когда-нибудь дрался со мной, мог бы сказать ему, что я, как большинство кулачных бойцов, опаснее всего, когда «плаыву». Будучи обескуражен, он всю оставшуюся часть раунда осторожничал, то есть сбавил темп. Впрочем, и я не в настроении был торопить события.

Со своего табурета я снова весело улыбнулся Марджори, но она, судя по всему, не получала от наших игр шибко много удовольствия. «Бедная девочка, — подумал я. — Наверное, то, как я оказался на ковре, — уж чересчур для ее мягкого сердечка!» Именно в тот самый миг я понял: вот эта девушка — для меня!

Вот так, представляя себе обручальные кольца и домик, увитый виноградом, я вышел на ринг в четвертом раунде. И почти сразу же прекрасные видения были вышиблены из моей головы жестоким правым хуком. Пришлось заняться более срочными делами. Берт был настроен покончить со мной побыстрее, и мы принялись обмениваться ударами в ближнем бою, пока ринг не поплыл перед моими глазами. Судя по взгляду Берта, ему было не лучше, чем мне. Тогда мы оба сцепились в клинче и замотали головами, чтоб хоть немного прояснилось.

Потом Берт снова принялся за свой старый, испытанный прямой правой, пока я, заревев от ярости, не нырнул под него и не всадил ему хуком с левой в диафрагму. После этого я ударил правой едва ли не от колена — тут бы и конец бою, попади я только в цель. В дикой мешанине ближнего боя мы оба поскользнулись на брезенте, но тут же вскочили, и Берт совсем закрыл мой глаз, а я успел нанести серию порядочных ударов в корпус.

Оскалив зубы, он ударил правой в мою гудящую голову и немедленно отскочил назад. Мы в это время были вплотную к канатам, так что он налетел спиной прямо на них. И тут же, оттолкнувшись, прыгнул прямо на меня! Я ни разу в жизни еще не видал, чтобы этот трюк попробовал кто из тяжеловесов, потому он и застал меня врасплох. Правая его со страшной силой толкнула меня в грудь, и я, задрав ноги, опрокинулся на ковер. Думал, насквозь этот ринг прошибу!

Но свалила-то меня только тяжесть удара, я вовсе не был оглушен или сильно травмирован. На счете «девять» я поднялся и жестоким правым рассек Берту бровь. Непохоже было, что он скоро решится на второй такой же прыжок, поэтому ему чуть не удалось поймать меня на этот трюк еще раз — он дернул на себя мою левую, отскочил, оттолкнулся от канатов и прыгнул на меня, да так быстро, что времени на раздумья у меня не оставалось. Повинуясь инстинкту, я отступил в сторону и встретил его в воздухе правым хуком в челюсть.

Крак!

Он рухнул на ковер и даже пару раз перевернулся. Я было попятился назад, однако после такого удара вряд ли вообще кто смог бы подняться. Но этот Берт был парнем крепким.

Над трибунами повисла гробовая тишина. На седьмой секунде он подобрал под себя ноги, а на девятой поднялся. Колени его подгибались, взгляд сделался совершенно стеклянным, и было ему, понятное

дело, уж не до боя. Я колебался — ужасно не хотелось бить его дальше, но тут мне вспомнилось, что он сказал про меня, как обижал бедную маленькую Марджори, как оскорбил моряков... Бросившись к нему, я услышал краем уха вопль режиссера, однако оставил его без внимания.

Берт при моем приближении попытался было войти в клинч, но мой правый хук в челюсть уложил его лицом вниз. Толпа взревела. Я отправился в свой угол и сквозь дикие вопли услышал режиссера — тот прыгал вверх-вниз и рвал на себе волосы.

— Поднимайся, Берт! — орал он. — Эй, вставай! Вставай, Господа Бога ради! Если не встанешь, погубишь всю картину!

Берт не выказывал ни малейшего намерения подчиняться, и тогда режиссер завыл:

— Да бейте же в гонг и тащите его в угол! До конца раунда еще полминуты, но зрители не заметят разницы!

Это, к величайшему моему неудовольствию, было исполнено, и режиссер принялся отпускать на мой счет замечания самого едкого свойства.

— А-а, да заткнитесь вы! — не выдержал я. — Сами же говорили: чтобы все взаправду! Может, нет?

Он и заткнулся. Да, мне было как-то не по себе оттого, что ударил беспомощного, но ведь все было по правилам! Он на моем месте сделал бы то же самое. К тому же я вспомнил, что он, шантажируя старика Харпера, держит в своей власти Марджори — а то с чего бы ей терпеть от него такое? — и решил, что не стоит волноваться за подобного негодяя. Такого и убить — мало будет.

* * *

Перерыв между раундами затянулся надолго, чтобы Берт смог оправиться. Секунданты трудились над ним в поте лица. Наконец я увидел, как он мотает го-

ловой, открывает глаза и смотрит через весь ринг на меня, словно голодный тигр. Режиссер заорал:

— Отлично, слушайте и запоминайте! Когда я крикну: «Давай!», ты, Берт, бьешь левой в корпус, а ты, Стив, раскрываешься!

Гонг!

Мы бросились друг к другу, Берт вошел в клинч и вцепился в меня, точно горилла.

— Слушай! В этом-то раунде ты будешь падать, как по сценарию положено? — прошипел он мне на ухо.

— Дерись! — зарычал я. — Забудь про режиссера, это наше с тобой личное дело! И я тебя, как половик, разложу!

— Да что ты ко мне прицепился? — зло спросил он. — Я ведь никогда раньше тебя не видел!

— А-а!

Вырвавшись из его объятий, я ударил правой в голову. Он отступил с двумя ударами — по корпусу и в челюсть, но я успел еще добавить правой под сердце. Тогда он нанес свой прямой правый, прошедший над моим плечом, рухнул на меня и снова связал по рукам и ногам.

— Видишь маленькую блондинку в первом ряду? — шепнул я. — Я слышал, как ты оскорблял и обижал ее. Поэтому, если хочешь знать, и намерен уложить тебя к ее ногам!

Он быстро скосил взгляд в ту сторону, куда я кивнул головой, и на лице его появилось выражение величайшего изумления.

— Что?! Да ведь она...

— Давай, Берт! — крикнул режиссер. — Бей левой! Стив, приготовься падать!

— Ш-час! — буркнул я через плечо и сам ударил левой Берту в глаз.

В отместку он нанес ужасающий правый по ребрам, и режиссер, чуя, что дела снова идут не по сценарию, снова принялся скакать и прыгать, рвать на себе

волосы, ныть, скулить и рыдать. Но камеры не выключались, так что мы продолжали драться.

Вслед за правым в корпус Берт ударил левой. Перчатка его вскользь пришлась по голове, а моя правая снова угодила ему под сердце. Не зря я постоянно работал в корпус — он начал сдавать, однако еще раз набрал темп, отвечая на каждый мой удар двумя. Но в моих-то было куда больше силы! И я вложил все, что во мне оставалось, в одну-единственную яростную атаку. Голова Берта запрокинулась назад от левого апперкота едва ли не от колена, за которым последовал правый в сердце. Он пошатнулся. Я дважды ударил правой в голову, нанес еще один левый хук под сердце и завершил все потрясающим правым в челюсть. Удары сыпались так быстро и были так сильны, что Берт, в его-то вовсе уже измотанном состоянии, ничего поделать не мог. И последний правый в челюсть поднял его на воздух, бросив через канаты, прямо к ногам Марджори. Она вскочила с места, прижимая ладошки к щекам и раскрыв маленький милый ротик.

Рефери по привычке открыл счет, но в этом необходимости уже не было. Я прошел в свой угол, вырвал из трясущихся рук изумленного секунданта халат и уже собирался убраться с ринга, но тут режиссер, бросившийся к этому моменту наземь и рвавший зубами траву, проявил интерес к жизни.

— Хватайте этого идиота! — взвыл он. — Вяжите! Бейте! Зовите копов! Он сумасшедший! Картина загублена! Мы потеряли огромные деньги! Хватайте! Если найду друзей в суде — упеку пожизненно!

— А ну осади! — рыкнул я на его прихвостней, неуверенно двинувшихся ко мне. — Это наше с Бертом личное дело.

— Однако ж оно сожрет весь наш капитал! — застонал режиссер, снова принимаясь за свои жидкие локоны и пуская их клочьями по ветру. — Ну почему ты не мог сделать все по сценарию? Первые четыре

раунда были — просто цимес! А концовка... О, зачем я только дожид до этого дня?!

Конечно, мне неудобно было перед ним, и я уж пожалел, что не дождался Берта у выхода, чтобы задать ему взбучку после съемок, но теперь дела было, похоже, не поправить. Нотут примчался Томми Маркс и, дергая режиссера за рукав, закричал:

— Слушайте, босс! У меня гениальная мысль! Обрежем последний раунд там, где Берт в последний раз оказался на ковре! А потом начнется сцена с Реджи ван Виром, понимаете? Смонтировать можно легко!

— Да? — вскрикнул режиссер, утирая глаза. — Бросить Реджи на съедение этому людоеду? Он же сумасшедший! Думаю, он тот самый маньяк, что пытался убить Реджи вчера, в центре.

— Я думал, это Берт, — объяснил я.

— Послушайте! — продолжал Томми. — Дальше будет так: Стив ждет в своем углу, а Реджи медленно поднимается на ноги! Стив бросается на него, Реджи встречает его правым в челюсть, и Стив падает! Сенсационный нокаут под конец лучшего кинобоя за всю историю кино! Реджи и пальцем никто не тронет, понимаете? И разницы никто не поймет!

— Ну, а откуда мне знать, что этому питекантропу не придет в голову уложить и Реджи, когда они окажутся на ринге?

— Да ведь он ничего не имеет против Реджи. Верно, Стив? К Берту у него личная вражда, так ведь? Ты сделаешь все, как надо, Стив, верно?

— Отлично, — пробормотал режиссер. — Попробуем. Только не кидайся на Реджи слишком яростно, а то он удерет с ринга.

Мне едва хватило терпения дослушать их разговор. Да, с ними нужно было все уладить по-честному, однако именно сейчас у меня были более срочные дела.

Я подтвердил готовность сделать все, как следует, и поспешил туда, где сидела Марджори. На мес-

те ее не оказалось. Она поспешала за секундантами, уводившими моего белокурого противника в гримерную.

Догнав ее, я нежно положил руку ей на плечо.

— Марджори, — сказал я, — не бойтесь больше этого грубияна! Я отомстил за нас обоих! Больше уж он не станет к вам приставать. Скажите вашему папаше: ему теперь нечего бояться, что бы там эта шляпа на него ни имела! Берт больше не препятствие для двух любящих сердец!

К величайшему моему изумлению и ужасу, она обернулась и обожгла меня гневным взглядом.

— Что за вздор?! — яростно выкрикнула она. — Вы зверь! Если еще хоть раз заговорите со мной, я позову полисмена! Как вы осмелились показаться мне на глаза после того, что сделали с бедным Бертом?! Негодяй! Скотина!

Узенькая ее ладошка хлестнула меня по лицу, Марджори топнула ногой, из глаз ее хлынули слезы. Догнав секундантов, она нежно пристроила ручищу Берта на свои хрупкие плечи и принялась ласково его утешать. Я только и мог, что смотреть им вслед, разинув рот и чувствуя себя круглым дураком. Подошедший Томми дернул меня за рукав:

— Эй, Стив! Идем снимать.

— Слушай, Томми, — говорю я, в некотором обалдении следуя за ним, — видел ту дамочку, что сейчас дала мне по личности? Этот гусь, он ей кем приходится?

— Он-то? — переспросил Томми, откусывая от брикета жевательного табака. — Да никем особенным. Он просто ее старший брат.

Я взвыл так, что, наверное, услышали и в Лабрадоре, и немедленно после этого мне пришлось откачивать Томми — он от неожиданности поперхнулся своей жвачкой.

Ну, ничего. По крайней мере, я узнал на собственном опыте: никогда не поймешь заранее, что женщина выкинет в следующую минуту!

КУЛАК И КЛЫК

Всю свою жизнь я дерусь. Порой ради денег, порой — бывало когда-то и так — для забавы. Но самый жестокий, самый опасный бой в моей жизни был ни за то и ни за другое. В тот раз мне, господа, пришлось отчаянно драться ради того, чтобы мне пустили пулю в голову! Вот сейчас я и расскажу, как довелось драться, чтобы меня с моим лучшим другом пристрелили.

Я чемпион торгового судна «Морячка» в тяжелом весе, звать меня Стив Костиган. А Старик наш, должен вам сказать, весьма неравнодушен к теплым водам и торговле с островитянами. И вот поэтому мы по пути в Брисбейн проходили сквозь Соломоновы острова. Наш Старик плавал в южных морях чуть не с самого детства и, стало быть, знал всех старых купцов и туземных вождей. И постоянно высматривал выгодные сделки — по части жемчуга, например.

Так вот, подходили мы, значит, к маленькому островку под названием Роа-Тоа. Там была небольшая фактория, и управлял ею единственный белый на острове, его звали Мак-Грегор. И капитан наш, будучи его старинным приятелем, решил нанести ему визит.

Не успел наш Старик шаг ступить по ветхому причалу, мой товарищ Билл О'Брайен сказал мне:

— Стив, видишь, там, у причала, баркас с мотором? Давай-ка его возьмем и сгоняем до Тамару, навес-тим старого Того!

Тамару — это еще один небольшой островок, со-всем рядом с Роа-Тоа, даже вершину потухшего вул-кана было видать. А Того был на Тамару вождем. На самом деле звали его по-другому, только выговорить не удавалось, «Того» ближе всего. Был это сморщен-ный такой старый негодяй и горький пьяница, но к белым относился крайне дружелюбно.

— Да Старик, скорее всего, зайдет и на Тамару, — ответил я Биллу.

— Это вряд ли. Мы снимемся с якоря не раньше, чем они с Мак-Грегором вылакают весь виски на бор-ту. И на Тамару заходить будет незачем — спиртного для обмена или в подарок старому Того не останется. Пошли, на баркасе легко доберемся. А если будем тор-чать тут, старпом еще, чего доброго, выдумает нам ка-кую-нибудь работу. Давай возьмем баркас, и — ходу, пока Старик с Мак-Грегором не видят. Если спросить, Мак, как всегда, откажет.

Словом, вскоре мы втроем: Билл, я и мой белый бульдог Майк — были в море. Сквозь треск мотора я услышал какие-то вопли. Оглянувшись, вижу: наш Ста-рик с Мак-Грегором выскочили из фактории, пры-гают, вопят, машут кулаками. Ну, мы в ответ выста-вили им средние пальцы и самым полным двинули вперед.

И вот через некоторое время перед нами над оке-аном вырос Тамару — тихий, темно-зеленый, с уст-ремленным в небеса жерлом потухшего вулкана и де-ревьями на горных склонах.

Когда мы были здесь год назад, деревенька Того стояла прямо на берегу, но теперь, к немалому наше-му удивлению, мы увидели на ее месте лишь груды развалин. Хижины кто-то сравнял с землей, джунгли

подступили к самой кромке воды, и никаких признаков жизни.

Стало быть, решили мы, что-то тут стряслось, и вдруг из-за деревьев вылезли четверо или пятеро туземцев и с такими дружелюбными улыбками направились к нам. Майк ошетинился и зарычал, но я подумал, что белые собаки просто не любят цветных. Таким образом, правда, черные собаки должны бы не любить белых, однако это отчего-то не так.

В общем, канаки кое-как объяснили нам на своем пиджин-инглиш, что деревню перенесли подальше в джунгли, а их послали за нами.

— Спроси, зачем им понадобилось менять место, — сказала Биллу, который отлично владел местным языком.

— Говорят: детишки их стали болеть от соленой воды. Да ты не волнуйся, они, скорее всего, и сами не знают, зачем переехали. Они вообще частенько не соображают, зачем что-либо делают. Идем, навестим Того.

— Спроси, как он поживает.

Билл перевел канакам мой вопрос, а потом перевел мне ответ:

— Говорят: он свободен от боли и скорби, насколько человек вообще может быть свободен от них.

Канаки заухмылялись и закивали. Ну, пошли мы с ними. И Майк потащился за нами, не переставая рычать. Я раздраженно попросил его заткнуться, однако он даже ухом не повел.

Через какое-то время мы вышли на большую поляну. Там и стояла деревня. Здесь тоже не наблюдалось никаких признаков жизни, кроме нескольких туземных собак, дремавших на солнышке. По спине моей пробежал холодок.

— Слышь, — обратился я к Биллу, — странно это все как-то. Спроси у них, где Того.

На вопрос Билла один из туземцев ухмыльнулся и указал на шест, стоявший перед самой большой хи-

жиной. Я поначалу не понял, что он имеет в виду, но тут же все разглядел — и желудок мой едва не вывернулся наизнанку, а сердце заглохло от страха. На шест была насажена человеческая голова! Все, что осталось от бедного старика Того...

В тот же миг на нас с Биллом навалились сзади по два здоровенных канака, а еще пара сотен тучей высыпала из хижин.

Билл с ревом присел, швырнул одного из канаков через себя, сделал пол-оборота назад и уложил второго ужасным ударом в челюсть. Тогда первый, не поднимаясь, схватил его за ноги, а еще один ударил по голове дубиной. Билл, залившись кровью, рухнул на колени.

Я тем часом разбирался с собственными неприятностями. Стоило двоим канакам схватить меня, Майк бросился на них, повалил одного и едва не разорвал на части. В тот же миг я ударил за спину локтем и, по счастью, попал второму в солнечное сплетение. Тот, хрюкнув, ослабил хватку. Развернувшись, я хотел было уложить его, но тут же почувствовал что-то острое между лопатками и понял, что к спине моей приставили копье. Пришлось остановиться и замереть. В следующую же минуту мы с Биллом оказались связаны по рукам и ногам. Я покосился на Билла. Из раны на его голове текла кровь, но все же он улыбнулся в ответ.

Так вот, заняло все происшедшее меньше минуты. Трое-четверо туземцев подошли к Майку и оторвали его от его жертвы, визжавшей и истекавшей кровью, будто свинья резаная. Тогда эта самая жертва потащила к ближайшей хижине, причем выглядела не веселее выброшенных на берег обломков потерпевшего крушение судна. Прочие дикари принялись плясать и прыгать вокруг Майка, стараясь достать его копьем или дубиной и в то же время не остаться без ноги, а Майк начал прогрызаться сквозь них ко мне.

Я смотрел на все это с прыгающим где-то под самым горлом сердцем, как вдруг — трах! — раздался

пистолетный выстрел, Майк перекувыркнулся пару раз и замер. Из раны на его голове заструилась кровь. Издав ужасный вопль, я рванул стягивавшие меня веревки с таким отчаянием и бешенством, что вырвался из рук державших меня канаков и тоже упал.

Затем нас с Биллом довольно грубо приволокли к здоровенному черномазому с дымящимся пистолетом в руке и жутко важному с виду. Мне с первого же взгляда показалось, будто где-то я уже видел этого типа, однако об этом мне думать не хотелось, я жаждал лишь освободиться и голыми руками вырвать ему глотку за то, что он застрелил Майка.

А дикий этот подступил к нам вплотную, крутя пистолет на пальце, и тут я смог разглядеть его поближе. Кабы взгляды могли убивать, он бы за это время уже раза три сдох. Был то здоровый, высокий, отличного сложения туземец, не похожий, однако ж, на остальных — у этого кожа слегка отдавала в желтизну, а все прочие были золотисто-коричневыми. И лицо у него в отличие от остальных не было открытым да добродушным — жестоким оно было, с раскосыми глазами и тонкогубым ртом. Я сразу понял, что в нем имеется примесь малайской крови. Метис, значит, от обеих рас унаследовавший худшие стороны... На нем, как и на остальных, была только набедренная повязка, но у меня возникло стойкое впечатление, что где-то я его уже встречал, в другой одежде и в другом обществе. Не будь я так зол и опечален смертью Майка, сразу бы узнал.

А гусь этот тут и заговорил — по-английски, но очень уж гортанно:

— А-а, миста Костиган навестил мой остров, а? Как оно нравится — мое гостеприимство, а? Как оно — мо-быть, погостите подольше, а? Мой рад видеть вас, как никого другого в мире!

Говоря все это, он скалил зубы в улыбке, но, произнеся последнее слово, сомкнул мощные челюсти с лязгом, будто крокодил. И тут Билл, глядевший на него с изумлением, заорал:

— Сантос!

Меня словно громом поразило, прямо ноги подкосились от удивления — не был бы связан, наверняка упал бы. Ну конечно! И вы тоже должны его помнить, если хоть впологлаза следите за боксерским миром.

Пару лет назад я встречался с этим Сантосом на ринге во Фриско. Ну да, тот самый Непобедимый Сантос, Тигр Борнео. Он дрался в разных азиатских портах с бойцами второго разбора. Там-то Арни Хуссенштейн его и откопал и, после того как Сантос уложил всех в обозримых пределах, привез его в Америку.

Парень, без сомнения, был хоть куда. Первую очередь своих американских противников он просто-таки смел, словно коса — жухлую траву. Он был быстр, силен как бык, и к тому же обладал очень приличной для такого тяжеловеса реакцией.

Первым его серьезным противником был Том Йорк, вы его наверняка помните. Первый раунд Том выиграл легко, но во втором Сантос выписал ему такую плюху, что сломал нос и выбил четыре зуба. После этого уже пошла настоящая мясорубка, и в пятом раунде рефери остановил бой, чтобы сохранить Тому жизнь. Тут-то газетные писаки насели на Сантоса пуще прежнего, дескать, он второй Фирпо и уж никак не миновать ему быть чемпионом.

Арни принялся организовывать матч в Гарден, а Сантоса пока что отослал обратно во Фриско, пополнить список нокаутов да поразмяться с парочкой-другой калифорнийцев. И тут-то на сцене появился темнейшей души злодей — Стив Костиган.

У Сантоса были назначены в Сан-Франциско десять раундов с Джо Хендлером, но в самый день матча Хендлер растянул лодыжку, и в последнюю минуту я заменил его. Нечего и говорить, что на ринг я вышел при ставках сто против одного. И то на меня никто не ставил, кроме ребят с «Морячки». Они, похоже, считали, что я могу уложить кого угодно просто потому, что в свое время уложил каждого из них.

До меня сразу доперло, что все эти возгласы да «ура» обращены к Сантосу. Стоило мне выйти из своего угла, он принялся паясничать, играя на публику, зама-хал на меня ручищами, начал строить рожи, отпускать шуточки, а напоследок опустил руки и выставил челюсть вперед — на, мол, бей! Публика, понятно, покати-лась со смеху, а я, пока он рот разевал, взял да и ударил!

Пожалуй, он думал, что я от него дальше, чем есть, потому что совсем раскрылся. А я ударил правой от колена, вложив в удар все, что только было за душой. Так приложил по отвисшей челюсти, что вся рука оне-мела. Уж не знаю, как напрочь ему челюсть не снес. Ну, он и брякнулся на ковер, словно собрался оставать-ся там на веки вечные. Пришлось секундантам волоочь его в раздевалку, чтобы привести в чувство.

Публика, едва переведя дух, заорала: «Жульниче-ство! Нечестно!» Верно, так оно и было на самом деле, потому что Сантос, держи он себя в руках, наверняка победил бы. А так этот бой прикончил всю его карье-ру. То ли он сердце потерял, то ли еще чего.

Дальше у него был матч с Кидом Эллисоном. Он с самого начала повел себя как-то нерешительно, а за-тем проиграл подобным образом еще два матча под-ряд. Тогда Хуссенштейн дал ему пинка под зад, и Сан-тос исчез было из поля зрения. Все решили, что он снова нанялся в кочегары на какое-нибудь судно, пуб-лика его забыла, и сам я уже успел забыть. А тут — вот он, откуда ни возьмись!

Все эти воспоминания молнией вспыхнули в моем мозгу, пока я стоял разинув рот, и глазел на этого гуся. Уж если Сантос на ринге, в цивилизованных услови-ях, выглядел тигром, то теперь — что и говорить!

Так вот, заткнул он пистолет за пояс и этак лени-во тянет:

— Что-о-о, миста Костиган, помнишь меня, а-а?

— Помню, помню, грязный метис! — заорал я. — Зачем пса моего застрелил?! Пусть только развяжут — я тебе сердце вырву!

Он оскалил зубы в такой ядовитой улыбочке и лениво махнул в сторону шеста, на который была насажена голова Того.

— Пришел повидать старого друга, а-а? Ну так вот он! Все, что осталось. Теперь Сантос — вождь! Старик был глухой, молодые — они пошли за Сантосом! Совет будем созывать. Вы мои гости!

При этом он холодно, убийственно засмеялся, что-то сказал державшим нас канакам, повернулся задом и пошел к своей хижине. Нас потащили следом за ним. Тут я оглянулся назад, и сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди: старина Майк, шатаясь, поднялся, помотал головой и огляделся. Нашарив меня остекленевшими глазами, он двинулся было ко мне, но тут же увидел Сантоса, развернулся и убежал за деревья. Я облегченно вздохнул. Должно быть, пуля только слегка царапнула — как раз, чтобы оглушить. Никто, кроме меня, всего этого не видел, и Майк, значит, хоть на некоторое время ушел от опасности, чего никак нельзя было сказать о нас с Биллом О'Брайеном. Билл, видимо, тоже это чувал: очень уж он был бледный.

Нас поставили перед Сантосом, который сидел в одном из кресел, подаренных Того нашим Стариком.

— Однажды, миста Костиган, мы встретались, — заговорил он. — В твоей стране. Теперь встретились в моей. Это моя страна. Мой здесь родился. Большой глупец — мой. Был совсем молодой — ушел на корабле с белыми. Драил палубу, потом кидал уголь... Дрался с другими кочегарами. Встретил Хус'штейна — дрался для него. Он взял меня в Австралию-Америку, я всех победил. Все кричали, когда я выходил на ринг.

Тут улыбка на его физиономии поблекла, глаза сделались совсем дикими и налились кровью.

— А потом встретил тебя! — продолжал он, понизив голос чуть не до шипения. — Они сказали: ты — просто мяса кусок. Ничего в голове! Я думал: пусть людей посмешить. Я подставил лицо и сказал: «Бей!» А затем думал, на меня, мо-быть так, крыша упала!

Под конец он уже рычал, точно дикий зверь, грудь его начала вздыматься от гнева, а пальцы огромных ручищ сжались, словно бы на моем горле.

— После этого сразу стал плохой. Люди стали говорить грязные слова. Они сказали: «Метис! Желтозадый! Выкинуть прочь!» Хус'штейн сказал: «Пошел вон! Теперь ты битая карта!» Я снова стал кочегаром. Я заработал себе дорогу обратно, к своим, на свой остров. — Он издал короткий, мрачный смешок и ударил себя в грудь. — Теперь я король! Того — старый глупец, друг белым людям! Х-ха! Я сказал молодым: «Сделайте меня королем! Мы убьем белых, возьмем ром, ткань, ружья, как делал наш народ в давние времена!» И я убил Того со стариками, что пошли за ним! А ты... — Он метнул в меня полыхающий ненавистью взгляд. — Ты выставил меня глупцом, — медленно проговорил он и вдруг заревел, заскрипел зубами и завращал зенками, точно сумасшедший. — А-а-ргх-х! И я отплачу тебе!

Я вроде как неуверенно покосился на Билла, а Билл сказал:

— Ты не тронешь белого человека. — Говорил он достаточно твердо, но все же голос его пару раз дрогнул. — Может, для этой кучки навоза ты и король, но ты чертовски хорошо знаешь: убьешь нас — по твою душу придет британская канонерка.

Сантос ухмыльнулся, точно злобный сказочный великан-людоед, и развалился в кресле. Если он когда и был хоть вполовину цивилизованнее, это у него наверняка прошло.

— Британцы приходили, — сказал он. — Разнесли в щепки нашу деревню, убили несколько свиней. Но мы убежали в джунгли, и они не смогли отыскать нас. Раза три стреляли, белые свиньи, по острову, потом ушли. А ведь мы сожгли купеческий баркас и убили моряка!

— Так вот, — ответил тогда Билл, — «Морячка» стоит на якоре у Роа-Тоа, и, если ты причинишь нам

вред, ребята никого на этом острове не оставят в живых. Они издали палить не станут, они сойдут на берег и вырежут всех.

— Я скоро приду на Роа-Тоа, — неожиданно кротко ответил Сантос. — Пожалуй, мне лучше стать королем и там. Я убью Мак-Грегора, заберу его ружья, пистолеты и все прочее. Ваш корабль придет сюда — я заберу его тоже. Думаешь, я не смею убить белого, а-а? Ты большой дурац.

Все это для меня было уже слишком.

— Ну и что ты собираешься делать с нами, метис желтопузый?! — заорал я.

— Убить обоих! — прошипел он с улыбкой, поигрывая своим пистолетом.

— Так стреляй, не тяни! — зарычал я, опасаясь, что вконец потеряю лицо, если он будет тянуть дольше. — Позволь только сказать...

— Э, нет, — улыбнулся он. — Зачем «стреляй»? «Стреляй» — слишком просто, а-а? Вы будете страдать, как страдал я!

— Что-то я тебя не пойму, — пробормотал я. — Все было по правилам. Не вижу, из-за чего бы тебе иметь на меня зуб. Если б ты уложил меня, я бы ведь не обижался, так? И уж Билл — он-то здесь всяко ни при чем!

— Я убью вас всех! — заорал Сантос, вскакивая с кресла. — И вы оба — вы будете вить, прося смерти, пока я не сжалюсь! А-а-а-а! Будете визжать, прося смерти, но не умрете, пока я не решу, что с вас хватит!

Приблизившись, он заглянул мне в глаза. Взгляд его был вовсе диким.

— Ме-едленно умрешь, — шепнул он. — Ме-едленно-ме-едленно. Будешь страдать — за тот удар и за все, что я вынес от белых, будешь страдать вдесятеро! — Он на минуту умолк, не отводя от меня пылающего взгляда. — Смерть Тысячи Ножей ждет вас, — наконец сказал он. — Знаешь, что это, а-а? А-а, бывал в Китае! Вижу, знаешь, лицо побледнело!

Я и вправду знал, что он имеет в виду. Чертовски хорошо знал. И Билл также.

— Я покажу нашим, где резать, — продолжал Сантос. — Я видел китайские пытки вроде этой.

У меня руки-ноги поотнимались, а вся одежда промокла от пота. Тут-то я прочувствовал, каково приходится загнанной в угол крысе!

— Ладно, чернозадая свинья! — заорал я, наверное, малость свихнувшись от всего пережитого. — Делай что хочешь! Только помни одно: я уложил тебя! Уложил замертво! Хоть убьешь меня, но так и останешься битым!

Тут он как завизжал, словно обезумевшая пантера! Похоже, я и впрямь задел его за живое.

— Ты не побил меня! — взвыл он. — Я был большой глупец! Я сам позволил тебе ударить! Белая свинья! Я разорву тебя голыми руками! Вырву твое сердце и брошу собакам!

— Так чего же в тот раз оплошал? — спросил я. — У тебя был шанс, а ты его проворонил. Я уложил тебя тогда, могу уложить и сейчас. Ты бы на меня посмотреть косо не осмелился, не будь я связан! И я умру, зная, что победил тебя!

Глаза его сделались совсем красными, будто у обезумевшего от крови тигра, и так и сверкали из-под густых черных бровей. Он улыбнулся, однако ж веселья в его улыбке не было ни на йоту.

— Я буду драться с тобой снова, — прошептал он. — Прежде чем убью тебя — будем драться. И ты тоже будешь драться не за так: если уложу тебя и не убью при том, умрешь под ножами. Если выиграю и при том убью тебя — умрет под ножами твой друг. Но если ты победишь, не стану мучить вас. Убью обоих быстро. — Он похлопал по пистолету за поясом.

Смерть Тысячи Ножей — я вам доложу... Лучше все, что угодно, чем она. К тому же у меня появился шанс умереть в бою.

— А если я убью тебя? — спросил я.

Он презрительно захохотал:

— Шансов нет. Но если убьешь, моя люди застрелят тебя.

— Соглашайся, Стив,— сказал Билл.— Из всех худших сделок эта — лучшая, как ни посмотри.

— Я согласен драться на твоих условиях,— сказал я Сантосу.

Он удовлетворенно хрюкнул, отдал какой-то приказ на своем языке, и туземцы принялись за приготовления к самому странному бою в моей жизни.

На открытом месте посреди деревни они огородили большой ринг, выстроившись плечом к плечу в три ряда, и мужчины из задних рядов смотрели через плечи передних. Повывлезшие из хижин женщины с детишками пытались хоть что-то углядеть из-за ног мужчин.

Посередине, таким образом, осталась довольно большая свободная площадка овальной формы. С обоих ее концов были вкопаны в землю толстые столбы, и к одному из этих столбов привязали Билла.

— Ладно, старина,— сказал Билл вроде как печально, но все-таки ухмыляясь.— На сей раз я в твоём углу быть не смогу.

— Ну почему ж? — возразил я.— Махать полотенцем и протирать ссадины губкой, это да, но хоть посоветуешь что, если дело пойдет туго. И уж всяко тебе будет хорошо видно.

— Еще бы,— усмехнулся он,— из первого-то ряда...

Тут канакки развязали на мне веревки, и я принялся разминаться, чтобы восстановить кровообращение. Пожать Биллу руку я не мог и вместо этого хлопнул его по плечу. Секунду мы смотрели друг на друга. Мореходы вообще нечасто показывают, что у них творится в душе, но каждый из нас чувствовал, каково сейчас другому,— сколько лет проболтались по морям вместе...

Так вот, развернулся я после этого и вышел на середину. Ждать пришлось недолго. С другой сторо-

ны ко мне двинулся Сантос — набычившись, с пылающими красными глазами, с ужасающей улыбкой на губах. Из одежды на нем была только набедренная повязка, а на мне — старые штаны. Оба мы были босы и, конечно же, без перчаток.

В жизни своей не видал ничего подобного. Никаких огней, кроме света безжалостного тропического солнца, никаких восторженных зрителей, кроме банды дикарей, жаждавших нашей крови, ни секундантов, ни рефери — только жестколицый канак с яркими перьями в волосах и пистолетом Сантоса в руке. И исход боя один — смерть. Быстрая, если выиграю, долгая, медленная и мучительная, если проиграю.

Сантос был огромен, длинноног, широкоплеч и узок в бедрах. В гладких, увесистых мышцах его скрывались недюжинная сила и проворство. Росту в нем было шесть футов полтора дюйма, с виду он казался тяжелее, чем когда я дрался с ним в первый раз, но лишний вес приходился исключительно на счет мускулов. Просто не верилось, что на нем можно отыскать хоть унцию жира. Должно быть, весил он фунтов двести, так что был на десять фунтов тяжелее меня.

Несколько секунд мы настороженно ходили по круту, затем он взревел, ринулся вперед, словно приливная волна, и так быстро ударил с правой и с левой мне в голову, что какое-то время я был слишком занят, чтобы думать, — только нырял да блокировал. Ему просто до безумия хотелось снести мне башку, и он устремил на это все усилия. Однако ж нокаутировать здорового человека голыми костяшками трудно. Ну да, удары оставляют синяки и ссадины, однако нет в них того оглушающего действия, как у боксерских перчаток. Вы наверняка замечали, что в старой доброй драке голыми руками большая часть нокаутов получается от ударов в корпус и по горлу.

Едва получив возможность вздохнуть, я нанес коварный хук слева в живот. Мускулы Сантоса под моим кулаком показались упругими, точно стальные обручи.

Он только рыкнул и ответил ударом правой, блокировав который я заработал порядочный синяк на предплечье. Да, Сантос был проворен, и левая его работала точно молния — прямой, апперкот, хук — раз, два, три!

Этот последний хук распахнул мне правое ухо, и почти одновременно с ним Сантос изо всех сил ударил правой. Я уклонился, и он промазал буквально на волосок. Господи Иисусе! Кулак его просвистел над моим ухом, как камень из пращи. Потеряв равновесие, Сантос упал на колени, но тут же вскочил, словно кошка, плюясь и рыча. Тут я услышал голос Билла:

— Ради Майка, Стив, следи за правой, иначе башку снесет!

Что ж, пожалуй, на ринге, при обычных ставках, Сантос побил бы меня, но тут было совсем другое дело. Я во всякое время дерусь неплохо, но тут речь шла о том, чтобы мне с товарищем отойти в мир иной без мучений. Мысль о маленьких острых лезвиях превратила мои мускулы в стальные.

Сантос снова пошел вперед, дьявольски ухмыляясь. На этот раз он не стал бросаться на меня очертя голову, а принялся, сноровисто прикрываясь левой, выжидать момента для сокрушительного удара правой. Вот когда я от всей души пожалел о недостатке реакции! Но — что есть, то есть, и ясно было: если начну мудрить да финтить, шансов у меня не останется. Поэтому я просто-напросто неожиданно раскрылся, тут же нырнул под его правую, подшагнул и с обеих рук ударил в диафрагму — раз! два! В следующую секунду его левая опустилась мне на затылок. Я вошел в клинч, постаравшись связать его понадежнее, услышал, как он скрипит зубами у самого моего горла и ругается по-своему, и тут же он отшвырнул меня назад прямым левой, который пришелся прямо по губам, разбив их до крови.

Канаки, обезумевшие от вида крови, завывали, точно звери в джунглях. Сантос дико, яростно захохотал и снова начал посылать свинги с обеих рук мне в голо-

ву. До сих пор он даже ни разу не пробовал бить по корпусу. Его левая три раза угодила мне в голову над ухом, и после этого я снова вонзил правую ему в диафрагму. Тут он тоже ударил правой, я заслонился локтем и снова ударил правой в живот. Он как-то так всем телом подался назад, чтобы освободить пространство для замаха — сейчас его правая свистнет в воздухе, выстрелив, как стальная пружина...

Бац! Его левая снова угодила мне в голову, отчего перед глазами моими вспыхнули десять тысяч звезд. А за ней подоспела и правая — этот удар я парировал, однако на сей раз он попал повыше локтя. Несколько секунд казалось, что левая рука сломана — вся она онемела. В отчаянии я пробился поближе и начал наносить короткие удары правой в живот. Сантос ответил несколькими короткими хуками в голову. В ближнем бою он оказался не так уж хорош, не любил он ближнего боя и почти сразу отступил, прикрываясь ударами левой.

Однако кровь у меня кипела, и я продолжал преследовать его. Нанес левый хук ему в лицо, за ним — прямой справа под сердце — ух! Он ответил апперкотом слева, едва не снесшим мне голову. За сим последовал — точно цепом! — удар правой, и я поднял левое плечо как раз вовремя, чтобы спасти челюсть. В тот же миг я сам ударил правой в челюсть и попал, только чуть выше, чем целил. Сантос покачнулся, точно огромное дерево, сверкнул белками глаз, но тут же с визгом дикой кошки ударил левой, снова угодив мне по и так уже расквашенным губам. Молниеносный удар правой — и мне ничего не оставалось, как только уклониться нырком, чтобы удар пришелся повыше, вскользь по лбу. Господи Иисусе! Череп мой будто раскололся надвое! С маху грохнувшись наземь так, что дух из меня едва не вышибло, я услышал крик Билла.

Да, удар был, точно кувалдой приложили! Кожа под волосами оказалась рассечена, и глаза мои тут же залило кровью.

Не знаю, отчего Сантос отступил и позволил мне подняться. Сила привычки, наверное. В общем, пока я поднимался и мотал головой, чтобы стряхнуть заливавшую глаза кровь, он с бешеной улыбкой на губах сказал:

— А теперь я убью тебя, белый человек!

И тут же, значит, во исполнение своих намерений двинулся вперед. Ложный выпад левой, еще один — и тогда я отчаянно, со всего маху, ударил правой, угодив ему под скулу. Брызнула кровь. Сантос качнулся с носков на пятки, я ударил левой в живот, и тогда он, схватив и сжав меня, будто удав, принялся молотить левой, пока я не вырвался.

Тогда он снова ударил правой, но удар был уже не столь сильным, а черепушка у меня твердая. Ну да, никто не смог бы так бить, да еще при этом сохранить руку в целости! Однако левая его работала быстро и вряд ли хуже правой. Ею Сантос начал обрабатывать мой глаз, пока тот совсем не заплыл, а затем, когда я подступил ближе, нанося удар правой по ребрам, его левый хук рассек мне бровь над другим глазом, да так, что веко, будто занавеска, сползло вниз, наполовину закрыв обзор.

Сквозь вопли канаков до меня донесся голос Билла:

— Держись ближе, Стив! Если удержит тебя на дальней дистанции — убьет!

Ну, это и без Билла ясно. Поглубже втянув голову в плечи, я пошел вперед, пока не ткнулся лбом в подбородок Сантоса, и принялся бить с обеих рук в живот и под сердце. Его левая совсем размозжила мне и так порядком изуродованную ушную раковину, однако я продолжал бить, пока весь мир вокруг не заволокло кроваво-красным туманом. Зато Сантос ощутил обмяк. С каждым ударом мои кулаки все глубже погружались в его брюхо, и я услышал, как он хватается ртом воздух. Затем его длинные ручищи, точно змеи, обвили меня, Сантос вошел в клинч, горячо дыша мне

в ухо, вцепился зубами в мое плечо и замотал головой, будто собака, поймавшая крысу. Из глотки его доносилось глухое рычание. Громадным усилием я высвободился, и мой правый хук вышиб из его губ струю крови.

Сантос прямо-таки с ума сошел. Взвыл по-волчьи, замолотил перед собою обеими руками, никуда особо не целясь. Казалось, он и думать забыл о поврежденной правой — воздух вокруг словно бы наполнился летучими кувалдами. Некоторые из этих ударов прошли мимо, сколько-то я парировал, отчего нестерпимо заныли плечи и локти, но большая часть достигла цели. Я ударил левой ему в лицо, и тут же — бац! — его правая в лепешку расплющила мой нос. Раздался треск кости, глаза мои заволокло багровым туманом до полной потери видимости. Я почувствовал толчок еще от одного удара, а уж потом ощутил под лопатками землю.

Обычно в голове у меня проясняется быстро, и я лежал, считая про себя секунды. Нет, уж в выносливости мне не откажешь! Сломанный нос — это для меня давно привычно. Сказав себе: «Девять!», я поднялся на ноги, втянул голову в плечи и пригнулся. Сантос завопил, и на мои плечи и локти градом посыпались удары. А я, внезапно выпрямившись, воткнул правую ему в живот чуть не по самое запястье.

Да, что и говорить, ослаб Сантос, обмяк после моей обработки! Мышцы его тела, должно быть, тоже здорово ныли — ударам противостояли без прежней упругости, так что кулаки мои с каждым разом доставали все глубже и глубже. Сантос согнулся было вдвое, но тут же выпрямился, его алперкот левой в челюсть на миг оглушил меня, и, прежде чем я сумел оправиться, он еще раз нанес тот сокрушительный удар правой. Мое левое ухо повисло на клочке кожи — я почувствовал, как оно хлопнуло по щеке.

Кабы не старый боевой инстинкт, тут бы мне и конец. Сантос ударил еще раз. Я почувствовал, что

падаю и никак не могу удержаться. Когда моя спина уперлась во что-то, я услышал над самым ухом яростный вопль:

— Стив! Он слабеет! Давай, старина, еще удар — и он твой!

Стало быть, я оказался у столба, к которому был привязан Билл. Пока я собирался с силами, Сантос, отвратительно ухмыляясь, сжал мои плечи. Тут я увидел, что он и сам здорово разукрашен.

— Теперь ты побежден, — сказал он. — Ножички — сейчас они напьются крови! Смерть Тысячи Ножей ждет вас!

* * *

От этих слов я тоже вроде как обезумел. Оттолкнулся спиной от столба, ударил правой, промахнулся, и рубилровка наша пошла дальше. Сантос был взбешен и изумлен. Что ж, он был не первый из бойцов, которые не могли понять, как я еще держусь. Глаза мои были залиты потом и кровью, один совсем заплыл, а другой был почти прикрыт разорванным веком. Нос был расплюсчен, одно ухо висело на клочке кожи, а другое распухло, увеличившись до бесконечности. Левое плечо с предплечьем онемели после парирования страшных ударов, и рука поднималась разве что на несколько дюймов выше пояса. И дышалка совсем сбилась. Я уже не мог сказать, сколько времени продолжается бой. Казалось — целую вечность. Не знаю, что еще удерживало меня на ногах, черт его разберет, откуда брались силы продолжать. Мне уже было все равно, что со мной будет дальше — напрочь забыл, из-за чего дерусь. Иногда казалось — из-за того, что Сантос убил Майка, а иногда — что Билла. Один раз даже почудилось, что я снова на том ринге во Фриско.

Потом я оказался на земле, и Сантос встал мне на грудь коленом, чтобы задушить. Разорвав захват, я отшвырнул его, и мы оказались лицом к лицу, обмени-

ваясь медленными, сильными ударами. Тут Сантос в первый раз сменил направление атаки и нанес сильнейший удар правой в корпус. Что-то хрустнуло, точно сухая ветка, и я упал на колени. В левый бок будто вонзили раскаленный нож!

Сантос, стоя надо мной, несколько раз пнул меня своей огромной босой ножицей. Наконец я поймал эту ногу, и тогда шквал ударов обрушился на мою голову. Сквозь рев дикарей раздался голос Билла:

— Стив, он злится! Вставай! Встань — и ему конец!

Я встал! Прямо-таки вскарабкался по ногам этого малайского дьявола, не обращая внимания на сыпавшиеся на меня удары, и навалился ему на грудь. Взгляды наши встретились. Я увидел в его глазах дикий, ужасный блеск. То был взгляд загнанного тигра — испуганного, изумленного и смертельно опасного. Я избил, загонял его до неподвижности, и теперь он мой! От этой мысли руки снова налились силой. Он ударил раз, другой, но силы в его ударах уже не было. Он почти выдохся!

Я отступил на шаг и снова двинулся вперед. Сантос зарычал сквозь стиснутые зубы и сделал глубокий вдох. Увидев, как втянулась его диафрагма, я в тот же миг ударил в нее левой. Кулак погрузился в живот Сантоса по самое запястье. Он согнулся, и тогда я ударил в голову, за ухом. Он упал на колени, но поднялся, бешено хватая ртом воздух, и снова пошел в атаку, теперь уже позабыв все боксерские правила и навыки. Я шагнул под его размашистый свинг, собрал все силы, ударил правой под сердце и, заранее приготовившись вытерпеть ужасную боль, нанес удар левой в челюсть. Сантос рухнул наземь, и в наступившей тишине я услышал, как Билл орет, советуя брать его в каблучки. Но это уже против моих правил — если бы даже на ногах у меня и имелись хоть какие-нибудь обутки.

Но с Сантосом еще не было покончено. Он сделался совсем диким, слишком примитивным, чтобы его

можно было остановить обычными способами. Он был избит до неподвижности, он проиграл — и будто вернулся обратно, прямиком в каменный век. Вскочив, он завыл, пуская слюни, пальцы его растопырились, точно когти, — не для удара, но чтобы душить, рвать и терзать. И когда он приблизился, полностью раскрывшись, я встретил его тем самым ударом, принесшим мне когда-то победу, — правой от самого колена в челюсть. Бац! Я почувствовал, как подалась кость под моим кулаком, и Сантос, крутанув полное сальто, грохнулся на спину в дюжине футов от меня.

Скажите, после этого-то человек наверняка больше не встанет? Человек-то — да...

Впрочем, вы вполне можете кулаком сломать противнику челюсть, и он еще будет в сознании. Обычный человек после этого никуда не годился бы, но Сантос больше не был человеком. Он превратился в настоящего хищника из джунглей, да к тому же совсем обезумел.

Прежде чем я смог догадаться, что Сантос еще собирается выкинуть, он обернулся и вырвал из рук какого-то туземца в первом ряду боевой топор на длинной рукояти. Колотовку я ему задал страшную. Держался он на пределе. Не знаю, как егохватило на это последнее усилие, однако произошло все мгновенно.

Сантос с топором в руках черной смертоносной тучей возник передо мной, прежде чем я успел пошевелиться. Он прыгнул на меня и занес топор над головой. Я инстинктивно прикрылся правой рукой. Это спасло мне жизнь, и топор даже не попал по руке лезвием, но увесистая рукоять переломила предплечье, как спичку. Я оказался распростертым на земле.

Сантос завыл, взмахнул топором, прыгнул снова — и тут что-то пронеслось надо мной белой молнией и сшиблось с ним в воздухе! Майк ударил малайца точно в грудь, и толчок поверг его наземь. Сантос страшно завизжал, а железные челюсти Майка сомкнулись на его горле.

Началась жуткая катавасия! Канаки с воплями побежали кто куда, мешая друг другу, спотыкаясь и падая, Билл, изрыгая ужасные проклятия, забился у своего столба, а Майк посреди всей этой суматохи делал из Сантоса кровавый фарш! Я хотел было встать, но не смог. Поднялся на колени, но тут же рухнул вновь.

Дальше все было как во сне. Я увидел канака, который выстрелил в Майка из пистолета и промахнулся. Тут же, словно эхо, прозвучал еще выстрел. Канак заорал, схватившись за заднее место, и помчался прочь. Потом я услышал еще выстрелы и голоса белых — крики «ура» в основном. Вскоре перед глазами моими появились словно бы из тумана Старик, Мак-Грегор и старший помощник Пеирин. За ними, с воплями и улюлюканьем, подоспели все наши с «Морячки».

Старик наш, раскрасневшись и отдуваясь, склонился надо мной:

— Великий Юпитер! Они убили Стива! Зарубили топорами до смерти!

— Да живой он, живой! — зарычал Билл, пытаясь вывернуться из веревок. — Он только что выдержал самый крутой бой, какой я в жизни видел! Вы, пожарители солонины с галетами, может, хоть кто-нибудь отвяжет меня наконец?!

— Вяжите носилки, — велел Старик. — Ежели Стив и не мертв, то уж всяко недалеко от этого. Э-э, что за?..

Как раз в эту минуту Майк этак лениво подошел ко мне, уселся рядом и лизнул мою руку.

— Х-х... Х-то это там? — спросил Старик, вроде как побледнев и указывая в ту сторону, откуда появился Майк.

А Билл усмехнулся:

— Это все, что осталось от Непобедимого Сантоса, Тигра Борнео. История повторяется, и Стив только что задал ему еще одну мастерскую трепку. Вы,

швабры бестолковые, что же — хотите, чтобы Стив так и помер тут? Тащите его на борт, живее!

— Майка сначала, — едва выговорил я. — Сантос стрелял в него из пистолета...

— Царапина, — изрек Старик, осмотрев необычайно крепкую черепушку Майка. — Из пистолета, значит, да? Выстрели он из ружья — эта псина, чего доброго, сожрала бы все племя! Погодите, я с Кости-гана хоть кровь оботру, потом уж его — на носилки!

Тут я почувствовал, как он ощупывает меня, и зашипел от боли.

— Ничего, — объявил он, — ребро с рукой срастутся, ухо назад пришьем, залатаем еще несколько ран, и будет порядок. Носом тоже придется заняться, хотя я-то в сломанных нозах смыслю немного.

Смутно помню, как меня несли на корабль. Майк рысцой трюхал рядом, а Билл с нашим Стариком таторили наперебой.

— ...Истоило Ма?????ого парусного судна, включая даже нашу «Морячку». А кроме нее, у нас ничего не было, и потому мы только сейчас добрались до этой деревни. Да если бы не я...

— Если бы не Стив, так нашли бы вы тут пару ломтей сырой говядины! Сантос собрался изрезать нас на кусочки, а Стив, уж поверь мне, избил его до бесчувствия! Сам был измочален — дальше некуда, но не знал этого! У Сантоса были все преимущества, он превратил Стива в бифштекс, лежащий сейчас на носилках, однако старина Стив натурально переиграл его! Хотя уж пять раз должен был упасть замертво.

— Хм-м, — буркнул Старик, однако я мог бы сказать, что он прыгать готов от гордости. — Я отдал бы весь груз, чтобы только посмотреть на этот бой. Ну что ж, мы не британская канонерка, не бросили якорь на рейде и не успокоились на том, что снесли пару хижин. Мы прошли сквозь джунгли, как Нептун — сквозь глубины моря! А эти братцы-кролики слишком засмотрелись на бой, так что нас заметили,

только когда мы навалились на них. И перестреляли, надо сказать, множество, если только мои матросы не самые косорукие и косоглазые стрелки Семи Морей...

— Эй, — заорали ребята, — мы вообще не видели, чтобы вы, капитан, попали хоть в одного из тех, кого брали на мушку!

— Молчать! — заорал Старик. — Я здесь босс, ко мне положено относиться уважительно!

— Ради Господа Бога, — еле выговорил я, с трудом разлепив расквашенные губы, — вы, камбалы кривоногие, можете засохнуть и не добавлять страданий больному человеку?

— Ты шибко-то не зазнавайся. Думаешь, если малость побит, так уже — царь и бог? — проворчал Билл.

Однако голос его дрогнул, он сжал мне руку, и я понял, что он чувствовал в тот миг.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧИТ ВСЕ

Из Американского бара мы с Биллом О'Брайеном вышли, проигравшись вчистую. Да, господа, полчаса, как сошли на берег, и уже обобраны какой-то сухопутной акулой с парой дрессированных костей! До единой монетки — нечем было бы даже откупиться, кабы мой белый бульдог Майк, никогда не менявший своих привычек, разорвал какому-нибудь колу штаны. Потому я его оставил у владельца бара, а сам отправился раздобыть где-нибудь денег.

Так вот, дрейфовали это мы с Биллом в ночи, высматривая, где бы подзаработать, — по собственному опыту знаю, что в портовых улочках Сингапура можно набрести на все, что угодно. Однако ж нам подвернулось такое, чего мы вовсе не ожидали!

Шли мы, значит, сквозь туземный квартал, проходили мимо темного переулка и вдруг услышали женский крик:

— Помогите! Караул! На помощь!

Мы, ясное дело, немедленно бросились в тот переулок и увидели в полумраке девушку, отбивающую

ся от здорового китаезы. Уловив блеск ножа, я заорал, прыгнул к этому китайцу, но он немедленно отпустил даму и испуганным кроликом стреканул прочь, увернувшись от булыжника, который Билл швырнул ему вдогонку.

— Вы в порядке, мисс? — спросил я с обычной своей обходительностью, помогая девушке подняться.

— Да, — ответила она, — только перепугалась до смерти. Впрочем, смерть моя вправду была близка, и давайте-ка уходить поскорее, пока он не вернулся с толпой приятелей.

Так вот, вышли мы на улицу и тут, в ярком свете фонарей, увидели, что девушка — белая. Американка, судя по выговору, да еще прехорошенькая — огромные карие глаза, волнистые темные волосы...

Ну, Билл и поинтересовался:

— Докудова вас проводить, мисс?

— Я танцую в кабаре «Бристоль», — ответила она, — но давайте заглянем в вон тот салун. Бармен — мой друг, и я хотела бы поставить вам, ребята, выпивку. За то, что вы спасли мне жизнь. Это самое меньшее, чем я могу отблагодарить вас.

— Да чего уж там, мисс, — отозвался я тогда с вежливым поклоном. — Не стоит разговоров. Были только рады услужить. Хотя, однако ж, ежели вам доставит удовольствие поставить нам выпивку, мы и не подумаем отказываться!

— В особенности, — добавил Билл, начисто лишенный моего природного такта, — когда мы только что вчистую продулись в кости и медленно, но верно умираем от жажды.

Словом, зашли мы в тот салун, проследовали в заднюю комнатку и принялись за выпивку. То есть это мы с Биллом принялись, а девушка сказала, что никогда в жизни даже не пробовала этой гадости. Так вот, выпивали мы с Биллом, а она, подперев руками подбородок и заглянув мне в глаза, восхищенно вздохнула:

— Ах, если б у меня был такой огромный, сильный защитник, как вы, не пришлось бы мне работать в притонах вроде этого «Бристоля» и терпеть оскорбления от разных подонков, как тот, что сегодня пытался перерезать мне глотку.

Я невольно расправил свою широченную грудь и ответил:

— Что ж, леди, покуда матрос первой статьи Стив Костиган способен стоять на ногах и молотить с обеих рук, вам бояться некого! Для нас с Биллом О'Брайеном первое после бокса удовольствие — помогать дамам в беде!

Она печально покачала головой:

— Очень любезно с вашей стороны, но ведь вы, моряки, все одинаковы — по девушке в каждом порту... Да, я ведь даже не представилась; меня зовут Джоанна Уэллс, я из Филадельфии.

— Безумно рады встретить кого-нибудь из Штатов, — осклабился Билл. — А с чего этот косоглазый хотел вас порезать?

— Э-э... Пожалуй, не стоит об этом говорить, — ответила девушка и вроде даже чего-то испугалась.

— Да нет, — поспешно встрял я, — мы вовсе ничуть не собираемся лезть в ваши личные дела!

— Однако я ничего не могу скрыть от такого мужчины, — сказала она, глядя на меня так, что сердце мое скнуло, — и потому скажу. Выгляните за дверь, убедитесь, что никто не подслушивает.

Там, за дверью, никого не оказалось, и она продолжала:

— Слышали вы когда-нибудь о тонге Но Сен?

Мы покачали головами. Конечно, нам было известно про крупные тонги, то бишь торговые дома, контролирующие чуть не весь Восток, но сталкиваться с ними прежде не приходилось.

— Так вот, — сказала она, — это самый богатый и тайный тонг в мире. Когда я только приехала сюда, то устроилась личным секретарем к старому То Иню,

одному из высших тайных чиновников Но Сен. Он выгнал меня за то, что вольностей разных ему, змею косоглазому, не позволила. Пришлось наняться танцевать в «Бристоль». Однако, раз увидев подобную организацию изнутри, узнаешь способы получать новости, недоступные другим.

Тут глаза ее засверкали, а кулачки сжались от возбуждения.

— Я — накануне крупнейшего биржевого скандала века! — воскликнула она. — Если только останусь в живых, стану богатой! Слышали вы что-нибудь о Корейской Медной Компании? Нет? Так вот: она на грани банкротства. Ни разу не выплатила ни цента дивидендов. Акции идут по доллару за штуку, и никто не покупает. Но! Они наткнулись на месторождение меди, богаче которого в мире еще не было! А Но Сен втихую скупает их акции — всего по доллару штука! Едва узнав об этом, я помчалась в брокерскую контору и купила сто акций. Истратила все, до последнего цента! Но один из соглядатаев Но Сен узнал об этом. Вот почему старикашка То Инь пытался подослать ко мне убийцу. Он боится, как бы я не протрепалась! Подумайте только, что будет на бирже завтра, когда новость дойдет до всех. Сегодня вечером акции Корейской Медной идут по доллару. Завтра они подскочат до тысячи!

У меня от всего этого голова пошла кругом.

— Погодите-ка! То есть выкладываете доллар — получаете тысячу?

— Наверняка. А почему бы вам, ребята, не купить тоже? Такого шанса в жизни больше не представится! Но Сен скупил большую часть, однако я знаю, где найдется пара сот штук и для вас.

Билл горько засмеялся:

— Сестренка, они могли бы с тем же успехом и нынче продаваться по тысяче! У нас нет ни даймы. Часы я еще в Гонконге заложил.

— Я с удовольствием одолжила бы вам, — сказала она, — но все мои деньги — в этих акциях...

— Погодите минутку, — перебил я ее, поднимаясь на ноги. — У меня идея. Мисс Уэллс... Джоанна... Вам не опасно остаться одной на пару часов?

— Конечно. Бармен через несколько минут освободится и проводит меня до дому.

— Хорошо. Пожалуй, монеты мы раздобудем. Где вас найти... Скажем, часа через три?

— Приходите на Аллею Семи Мандаринов, — ответила она, — и постучитесь в дверь с зеленым драконом. Я спрячусь там, пока шпионы Но Сен не прекратят меня разыскивать. И буду ждать.

С этими словами она так застенчиво и нежно пожала мне мозолистую грабку, что мое большое и честное сердце затрепетало, точно у мальчишки.

Вот, значит, вышли мы с Биллом в туманные сумерки и пошли узкими улочками да заваленными мусором переулками, пока не добрались до самого него-степриимного района сингапурских доков; там и днем-то опасно, а ночью — вовсе ад крошечный.

Здесь, у самого пирса, стояла довольно большая развалюха, и чудом державшаяся на своем месте вывеска объявляла на весь мир, что именно здесь находится Большая Международная Боксерская Арена Хайни Штейнмана. Развалюха сияла огнями и сотрясалась от доносившегося изнутри рева.

— Привет, Стив! Привет, Билл! — улыбнулся пронырливый тип на входе. Он нас отлично знал. — Как насчет пары отличных мест в первом ряду?

— Пусты, — сказал я. — Денег у нас нет, но я сегодня дерусь здесь.

— Тогда проваливайте, ребята. Вас в программе не...

— А ну брысь с дороги! — заорал я, отводя назад свою знаменитую правую. — Сегодня вечером я здесь хоть с кем-нибудь да дерусь, ясно?!

Он слегка изменился в лице и живо влез на конторку.

— Иди дерись, коли такой крутой!

Мы с Биллом прошли внутрь.

Ежели вам вдруг захочется увидеть человечество в самом жестоком и нецивилизованном виде, сходите на какое-нибудь шоу Хайни Штейнмана. Публика в тот вечер собралась обычная — матросы, докеры, бичи, бандиты да карманники всех пород и мастей, с самых крутых кораблей, из самых воровских портов мира. Несомненно, те, кто дрался в этой Большой Арене, выступали перед подлейшей на всем свете публикой. Дрались большей частью моряки, надеясь сшибить пару долларов.

Словом, когда мы с Биллом вошли, зрители как раз выражали неудовольствие, да в таком топсе, что и у охотника за головами волосы поднялись бы дыбом. Основная часть зрелища подошла к концу, и почтеннейшая публика изволила прийти в ярость оттого, что бой не завершился нокаутом. К Хайни Штейнману ходят не затем, чтобы любоваться высоким боксерским мастерством. Этой публике подавай фонтаны крови и сломанные носы, а ежели хоть кого-нибудь не избьют до полусмерти, она решит, что ее надули, и разнесет весь притон к чертям.

Так вот, как раз когда мы с Биллом вошли, виновники торжества удирали с ринга, провожаемые отломанными сиденьями, кирпичами и дохлыми кошками, а Хайни, который был за рефери, пытался утихомирить толпу, чем только пуще ее раздражал. Кто-то из зрителей запустил в него гнилым помидором и угодил прямехонько между глаз. Обезумевшая толпа достигла той точки, когда она способна на что угодно.

Мы с Биллом поднялись на ринг. Нас тут знали, поэтому на минутку сделалось вроде как потише, но затем рев стал еще яростнее.

— Стив, — попросил Хайни, утирая томатный сок с побледневшего лица, — Бога ради, скажи им что-нибудь, пока погром не начался! Те два козла, что удрали, весь бой только скакали по рингу без толку, и эти

волчары теперь готовы линчевать любого, в том числе и меня.

— Есть для меня какой-нибудь противник? — спросил я.

— Нет. Но я объявляю...

— Объявишь ты, как же...

Повернувшись к толпе, я добился тишины просто.

— Заткнитесь все! — рявкнул я таким голосом, что они немедленно стихли. — Слушайте сюда, ребята! Вы выложили свои кровные, но зрелище того стоило или как?!

— Нет! — загремела публика так, что у Хайни застучали коленки друг о друга. — Ограбили! Обокрали! Надули! Деньги обратно! Разнести эту малину! На фонарь голландца!

— Тих-ха, бабуины порт-мэгонские! Если вам, ребята, невтерпеж видеть что-то стоящее и не слабо собрать промеж собой двадцать пять долларов, я дерусь с любым из вас до победного конца! Победитель получает все!

Тут со Штейнмановой развалины крыша едва не вспорхнула.

— Дело говорит! — заорали зрители. — Не жалей капусты, ребята! Стива мы все знаем!!! Он за наши денежки всегда показывал настоящий бой!!!

На ринг дождем посыпались монеты, среди которых нашлось даже несколько бумажек. К рингу, вскочив с мест, устремились двое: рыжий англичанин и гибкий такой брүнетик. У самых канатов они встретились.

— Осади, ты, — буркнул рыжий. — С этим треклятым янки дерусь я!

Правый кулак брүнета тараном врезался в челюсть рыжего, тот ляпнулся на пол и остался лежать. С публикой от счастья прямо-таки истерика случилась, а победитель прыгнул через канаты в сопровождении трех-четырех страхолуднейших головорезов, каких я только видал в жизни.

— Я-а буду дра-аться с Ко-остиганом! — говорит. Хайни испустил вздох облегчения, зато Билл тихонько выругался.

— Это Кортес-Ягуар, — сказал он мне. — А ты сам отлично знаешь, что последнее время не шибко много тренировался.

— Ерунда, — прорычал я. — Сосчитай деньги. Хайни, убери грабли, пока Билл не сосчитает!

— Тридцать шесть долларов и пятьдесят центов! — объявил Билл.

Тогда я и говорю этому узкоглазому дьяволу, которого Билл назвал Кортесом:

— Согласен драться со мной за эти деньги? Победителю — все, проигравшему — одна головная боль!

Он в ответ ухмыльнулся, сверкнув клыками:

— Еще бы! Я буду драться с тобой только ради удовольствия побить тебя!

Я только рыкнул, повернулся к нему спиной, отдал деньги на хранение Хайни, хотя риск это был страшный, и отправился в раздевалку. Там Хайни выдал мне грязные трусы, которые стащил с какого-то новичка, выходявшего на ринг в самом начале шоу и до сих пор лежавшего без сознания.

Я не шибко-то много думал о противнике, хотя Билл продолжал бурчать насчет того, что мне за такую ничтожную сумму придется драться с таким бойцом, как этот Кортес.

— Надо было запросить самое малое полторы сотни, — ворчал он. — Кортес и удар имеет, и подвижен, и пода вдобавок. Его еще никто не нокаутировал.

А я его успокоил:

— Ладно, начать никогда не поздно. От тебя требуется только присмотреть, чтобы кто из его секундантов не подобрался и не ударил меня бутылкой. Тридцать шесть акций — это выйдет тридцать шесть тысяч долларов. А тридцать шесть тысяч долларов означают, что завтра мы с тобой на прощание лнем нашего Ста-

рика в грудянку и заживем!.. Ни тебе вахт, ни жары, ни холода, никакой работы на чужого дядю...

— Эй! — крикнул Хайни, заглядывая к нам. — Давай быстрее, а? Публика с ума сходит. Ягуар уже на ринге!

Я перелез через канаты, и меня встретил приветственный рев — так же, надо думать, вопили римляне, когда львам на арене бросали гладиатора-фаворита. Кортес сидел в своем углу, улыбаясь, точно огромная ленивая кошка, и поблескивая глазками из-под век — вот такая манера меня всегда больше всего раздражает.

Кровей в нем было намешано множество — испанская, французская, малайская и Бог весть какая еще. Словом, сущий дьявол. Был он из первых бойцов «Морского змея», британского судна с мутной репутацией, и я, хоть сам никогда с ним не дрался, знал: противник опасный. Но, черт побери, в тот момент он для меня значил только тридцать шесть долларов и пятьдесят центов, которые вскоре обернутся тридцатью шестью тысячами!

Хайни взмахнул руками и заговорил:

— Джентльмены! Все вы знаете этих парней! Оба они прежде дрались здесь множество раз, и...

Рев публики заглушил его слова:

— Знаем, знаем! Кончай говорить! Даешь бой!

— Матрос Костиган с «Морячки», — Хайни приходилось орать во всю глотку, чтобы его слышали, — вес сто девяносто фунтов! Кортес-Ягуар с «Морского змея», вес сто восемьдесят пять фунтов!

— Врешь! — крикнул Билл. — Он тоже весит сто девяносто!

— А ну заткни хлебало, ирлашка чертов! — рявкнул один из секундантов Ягуара, выдвинув вперед квадратную челюсть.

Билл вмазал по этой челюсти правой, и злосчастный лайми кувыркнулся через канаты. Публика бешено зааплодировала — такие дела как раз в ее вкусе! Если б мы с Кортесом еще переломали друг другу

хребты, эти ребята уж наверняка сочли бы вечер удавшимся.

Так вот, вытурил Хайни с ринга Кортесовых секундантов, Билл тоже убрался за канаты, и бой начался. Хайни был за рефери, но инструктировать нас не стал: мы оба достаточно дрались тут и отлично знали, что от нас требуется. Бей себе и бей, пока кто-нибудь не поцелуется с ковром и не останется лежать. Перчатки наши были, самое меньшее, на полторы унции легче, чем положено по правилам, но для этой Большой Международной правильно все, что угодно, пока оба бойца держатся на ногах.

Ягуар был гибок, поджар и проворен, повыше меня ростом, но не так уж тяжел. Мы сошлись в центре ринга, и он ударил с кошачьим проворством: левой в голову, правой в корпус, левой в челюсть. Я наудачу послал удар правой в подбородок, и он с маху сел на ковер. Толпа взывала, но Ягуар разве что удивился и рассвирепел. Глаза его засверкали. Он выждал счет до девяти, хотя вполне мог бы подняться сразу, вскочил и остановил мою атаку жестким левым в зубы. Я промазал с левой, ударил правой в ребра и хорошо попал ему под сердце. Он плюнул мне в лицо, и руки его замелькали в воздухе: левая, правая, левая, правая, в лицо, в корпус, пока публика вовсе не обезумела. Ну, в такой-то игре я чувствую себя как рыба в воде! Дико ухмыльнувшись, я подшагнул вплотную и тоже принялся бить с обеих рук.

Минута — и Ягуар поспешно отступил с обильно кровоточащей раной на щеке. Я последовал за ним, воткнул левый кулак в его диафрагму. Это заставило его войти в клинч. Нас развели, он гвозданул меня с левой в голову, попал с правой в глаз, но дальше промахнулся левой и получил коварный правый хук в ребра. Я принялся работать в корпус, но он большей частью успешно прикрывался локтями. Наконец это меня обозлило. Перед самым гонгом я неожиданно послал правый хук в голову и едва не снес ее напрочь.

— Раунд был на целую милю твоей, — сказал Билл, прекратив на минуту переруливаться с секундантами Кортеса. — Но ты смотри в оба: он боец опасный и подлый...

— Пожалуй, сделаю Джоанне предложение, — заявил я. — С первого взгляда видно было: я ей тоже здорово пришелся по нраву. Уж не знаю, с чего бы, но вот не могут женщины передо мной устоять. Так и влюбляются...

Зазвучал гонг, и я рванулся вперед — добывать свои тридцать шесть с половиной долларов.

В первом раунде Ягуар понял, что в обмене ударами со мной ему ничего не светит, и теперь принялся боксировать, то есть я хочу сказать, начал ложными выпадами сбивать мне стойку, выводить из равновесия, жалить резкими ударами левой, уклоняться от моих яростных контрударов, вязать меня в клинче, страшно бить в голову с ближнего расстояния, заходить сбоку — в общем, делать из меня котлету.

Через какую-то минуту у меня уже всюду шла кровь из носа и изо рта, а я меж тем даже ни разу не попал в него толком. Публика выла, Билл сыпал ужасными проклятиями, но я не шибко волновался. Впереди была целая ночь, и рано или поздно я в него попаду.

Это случилось даже раньше, чем можно было ожидать: сокрушительный правый хук под сердце — и сеньора Кортеса согнуло пополам! Я, не мешкая, от всей души добавил ему в голову за ухом, и он упал на колени, однако тут же, не выжидая счета, вскочил, нырнул под мой свинг, вошел в клинч, повязал меня по рукам и ногам, отдавил пальцы да еще скребанул шнуровкой перчатки по глазам. Я матерно выпругался, но он прицепился ко мне, словно форменный осьминог, а Хайни и не думал разводить нас, и в конце концов оба мы рухнули на ковер.

Эта шуточка привела публику в полный восторг — особенно то, как Кортес вцепился зубами мне

в ухо, пока мы кувыркались на ковре. Доведенный этим до бешенства, я вырвался, вскочил и, едва Кортес оказался на ногах, закрыл ему левый глаз ужасным правым свингом. Он отвечал сокрушительным левым хуком в корпус, ударил с той же руки в мое и так уже раскровяненное лицо и сам получил прямой левой в хавало. В этот момент прозвучал гонг.

— Хайни Штейнману я после этого боя шею сверну! — прорычал Билл, дрожа от ярости и отирая кровь с моего изжеванного уха. — В жизни не видел фола грязнее...

— Интересно, продадут ли нам полпая на эти пятьдесят центов? — отрешенно проговорил я. — Все же пять сотен долларов...

Начался третий раунд, и я рванулся вперед, намереваясь закончить бой поскорее, однако у Кортеса имелись другие планы на сей счет. Его левый хук рассек мне бровь, за ним последовал правый хук в поврежденное ухо, нырок под мой ответный удар и целых три удара в нос. Обезумев, я кинулся на него головой вперед, прижал к себе левой рукой и принялся молотить правой, пока он не связал меня в клинче.

В ближнем бою мы обменялись короткими ударами с обеих рук в корпус, и Кортес отступил первым, не забыв с дальнего расстояния достать мой глаз. Я рванулся следом за ним, и тут он, неожиданно наклонив голову, боднул меня в челюсть. Подбородок тут же онемел и залился кровью. Ягуар, не медля, нанес правый апперкот, разом выставивший мне несколько зубов, и, выдав замечательный вихрь хуков с обеих рук в голову, отеснил меня к канатам.

Стоило мне почувствовать спиной канаты, я прибавил темпа, оттолкнулся от них и ударил правой под сердце. Это заставило Кортеса притормозить. Левый в челюсть сбил Кортеса с носков на пятки, зубы его лязгнули, как кастаньеты, и тут, прежде чем я успел ударить еще разок, зазвенел гонг.

— Пожалуй, оно выходит дольше, чем я думал, — сказал я Биллу, пока тот отирал с меня кровь и горячо объяснялся с Хайни.

— Черт побери, Билл, — оправдывался Штейнман, — ну, подумай головой! Если я останавливаю бой и дисквалифицирую кого-нибудь, эти горлохваты разнесут здесь все к чертовой матери, а меня вздернут на стропилах. Нокаут им нужен!

— И они его получают! — зарычал я. — Черт с ними, с фолами! Слышь, Билл, ты видал когда-нибудь такой ясный, честный взгляд, как у Джоанны? Я, доложу тебе, знаю женщин, но никогда еще не встречал такой прямодушной, открытой девчонки...

Прозвучал гонг. Мы тут же вошли в клинч и начали работать в корпус, пока Хайни не развел нас. Кортес держался предельно осторожно, не допуская ни малейшего риска. Делая выпады левой, он постоянно держал правую повыше и не пускал в ход, если не был на все сто уверен, что попадет. В клинче он всю работу локтями и при всякой возможности норовил боднуть, но Хайни этого всего с понтом «не замечал». А публике было плевать — пока боец дерется, ее не волнует, как именно он это делает. Билл отпускал замечания, которые и готтентота проняли бы, но никто, казалось, его не слышал.

Где-то в середине раунда Кортес начал высказывать свое мнение о моих предках, и это придало мне сил. Ирландская кровь взыграла во мне, я диким быком кинулся на него, пригнув голову и молотя с обеих рук. Он ударил левой и сделал шаг в сторону, но таким ударом меня не остановить, если уж я вышел из себя. Я приблизился вплотную слишком быстро, и отступить вовремя он не успел. Я погнал его к краю ринга, но, едва собрался прижать к канатам, он снова шагнул в сторону, и я влетел в них сам.

Толпа взревела. Кортес, пока я выпутывался, трижды ударил с левой мне в голову, а стоило мне развернуться и ударить в ответ, уклонился и — едва не от

самого пола — нанес правый хук в челюсть. Тут я впервые за тот вечер «поплыл». Чувя близость победы, Ягуар еще три раза подряд ударил с правой в голову, отшвырнув меня обратно на канаты, и воткнул левую мне в диафрагму чуть не по самое запястье.

У меня кружилась голова, слегка поташнивало, но в красной дымке перед моими глазами маячило лицо Кортеса, и я изо всех сил ударил правой в самую его середину. Ягуар ничего такого не ждал и совсем забыл об обороне. Голова его запрокинулась назад, словно на петлях, брызнула кровь, и публика взвыла от удовольствия. Я рванулся вперед, однако он пригнулся, нырнув под мой свинг, и заехал правой мне в пах. Ох, Гос-споди Боже! Я рухнул, словно мне подрубили ноги, и принялся корчиться на ковре, как змея с перебитым хребтом.

Тошнило так, что пришлось сцепить зубы, чтобы тут же не вырвало. Я поднял взгляд на Хайни. Тот, весь бледный, стоял надо мной.

— Один! — сказал он. — Два! Три!

— Ты, свинья тупая! — заорал Билл. — Скажешь «десять» — мозги вышибу!

Хайни затрясся, точно от холода, быстро взглянул на Билла, испуганно покосился на публику, втянул по черепашьи голову в плечи и продолжал:

— Четыре! Пять! Шесть!

— Тридцать шесть тысяч долларов, — простонал я, дотягиваясь до канатов.

На лбу выступил холодный пот.

— Семь! Восемь! Девять!

Я поднялся, широко расставив ноги и уцепившись за верхний канат, чтоб не упасть обратно. Кортес прыгнул вперед, чтобы покончить со мной, и я понял: позволю ударить — непременно свалюсь. Удар правой пришелся в выставленное плечо, однако левая попала в подбородок, а следующий удар правой — в висок, но тут прозвучал гонг. Ягуар ударил меня еще раз, прежде чем отправился в свой угол, но на Большой Между-

народной Арене на подобные мелочи не обращают внимания.

Билл, ругаясь сквозь сжатые зубы, помог мне добраться до нашего угла, но моя способность быстро восстанавливать силы не изменила и на сей раз, и я уже мало-помалу оправлялся после подлого удара. Билл вылил на меня ведро холодной воды, и, к величайшему неудовольствию Кортеса, в пятом раунде я вышел на ринг как новенький. Ягуар, правда, по первости так не считал, но коварный удар с правой под сердце потряс его до глубины души и заставил поспешно отступить.

Я смерчем ринулся за ним, и он, вроде как обескураженный, вернулся к своей прежней тактике — ударь и отступи. Но тут мне внезапно стукнуло в голову: а что, если все акции уже раскуплены? Казалось, бой этот может длиться без конца. Что же получается? Я тут гоняю Кортеса-Ягуара по рингу, а там Но Сен скупает все акции Корейской Медной в пределах видимости? Удача с каждой минутой ускользает все дальше, а эта крыса не желает драться по-мужски?!

Я едва с ума не свихнулся от ярости.

— Дерись, вонючка желтозадая! — заорал я, заглушая кровожадный рев публики, тоже раздраженной тактикой Кортеса, который уже куда больше отступал, чем бил. — Дерись, бледная кишка, желтое пузо, ублюдок португальский!

Любого человека можно хоть чем-то да пронять. Мои слова проняли Кортеса так, что лучше и не требовалось. Может, в нем вправду была португальская кровь, а может, и нет, но он вовсе сошел с ума. Взвыв, точно обезумевшая от крови пантера, не обращая внимания на яростные вопли из своего угла, он бросился ко мне со сверкающими глазами и пеной на губах. Бац! Бац! Бац! На меня обрушился вихрь ударов. Бил он, будто настоящий ягуар. Но я только ухмыльнулся — вот это по-нашему! Это моя игра! Он наносил три удара на один мой, но в расчет-то следовало принимать только мои!

Рот был полон крови, кровь заливала глаза, кровь краснела на рубашке Хайни, ноги скользили на залитом кровью брезенте. Брызги крови оседали на лица зрителей в первом ряду. Но перчатки мои с каждым ударом все глубже погружались в тело Кортеса, и я был доволен. Мы дрались лицом к лицу, пока ринг не заволело багровым туманом и гром ударов не заглушил рев публики. Но долго так продолжаться не могло. Кто-то должен был упасть, и это оказался Кортес.

Он рухнул на спину и тут же вскочил, не выжидая счета. Но я метнулся к нему, точно обезумевший от крови тигр, пропустил два удара в лицо, почти не почувствовав их, и ударил сам — правой под сердце и левой в челюсть. Глаза Ягуара остекленели, он зашатался, и сокрушительный удар правой в челюсть уложил его ничком под канаты. Может, он и посейчас там лежит — по крайности, до счета «десять» даже бровью не шевельнул!

— Гони сюда деньги! — рявкнул я, вырывая их у Хайни.

— Э-э! — запротестовал он. — А как насчет моей доли? Матч-то организовала я! И все расходы несую! Или, по-твоему, в моем зале можно драться за бесплатно?..

— Мне бы твою наглость — я бы королем Сиамы стал, — буркнул я, протирая глаза.

В тот же миг правый кулак Билла встретился с челюстью Хайни, как киянка встречается с обшивкой судна, когда конопатят щели. Голландец вырубился. Зрители разом поднялись с мест, тараторя что-то неразборчивое. Этот последний штрих был как раз тем, чего им не доставало, чтобы вечер вполне удался.

— На, отдай Кортесу, когда очухается! — С этими словами я сунул одному из секундантов Ягуара пачку. — Подлый он тип, но боец. И вы с ним не знаете, но я ему все равно что пять тысяч долларов подарил! Идем, Билл.

В раздевалке я переоделся, глянув в зеркало и отметив, что лицо мое сплошь исцарапано, точно после драки с дикой кошкой. Да еще прекрасный синячище

под глазом, если не под обоими. Мы прощмыгнули в дверь черного хода, но, я так полагаю, какие-нибудь головорезы из публики подместили, как мы забрали деньги. В Сингапурском порту, доложу я вам, полно людишек, которые и за дайм глотку перережут.

Стоило мне шаг ступить в темноту переулка, что-то обрушилось мне на голову, да так, что из глаз посыпались миллионы искр. Я упал на колени, поднялся, чувствую — по плечу лизнуло лезвие ножа. Тогда я ударил вслепую и, по счастливой случайности, попал. Моя правая сбила невидимого в темноте грабителя с ног, тот мешком рухнул наземь. Билл тем временем управлялся еще с двумя — я услышал, как головы их с треском стукнулись одна о другую.

— Ранен, Стив? — спросил Билл, ощупью отыскивая меня — темень была такая, что собственной плерни перед глазами не видно.

— Ерунда, царапина, — сказал я. В голове до сих пор звенело после удара дубинки. — Пошли отсюда. А то, похоже, нам придется уложить всех в Сингапуре, пока доберемся до акций.

Выйдя из переулка, мы быстро зашагали вдоль улицы. Люди вокруг косились на нас. Да, пожалуй, было на что посмотреть — синяк под глазом, физиономия разбита, шишка на голове, плечо порезано. Но никто ни слова не сказал. Народ в подобных местах так здорово умеет не соваться в чужие дела, что вежливейшим из вежливых не худо б у них поучиться.

— Стив, давай сперва зайдем в портовую миссию, — сказал Билл. — Преподобные перевяжут тебе плечо и ни цента с нас не спросят. И даже будут держать рот на замке.

— Нет, нет, нет! — Из-за травм и задержки я стал малость вспыльчивым. — Сначала акции, потом уж все прочее!

Мы как раз проходили мимо игорного дома — оттуда слышались щелчки колеса рулетки. Глаза Билла заблестели.

— Чувствую, у меня нынче везучий вечер, — говорил он. — Спорим, я из этих тридцати монет мигом сделаю сотню?

— И я бы отдал правую руку за порцию выпивки, — зарычал я. — Но нам рисковать нельзя! Вот станем богатыми — будем и пьянствовать, и в фан-тан играть, и в рулетку, и все, что душе угодно.

Казалось, целая вечность прошла, прежде чем мы добрались до отвратительного, темного, вонючего переулочка, который китайцы кличут Аллеей Семи Мандаринов — почему, мне никогда не удавалось выяснить. Найдя дверь с зеленым драконом, мы постучали, и у меня аж сердце замерло от мысли, что вдруг там не окажется Джоанны. Однако дверь отворилась, и она ахнула, увидев меня.

— Давай скорее, не томи, — выдохнул Билл. — Акции что, все раскуплены?

— Нет, отчего ж, — ответила она. — Я могу купить для вас...

— Тогда поснеши, — сказал я, вкладывая ей в руку деньги. — Здесь тридцать один доллар и пятьдесят центов...

— И это все? — спросила она вроде как разочарованно.

— Видела б ты, как они достались, сказала бы, что целая уйма.

— Хорошо, — кивнула она, — подождите минутку. Тот человек, что продает акции, живет в конце аллеи.

Словом, растворилась Джоанна в темноте, а мы остались ждать. Казалось, прошло несколько часов. Сердца наши за время ожидания чуть ребра не проломили. Наконец Джоанна вернулась, выйдя из сумерек, словно этаким белым призраком, и сунула в мою горячую, потную пятерню длинный конверт. Я испустил глубочайший вздох облегчения и раскрыл было рот, но она прижала палец к губам.

— Ч-ш-ш-ш! Нельзя, чтобы нас видели вместе. Теперь я должна идти.

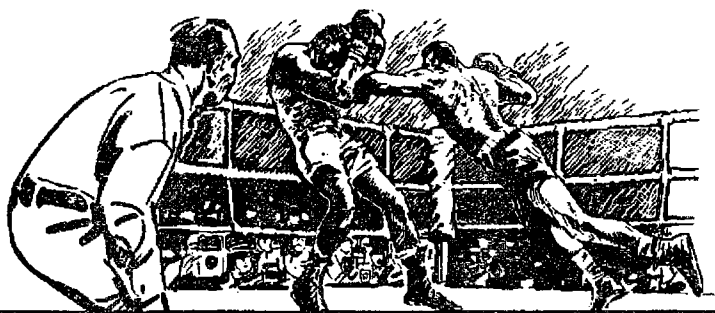
И прежде чем я успел хоть словечко вымолвить, скрылась наша Джоанна во мраке ночи.

— Открывай конверт, Стив, — затеребил меня Билл. — Поглядим, каково с виду счастье!

Открыл я конверт, вытащил полоску бумаги, подошел к фонарю, прочитал и разразился таким ревом, что во всех окнах вокруг начали появляться любопытные рожи. Билл вырвал у меня бумагу, заглянул в нее, взвыл, точно безумный, и вместе со мной принялся отчаянно ругаться — да так, что к нам немедля сбежались не меньше дюжины копов. Внятно все объяснить мы были не в состоянии, и потому гвалт не прекращался, пока они не вызвали подкрепление.

На бумажке, оказавшейся в конверте, который дала мне Джоанна Уэллс взамен так трудно доставшихся денежек, было написано:

«Сим удостоверяется, что вы являетесь владельцами тридцати одной с половиной акции Корейской Медной Компании, прекратившей существование в 1875 г. Насчет тонга Но Сен можете не волноваться: он распался еще до Боксерского Восстания. Из всех простаков, попадавших на эту удочку, с вами, ребята, обошлось проще всего. Но не горюйте — вы лишились всего лишь 31.50, тогда как одного дубоголового я вскрыла на целых три сотни. Нужно же девушке на что-то жить!»

БОЙЦЫ ПОБЕРЕЖЬЯ

Наша «Морячка» не простояла в порту Гонолулу и трех часов, как Билл О'Брайен прискакал в портовый зал, где я как раз демонстрировал Муши Хансену тонкости боксерского искусства, и заявил, он-де договорился, чтобы нынче вечером мне с кем-то там драться в «Американской Арене».

— Здесь, — сказал он, — стоит на якоре «Хулиган», и тамошние божатся, будто один ихний парень может любого с «Морячки» вздрючить прямо-таки по-королевски. Я сам его не видал, но он, говорят, родился где-то в самой середине Австралии и прыгал там с кенгуру, пока его, в раннем еще возрасте, не забрали, подпоив, в матросы. Говорят, на «Хулигане» он уложил всех, начиная с капитана и кончая судомойкой...

Тут я его перебил:

— Заткни пасть и веди меня к какому-нибудь идиоту с этой посуды, которому невтерпеж рискнуть получкой за рейс. У меня тут полторы сотни, которые жгут мне карман.

Ну, отыскать нескольких придурков с «Хулигана» оказалось проще простого, заключили мы пари при равных ставках, отдали деньги бармену на хранение,

и я, зная, что впереди тяжкий бой, перед которым не помешает потренироваться, острился и отправился в «Гиберниан Бар» пропустить пару рюмок. И вот, выпивали это мы с Биллом и Мухомором, когда в бар ввалился Свен Ларсен — огромный такой и совершенно ни на что не годный швед, которому с давних пор грезится, будто это он должен быть чемпионом «Морячки», и никакими взбучками эту идею из его мозгов до конца не вышибить.

Так вот, подошла эта большущая ошибка природы ко мне и заявила:

— Фстафай ф стойка, ирлантец!

Я с коротким вздохом обиды отставил свой бокал в сторонку.

— В этом порту, — попытался я объяснить ему, — тыща матросов, у которых кулаки чешутся. Иди своей дорогой. Не хочу я сейчас драться со своим однопалубником. У меня через пару часов бой.

Но этот маньяк все стоял на своем:

— Это я толшен с ним траться! Я толшен пыть тшемпион на «Морская дефа»! Фстафай, букай сторофый!

С этими словами он скрючился, то есть, по его глубокому убеждению, такой должна быть правильная боевая стойка. В этот момент мой белый бульдог Майк, чуя неладное, оцетинился и поднял взгляд от блюда, из которого лакал пиво. Но, увидев, что подвалил к нам всего-навсего Свен, свернулся калачиком и задремал.

— Стив, побереги лучше руки, — с досадой поморщился Билл. — С-час я его...

— Не лесь не ф сфой тело, Пилл О'Прайен, — ответил швед, злобно потрясая кулачищами. — Улошу Стифа, потом и с топой расперусь.

— Ты ж отличный товарищ, Свен, — сказал я. — Ну, выпил...

— Я не пил! — заревел он. — Моя тефушка ска-саль...

— Не знал, что у тебя здесь девчонка, — хмыкнул Билл.

— Претстафь сепе! Она скасаль: такой польшой парень толшен пыть тшемпион на сфой коралль. Пока я не тшемпион, она не иметь со мной тела. Потму — фстафай ф стойку...

— Да ты с ума свихнулся, — прорычал я, поворачиваясь обратно к стойке, однако внимательно следя за ним уголком глаза.

Опасения мои оправдались — он замахнулся правой и ударил так, что сокрушил бы любого. Я отпрыгнул, и он врубился в стойку, но, тут же вскочив, с кроваждающим ревом бросился на меня. Видя, что разговаривать с этим заблудшим еретиком бесполезно, я подшагнул под его свинг и нанес апперкот правой в челюсть, поднявший все двести сорок пять фунтов Свенова мяса на воздух и замертво опрокинувший его на пол. Майк, разбуженный грохотом, приоткрыл глаз, приподнял ухо и снова задремал с легкой собачьей улыбочкой на морде.

Мухомор выплеснул на бедолагу кувшин с какими-то ополосками.

— Осторожней же надо, — заворчал Билл. — А если бы руку разбил?! Почему не ударил в брюхо?

— Пачкать тут не хотелось, — ответил я. — И ничего я не разбил, так, ссадил слегка костяшки. Они у меня так просолились, что будь здоров!

Вскоре Свен смог сесть и тут же принялся ругать меня, бормоча что-то непонятное.

— Говорит: у него нынче свиданка, — объяснил Мухомор, — только ему стыдно возвращаться к своей девчонке с отметиной на челюсти и рассказывать, что его побили.

— Йа, — подтвердил Свен. — Ити, Стиф, скаши ей: я не смоку прийти.

— Ага, — кивнул я, — ладно. — Я ей скажу, что ты поскользнулся на пирсе и растянул лодыжку. Где она живет?

— Она тансует ф капаре «Траная Кошка».

Пропустив еще стопочку «Олд Джерси Крим», я затянул потуже пояс, и мы с Майком тронулись в путь. Билл вышел за мной на улицу.

— Стив, — попытался он остановить меня, — ну его к черту! Нельзя тебе разгуливать по улицам, когда до матча всего пара часов! Эти, с «Хулигана», подлы, точно клубок змей, а ты сам знаешь, как у тебя в голове размягчается, если в дело замешана баба!

— Крайне оскорбительны мне твои замечания, Билл, — ответил я ему со своеобычным тихим достоинством. — Не припоминаю, чтобы какой-нибудь бабе удавалось меня одурачить. Они для меня все равно что раскрытая книга. И в любом случае, ты что — всерьез полагаешь, будто я могу втюриться в дамочку, вдохновившую размазню вроде шведа? Дьявол! Да это, наверное, какая-нибудь толстуха с физиономией бультерьера! Как там, он сказал, ее звать — Глория Флинн? В общем, за меня не волнуйся, я буду на месте задолго до начала.

Кабаре «Драная Кошка» находилось в мрачных припортовых кварталах. Когда мы с Майком разыскали его, солнце уже скрылось. Я спросил управляющего, как пайти Глорию Флинн, и он ответил, что ее номер только что кончился и теперь она переодевается, так что мне лучше подождать у черного хода. Так я и сделал. Вскоре отворилась дверь, и наружу выпорхнули несколько девушек. Я, вежливо приподняв фуражку, поинтересовался:

— А кто из вас, дамочки, будет Глория Флинн?

И тут — провалиться мне на месте! — самая сногшибательная, самая симпатичная из них ответила:

— Вот она я. А что такое?

— Ну, — начала, пожирая ее восхищенным взглядом, — могу сказать только одно: и отчего такая девушка тратит время на бычий ливер типа Свена Ларсена, когда в порту имеются такие мужчины, как я?

— Не шибко-то вольничай! — огрызнулась она.

— О, да я вовсе не вольничаю,— заверил я ее.— Просто пришел передать, что Свен поскользнулся на пирсе и сломал ше... То есть растянул лодыжку и не может нынче свидеться с вами.

— О-о,— промурлыкала она, оглядывая меня внимательнее.— А кто вы такой будете?

— Стив Костиган, который его уложил,— брякнул я, позабыв обо всем на свете.

— О! — воскликнула она, точно у нее дух захватило.— Тот самый Стив Костиган?

— Ага,— кивнул я,— тот самый Стив Костиган, матрос первой статьи и чемпион «Морячки» в тяжелом весе. Понятное дело, вы меня раньше не видали, иначе не заставили бы своего дружка рисковать жизнью, угощая меня свингом.

Взгляд ее сделался вроде как удивленным.

— Не понимаю, о чем вы таком говорите.

— А, да все в порядке,— поспешно сказал я.— Свен мне сказал, что вы его настропалили полезть на меня, но ведь всякой даме, конечно же, хочется, чтобы ее парень был чемпионом чего-нибудь. Только одного не пойму: что вы нашли в таком растяпе, как Свен?

Она вроде как истерически хохотнула:

— О, понимаю. Что ж, мистер Костиган...

— Да просто Стив,— перебил я ее.

— Хорошо. Стив... — Она смущенно хихикнула.— Я не подбивала его ни на что подобное. Просто сказала, что такой здоровенный парень наверняка побьет любого на своем корабле. Он ответил, что чемпион у вас — другой матрос, Стив Костиган. Я и удивилась, что кто-то смог побить его, то есть Свена. Даже представить себе не могла, что он поймет это, будто я заставляю его с кем-то драться. Надеюсь, вы не поранили беднягу?

— Да не, разве что самую малость,— невольно расправил я свою широченную грудь.— С товарищами я всегда стараюсь полегче. Хотя... Ну да, с моей си-

лушкой, бывает, не рассчитаешь... Но послушай, сестренка: я, кажется, знаю одну замечательную крошку, которая вовсе не принимает этого здоровенного болвана всерьез. Тебе просто жаль его, что он такой огромный, неуклюжий и бестолковый, верно?

— Да, — согласилась она, — что-то в этом духе. Он выглядел так одиноко...

— Ну, так это ж просто прекрасно! — чуть не заорал я. — Но забудь про него — после того как я ему задал, он уж не вернется. Найдет себе какую-нибудь туземку либо китаянку. Он же не как я, для него — что в юбке, то и баба... А вот я однолюб. Нет, детка, тебе вовсе не стоит связываться с таким олухом, как он. Тебе просто необходимо водить компанию только с лучшим. Со мной, например.

— Может, ты и прав, — ответила она, опустив глазки долу.

— Еще бы, — скромно заметил я, — я никогда не ошибаюсь. А теперь пойдем-ка выпьем чего-нибудь. От этих разговоров ужасно пересыхает в глотке.

— О, я совсем не пью спиртного, — ответила она с улыбкой. — Если не возражаешь, идем в то кафе, там подают мороженое.

— Договорились. Только прежде позволь представить тебе Майка. Побивает собственный вес как в диких котах, так и в собачьих галетах.

Ну, Майк подал ей лапу, хоть и без особого восторга. Он у меня не шибко-то любит женщин и держится с ними вежливо, но холодно. После этого мы отправились в кафе с мороженым, и, пока глотали эту дрянь, я во все глаза разглядывал свою очаровательную спутницу. Без сомнений, она была прекрасна — выющие русые волосы, огромные темно-синие глаза...

— А отчего такая замечательная девушка работает в притоне типа «Драной Кошки»? — спросил я. Она вроде как вздохнула и поникла головой.

— Девушкам часто приходится делать то, что им вовсе не нравится. Я работала в первом классе

акционерном обществе, которое разорилось, так как управляющий захворал и его пришлось отправить домой, в Англию. Нужно было на что-то жить, а другой работы, кроме этой, для меня не нашлось. Когда-нибудь я вернусь домой. У моих родителей — молочная ферма в Нью-Джерси... Какая я дура, что уехала от них! Прямо перед глазами стоит: старый наш белый домик, зеленые луга, ручеек журчит, коровки пасутся...

Пожалуй, с минуту она всхлипывала, потом вздохнула и улыбулась:

— Кажется, с тех пор прошла целая жизнь...

— Ты очень храбрая девушка, — сказал я, тронутый до самых подковок на башмаках, — и мне бы хотелось увидеться с тобой снова. Сейчас я должен идти: дерусь сегодня в «Американской Арене» с одним парнем. Как, не возражаешь против лучшего места в первом ряду, а после — поужинать и потанцевать? Я, правда, танцевать не силен, зато насчет ужинов — зверь!

— О, — изумилась она, — так это ты дерешься с Рыжим Тараканом?

— Ну и имечко... Да, если он тот самый тип с «Хулигана».

— Я бы с удовольствием пошла, но у меня через полчаса еще один выход.

— Ну, — сказал я, — если я дерусь, так бой дольше трех-четырех раундов не затянется. Может, мне после матча подойти в «Драную кошку»? Если ты еще не освободишься, подожду.

— Это было бы здорово, — ответила она. И, видя, что я слегка расстроен, добавила: — Если бы знала, что тебе скоро драться, ни за что не заставила бы наедаться мороженым.

— Да нет, мне оно не повредит. Только бы еще выпить чего посерьезнее, для укрепления желудка.

Это правда, про моряков думают, будто им только дай дорваться до мороженого, и я сам видал ребят,

поглощавших его в омерзительных количествах, но для моего желудка оно не годится. Майк — он дочиста вылизал свою вазочку, хотя тоже предпочел бы чего покрепче.

— Только давай не пойдем в салун, — попросила Глория. — В портовых барах подают сущую отраву. А у меня есть неподалеку бутылочка редкого старого вина. Сама я к ней и не притрагиваюсь, держу для хороших друзей, и они очень хвалят. У тебя ведь есть еще немножко времени?

— Веди, сестренка, — согласился я. — На выпивку или чтоб услужить прекрасной девушке у меня всегда есть время!

— Лыстед! — рассмеялась она, слегка хлопнув меня по руке. — Спорю, что ты говоришь то же самое каждой встречной!

Словом, к немалому моему удивлению, мы подошли к какому-то ветхому дому, похожему на спортзал. Глория вынула из-под порога ключ.

— Я не сказала — со мной здесь младший братишка, — заговорила она в ответ на мой удивленный взгляд. — Приходится мне содержать и его. Бедняга, взяв да поехал за мной... А мистер Салана, хозяин этого зала, позволил ему пользоваться снаряжением. Здорово пошло на пользу. Это его ключ. Вино у меня в одном из шкафчиков.

— Это не здесь ли тренируется Тони Андрада? — с подозрением спросил я. — Ежели так, здесь не место девушке. Бойцы вообще встречаются разные, а уж Тони ни в чем доверять нельзя!

— Он всегда вел себя как подобает джентльмену, — ответила она. — Конечно, я здесь бываю изредка, только когда брат тренируется...

Глория отперла дверь, мы вошли, и она прикрыла ее за собой. К еще большему моему удивлению, я услышал скрежет ключа в замке. Она зажгла свет, нагнулась за чем-то, повернулась ко мне и, — ничего удивительнее со мной в жизни еще не случалось! В руках ее ока-

залась увесистая спортивная булава, которой она и треснула изо всех сил по моей голове!

Я был так ошарашен, что только стоял и глядел на нее, разинув рот, а с Майком едва не сделался припадок. Я-то его всю жизнь учил, что женщин кусать нельзя, и теперь он не знал, что делать. Глория тоже смотрела на меня — да так, словно глаза ее вот-вот выскочат из глазниц. Словно бы в оцепенении, она опустила взгляд к обломкам булавы на полу, а затем краска вовсе исчезла с ее лица. Побледнела Глория — вылитый призрак!

— Ну и ну! — укоризненно покачал я головой. — Хорошо вы угощаете друзей! Шутки шутками, но я чуть язык не откусил!

Глория прижалась спиной к стене и в мольбе протянула ко мне руки.

— Не бейте меня! — закричала она. — Пожалуйста, не бейте! Я должна была так сделать!

Ну, ежели я и видел когда перепуганную девушку, то именно в тот момент. Она прямо вся тряслась!

— Вовсе не стоило так оскорблять меня, — со спокойным достоинством сказал я. — В жизни ни разу не ударил женщину, даже в голову не приходило!

Тут она заплакала:

— Ох, мне самой за себя стыдно. Но послушай меня, пожалуйста. Я тебя обманула. Брат мой — тоже боксер, и он как раз должен был драться с Рыжим Тараканом, но устроитель передумал и предпочел тебя. А этот бой должен был принести нам достаточно, чтобы вернуться в Нью-Джерси, где коровки пасутся на журчащих лугах. Я... Когда ты сказал, что дерешься с Тараканом, я решила устроить так, чтобы ты не явился, и им бы пришлось выпустить Билли, то есть моего брата. Хотела оглушить тебя и связать, пока матч не кончится. Да, я понимаю, ты теперь ненавидишь меня, но я пошла на это от отчаяния! Я умру от такой жизни!

Понятное дело, я перед ней был ни в чем не виноват, но все равно почувствовал себя, точно конокрад.

— Не плачь, — начал я утешать ее, — я бы тебе помог чем угодно, только все жалованье поставил, что выиграю нокаутом.

Она подняла заплаканное лицо:

— О, Стив, ты вполне можешь мне помочь! Просто останься здесь, со мной! Не ходи в «Арену»! Тогда тебя заменят Биллом, и мы сможем уехать домой! Пожалуйста, Стив! Прошу тебя, пожалуйста!

Руки ее обвили мою шею. Да, должен признаться, сердце у меня в отношении слабого пола мягкое, но все же...

— Господи Боже, Глория! Я для тебя хоть со Статуи Свободы спрыгну, но тут — извини. Товарищи поставили на меня все до последнего цента. Не могу я их так подвести.

— Ты не любишь меня! — зарыдала она.

— Ну как же не люблю, — возразил я. — Но, пес меня съешь, я должен! Пожалуйста, не упрасивай. У меня сердце разрывается оттого, что приходится говорить тебе «нет». Погоди-ка! Идея! У вас ведь с братом есть какие-нибудь сбережения, верно?

— Да, немного, — прохныкала она, утирая глаза дурацким платочком с бахромой.

— Так слушай, вы можете их удвоить! Ставьте все на мою победу нокаутом! Лучшего вложения для монет не сыскать! Сегодня весь порт ставит.

— А если ты проиграешь? — спросила она.

— Я?! — Я фыркнул. — Не смейся! В общем, детка, делай, как я сказал, а мне пора — я уже сейчас должен быть в «Арене»! И, слышь, у меня после матча тоже образуются деньжата, так что вернетесь вы с братишкой к своим зеленым коровкам и журчащим домикам. Но сейчас мне пора!

Прежде чем Глория успела что-нибудь сказать, я вышиб ногой дверь — слишком спешил, чтобы ждать,

пока она отопрет, и в следующий миг мы с Майком уже со всех ног летели к «Арене».

* * *

Билл, меряя шагами раздевалку, рвал на себе волосы.

— А, наконец-то! Вот он ты, такой, растакой и еще вот этакий ирландский урод! — кровожадно заорал он. — Где тебя носит?! Хочешь, чтоб я заботал нервный разрыв сердца?! Ты хоть понимаешь, что заставляя зрителей ждать целых четверть часа — непростительный грех?! Публика жаждет крови, а наши сидят в первом ряду и швыряют в этих кретинов с «Руффинана» сиденьями, чтобы не орали, будто ты смылся! Устроитель сказал: если тебя не будет на ринге через пять минут, он выпустит замену!

— А я размотаю его за ноги и пушу в бухту, — рыкнул я, садясь и сбрасывая башмаки. — Нужно же человеку хоть дух перевести! Слушай, а насчет Свенной девчонки мы ошиблись! Такая красивая, и вдобавок не про...

— Заткнись и надевай трусы! — взвыл Билл, исполняя воинственный танец на только что снятой мною фуражке. — Тебе хоть кол на голове теши! Послушай, что творится в зале. Если нас не линчуют — считай, повезло!

Да, обезумевшие зрители шумели, словно стая голодных львов, но это меня нисколько не волновало. Едва я закончил с переодеванием, дверь в раздевалку распахнулась и на пороге появился управляющий «Арены», весь бледный.

— Я нашел человека вместо Костигана, — начал он, но, увидев меня, умолк.

— В сторону! — прорычала, отталкивая его, и тут увидел парня в трусах, выходящего из соседней раздевалки.

К моему изумлению, это оказался Тони Андрада, и даже руки у него уже были забинтованы. При виде меня у него отвисла челюсть, а его менеджер, Эйб Голд, взвыл. С ними были еще двое головорезов — Салана и Джо Кромвель, эти прохиндеи всему Гонолулу известны.

— Ты чего это здесь делаешь? — зарычал я, глядя Тони в глаза.

— Меня хотели выпустить против Таракана, потому что ты смылся... — начал было он.

Билл увидел, что я отвожу правую для удара, и тут же сгреб меня за плечи.

— Ради Господа Бога! После матча с ним разберешься, идем!

— Здорово забавно, что он именно в это время появился здесь, — проворчал я. — Я-то думал, ежели не явлюсь, драться будет Билли Флинн...

— Какой еще Билли Флинн? — спросил Билл, таща меня за собой по проходу, среди взбешенной толпы.

— Младший братишка моей новой девушки, — ответил я, перелезая через канаты. — Если они с ним что-нибудь сделали, я...

Мои рассуждения были прерваны воплями зрителей — приветственных, так как я наконец-то явился, и ругательских, так как появление мое вышло за поздальым.

По одну сторону ринга расположились наши ребята с «Морячки». От их криков крыша едва не взлетела в небеса! С другой сидели эти грубияны с «Хулигана», встретившие меня непристойностями, неприличными звуками и невежливыми замечаниями.

Глянув в противоположный угол, я в первый раз увидел Рыжего Таракана. Надеюсь, больше никогда в жизни его не увижу! Он оказался высоким, костлявым и таким уродом — никогда еще подобного не встречал. Веснушки размером с блюдце по всему телу, нос совсем сплюснутый, а поверх низкого, покатога лба — просто до скандальности рыжая челка! Когда он под-

нялся с табурета, оказалось, что он еще и кривоногий, а когда мы вышли на середину — вроде как выслушать напутствия рефери, — я с отвращением отметил, что Таракан вдобавок ко всему косоглаз. Сперва думал, он публику разглядывает, так что был малость ошарашен, когда сообразил, что смотрит-то он на меня!

Мы снова разошлись по своим углам, ударил гонг, возвещая начало боя, и тут меня ждал еще один удар.

Таракан двинулся ко мне, правая рука и правая нога — вперед. Левша! Я был так разозлен, что едва не взорвался. Рыжий, косоглазый, да еще и левша! Да вдобавок — лучший из левшей, с которыми мне доводилось встречаться на ринге!

Забыл сказать: я весил сто девяносто, а он — сто девяносто три. К тому же он был всего на три дюйма выше меня, но ручищу мог вытянуть фатомов¹ на пятнадцать. Я думал, он еще так далеко, что и веслом до меня не достанет, как вдруг — бац! — его правая угодила мне в подбородок. Я взревел и бросился вперед, намереваясь закончить бой поскорее. Хотелось сокрушить этого немыслимого уроды, пока я от его вида не начну нервничать.

Но все усилия пошли псу под хвост. Левша ведь все делает наоборот: прикрывается правой, а бьет левой и уходит от удара влево, а не вправо. Этот парень выделял все, на что способен левша, да вдобавок применял множество самолично выдуманных приемчиков. Его прямой правой был силен и быстр, а уж свинг с левой!.. Ох, братцы, как он работал левой! Как ни старался я, он мгновенно достал правой мой глаз, нос и губы, а пока я занимался ею, подоспевшая левая едва не снесла мне башку.

Ну да, верно. В такого тощего да долговязого раз попади — пополам переломится. Но мне никак не пробиться было сквозь этот прямой правой с дальнего расстояния! Свинги мои неизменно оказывались слиш-

¹ Фатом — морская сажень, равная шести футам.

ком короткими, а мой левый хук он неизменно парировал правой. Как я ни старался завязать обмен ударами, разница в длине конечностей сводила все усилия на нет. А я привык работать хуками, прямой левой у меня сильный, но недостаточно точный.

К концу первого раунда мое правое ухо едва не превратилось в клочья. Во втором его хук правой почти закрыл мне глаз, и на лбу моем образовалась глубокая рана. В начале третьего он сбил меня с ног таким левым хуком в корпус — я думал, дыру пробил! Его однопалубники с каждой секундой все больше сходили с ума, а наши ребята зывали к кровавой мести. Но я не волновался: для меня и не такие колоточки привычны, так что ни чуточки не ослабел.

Раздражало только, что Таракана никак не достать. Пока что он не получил ни одного толкового удара. Замечательный был боксер — рядом с ним даже Демпси казался бы стариком-обойщиком с ведерком в единственной руке.

Он ухитрялся все время держать меня на расстоянии и притом здорово избивать, но дело было не в проворстве и не в силе ударов. Уродливая, непривычная внешность — вот что мешало драться! Черт побери, от его взгляда можно было спянуть, а я никак не мог заставить себя не смотреть ему в глаза. Пробовал следить за линией пояса или за ногами, но всякий раз мой взгляд невольно возвращался к его несусветным буркалам. Какое-то роковое влечение! Пока я старался понять, куда он нацелился, — бац! — его левая била в совершенно неожиданном направлении, и все начиналось сначала.

Короче, поднимаясь после этого нокдауна в третьем раунде, я был в бешенстве. А потом, гоняясь за ним по всему рингу и поимев с этого только синяк под другой глаз, пришел в отчаяние. А когда до конца раунда оставалось с полминуты, привел публику в восторг, потому что зажмурился и ринулся в атаку, работая бешеными, бестолковыми свингами.

Он, конечно, здорово прошелся по мне, но плевать: пока я не видел его рожи, она не путала моих расчетов, и почти сразу же я попал, без всяких сомнений, в челюсть. Тут с публикой случилась прямо истерика; я открыл глаза и оглянулся в поисках свежего трупа.

И — да, на глаза мне сразу попало безжизненное тело, но это оказался не Таракан. К вящей своей досаде, я увидел, что под один из моих наутад посланных свингов подвернулся рефери. В тот же миг Таракан послал свинг с левой мне в челюсть, я рухнул, но в падении успел-таки попасть Таракану чуть выше пояса, и удар гоига застал нас всех троих на ковре.

Наши достопочтенные секунданты растащили нас по углам, кто-то окатил рефери ведром воды, и он кое-как смог продолжать встречу, держась за канаты.

Сидя в углу, нюхая вонючую соль и наблюдая, как секунданты Таракана массируют его пострадавшее брюхо, я глубоко задумался, что со мной во время боя случается крайне редко. Я вообще-то не верю, что от размышлений бойцу может быть польза — от них только голова болит. Однако же, хоть и ныла после Тараканова удара челюсть, хоть и двоилось в глазах от его жуткой хари, я почесал Майку нос и принялся соображать. Левша все делает наоборот.

Девять раз из десяти его прямой правой парирует твою левую. Если, боксируя против обычного бойца, встать в правостороннюю стойку, его левая сделает из тебя фарш. А вот против левши такое должно сгодиться — вы будете на равных.

Словом, в четвертом раунде я не стал рваться вперед, а начал действовать осторожно, не обращая внимания на вопли придурков с «Хулигана», что я, мол, испугался ихнего парня. Рыжий сделал ложный выпад правой, но так неуклюже, что даже я все понял и в тот же миг выстрелил с правой изо всех сил. Перешиб его левый свинг и попал — хорошо, только слишком высоко.

Он зашатался, и мой молниеносный левый хук под сердце поставил его на четыре кости. На счете «девять» он встал и встретил мою атаку отчаянным левым свингом, от которого малость «поплыло» в голове, но я продолжал наступать и всякий раз, как он шевелил левой, бил с правой. Порой я попадал первым, порой — он, а иногда выходило одновременно, однако мои удары были сильнее. Таракан, как всякий левша, когда «плыл», совсем забывал о правой, поставив все на хороший свинг с левой.

Я погнался за ним через ринг, но он внезапно остановился и ударил. Увесистый левый хук выбил меня из стойки и раскровянил физиономию, но в тот же миг я сам нанес ему сильнейший хук с левой под сердце. Таракан задохнулся, колени его дрогнули, однако он удержался на ногах и еще раз ударил левой — одновременно с моим ударом правой. Бац! Что-то взорвалось в голове, а затем я услышал, как рефери считает секунды. Я обнаружил, что лежу на ковре, однако Таракан устроился рядом!

Колени рефери до сих пор дрожали, одной рукой он держался за канаты и, не спуская с нас остекленелого взгляда, вел отсчет. Но я-то умудрился встать на счете «шесть»! Мы с Рыжим в одну и ту же секунду попали друг другу прямо «в пуговку», однако моя челюсть оказалась крепче. Он и при счете «десять» даже не шелохнулся — пришлось секундантам уносить его в раздевалку.

А мне, чтобы опять словно заново родиться, хватило соли, воды да нашатыря. Я едва дождался, пока Билл обработает мои раны, живо оделся, забрал у бармена, пришедшего в «Арену» под конвоем ребят с обоих судов, свой выигрыш и шмыгнул в дверь черного хода. Даже Майка оставил на Биллово попечение — он на улицах постоянно грызется со встречными собаками, а я очень спешил.

И не только затем, чтобы посмотреть, последовала ли Глория моему совету. Я выиграл полторы сотни

монет, что вместе с моей ставкой составило триста. Да полтора ста получил за бой. Всего, значит, в кармане моей куртки собралось четыре с половиной сотни зелененьких крупными бумажками. Я был намерен отдать Глории все до цента, если только возьмет. Пусть возвращается в Нью-Джерси, к своим коровкам! Приличной девушке, понятное дело, не место в порту, и я, должен признаться, на бегу мечтал о том времени, когда брошу плавать и, может статься, переключусь на молочный бизнес в Нью-Джерси.

Я направлялся к «Драной ошке», но, пробегая мимо спортзала Саланы, увидел свет в окошке комнаты, служившей чем-то вроде кабинета. А когда подлетел поближе, изнутри до меня вдруг донесся голос Глории. Я остановился и хотел было постучать, но тут же услышал еще голоса — Саланы, Эйба Голда, Джо Кромвеля и Тони. Это заставило меня подкрасться вплотную к двери и прислушаться, хотя я вообще-то подслушивать не люблю.

— Ты, сестренка, трепаться-то брось, — говорил Голд со своей мерзкой, режущей ухо хрипотцой. — Ты сказала: «Предоставьте это мне!» Мы и предоставили. И что вышло? От тебя требовалось убрать Костигана с дороги, чтобы мы смогли в последнюю минуту подсунуть им на замену Тони. Сама помнишь: устроитель из «Арены» уже согласился организовать матч Тони с Тараканом, но тут в порт вошел корабль Костигана, этот жирный боров передумал и из-за идиотских матросских раздоров выпустил проклятого ирландца. Наш итальяшка разложил бы этого Рыжего за раз — он левшами на завтрак закусывает, и всем фраерам в городе это известно. Все заложились бы за Тони. Мы же собирались поставить последнюю рубашу на Таракана, а Тони лег бы к концу третьего раунда. После чего все мы смогли бы уехать из этой дыры и отправиться в Австралию. Тебе было поручено убрать Костигана. И что вышло, я спрашиваю? Тони уже переоделся, чтобы выйти вместо него, и тут — здрасьте-пожалте — вот он! Чтоб тебя...

— Ну, я в этом не виновата, — заговорила Глория, да так жестко, я аж оцепенел от удивления. — Я сделала все, что могла. Подцепила этого шведа с «Морячки», настропала как следует и отправила драться с Костиганом — пусть, думаю, разделает проклятого ирлашку. Или чтобы Костиган, по крайности, хоть руку об него сломал. Но эта сволочь уложила парня, даже пальца не оцарапав, и явилась в «Драную кошку» по мою душу. Я подумала, что он пришел размазать меня по стенке за то, что натравила на него шведа, но этот твердолобый бугай хотел только сказать, что тот остолоп не сможет явиться на свиданку. Представляете? И естественно, тут же клюнул на меня. Я заманила его сюда, чтобы оглушить и запереть до конца матча. Но у этой дубины не череп, а корабельная броня! Я сломала о его башку пятифунтовую булаву, а он даже глазом не моргнул! Ну, скажу вам, надеюсь, никогда больше не придется такого пережить. Когда он и не пошатнулся после моего удара, я думала — мне конец. Уже представила, как он сворачивает мне башку и скармливает ее этому отвратительному людоеду, которого зовет своим бульдогом. Однако никогда не известно, что взбредет в голову этакому крутому с виду драчу. Он меня пальцем не тронул. Тогда я наврала ему про младшего братика, которому очень нужно выступить в этом матче, чтобы мы смогли уехать домой. Он купился на это так легко — я думала, удастся упротить его смыться по доброму согласию, но он уперся. Посоветовал ставить на него, сказал, что уже должен быть в «Арене», вынес дверь, вякнул что-то насчет встретиться после боя и был таков!

— Складно звонишь! — ухмыльнулся Салана. — Все устроила — лучше не надо! Ладно. Мы нарисовали крупное дело...

— Тоже мне, деловые выискались! — отгрызнулась Глория. — С вами на люди совестно показаться, фраера дешевые! «Крупное дело», надо же... Чего вам теперь-то от меня надо? Плакать мне, что ли?

— Нам надо, чтобы ты вернула сотню, заплаченную тебе вперед, — зарычал Салана. — Не вернешь — тогда вправду заплачешься.

— Что-о? Думаешь, я ради вас, дешевок, буду за бесплатно жизнью рисковать? Ни единого цента не полу...

До меня донесся звук удара, и Глория закричала было, но крик тут же оборвался, сменившись коротким хрипом.

— Дай ей, Джо, — проскрипел Салана. — Будет тут всякая...

В общем, неважно, как он ее назвал. За подобные слова убивать следует. Вышибив дверь, я шагнул внутрь и тут увидел такое, что глаза мне заволокло багровым туманом.

Глория сидела в кресле, Салана завернул ей руки за спину — казалось, вот-вот сломает, а Джо Кромвель, влившись левой пятерней в ее белоснежное горлышко, замахнулся правой, чтобы ударить по лицу. Тони с Эйбом смотрели на все происходящее с бесстрастными презрительными ухмылками.

Все они обернулись на шум. Увидев меня, Салана побледнел и отпустил бедную девушку, но, прежде чем он успел сжать кулаки, я ударил с левой, расплющив ему нос и выбив четыре зуба. Следующий удар снес Джо Кромвелю ухо, так что оно повисло на жилах. Еще один удар отправил его в угол со сломанной челюстью. Почти в тот же миг Эйб Голд едва не достал меня парой бронзовых кастетов, а Тони крепко вломил мне по уху. Но я распрямился и нанес удар правой, после чего Голд улегся поперек Саланы с переломанными ребрами, и продолжил дело левым свингом, начисто обезглавившим бы Тони, кабы я не промазал.

Некоторым, чтобы как следует драться, непременно надо разозлиться. Я не из таких, но уж если вправду зол — все вокруг разнесу. Может, на ринге, в обычной обстановке, Тони раздолбал бы меня в пух и перья, но здесь у него шансов не было. Я, даже не чув-

ствуя градом сыпавшихся на меня ударов, промазал несколько свингов подряд, а затем мой всесокрушающий правый, нанесенный едва не от самого пола, угодил ему в челюсть. Тони круганул полное сальто и, упав, так ударился головой о стену, что рассек себе скальп и наверняка потерял бы сознание, кабы не отключился еще в воздухе.

В общем, на ногах остался только я, а ведь полутора минут не прошло, как ворвался в комнату. Замер, обозревая учиненное побоище, и надо было мне лишь одного — чтобы вся прочая сволочь, сколько ее ни есть в Гонолулу, явилась защищать дружков. И тут заметил Глорию — забилась в угол, вжалась в стенку, точно хочет об нее расплющиться, лицо — бледное, глаза полыхают ужасом...

Увидев, что я смотрю на нее, она отчаянно закричала:

— Не надо! Пожалуйста, не надо!

— Чего «пожалуйста, не надо»? — слегка раздраженно спросил я. — Или ты не усвоила с того раза, что я женщин не бью? Я пришел, спас тебя от этих жуликов, а ты меня оскорбляешь!

— Прости, — взмолилась она, — я боюсь и ничего не могу с собой поделать: ты же вылитая горилла...

— Что-о?!

— То есть ты так ужасно дерешься... — поспешно поправилась она. — Идем прочь отсюда, пока их дружки не подоспели!

— Хоть бы и подоспели... Это им всего-то вроде как урок был... Пес побери, вот так всегда — если разозлит кто-нибудь, я за себя ручаться не могу и обязательно кого-нибудь да покалечу.

В общем, вышли мы с ней на улицу, совершенно пустынную и едва-едва освещенную, и Глория сказала:

— Спасибо, что спас меня. Был бы здесь мой брат...

— Глория, — устало перебил ее я, — может, хватит врать? Я стоял за дверью и все слышал.

— Ох! — только и ответила она.

— Ну да, — кивнул я, — пожалуй, с женщинами я всегда дурак дураком. Видимо, втюрился в тебя и недопетрил, что ты собираешься меня надуть. Даже выигранные четыре с половиной сотни приволок, чтобы отдать тебе...

С этими словами я вытащил стопку бумажек, укоризненно покачал ею перед глазами Глории и спрятал обратно в карман куртки. В тот же миг она зарыдала:

— Стив, мне стыдно за себя! Ты такой славный, такой благородный...

— Верно, — ответил я, приосанясь, — ничего не могу с этим поделать. Натура такая.

— Мне так совестно, — всхлипнула она. — Сала-на заплатил мне сто долларов, чтобы помогла избавиться от тебя. Но, Стив, эта минута перевернула всю мою жизнь! Я не прошу простить — это, наверное, слишком много, а ты и так достаточно сделал для меня. Но завтра я еду домой! То, что я рассказывала про молочную ферму в Нью-Джерси, — единственное! — не было ложью. Я отправляюсь домой, чтобы впредь вести честную жизнь, и хочу один-единственный раз поцеловать тебя. Ведь это ты показал мне всю несправедливость моего жизненного пути...

Тут она обняла меня и крепко поцеловала — я, понятно, и не подумал возражать.

— Я возвращаюсь к простой и чистой жизни, — сказала она. — К зеленым лугам и журчащим коровкам!

И как припустила прочь!

Я смотрел ей вслед. На душе было так тепло! «Все же, — подумалось мне, — я понимаю женщин. Даже самых ожесточенных из них смягчает мое сильное, честное и мужественное сердце!»

Глория скрылась за углом, а я, устремившись к «Гиберниан бару», запустил руку в карман. И взвыл — да так, что все в округе проснулось в холодном поту. Вот зачем ей понадобилось обнимать меня — деньги исчезли! Любила... Хрен там она меня любила!

КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ

Самая серьезная стычка произошла между мной и Стариком, когда «Морячка» стояла в доке маленького портового городка на Западном побережье. Кто-то подложил Старику в койку хорька, а он обвинил в этом меня. Я с возмущением отверг такое обвинение и поинтересовался, где бы я мог взять этого хорька. А он ответил, что откуда-то он взялся, потому что вот он, этот хорек. Вдобавок он считал, что из всей команды только у меня хватило бы совести выкинуть такую шутку.

Это меня разозлило, и я заявил, что Старику следовало бы знать, что я слишком хорошо отношусь к братьям нашим меньшим и не поместил бы даже волюнку скунса рядом с таким животным, как он.

От этих слов Старик так взбесился, что разбил мою голову бутылку отменного ржаного виски. Я не мог смириться с таким бессмысленным разбазариванием отличной выпивки, схватил старого моржа за грудки и окунул в корыто с водой. С усов Старика капала вода, он был похож на Нептуна, поднявшегося из морской пучины. Сжав кулаки, он заорал:

— Чтоб духу твоего здесь больше не было, Стив Костиган! Если ты когда-нибудь попытаешься под-

няться на борт «Морячки», я тебя дробью нашпигую, пират бесстыжий!

— Можешь хоть на морского ежа сесть от злости, — усмехнулся я. — Я не поплыву с тобой даже за десять баксов за вахту и пудинг с изюмом в придачу. Все, с морем покончено. Ты напрочь отбил у меня охоту к этому ремеслу. Мне по нраву сухопутная жизнь, ей-богу! Теперь мы с Майком будем добывать себе славу и пропитание на берегу.

И с этими словами мы с моим белым бульдогом важно пошагали прочь, сопровождаемые отборными проклятиями Старика.

Вскоре в поисках развлечений я набрел на цирк, оживлявший городскую окранию громкими криками зазывал. Афиша одного из номеров гласила: «Отважный боец Бинго — чемпион Западного побережья!» Я вошел в до отказа набитый публикой шатер. Посреди ринга стоял туповатого вида малый в трико и, сгибая руки, демонстрировал мускулатуру.

— Джентльмены! — заголосил зазывала, расфуфыренный парень с заколкой для галстука в форме подковки с бриллиантом. — От лица заведения предлагаю пятьдесят долларов любому, кто сможет продержаться четыре раунда против нашего Бинго! Пять минут назад я сделал такое же предложение собравшимся у входа, и один джентльмен согласился на поединок. Но, похоже, он испугался, его нигде не видно. Поэтому я повторяю свое предложение: пятьдесят звонких кругленьких монет любому, кто выстоит против этого Ходячего Ужаса, Огнедышащего Дракона, Человека-Горы с железными кулаками, Отважного Бинго — Грозы Скалистых гор! — Толпа взывала, и три или четыре парня направились к рингу, должно быть, собираясь принять вызов, но я с презрением оттеснил их и крикнул:

— Эти денежки будут мои, дружище!

Я выскочил на ринг, а зазывала спросил:

— Вы понимаете, что заведение не несет ответственность за вашу жизнь и здоровье?

— Кончай эту болтовню и давай сюда перчатки! — прорычал я, стягивая рубашку. — Ну, чемпион, приготовься! Я собою с тебя корону!

Прозвучал гонг, и мы бросились друг на друга. Позади ринга не было обычного брезентового занавеса, из-за которого подручный Бинго мог бы огреть меня дубиной, окажись я рядом, поэтому я был уверен, что в перчатке моего противника спрятан кастет, причем именно в правой, — уж слишком подозрительно болталась его правая рука. Я стал следить за правой Бинго, и, когда он сделал ею выпад вперед, я уклонился, прижался к нему вплотную и тут же провел левый и следом за ним правый хук. Этого бедолаге хватило, — бой был закончен.

Толпа одобрительно заревела, а я, выхватив пачку зеленых из рук зазывалы, собрался уходить, но он остановил меня.

— Послушай, — сказал он. — Я узнал тебя. Ты — Моряк Костиган. Не хочешь занять место этого бродяги? Будешь получать хорошее жалованье.

— За то, что буду рихтовать клиентов? — поинтересовался я.

Парень кивнул. Вот так я и начал работать в гигантском цирке и зверином шоу Флэша Ларни.

* * *

Без особых приключений мы объездили с выступлениями все Западное побережье и даже забирались в глубинку. Как правило, уделать меня пытались по большей части уличные драчуны. Это были здоровые сильные парни: фермеры, кузнецы, моряки, портовые грузчики, шахтеры, забойщики скота и вышибалы, но в боксе они ни черта не смыслили. Что ж, приходилось их бить. Частенько я укладывал трех-четыре клиента за представление.

Мой номер всегда вызывал оживление, потому что зрители обычно были настроены против меня. Тол-

па всегда настроена против циркового бойца независимо от того, знают зрители его противника или нет. Ну а когда противником выступает какой-нибудь любимец местной публики, тут уж зрители просто впадают в бешенство.

Вы бы слышали, как они приветствуют и подбадривают своего земляка и какие гадости орут в мой адрес. Каким бы тяжелым бой ни оказывался, я всегда находил время, чтобы ответить на «приветствия» публики отборными ругательствами, благо я поднахватался их, пока бороздил моря и океаны. После очередной словесной перепалки разъяренная толпа выплевывала на ринг новых кандидатов в жертвы. Есть бойцы, которые не могут драться в полную силу, когда зрители настроены против них, а я, наоборот, — дерусь еще лучше. Я выхожу из себя и вымещаю свою злость на сопернике.

Если я не выступал на ринге, то помогал устанавливать или сворачивать шатер либо дрался со своими цирковыми коллегами. Заведение Ларни считалось самым крутым на побережье, да оно таким и было на самом деле. Бои, в которых я выступал на ринге, не походили на те, что я устраивал за кулисами.

Я был чемпионом во всех артелях, где работал. И цирк не стал исключением. В первый день я уложил трех носильщиков, укротителя льва и зазывалу, и с тех пор дрался почти ежедневно, пока до этих остолопов не дошло, что я среди них лучший. Постоянные драки сделали меня таким крепким — ни грамма жира, одни стальные мышцы, — что я сам себе удивлялся. Уверен, я бы смог пробежать десять миль на предельной скорости, не запыхавшись. Силач-голландец решил было, что сможет крепко отколошматить меня, но оказался слишком неповоротливым.

Как ни странно, самым сложным противником для меня оказался акробат-кигаец. Как-то утром мы схлестнулись, и нам едва хватило всей цирковой площадки. Ради такого зрелища на час отложили наме-

ченный цирковой парад по улицам. Я был на последнем издыхании, когда наконец уложил этого язычника, но, как всегда, быстро восстановив силы, в тот же вечер вышел на арену и разделал под орех работника с фермы, грузчика и профессионального футболиста.

Майк всегда сидел в моем углу ринга и кусал каждого, кто норовил ударить меня из-под канатов, а надо сказать, такое частенько случалось, когда боец из толпы начинал валиться с ног. Ларни задумал обрить пса наголо, сделать ему татуировку и выпускать на арену в одном из номеров.

— Пес с татуировкой! — говорил Ларни. — Зритель на это клюнет! До этого еще никто не додумался! Представляешь, какая толпа повалит к нам, чтобы взглянуть на него?

— Я представляю, как заеду тебе по роже, — недовольно буркнул я. — Оставь Майка в покое.

— Но надо же сделать его немного представительней, — продолжал Ларни. — Он выглядит грубым и невоспитанным рядом с нашими дрессированными пуделями.

В общем, укротитель львов искупал, расчесал и надушил Майка, надел на него собачью попону с тесемками и позолоченными пряжками, а на огрызок хвоста нацепил бантик. Взглянув на себя в зеркало, Майк в клочья изодрал эту бутафорию и покусал укротителя.

В цирке обитал старый беззубый лев по кличке Освальд, и Майк взял за правило спать в его клетке. Для пса сделали специальный лаз, чтобы он мог свободно входить и выходить, не рискуя выпустить льва. Вокруг этого ерундового факта поднимали шумиху. Ларни разрекламировал Майка как пса, живущего бок о бок со львом, и демонстрировал их вместе в одной клетке. Он разглагольствовал о том, какой свирепый зверь этот Освальд и насколько невероятна дружба между врагами от природы. На самом же деле Майк

спал в клетке льва, потому что, принимая во внимание почтенный возраст и болезненное состояние хищника, в нее клали больше соломы, а Майк любил мягкую постель. Ларни опасался, что Майк покусает Освальда.

Единственными животными, с которыми не ладил мой пес, были африканский леопард Амир, успевший сожрать уже трех человек, и тигр-людоед Султан. Это были самые злобные твари во всем зверинце, они так и норовили выбраться из клетки и вцепиться в Майка. Но пес их не боялся.

* * *

Жилось мне весело. Правда, изредка я немного тосковал по «Морячке» и гадал, как там поживают Билл О'Брайен, Мути Хансен и Рыжий О'Доннел. Но у меня тоже есть гордость, и я бы ни за что не вернулся назад после того, как Старик выпвырнул меня на улицу.

Во всяком случае, пока мне было здесь интересно. С напряжением согнув в локтях свои мощные руки и соорудив презрительную усмешку, я поднимался на помост перед шатром, а Джо Бимер, сдвинув котелок на затылок, начинал назойливо расхваливать меня перед публикой.

— Моряк Костиган! Человек-кувада! — орал он во всю глотку.

Ну а я разрывал подковы, гнул пальцами монеты, — в общем, показывал обычные фокусы цирковых силачей. Потом Джо, набрав в легкие побольше воздуха, переходил почти на истошный крик:

— Найдется ли в этом славном городке смельчак, который продержится против этого бойца четыре раунда? Попробуйте счастья, ребята! Он целый день забивал колья и, возможно, устал и ослабел, кхе-кхе-кхе!

Тут из толпы выскакивал какой-нибудь здоровяк и заявлял:

— Я готов сразиться с этим, как его там ...

Тогда Джо потирал руки и бормотал себе под нос: «Денежки, скорей ко мне! Я найду вам применение», а во всеуслышание объявлял:

— Прошу сюда, джентльмены! Через дверь и налево. Вход всего десять центов! Вы увидите схватку века! Не толкайтесь, ребята, не толкайтесь!

Обычно шатер был битком набит беснующимися болельщиками местного героя, которые призывали своего любимца разможить мне башку. Каким бы крохотным городишко ни был, в нем всегда находилась драчун с подходящей репутацией.

Как-то мы заглянули в один городок, где как раз вовсю шли состязания по борьбе. Все местные боксеры были заняты, казалось бы, мне сразиться не с кем, как вдруг из толпы вышел какой-то поляк и заявил, что он — чемпион Западного побережья по борьбе (я еще не встречал борца, который не мнил бы себя хоть каким-то чемпионом) и хочет, чтобы я с ним поборолся. Бимер ответил отказом. Толпа зашипела, а борец обозвал меня трусом.

Я рассвирепел и сказал ему, что хоть я и не борец, но отвалю ему столько, что будет не унести. Он решил, что легко меня разделает, но ошибся. Я не знаю, как надо бороться по-научному, зато умею драться без правил. В общем, я сломал ему руку и вывихнул плечо. После этого уже никто не предлагал мне побороться.

* * *

Вскоре после того случая мы приехали в шахтерский городок Айронвиль, устроившийся среди холмов штата Невада. По внешнему виду жителей я определил, что здесь желающих сразиться найдется в избытке. И, будьте уверены, я не ошибся.

Задолго до начала представления огромная толпа усатых громил в тяжелых башмаках собралась возле

палатки для атлетов. Они не проявляли никакого интереса ни к зверям, ни к карликам, ни к акробатам.

Едва Джо начал зазывать публику, как сквозь толпу к нему протиснулся человек, больше похожий на медведя-гризли, — огромный черноволосый верзила с плечами пошире двери и руками наподобие медвежьих лап. По реакции собравшихся я сообразил, что он имеет определенный вес в Айронвиле, и оказался прав.

— Довольно болтовни, приятель, — проревел он, словно бык. — Я схлестнусь с этим бродягой!

Джо взглянул на чернобрового гиганта и, похоже, в первый раз за свою карьеру струхнул.

— Кто вы такой? — неуверенно спросил он. С волчьей усмешкой верзила ответил:

— Кто я? Да я — здешний кузнец! — И толпа завывала и завизжала от хохота, будто он сказал что-то очень смешное.

— Что-то тут не так, Стив, — шепнул мне Джо. — Не нравится мне это.

Тут толпа зашипела, засвистела, а верзила нахально сказал:

— Ну, в чем дело? Вы что, парни, трусите? Я взбесился.

— А ну-ка, заходи в палатку, образина чернорожая! — взревел я. — Я тебе покажу, кто струсил! Молчи, Джо. Я никого не боюсь! Да что с тобой?

— Говорю тебе, Стив, — пробормотал Джо, вытирая лоб шейным платком, — я уже где-то видел этого поганого верзилу, и если он — простой кузнец, то я — король богемский!

— Ха-а! — фыркнул я с отвращением. — Когда я с ним разделаюсь, он будет похож на раскатанный коврик. Разве ты хоть грош потерял с тех пор, как я начал выступать? Нет! Так давай начинать!

Сказав это, я вразвалку вошел в шатер и прыгнул на ринг. Толпа плотно окружила арену, громко аплодируя своему любимцу и поливая меня рутанью, а я с

удовольствием огрызался, ведь в этом деле я — профессионал.

* * *

Джо хотел отвести верзилу в раздевалку, расположенную в углу палатки за занавеской, но тот недовольно фыркнул и стал срывать с себя одежду прямо в проходе, пока не остался в боксерской форме. «Ага, — подумал я, — значит, он пришел сюда специально, чтобы сразиться со мной. Наверное, местный боксер-любитель».

Он взобрался на ринг в сопровождении нескольких человек. Один, высокий, с холеным лицом, был похож на профессионального афериста, и все звали его Брелен. С ним были еще три громилы, вероятно, секунданты. Расплющенные носы и прижатые уши говорили об их принадлежности к нашему ремеслу. Вообще-то мне показалось, что для провинциального любителя у верзилы было слишком тщательно подобранное окружение.

— Кто будет судить? — поинтересовался тип с перебитым носом.

— Я, — отозвался Джо.

— Ты будешь в другой раз, — сказал Брелен. — Зрители сами выберут честного судью для моего парня, ясно?

— Это против правил нашего заведения... — начал было Джо, но толпа недовольно зашумела и двинулась к рингу. — Хорошо, хорошо. — быстренько согласился он. — Я не против.

Брелен гаденько улыбнулся и, повернувшись к толпе, сказал:

— Ну, ребята, кого бы вы хотели выбрать судьей?

— Честного Джима Донована! — заревели зрители и вытолкнули вперед какого-то потрепанного морского волка с самой хитрой физиономией из всех, что мне приходилось видеть. Джо взглянул на него и,

схватившись за голову, застонал. Толпа вела себя безобразно, явно нарываясь на неприятности. Джо выглядел не лучшим образом, да и мои секунданты чувствовали себя не в своей тарелке. Хорошо еще, что, усомнившись в благовоспитанности публики, я до начала представления запер Майка в клетке Освальда. Временами Майк теряет благоразумие, и, если толпа начинает швырять в меня разные предметы, он запросто может кого-нибудь цапнуть.

— Джентльмены, — заголосил Джо, который, будучи прирожденным зазывалой, не мог остановиться, стоило ему только открыть рот, — сейчас вы станете свидетелями поединка века, в котором Храбрый Кузнец из Айронвиля предпримет попытку выстоять целых четыре раунда против Моряка Костигана, Грозы Морей...

— Ой, да заткнись ты и проваливай с ринга, — грубо оборвал его Брелен. — Начинаем бой!

* * *

Ударили в гонг, и кузнец вылетел из своего угла. Бог мой! Ну и мужик это был, доложу я вам! Ростом шесть футов и один дюйм с четвертью и весом не меньше двухсот десяти фунтов против моих шести футов и ста девяноста фунтов. Широченная грудь покрыта черной шерстью, руки все в узлах мышц толщиной с хороший канат, ноги как стволы деревьев, тяжелая челюсть выступает вперед, мясистое лицо опытного бойца с горящими из-под густых черных бровей злыми серыми глазками, копна жестких черных волос, нависающая над низким лбом, — в общем, должен сказать, я в жизни не встречал бойца более ужасающего.

Мы набросились друг на друга, словно пара разъяренных быков. Хрясь! Из глаз посыпались искры, и я почувствовал, что лечу куда-то, а затем с грохотом рухнул на обе лопатки, и ринг подо мной заходил ходуном. Вот это да! Я лежал как распятый, почти ничего не со-

ображая. Толпа улюлюкала, хохотала и веселилась, кто во что горазд. С тупым изумлением я уставился на чернотогового гиганта, нависшего надо мной с гаденькой ухмылкой на губах. И тут меня осенила догадка.

— Черта с два ты кузнец! — взревел я, кидаясь на него. — Есть только один человек, способный так врезать. — Билл Кэйрн!

Я собрался было нанести сокрушительный удар своему противнику, но, даже не успев войти в контакт, вновь оказался на полу. Крики толпы перемешались в моей голове, я поднялся на ноги и с чувством выругался. Айронвиль! Мне следовало сразу догадаться, что это Билл Кэйрн по прозвищу Айронвильский Кузнец — самый крутой костолом в нашем ремесле!

Обезумев от ярости, я бросился на Кэйрна, но тот вновь уложил меня мощнейшим хуком слева. Фонари так и заплясали у меня перед глазами. Я встал на колени, отдыхая, пока честный Джим вел отсчет, причем считал он гораздо быстрее, чем положено. Надо же! Билл Кэйрн! Король нокаута в тяжелом весе. Одержал тридцать или сорок чистых побед подряд, а сам ни разу не был сбит с катушек. Айронвильский Кузнец собирался драться за звание чемпиона, и именно его мне предстояло уложить за четыре раунда! На счет «девять» я поднялся и, нацелившись Кэйрну в физиономию, вошел в клинч. С таким же успехом можно было пытаться побороть медведя-гризли. Хотя, конечно, меня тоже трудно назвать цыпленком. Я вцепился в противника мертвой хваткой, пока они вместе с рефери пыхтели и крыли меня на все лады, а зрители требовали, чтобы Кэйрн стряхнул меня и прикончил.

— Ах ты, крыса балаганная! — прошипел Кэйрн сквозь зубы. — Отцепись, а то башку оторву! Впился, как пиявка, — как тут покажешь настоящий класс!

— Дешевая болтовня для такой знаменитости, как ты! — огрызнулся я.

— Хочу устроить бесплатное представление для земляков! — заявил Кэйрн с гнусной ухмылкой. — Мне

повезло, что ты, болван, зарулил в мой родной городок как раз, когда я приехал погостить.

Я понял его замысел. Он решил поразвлечься — нокаутировать меня шутки ради, а заодно доставить удовольствие друзьям и землякам. Показуха, одним словом! И он, и все эти айронвильские увальни насмеялись надо мной. «Ну что ж, — подумал я, скрипя зубами от бешенства, — немало хороших бойцов обломали кулаки об мою железную челюсть!»

Я отцепился от Кэйрна и своей правой как кувалдой врезал ему по челюсти. Он уклонился от удара и... бац! Похоже, это был левый хук в голову. Ощущение было такое, будто меня багром огрели. В следующий момент, пока у меня перед глазами плавали круги, я почувствовал еще один толчок, похожий на мощное землетрясение.

Вскоре чей-то голос произнес: «Семь!» Я инстинктивно поднялся на ноги и оглянулся в поисках противника. Кэйрна я так и не увидел, — должно быть, он стоял сзади, зато я увидел огромную лапу в перчатке, которая треснула меня по уху и при этом едва не снесла голову с плеч. Я очень изящно нырнул, как в воду, основательно пробороздив носом пол. Зрители рыдали от восторга. Потом я услышал что-то похожее на звон бубенчиков и почувствовал, что меня поволокли в угол.

* * *

Нашатырь привел меня в чувство, и я обнаружил, что сижу на своем табурете, а вокруг меня хлопчут секунданты и Джо, у него из виска текла кровь.

— Откуда это? — спросил я зашлетающим языком.

— Какой-то гад треснул меня бутылкой, — ответил Джо. — Они заявляют, что я слишком рано ударил в гонг. Послушай, как орут! Гнусней толпы не встречал.

Публика возмущенно орала, правда, время от времени прерывалась, чтобы подбодрить Кэйрна, а он в ответ ухмылялся и кланялся из своего угла ринга.

— Я узнал его, — сказал Джо, — и его менеджера, Эйса Брелена, тоже. Прохиндеи паршивые! У тебя нет шансов, Стив...

В этот момент какой-то болван просунул свою усатую морду меж канатов и, тряся рукой с мотком веревки, проорал в сторону Джо:

— Мы тебя запомнили, крыса! Чтоб больше не было никаких балаганных штук, понял? Еще раз выкинешь какой-нибудь фортель, мы тебя вздернем. К тебе это тоже относится, слышишь, горилла ушастая?

— Размечтался! — огрызнулся я, лягнув его от всей души.

Я заехал ему каблуком прямо в челюсть, и он зарылся в первом ряду среди перевернутых стульев и беснующихся зрителей. Он с трудом выбрался оттуда и, разинув окровавленный рот, принялся искать свою пушку в карманах куртки, но тут прозвучал гонг, и мы с Кэйрном вновь накинудись друг на друга.

Я торопился, рассчитывая первым нанести удар, но он опередил меня. Ума у Кэйрна было маловато, зато двигался он, как большая кошка, да и от его ударов мало кто мог устоять на ногах, даже если он не задевал жизненно важные органы. Когда я пытался блокировать его удары, у меня руки немели. Вжик! Его левая со свистом пронеслась впритирку с моей челюстью. Дзынь! Его правая обожгла мне ухо. Увидев просвет среди ударов, я изо всех сил выстрелил правой. Но мои намерения были слишком явными. Он подставил плечо под удар, а левой заехал мне по ребрам. Я выдохнул. Дыхание вырвалось из меня словно реактивная струя.

Я попытался обхватить Кэйрна и войти в клинч, но он отшвырнул меня и правой мощно врезал мне в челюсть. Хрясь! Я почувствовал, что лечу, а затем

приземлился на живот. Голова моя торчала из-под канатов, и я тарачился стеклянными глазами на воющих в экстазе зрителей. Один из них поднялся с места, шлепнул себя шляпой по ляжке и, вплотную приблизив свою рожу к моей, заорал:

— Ну что, шут балаганный, как тебе это понравилось?

— А вот так! — взревел я, вмазав ему по зубам, и он зарылся носом в опилки.

Заметив, что рефери очень быстро досчитал до девяти, я перекатился на спину и вскочил на ноги. Отбросив всякую технику, я начал яростно месить соперника в надежде нанести удар.

Но в этой игре хозяином положения был Кэйрн. Секунду-другую он блокировал мои удары, а затем... Бац! — мощнейшим ударом правой в подбородок послал меня на канаты, отлетев от которых я наткнулся на молниеносный удар левой и лицом вниз повалился на помост.

* * *

Толпа выла словно стая волков. Когда заурядный боец падает вот так лицом вниз, это значит, что с ним все кончено. Но меня никто никогда не обзывал заурядным. На счет «девять» я, как всегда, был на ногах, правда, слегка покачивался. Кэйрн приблизился ко мне с выражением отвращения на злом лице.

— Да будешь ты лежать или нет? — проскрежетал он и, поиграв левой рукой, нанес правой сокрушительный удар прямо в губы — я рухнул как подкошенный.

— Теперь ему крышка! — услышал я чей-то крик. Очевидно, Кэйрн был того же мнения, потому что он презрительно хмыкнул и направился в свой угол, где его ждал менеджер с халатом наготове. Но я встал на четвереньки и на счет «девять» по привычке поднялся на ноги.

— Вернись, детка! — нетвердым голосом крикнул я и выплюнул кусок зуба. — Какого дьявола, поединок еще не закончен!

Толпа взревела от изумления, а Кэйрн, ругаясь на чем свет стоит, повернулся и бросился на меня как тигр. Но хотя коленки у меня подгибались, я не рухнул под градом ударов.

— Может, тебе без топора не справиться, паникер? — ухмыльнулся я, пытаюсь стряхнуть кровь с ресниц. — У тебя перчатки пухом набиты, что ли?

Кэйрн издал дикий рев, от которого замигали лампы, и нанес мощный удар снизу, послав меня отдыхать на канаты, где меня и настиг удар гонга. Джо с помощниками выудили мое безжизненное тело из паутины канатов и, водрузив на табурет, стали энергично приводить в чувство.

— Оставь ты это, Стив, — настоятельно посоветовал Джо. — Кэйрн убьет тебя.

— Сколько раз я был на полу в этом раунде? — спросил я.

— Почему я знаю, — раздраженно ответил Джо, выжимая кровь из полотенца. — Я не счетная машинка.

— Все равно попытайся вести счет, ладно? — попросил я. — Это важно. Если ты будешь считать нокдауны в каждом раунде, я смогу узнать, сколько сил он потратил.

Джо выронил полотенце, которое собирался выбросить на ринг в знак капитуляции.

— Боже мой! Ты хочешь, чтобы эта бойня продолжалась?

— Он не сможет весь вечер продолжать в том же темпе, — промывчал я. — Посмотри, как Брелен вываривает своему ягненочку!

Эйс весьма красноречиво жестикулировал, а Кэйрн ворчал что-то в ответ и бросал в мою сторону свирепые взгляды, одновременно колотя одной перчаткой о другую, — видимо, представлял себе, что это моя физиономия. По-моему, Брелен объяснял Кэйр-

ну, что наша схватка начинает выходить за рамки шуток, а мое упрямство может повредить его репутации, поэтому со мной надо побыстрее кончать. «Ха-ха, — мрачно подумал я, вытряхивая кровь из покоренного уха, — посмотрим, как быстро Король Кэйрн сумеет сделать то, что не удалось еще ни одному обладателю железных кулаков».

Когда ударили в гонг, я все еще был как в тумане и из ссадин текла кровь, но для меня это — привычное дело.

* * *

Кэйрн, озверев от того, что меня никак не утихомирить, вылетел из своего угла и нанес мне пушечный удар правой, но я вовремя пригнулся. Его рука прошла чуть выше моей ключицы, но он с такой силой въехал мне плечом в шею, что мы вместе повалились на помост.

Кэйрн, рыча, высвободился из моих объятий и с помощью нашего честнейшего судьи поднялся на ноги, мимоходом ударив меня по лицу. Я тоже встал и в раздражении от постоянного пребывания на полу саданул его левой. Я бы обязательно снес ему башку, если б попал в цель, но везение отвернулось от меня. Я поскользнулся на собственной крови, а мой замах был такой силы, что я с треском налетел на его правый кулак.

Я повис на Кэйрне и прилип к нему, несмотря на мощнейший апперкот, расщатавший мне все нижние зубы.

— Отцепись, бабуин ушастый! — рывкнул он, пытая от напряжения. — Насмехаешься надо мной, да? Хочешь меня дураком выставить, да?

— Природа об этом уже позаботилась, танцор доморощенный, — хрипло парировал я. — Любая красотка может нанести больше увечий пуховкой для пудры, чем ты своими грабелями!

— Ах, так! — заорал он и двинул мне со всего размаху в челюсть.

Он вложил в удар всю мощь своего тела. Сделав полный оборот в воздухе и ободрив бок о канаты, я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Шмяк! Хорошо, что, приняв удар на себя, орущая толпа смягчила мое падение, иначе я наверняка свернул бы себе шею.

Я открыл глаза и где-то очень высоко, как мне показалось, увидел склонившегося надо мной судью, который вел отсчет секунд. Я стал брыкаться и толкаться, пытаюсь подняться. Множество рук и даже несколько ног в тяжелых башмаках подняли меня над толпой болельщиков, я уцепился за канаты и подтянулся.

Меня схватили за ремень, и я услышал голос какого-то парня:

— Ты проиграл, дурак! Дай судье досчитать до конца. Или ты хочешь, чтобы тебя прикончили?

— Пусти! — крикнул я, яростно вырываясь. — Я никогда не проигрываю!

Мне удалось высвободиться, я прополз под канатами и встал на ринге в тот самый момент, когда судья занес руку, чтобы опустить ее на счет «десять». На этот раз Кэйрн не ринулся в атаку, как обычно. Он был мрачен, и я заметил, что по его лицу градом течет пот, а грудь тяжело вздымается.

В толпе кто-то выкрикнул:

— Прекратите бой!

Но большинство зашумело в негодовании:

— Теперь он твой, Билл. Кончай с ним! — Кэйрн примерился и сильно ударил меня по лицу правой. Я отлетел на канаты, верхний из них лопнул, но я устоял на ногах. Кэйрн выругался и замахнулся для нового удара, но в этот момент прозвучал гонг. Он помедлил в нерешительности, но потом все же нанес мне чудовищный удар, от которого я чуть не взлетел в воздух. Толпа радостными воплями приветствовала действия верзилы. Секунданты отгеснили его в сторону

и стащили меня с канатов, а Кэйрн презрительно ухмыльнулся и медленно направился в свой угол.

* * *

Поддерживаемый секундантами, я сидел на табурете в своем углу и вдруг заметил, как Джо украдкой взял в руки полотенце.

— Положи на место! А то, не дай Бог, выбросишь на ринг! — взревел я, и Джо, заметив недобрый блеск моих полузащипавших глаз, тут же бросил полотенце, словно это был раскаленный уголь. — Давай сюда нашатырь. Вылейте это ведро воды мне на голову. Похлопайте меня мокрым полотенцем по загривку. Продержусь еще раунд и сэкономяю пятьдесят баксов!

Ругая меня на все лады, секунданты стали выполнять мои указания, и я почувствовал, что становлюсь сильнее и бодрей с каждой секундой. Мои помощники не могли понять, как после такой мощнейшей трепки я способен продолжать бой. Но любой боец, который для достижения победы делает ставку на выносливость, меня поймет.

Благодаря крайне напряженному образу жизни последних недель я был в такой отменной физической форме, что даже атлеты позавидовали бы. Прекрасная форма в сочетании с замечательной способностью быстро восстанавливаться делали меня практически непобедимым. Кэйрн мог исколотить меня вдоль и поперек, многократно посылать в нокдаун, доводить до полубоморочного состояния своими ударами (что он, в общем-то, и делал), но от этого запас моих жизненных сил и энергии не иссякал. Штататься от пропущенных ударов и быть слабым — это совершенно разные вещи. Кэйрну не удалось измотать меня окончательно. Как только от ледяной воды и нашатыря в голове прояснилось, я снова стал так же силен, как прежде. Во всяком случае, почти так же. К началу четвертого раунда я рвался в бой. У Кэйрна прежнего рве-

ния уже не было. Похоже, он даже устал от своих трудов. Он вышел вперед и хлестко ударил меня в голову левой, но я не упал. Впервые я провел хороший удар и не промахнулся. Бац! Правой я врезал Кэйрну по уху, и его голова качнулась.

С яростным воплем он нанес мне мощный ответный удар, от которого я всего лишь упал на колени, но тотчас поднялся. Айронвильский Кузнец начал выдыхаться! Его удары стали терять былую мощь! От такого открытия я почувствовал прилив свежих сил и бросился вперед, колошматя его обеими руками.

Удар левой в лицо поколебал, но не остановил меня, и я тут же нанес ему отличный левый хук под сердце. Он захрипел и отступил назад. Я провел серию ударов в голову, у Кэйрна пошла кровь, и он с диким воплем двинул мне в живот правой.

На секунду мне показалось, что сломался позвоночник. Я лежал, скорчившись на полу, и не мог вздохнуть. Подскочил судья и начал отсчет секунд, а я стал искать глазами Кэйрна, ожидая, как обычно, увидеть его рядом с собой, готового нанести удар, едва я встану. Но его рядом не было. Он стоял у канатов, опираясь на них одной рукой, а другой протирал глаза от пота и крови. Его мощная грудь тяжело вздымалась, мышцы ног дрожали, живот ходил ходуном.

С волчьим оскалом я хватал ртом воздух и за секунду до счета «десять» поднялся. Кэйрн оттолкнулся от канатов и с размаху ударил левой, но я нырнул под удар и правой мощно врезал ему под сердце. Он закачался, как судно в хороший шторм, и я понял, что теперь он мой. В тот последний удар, от которого я свалился на помост, он вложил остатки сил. Я его полностью вымотал, как, впрочем, и многих до него. Главное, ребята, стратегия!

Я бросился на Кэйрна, словно тигр на быка, а вокруг раздавались крики, ругательства и угрозы. Ошарашенные поначалу зрители теперь вскакивали со своих мест, потрясали в воздухе кулаками, крушили сту-

ля и грозили мне лютой смертью и пытками, если я побью их героя. Но я уже вошел в раж. Попробуйте сами сперва выдержать трепку, какую выдержал я, а потом получить шанс расквитаться. Обеими руками я молотил Кэйрна по голове и животу, посылая его на канаты, с которых он съезжал, словно пьяный.

* * *

Гонг звенел как заведенный. Брелен оглушил судью-хронометражиста дубинкой и пытался спасти своего бойца. Рефери тоже цеплялся за меня, пытаясь оттолкнуть в сторону. Но я не обращал на все это внимания. От ударов левой и правой в сердце колени Кэйрна подогнулись, а прямой правый в висок ослепил его. Он покачнулся, а от страшного левого хука в челюсть, в который я вложил всю массу тела, свалился на помост. В этот момент, разорвав канаты, толпа хлынула на ринг. Я увидел, как Джо пустился наутек, нырнув под стенку палатки с криком:

— Наших бьют!

Затем меня с помощниками окружили. Ко мне потянулись полсотни готовых растерзать рук, полетели башмаки и стулья. Но я увернулся, сорвал перчатки и стал драться как сумасшедший.

Я молотил кулаками словно кувалдами, круша ребра, носы и челюсти, и сквозь суматоху и свалку заметил, как Брелен с помощниками уносят с арены своего поверженного гладиатора. Он так и не шевелился.

Когда разъяренная толпа за счет численного превосходства уже почти свалила меня с ног, в палатку, размахивая кольями и молотками, ворвалась группа цирковых грузчиков и рабочих.

Таких потасовок мне еще видеть не доводилось. Боевой клич цирковой команды «Наших бьют!» смешался с кровавыми криками зрителей. Айронвилцев было больше, но мы все же выдали им сполна. За

какие-то три секунды ринг разнесли в щепки, а гуща свалки переместилась к стенке палатки и снесла ее.

Засверкали ножи, слышалось даже несколько выстрелов — по правде, я удивился, что никого не убили. Шатер для выступления атлетов был прямо-таки разодран в клочья, а драка с ожесточением продолжалась между другими палатками и будками.

Вдруг раздался дикий крик:

— Пожар!

И все увидели багровое зарево. Загорелся купол главного шатра, а может быть, кто-то специально его поджег. Сильный ветер раздувал огонь, и тот стал быстро перекидываться с палатки на палатку. Драка мгновенно прекратилась. Поднялась страшная суматоха — все понеслись куда-то с дикими криками, рыдали дети, плакали женщины. Цирковые артисты и служащие бросились вытаскивать клетки и вагончики из зверинца, который уже занимался пламенем. Звери были такими голосами, что волосы вставали дыбом. И тут я вспомнил, что запер Майку в клетке Освальда. Я сломя голову бросился туда, как вдруг раздался душераздирающий крик:

— Звери на свободе!

* * *

Все дружно заорали, схватились за головы и бросились бежать, и тут... появились слоны. Трубя, будто настал Судный день, они лавиной пронеслись по вагончикам, клеткам и будкам и с грохотом умчались прочь. Никто так и не узнал, как они оказались на свободе. На пожаре и не такое может случиться. Но, убегая, слоны налетали на клетки, и некоторые из них открывались, выпуская на волю отнюдь не безобидных обитателей.

И вот на людей с ревом понеслись тигр Султан и леопард Амир, оба людоеды. Мимо меня с плачем пробежала группа детей, а за ними по пятам следовал Сул-

тан — полосатый дьявол с горящими глазами. Я схватил тяжеленный кол, подпиравший палатку, и встал между тигром и детьми. Зверь с рычанием бросился на меня, растопылив в прыжке все свои когти, а я напрыг ноги и встретил его в полете мощным ударом. От этого удара кол разлетелся в щепки, я сам чуть не слетел с ног, но Султан рухнул на землю с разбитым черепом.

Почти в тот же миг жуткий крик толпы заставил меня оглянуться, и я увидел, что на меня несется Амир, похожий на черную тень с огненными глазами. Зверюга прыгнул, нацелившись мне в горло. У меня не было времени, чтобы предпринять хоть что-нибудь. Он с размаху ударил меня в грудь и, пока я падал, успел скользнуть по мне когтями. В тот же миг я ощутил еще один толчок, от которого зверь отлетел от меня в сторону.

Я кое-как поднялся на ноги и увидел, как нечто белое и приземистое грызет и рвет бездыханное тело большой кошки. Майк снова спас мою драгоценную жизнь. Когда Амир набросился на меня, пес налетел на Амира и одним ударом железных челюстей сломал ему шею. Оказывается, Майк протиснулся сквозь прутья клетки Освальда и отправился на поиски хозяина.

Майк высунул язык и откровенно ухмылялся, виляя обрубком хвоста. Вдруг меня позвал до боли знакомый голос. Оглядевшись по сторонам, я увидел, как из-под обломков одного из вагончиков вылезла знакомая помятая фигура.

— Черт побери! — воскликнул я. — Старик! Что ты делал под этими обломками?

— Я залез под вагончик, чтобы меня не раздавила толпа, — ответил он, ощупывая ноги и проверяя, нет ли переломов. — Идея была неплохой до тех пор, пока на нас не налетели слоны. Ей-богу, если я снова благополучно выйду в море, то больше никогда не стану подвергать себя опасностям, подстерегающим на суше. Это уж точно!

— Ты видел, как я разделал Билла Кэйрна? — спросил я.

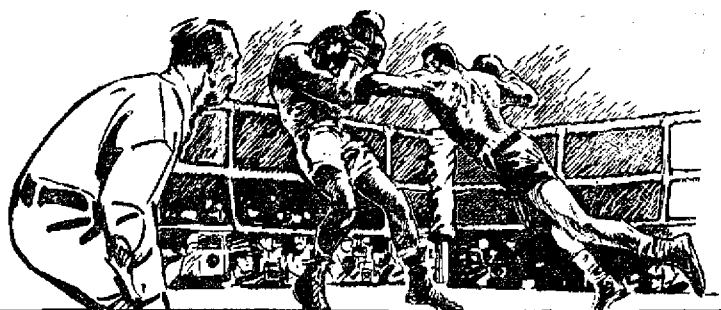
— Я ничего не видел, кроме кучки идиотов, — огрызнулся он. — Я появился в самый разгар общей драки. Я не против хорошей потасовки, но, когда к ней в придачу полыхает пожар и носятся дикие звери, тут я сматываю удочки! И ты тоже хорош! — добавил он укоризненно. — Заставил меня тащиться в такую даль, тюлень ты моржовый! Я приехал аж из Сан-Франциско и думал, что нипочем не разыщу этот проклятый цирк!

— А зачем ты его разыскивал? — хмуро поинтересовался я.

— Стив, — сказал Старик. — Я был несправедлив к тебе! Это мальчишка-стюард подкинул мне в койку хорька, а я узнал об этом, только когда он удрал с судна. Стив, я прошу тебя, как чемпиона «Морячки», давай забудем это недоразумение. Что было, то прошло! Стив, нам не обойтись без твоих железных кулаков. Несколько недель назад в Сизтле я взял на борт дьявола в человеческом обличье по имени Монахан. Так вот, он сразу же поставил себя главным задирой в носовом кубрике. Из-за нехватки рабочих рук мне даже пришлось зайти во Фриско. Представляешь, Мэг О'Доунел, Муши Хансен и Джек Линч по сей день стонут в койках от его обращения. Он избил и Билла О'Брайена, и Макси Хаймера, и Свена Ларсена. Он грозился повесить меня за усы на моем собственном бушприте! Я не мог уволить его, потому что боялся за свою жизнь. Стив! — Голос Старика задрожал от волнения. — Прошу тебя, прости и забудь! Возвращайся на «Морячку» и в знак вечного людского братства вышиби дух из этого дьявола Монахана прежде, чем он всех нас утробит! Покажи этому чудовищу, кто чемпион на борту!

— Ну что ж, — сказал я. — Мне причитаются кое-какие деньги от Ларни, ну да ладно! Они ему самому понадобятся для ремонта заведения. Монахан из Си-

этла! Ха! Три года назад я разделал его под орех в бильярдной Тони Вителло. Значит, он называет себя чемпионом «Морячки», да? Ну что ж, когда я скину его избитую тушу на причал, он узнает, кто на судне чемпион. На «Морячке» был, есть и будет только один чемпион — матрос Стив Костиган! Пошли! Все равно сухопутная жизнь не для меня!

ВИКИНГИ В БОКСЕРСКИХ ПЕРЧАТКАХ

Не успела наша «Морячка» ошвартоваться в порту Иокогама, как Муши Хансен сбежал на берег, чтобы узнать: не найдется ли для меня подходящего противника в каком-нибудь местном боксерском клубе. Вскоре он вернулся и сообщил:

— Ничего не выйдет, Стив. Сейчас здесь устраивают бои только для скандинавов.

— Это как же тебя понимать? — недоверчиво спросил я.

— Понимаешь, сейчас в Иокогаме стоит китобойная флотилия и охотники на котиков тоже, и вообще, порт набит скандинавами.

— Ну и при чем тут?..

— А при том, что в порту всего один боксерский клуб, — перебил Муши, — и принадлежит он голландцу по фамилии Нейман. Он организовал серию боев на выбывание и, как поговаривают, гребет на этом неплохие деньги. Он выставляет шведов против датчан, понимаешь? А в порту скопились сотни скандинавов, и каждая нация, естественно, поддерживает

своего земляка. Пока впереди датчане. Ты когда-нибудь слышал о Хаконе Торкилсене?

— Еще бы. Правда, в деле я его не видел, но, говорят, он — классный боец. Ходит на «Викинге» из Копенгагена, верно?

— Да. «Викинг» стоит в порту. Позапрошлым вечером Хакон покаутировал в трех раундах Свена Тортивгссена, а сегодня он встречается с Дирком Якобсеном, Готландским Гигантом. Шведы и датчане молотят друг друга на чем свет стоит и делают ставки на последние деньги. Я и сам поставил несколько баксов на Хакона. Так вот, Стив, заявки на участие в поединках принимаются только от скандинавов.

— Вот черт, выходит, я стал жертвой расовых предрассудков? Я на мели, мне нужны деньги. Может, этот Нейман даст мне поучаствовать в отборочном бою? За десять долларов я готов подраться с любыми тремя скандинавами одновременно.

— Не-а, — сказал Муши. — Никаких отборочных не будет. Нейман говорит, что зрители слишком горячие, им столько не высидеть. Да-а, это будет зрелище! Кто бы ни выиграл, драка будет крутая.

— Интересный расклад получается, — с горечью сказал я. — Назови мне хоть одно судно, способное сравниться с «Морячкой» по дракам, а она даже не представлена в поединках. У меня есть большое желание пойти туда и разнести весь этот балаган...

В этот момент показался Билл О'Брайен.

— Вот здорово! — заорал он. — Есть шанс срубить немного денюжат!

— Да не тарахти ты, — посоветовал я, — расскажи все по порядку.

— Значит, так, — начал Билл. — Иду я по причалу и слушаю, как спорят и ссорятся скандинавы, а деньги у них так и переходят из рук в руки. Я успел посмотреть шесть разборок, как вдруг заговорили, что Дирк Якобсен сломал руку, — целил в спарринг-партнера, а попал в стенку. Ну, я побежал в клуб Неймана

выяснить, так это или нет, а голландец мечется из угла в угол и волосы на себе рвет. Он сказал, что, независимо от исхода поединка, заплатит лишних сто баксов любому, кто способен составить конкуренцию Торкилсену. Еще он сказал; если отменить бой — скандинавы его повесят. И тут я сообразил, как нам проташить своего бойца с «Морячки» и сорвать куш!

— И кого, по твоему мнению, мы можем выставить? — скептически поинтересовался я.

— Ну, у нас есть Муши, — начал Билл. — Правда, он вырос в Америке, но...

— Ага, у вас есть Муши, — недовольно перебил его Муши Хансен. — Ты прекрасно знаешь, что я никакой не швед! Я датчанин и вовсе не хочу драться с Хаконем. Мало того, я надеюсь, что он снесет башку любому тупоголовому шведу, которого выставят против него.

— Вот она, благодарность, — укоризненно сказал Билл. — Ну как тут башковитому парню, вроде меня, придумать что-то дельное, когда постоянно натыкаешься на сплошное непонимание? Я ночей не сплю, думаю, как сделать жизнь своих друзей лучше, и что получаю в благодарность? Споры! Шутки! Противодействие! Вот что я вам скажу...

— Ладно, не заводись, — сказал я. — У нас еще есть Свен Ларсон — он швед!

— Этот здоровый бык продержится против Хакона не больше пятнадцати секунд, — с мрачным удовлетворением сказал Муши. — Кроме того, Свен в тюрьме. Он погулял по порту полчаса, не больше, и его уже успели арестовать за драку с полицейским.

Какое-то время Билл угрюмо таращился на меня, но вдруг глаза его загорелись.

— Черт! — воскликнул он. — Я придумал! Стив, ты будешь шведом!

— Послушай ты, рыба тупоголовая, — начал я в бешенстве, — мы с тобой столько лет не дрались, но, ей-богу, я...

— Да ты только вникни, — сказал Билл. — Идея вот в чем: ты в Йокогаме никогда не дрался. Ни Нейман, ни кто-нибудь другой тебя не знают. Мы выдадим тебя за шведа...

— Его? За шведа? — Лицо Муши вытянулось от удивления.

— Ну-у, — неуверенно начал Билл, — я, конечно, допускаю, что он не очень похож на шведа.

— Не очень похож на шведа! — возмутился я. — Ах ты сукин сын...

— Ну, хорошо. Совсем не похож на шведа! — с отвращением воскликнул Билл. — Но мы выдадим тебя как шведа. Я думаю, они не смогут доказать, что это не так. А начнут спорить, мы им мозги вышибем.

Я обдумал это предложение.

— Ну что же, неплохо, — сказал я наконец. — Получим лишнюю сотню баксов, а за возможность подраться я готов прикинуться хоть эскимосом. Так и поступим.

— Отлично! — воскликнул Билл. — Ты говоришь по-шведски?

— Конечно. Вот послушай: Тшимми Тшекссон спрыкнул с ферефочной лестницы, запыхавшись, сфой пупшат. Какой прышок, Тшимми!

— Очень хорошо! — сказал Билл. — Собирайтесь! Пойдем к Нейману и подпишемся на это дело. Эй, Муши, ты что, не идешь с нами?

— Нет, не иду, — кисло подтвердил Муши. — Я заранее знаю, что этот бой не доставит мне удовольствия. Стив мой приятель, а Хакон — мой земляк. Кто бы ни проиграл, мне от этого мало радости. Надеюсь, будет ничья. Даже смотреть на это зрелище не собираюсь!

* * *

И он ушел, а я сказал Биллу:

— Раз Муши так относится к этой затее, мне она что-то разонравилась.

— Ничего, он отойдет, — успокоил Билл. — Боже мой, Стив, это же деловой вопрос. По-моему, мы не в том положении, чтобы капризничать. Муши переменил свое мнение, как только мы разделим выигрыш на три части и хлебом чего-нибудь крепенького.

— Ну ладно, — согласился я. — Пошли к Нейману.

Итак, Билл, я и мой белый бульдог Майк отправились к Нейману. Уже в дверях Билл шепнул мне:

— Не забудь говорить по-шведски.

Низенький толстяк — как я понял, это и был Нейман — сидел на стуле и просматривал какой-то список. Время от времени он прикладывался к бутылке, после чего дергал себя за волосы и выдавал такое ругательство, что уши сворачивались в трубочку.

— Ну, Нейман. — весело выпалил Билл. — чем занимаешься?

— Тут у меня список шведов, которым кажется, что они умеют драться, — посетовал Нейман. — Но ни один и пяти секунд не выдержит против Торкилсена. Придется отменять бой.

— Не придется. — обнадежил его Билл. — Тут со мной самый крутой швед Южных морей!

Нейман быстро обернулся и посмотрел на меня. Его глаза зло вспыхнули, и он подскочил как ужаленный.

— Убирайтесь отсюда! — заорал он. — Приперлись и насмеваются надо мной в такую минуту! Подходящее время для дурацких шуток...

— Остынь, — примирительно сказал Билл. — Говорю тебе, этот швед может уложить Хакона Торкилсена одной левой.

— Швед! — фыркнул Нейман. — Ты, наверное, считаешь меня полным идиотом, если приводишь сюда этого черноголового ирландского верзилу и болтаешь, будто...

— Ерунда! Никакой он не ирландец. — возмутился Билл. — Ты только посмотри на его голубые глаза!

— Вот я смотрю на них, а на память приходят озера Килларни¹, — огрызнулся Нейман. — Швед? Ха-ха! В таком случае Тилон Л. Салливан² тоже был шведом. Так, значит, ты швед, да?

— Ну та, — ответил я. — Я есть швет, мистер!

— Из какой части Швеции? — рявкнул он.

— С Готланда, — ответил я.

— Из Стокгольма, — одновременно со мной выпалил Билл.

Тут мы неприязненно уставились друг на друга.

— Уж скорее из Корка³, — насмешливо сказал Нейман.

— Я есть швет, — повторил я раздраженно. — Я хотеть драться этот поетинок.

— Проваливайте отсюда! Вы отнимаете у меня время, — заорал Нейман. — Если ты швед, то я — принц индийский!

От такого оскорбительного намека я вышел из себя. Не терплю типов, которые из-за своей подозрительности не верят ближнему. Схватив Неймана за шею железной хваткой, я поднес к его носу здоровенный кулак и заорал:

— Ах ты, наглая обезьяна! Говори, швед я или нет?

Он побледнел и задрожал как осиновый лист.

— Ты швед, — согласился он слабым голосом.

— И я буду драться? — рявкнул я.

— Будешь, — сказал он, вытирая лоб цветастым платком. — Скандинавы могут меня вздернуть за это, но, если ты будешь держать язык за зубами, возможно, все обойдется. Как твое имя?

¹ Килларни — город и одноименная группа из трех озер на юго-западе Ирландии.

² Джон Л. Сатисван (1858 — 1918) — американский боксер, ирландец по происхождению, чемпион мира в тяжелом весе в 1882 — 1892 годах.

³ Корк — город и графство на юге Ирландии.

— Стив... — брякнул я, не подумав, но Билл лягнул меня по голени и поправил:

— Ларе Иварсон.

— Ладно, — пессимистично подытожил Нейман. — Я объявляю всем, что нашел бойца, готового сразиться с Торкилсеном.

— Ну и сколько я... то есть как много я буду получить за это? — поинтересовался я.

— Я гарантировал, что за выступление бойцы получат тысячу баксов. — сказал Нейман. — Из них семьсот — победитель и триста — проигравший.

— Дай мне долю проигравшего прямо сейчас, — предложил я, — и я буду выходить на бой и победить его, не сомневайся.

Он так и сделал, посоветовав при этом:

— Ты лучше не высывайся на улицу, а то кто-нибудь из соотечественников поинтересуется, как проживают родственники в добром старом Стокгольме.

Сказав это, Нейман разразился хриплым отвратительным смехом и захлопнул за нами дверь. Когда мы уходили, из-за двери еще некоторое время слышались стенания, как будто у него здорово разболелся живот.

— Похоже, он так и не поверил, что я швед, — заметил я возмущенно.

— Какая разница? — ответил Билл. — Поединок нам обеспечен. Но он прав — ты не мозоль тут глаза, а я пойду сделаю ставки. Нам ничего не грозит, пока ты помалкиваешь. Но если ты начнешь слоняться по порту, какой-нибудь скандинав заговорит с тобой по-шведски, и нам крышка!

— Ладно, — сказал я. — Я сниму себе комнату в гостинице для моряков на Манчжу-роуд. Буду торчать там до самого начала поединка.

Итак, Билл отправился делать ставки, а мы с Майком пошли закоулками искать гостиницу. Когда мы поворачивали из переулка на Манчжу-роуд, из-за угла вылетел какой-то человек и грохнулся на землю, спот-

кнувшись о Майка, который просто не успел отско-
чить в сторону.

Парень с гневными криками поднялся на ноги. Это был светловолосый верзила, совсем непохожий на моряка. Он занес ногу, чтобы ударить Майка, как будто пес был виноват в случившемся. Но я помешал, сильно ударив его по голени.

— Остынь, приятель, — проворчал я, пока он прыгал на одной ноге, держась за голень. — Майк не виноват, что ты упал, и бить его не за что. И потом он бы отгрыз тебе ногу, если б ты его уда...

Вместо того чтобы успокоиться, верзила дико заорал и врезал мне в челюсть. Сообразив, что он — один из тех уродов, что не поддаются убеждению, я вмазал ему правой, послав в канаву собирать несуществующие фиалки.

Я продолжил свой путь в гостиницу и вскоре начисто забыл об этом происшествии. Подобные пустяковые стычки происходят со мной довольно часто, и я не держу их подолгу в голове. Но как оказалось впоследствии, эту встречу мне стоило запомнить. Я снял комнату и просидел взаперти до тех пор, пока не пришел Билл. Он, сияя, влетел в номер и сообщил, что команда «Морячки» поставила на меня все деньги, которые только удалось занять под сумасшедшие проценты.

— Если ты проиграешь, — сказал он, — большинство из нас вернется на судно без штанов.

— Я? Проиграю? Не болтай чепухи. А где Старик?

— А-а, я видел его не так давно в дешевой забегаловке «Лиловая кошка», — сказал Билл. — Он был под хорошим градусом и о чем-то спорил со старым капитаном Гидом Джессапом. Он обязательно придет посмотреть на поединок. Я ничего ему не говорил, но он наверняка придет.

— Вероятнее всего, его загребут в тюрьму за драку со стариной Гидом, — предположил я. — Они нена-

видят друг друга как две гадюки. Ну да это его личное дело. Хотя хотелось бы, чтобы он посмотрел, как я буду разделять Торкилсена. Я слышал, как он нахваливал этого скандинава. Вроде бы Старик видел его в драке.

— Ну, скоро начало, — объявил Билл. — Надо идти. Пройдем боковыми улицами и проберемся в клуб с заднего входа. Тогда болельщики-шведы не смогут прицепиться к тебе с разговорами и сообразить, что ты — американский ирландец, а никакой не скандинав. Пошли!

* * *

В сопровождении трех шведов — членов команды «Морячки», сохранявших верность своему судну и товарищам, — мы отправились в путь. Мы тихо прокрались боковыми улочками и, прошмыгнув в клуб с черного хода, тут же натолкнулись на взмокшего от волнения Неймана, который поведал нам, что ему осточертело отгонять от нашей раздевалки болельщиков-шведов.

По его словам, толпа этих самых болельщиков стремилась попасть в раздевалку и пожать руку Ларсу Иварсону перед тем, как он выйдет на ринг, чтобы отстоять доброе имя Швеции. Еще он сказал, что Хакон вот-вот отправится на ринг и нам надо поторапливаться.

Мы быстро пошли вперед по проходу. Публика с таким увлечением приветствовала Хакона, что, пока я не вышел на ринг, на нас никто не обратил внимания. Оглядевшись, я заметил, что зал набит до отказа — повсюду сидели и стояли скандинавы, а некоторые упрямо пытались протолкнуться внутрь, хотя свободного пространства уже просто не было. Никогда бы не подумал, что в южных морях водится столько скандинавов. Здоровенные блондинистые парни — датчане, норвежцы и шведы — орали от

возбуждения, как быки. Похоже, вечер предстоит бурный.

Я сидел в своем углу, а Нейман ходил вокруг ринга, кланяясь и улыбаясь публике. Время от времени он бросал взгляд в мою сторону, заметно вздрагивал при этом и вытирал лоб платком. Между тем какой-то здоровый капитан-швед выступал в роли зазывалы. Он что-то оживленно рассказывал басом, а публика отвечала возгласами на непонятных языках. Я обратился за помощью к одному из шведов с «Морячки», и он стал шепотом переводить, делая вид, что зашнуровывает мне перчатки.

Вот что говорил зазывала:

— В предстоящей славной битве за первенство представлена вся Скандинавия! Это событие как бы переносит нас во времена викингов. Это скандинавское зрелище для скандинавских мореходов! Все участники состязания — скандинавы. Всем вам известен Хакон Торкилсен — гордость Дании!

При этих словах все присутствующие в зале датчане восторженно закричали.

— Я не знаком с Ларсом Иварсоном, но тот факт, что он — сын Швеции, говорит сам за себя. Он способен составить достойную конкуренцию славному сыну Дании!

Теперь настала очередь ликовать шведам.

— А сейчас представляю рефери — Иона Ярссена, Норвегия! Этот поединок наше семейное дело. Помните, кому бы ни досталась победа, она принесет славу Скандинавии!

Затем он повернулся и, указав рукой в противоположный от меня угол ринга, прокричал:

— Хакон Торкилсен, Дания!

Датчане снова завопили что есть мочи, а Билл О'Брайен прошептал мне в ухо:

— Когда тебя будут представлять, не забудь сказать: «Это есть самый счастливый момент моя жизнь!» Акцент убедит их, что ты швед.

Обернувшись и увидев меня в первый раз, зазвала резко вздрогнул и заморгал, но затем взял себя в руки и, заикаясь, объявил:

— Ларе Иварсон, Швеция!

Скинув халат, я встал, и зрители изумленно вздохнули, будто их громом поразило или что-то в этом роде. На какое-то время воцарилась гнетущая тишина, но потом мои приятели-шведы из команды «Морячки» начали аплодировать, к ним присоединились другие шведы и норвежцы, и, как это обычно бывает с людьми, аплодисменты постепенно переросли в овацию.

Я трижды начинал свою речь, и трижды меня заглушали аплодисменты, но очень скоро терпение мое кончилось.

— Заткнитесь, салаги! — рявкнул я, и все мгновенно замолчали, разинув рты от удивления. Угрожающе оскалившись, я добавил: — Это есть самый счастливый момент моя жизнь, клянусь громом!

Изумленные зрители захлопали без особого энтузиазма, а рефери жестом пригласил нас пройти в центр ринга. И вот, когда мы сошлись лицом к лицу, у меня отвисла челюсть, а рефери воскликнул: «Ага!» словно гиена, заметившая попавшее в капкан животное. Судьей матча оказался тот самый здоровенный болван, которого я отдубасил в переулке!

Не обращая особого внимания на Хакона, я с опаской уставился на рефери, бубнившего указания на каком-то скандинавском языке. Хакон утвердительно кивнул и ответил что-то на том же языке. Рефери свирепо взглянул на меня и буркнул что-то, в ответ я тоже кивнул и рявкнул: «Й-а-а!», как будто понял его слова, и отвернулся в свой угол.

Он шагнул ко мне и схватил за перчатки. Сделав вид, что осматривает их, он прошепел так тихо, что не слышали даже мои секунданты:

— Ты никакой не швед! Я знаю тебя. Ты назвал свою собаку «Майк». В южных морях есть только один

белый бульдог с такой кличкой! Ты — Стив Костиган с «Морячки».

— Не говори никому, — нервно прошептал я.

— Ха! — ответил он со злостью. — Теперь я тебе отомщу. Давай начинай бой. А когда он закончится, я объявлю, что ты самозванец! Эти парни вздернут тебя на стропилах!

— Ну и зачем тебе это нужно? — прошептал я. — Держи это в тайне, и я отмусолю тебе пятьдесят баксов после матча.

— Ха! — Он презрительно фыркнул в ответ на мое предложение и, указав на синяк под глазом, полученный от меня в подарок, зашагал в центр ринга.

— Что сказал тебе этот норвежец? — спросил Билл О'Брайен.

Я не ответил ему, потому что слегка растерялся. Взглянув на толпу зрителей, я признался самому себе, что упомянутая рефери перспектива мне совсем не нравится. Я не сомневался, что скандинавы озвереют, узнав, что какой-то чужак выдает себя за одного из них, и понимал, что возможности мои не беспредельны. В смертельной схватке даже Стив Костиган способен одолеть только ограниченное число человек. Но тут прозвучал гонг, и я забыл обо всем, кроме предстоящего поединка.

Я впервые посмотрел на Хакона Торкилсена и понял, чем он заслужил такую репутацию. Это был не человек, а пантера: высокий, худощавый, прекрасно сложенный молодой боец с гривой соломенных волос и холодными стальными глазами. В сравнении с моими шестью футами он был ростом шесть футов один дюйм и весил сто восемьдесят пять фунтов против моих ста девяти. Хакон был в прекрасной физической форме, а когда двигался, его упругие мышцы перекатывались под белой кожей. Мои черные волосы сильно контрастировали с его золотистой гривой.

Он налетел на меня и нанес левый хук в голову, а я ответил ударом справа по корпусу, заставив его вы-

прямиться в полный рост. Однако торс Хакона был защищен панцирем из стальных мышц, и даже такому бойцу, как я, предстояло немало потрудиться, чтобы пробить брешь в его обороне.

Хакон был снайпером, поэтому начал наносить мне быстрые прямые удары левой. Поначалу так поступают все мои соперники. — думают, что я сосунок и меня можно подловить на ударе левой. Но очень скоро им приходится отказаться от атаки такого рода. Я не обращаю внимания на легкие удары слева. И на этот раз я прошел сквозь шквал таких ударов и нанес Хакону мощнейший удар под сердце, от которого он издал удивленный стон.

Отбросив свою прежнюю тактику, датчанин стал молотить меня обеими руками, и, должен заметить, кулаки у него были отнюдь не пуховыми!

Мне нравятся такие схватки. Хакон стоял прямо передо мной, нанося и принимая удары, и мне не нужно было гоняться за ним по всему рингу, как это бывало со многими моими противниками. Он осыпал меня ударами, но мне по душе такой стиль, и я, улыбаясь во весь рот, стал лупить его по корпусу и по голове. Удар гонга застал нас за обменом ударами в центре ринга.

Толпа оглушительными приветствиями проводила каждого из нас в свой угол, но от одного вида нашего рефери Ярссена, который недобро уставился на меня и при этом загадочно указывал на синяк под глазом, улыбка мгновенно слетела с моих губ.

Я решил как можно быстрее разделаться с Торкилсеном и прорваться сквозь толпу зрителей, прежде чем Ярссен успеет раскрыть мою роковую тайну. Только я собрался рассказать обо всем Биллу, как кто-то дернул меня за ногу. Я глянул вниз и увидел изумленную усатую физиономию Старика.

— Стив! — жалобно заныл он. — Я попал в жуткую переделку!

Билл О'Брайен подскочил так, словно его ножом пырнули.

— Нечего орать «Стив» на весь зал! — прошипел он. — Хочешь, чтобы толпа нас придушила?

— Я попал в жуткую переделку! — запричитал Старик, заламывая руки. — Если ты мне не поможешь, я — конченный человек!

— Да в чем дело? — удивленно спросил я, перегнувшись через канаты.

— Во всем виноват Гид Джессап, — простонал он. — Этот гад напоил меня и втянул в спор. Он знает, что я ничего не соображаю, когда напьюсь, и обманом заставил сделать ставку на Торкилсена. Я же не знал, что ты тоже будешь драться...

— Что ж, — сказал я, — это, конечно, неприятно, но ты всего лишь проиграешь пари.

— Но я не могу! — завопил он.

Бум! Раздался удар гонга, и я вылетел из своего угла ринга, а Хакон — из своего.

— Я не могу проиграть! — крикнул Старик, перекрывая шум толпы. — Я поставил на кон «Морячку»!

— Что-о? — заорал я, на мгновение забыв, где нахожусь.

Бац! Хакон едва не снес мне башку размашистым ударом справа. Дико взыв, я сильным ударом раскрыл ему физиономию, и мы стали от души молотить друг друга обеими руками.

* * *

Этот датчанин был крепким парнем! Он, не моргнув, держал такие удары, от которых другие на его месте давно зашатались бы, и смело шел навстречу новым. Но перед самым ударом гонга я застиг его врасплох и молниеносным хуком слева послал на канаты. Шведы вскочили со своих мест и завопили как львы.

Я сел на табурет в своем углу и взглянул на Старика. Тот аж пританцовывал от волнения.

— Так что это значит, — поставил на кон «Морячку»? — требовательно спросил я.

— Очухавшись, я узнал, что поставил свое судно против «Черного короля», паршивого корыта Джессапа, которое, по слухам, признано морским регистром непригодным и пойдет ко дну, как только выйдет из порта, — проскулил Старик. — Он подло обманул меня! Я был невменяемым, когда заключал это пари!

— Тогда не плати! — проворчал я. — Джессап — подлец!

— Он показал мне бумагу, которую я подписал спьяну. — застонал Старик. — Контракт, подтверждающий наше пари! Если бы не это, я б ни за что не заплатил. А теперь, если я не заплачу, он будет во всех портах всех морей показывать этот контракт и обзывать меня обманщиком. Ты должен проиграть!

— Вот здорово! — воскликнул я, выходя из себя. — Это чертовщина какая-то...

Бум! Снова зазвенел гонг. Я вышел на ринг расстроенный, думая совсем о другом. Хакон налетел на меня и прижал к канатам, где я наконец очухался и отбил атаку. Но у меня в ушах все еще звучали стечения Старика, поэтому я не смог воспользоваться своим преимуществом, и Хакон накинулся на меня с новыми силами.

Датчане взвыли от восторга, когда он стал гонять меня по рингу, осыпая ударами. Однако его удары не причиняли мне никакого вреда, так как я успел закрыть себя руками. Перед самым ударом гонга я неожиданно вышел из защиты и провел сильнейший левый хук в голову, от которого мой противник зашатался на ногах.

Рефери злорадно взглянул на меня и снова показал на свой подбитый глаз, а я, сжав зубы, едва сдержался, чтобы не уложить его одним ударом. Усевшись на свой табурет, я принялся выслушивать жалобные причитания Старика, которые с каждой минутой становились все невыносимее.

— Ты должен проиграть! — вопил он. — Если Торкилсен не выиграет бой, я разорен! Если бы спор был честным, я бы расплатился, сам знаешь. Но меня

надули и хотят обокрасть! Посмотри, вон эта скотина машет в мою сторону проклятой бумажкой! Это выше человеческих сил! От такого любой запьет! Ты просто должен проиграть!

— Но ребята ставили на меня последние рубашки! — возмутился я. — Я не умею сдаваться! Я никогда нарочно не проигрывал поединок! Даже не знаю, как это делается ...

— Вот она, благодарность! — завопил Старик и расплакался. — После всего, что я для тебя сделал! Не знал я, что пригрел змею на своей груди! Мне светит приют для нищих, а ты...

— Да помолчи ты, старый конь морской! — сказал Билл. — У Стива, то есть Ларса, и так проблем хватает, а тут еще ты воешь и ноешь, как маньяк какой-то. Эти скандинавы могут что-нибудь заподозрить, если вы будете долго болтать по-английски! Не обращай на него внимания, Стив, то есть Ларс. Сделай этого датчанина!

Опять прозвучал гонг, и я, раздираемый противоречивыми чувствами и едва не впад в отчаяние, вышел продолжать бой. Это самое опасное состояние, особенно когда выходишь против такого бойца, как Хакон Торкилсен. Я услышал предостерегающий крик болельщиков-шведов и не успел ничего сообразить, как у меня из глаз посыпались искры. Через некоторое время до меня дошло, что я лежу на ринге. Чтобы выяснить, сколько мне еще отдыхать, я стал прислушиваться к голосу судьи, ведущего отсчет секунд.

Поверх криков публики я различил чей-то монотонный голос, но смысл слов до меня не доходил. Я потряс головой, и мой взгляд прояснился. Надо мной, поднимая и опуская руку, стоял Ион Ярссен, однако я не понимал ни единого слова. Он вел отсчет по-шведски!

Не рискуя залеживаться лишнюю секунду, я вскочил на ноги прежде, чем в голове перестало звенеть, и тут же, словно тайфун, на меня налетел Хакон — ему не терпелось меня прикончить.

Но я уже был вне себя от ярости и успел начисто забыть и о Старике, и о его дурацком пари. Я встретил противника таким хуком слева, что у него чуть башка не слетела с плеч. Шведы завывали от восторга. Я пошел в наступление и заработал обеими руками, стараясь попасть Хакону в сердце и сбить дыхание. Мы провели быстрый обмен ударами в ближнем бою, и внезапно Хакон упал. Правда, он скорее поскользнулся, чем упал от удара, но он был не глуп и стал дожидаться конца отсчета, отдыхая на одном колене.

Я стал следить за движением руки судьи, стараясь запомнить, как приносятся на незнакомом языке числительные, однако Ярссен вел отсчет не на том языке, на котором считал секунды мне! Потом до меня дошло: мне он считал на шведском, а Хакону — на датском. Эти языки очень схожи, но для меня, не знающего ни одного слова ни на том, ни на другом, их отличий вполне хватило, чтобы вконец запутаться. Тут я понял, что мне предстоит веселенький вечерок.

На счет «девять» (я сосчитал взмахи судейской руки) Хакон вскочил и накинулся на меня как бешеный. Я отбивался вполсилы, а шведы издавали возгласы удивления по поводу перемены, происшедшей со мной после стремительного первого раунда.

* * *

Я не раз говорил, что боец не может драться в полную силу, если его мысли заняты чем-то другим. Передо мной стояла занятная задачка, о решении которой стоило побеспокоиться. Если прекратить бой, то я окажусь распоследним трусом и буду презирать себя до конца жизни, а мои друзья по судну потеряют последние деньги, впрочем, как и шведы, что поставили на меня и болели за меня, как за родного брата. Я не мог предать их. С другой стороны, в случае моей победы Старик потеряет судно, в котором заключено все его состояние и которое он любит, как родную дочь.

Эта потеря разобьет ему сердце и сделает его нищим. Вдобавок ко всему, независимо от исхода матча, этот негодяй Ярссен собирался объявить зрителям, что я никакой не швед. Всякий раз, когда мы входили в клинч, я бросал взгляд на Ярссена, и тот многозначительно прикасался к синяку под глазом. Я пребывал в самом мрачном настроении и ужасно хотел испариться или что-нибудь в этом роде.

Когда в перерыве между раундами я снова оказался на своем табурете, Старик опять стал упрашивать меня поддаться, а Билл с помощниками требовали, чтобы я встряхнулся и прикончил Торкилсена. Мне казалось, что я сойду с ума.

Четвертый раунд я начал неторопливо, и Хакон, решив, что я растратил боевой дух (если он вообще у меня был), нанес мне три быстрых безответных удара по лицу.

Я вынудил его войти в клинч, напоминавший медвежьи объятия, из которых ему было никак не вырваться. И вот пока мы напряженно обменивались ударами, Торкилсен выплюнул мне в лицо какие-то слова. Понять их я не мог, но по интонации уловил общий смысл. Он обозвал меня трусом! Меня, Стива Костигана, грозу всех морей!

С диким воплем я вышел из клинча и нанес Хакону смертельный удар правой в челюсть, от которого он едва не рухнул. Прежде чем мой противник успел обрести равновесие, я набросился на него и стал молотить как безумный, забыв обо всем на свете и помня лишь одно: я — Стив Костиган, лучший боец с самого крутого из всех судов!

Мощно работая обеими руками, я оттеснил датчанина на край ринга и прижал к канатам. Хакон пригнул голову и ушел в защиту, поэтому мои удары главным образом попадали ему по локтям и перчаткам, а зрители, наверное, думали, что я избиваю его до смерти. Внезапно сквозь гул толпы до меня долетел голос Старика:

— Стив, ради Бога, утомонись! Я пойду с протянутой рукой, и ты будешь в этом виноват!

* * *

Эти слова вывели меня из равновесия. Я непроизвольно опустил руки и немного отступил назад. Хакон тут же воспользовался этим и, мгновенно выйдя из защиты, набросился на меня с горящими глазами и со страшной силой врезал справа по челюсти.

Бац! Я опять оказался на полу, а рефери, склонившись надо мной, снова стал считать по-шведски. Я решил не дожидаться конца отсчета и встал на ноги. Хакон тут же накинулся на меня, но я повис на нем, и ему удалось вырваться только с помощью рефери.

Датчанин яростной атакой прижал меня к канатам, но в таком положении я всегда бываю особенно опасен — в этом убедились многие классные бойцы, пришедшие в сознание только в раздевалке. Едва я почувствовал спиной грубые волокна канатов, как ошарашил противника резким правым апперкотом, от которого его голова откинулась назад чуть ли не до лопаток. На этот раз ему пришлось войти в спасительный клинч и повиснуть на мне.

Глядя поверх плеча соперника на море белокурых голов и орущих лиц, я различил знакомые фигуры. По одну сторону ринга, ближе к моему углу, стоял Старик и пригланцовывал как на раскаленной сковороде, смахивая пьяные слезы и дергая себя за бакенбарды. По другую сторону стоял худой старый моряк с бегающими глазками и весь лоснился от удовольствия, размахивая какой-то бумажкой. Капитан Гид Джессап, старый негодник! Он знал, что по пьянке Старик способен поставить на спор все что угодно, даже «Морячку» — прекраснейшее из судов, когда-либо огибавших мыс Горн. И это против «Черного короля» — ржавой посуды, которая гроша ломаного не стоит. А совсем рядом со мной рефери Ярссен пы-

тался расцепить нас с датчанином и одновременно нежно шептал мне в ухо:

— Лучше позволь Хакону отправить тебя в нокаут. Тогда не почувствуешь, что будет делать с тобой толпа, когда я скажу, кто ты такой!

Оказавшись на своем стуле, я уткнулся лицом в шею Майка и не стал слушать ни слезные просьбы Старика, ни языческие вопли Билла О'Брайена. Это был не бой, а сущий кошмар! Мне даже захотелось, чтоб Хакон вышиб мне мозги и положил конец моим тревогам.

На пятый раунд я вышел как человек, собравшийся присутствовать на собственных похоронах. Хакон был явно озадачен, да и кто бы не растерялся на его месте? Перед ним был противник, то есть я, который дрался как бы урывками: яростно шел в атаку, когда казалось, что ему вот-вот наступит конец, и вяло наносил удары, когда победа вроде бы была на его стороне.

Он пошел на сближение и, со всей силы заехав мне в живот, мощнейшим ударом правой сбил меня с ног. Я в бешенстве поднялся и с размаху уложил Хакона на помост. Такого он от меня явно не ожидал. Зрители повскакивали со своих мест, а судья засуетился и, наклонившись к датчанину, стал вести отсчет.

Хакон вскочил на ноги и отбросил меня на канаты. Я с трудом вынутаюсь из них, но тут же поскользнулся на пятне собственной крови, и к явному неудовольствию болельщиков-шведов, вновь оказался на полу.

Я огляделся, услышал вопли Старика, умолявшего меня не вставать, и увидел капитана Джессапа, размахивавшего своим гнусным контрактом. Еще плохо соображая, что делаю, я поднялся и тут же — бац! Хакон заехал мне по уху боковым ударом ураганной силы, и я растянулся на полу, наполовину скатившись под канаты.

Ошалело таращась на нублику, я обнаружил, что смотрю прямо в выпученные глаза старины Гиды

Джессапа, стоявшего вплотную к рингу. Видимо, парализованный самой мыслью о возможном проигрыше в споре, он, разинув рот, тупо уставился на меня, лежащего на полу, а в его поднятой руке по-прежнему был зажат злополучный контракт.

Для меня думать — значит действовать! Одним взмахом своей облаченной в перчатку лапы я вырвал контракт из руки Джессапа. Он вскрикнул от удивления и метнулся вслед за бумагой, по пояс просунувшись сквозь канаты. Я откатился в сторону и, запихнув контракт в рот, стал очень быстро его жевать. Капитан Джессап схватил меня за волосы одной рукой, а другой попытался выдернуть контракт из моей пасти, однако, кроме сильно покусанного пальца, он не получил ничего.

Потерпев неудачу, он отпустил мои волосы и начал вопить что есть сил:

— Верни мой документ, людоед проклятый! Он сожрал мой контракт! Я на тебя в суд подам...

Обалдевший от удивления рефери перестал считать, а не понимающая сути происходящего публика подняла шум. Джессап попытался проползти под канатами, но Ярссен что-то крикнул ему и ногой оттолкнул назад. Крича «караул», старикан снова пополз на ринг, и тут какой-то здоровенный швед, очевидно, решив, что Джессап хочет на меня напасть, одним ударом пудового кулака успокоил его.

* * *

Я поднялся на ноги с набитым бумагой ртом, и Хакон незамедлительно врезал мне снизу в подбородок, вложив в этот удар всю массу тела. Не дай Бог, чтобы вам врезали по челюсти, когда вы что-нибудь жуετε! Мне показалось, что у меня переломаны все зубы, да и челюсть тоже. Плохо соображая, я откатился на канаты и стал жевать быстрее.

Бац! Хакон треснул мне по уху.

— Ам! — сказал я.

Бум! Он заехал мне в глаз.

— Ам-ам! — отозвался я. Шлеп! Удар в живот.

— А-ах! — вырвалось у меня. Ба-бах! Он врезал мне сбоку по голове.

— А-а-ам! — Я проглотил остатки контракта и с диким блеском в глазах бросился на датчанина.

Я двинул ему левой в живот, да так, что моя рука вошла в его брюхо почти по локоть, а оглушительный удар правой чуть не снес ему голову с плеч. Он даже не успел сообразить, что произошло, видимо, думал, что я уже готов. А я был сильнее, чем прежде, и рвался в бой!

Быстро собравшись с силами, противник охотно принял вызов, и мы погрузились в вихрь прямых и боковых ударов, пока все вокруг нас не закружилось словно карусель. Ни один из нас не расслышал удара гонга, и секундантам пришлось растаскивать нас и разводить по углам.

— Стив, — это Старик дернул меня за ногу, плача от благодарности. — Я все видел! У этого старого хоряка больше нет надо мной власти. Он не сможет доказать, что я заключал это пари. Ты образованный человек и настоящий джентльмен, в тебе есть врожденное благородство! Ты спас «Морячку»!

— Пусть это будет для тебя уроком! — сказал я, выплевывая кусочек контракта вместе со сгустками крови. — Играть в азартные игры грешно. Билл, у меня в кармане лежат часы. Возьми их и сделай ставку на то, что я уложу этого скандинава за три раунда.

На шестой раунд я вылетел как тайфун. «Пускай после матча, когда Ярссен все расскажет, меня побьет толпа, — думал я, — зато сейчас я отведу душу.

Наконец-то я встретил соперника, который не только хотел, но и был способен противостоять мне и бился почти на равных. Хакон был гибок как пантера и крепок как пружинная сталь. Он обыгрывал меня в скорости и почти не уступал мне в силе удара. Мы бились в центре ринга, отдавая схватке все силы.

Сквозь багровый туман я видел, что глаза Хакона горят неземным огнем. В нем пробудилось неистовство его предков, викингов, а меня охватило безумие битвы, свойственное ирландским воинам, — мы бросались друг на друга как тигры.

Лихорадочно мелькали перчатки, звук мощных ударов по корпусу был слышен даже в дальних уголках зала, а от сильных ударов в голову брызги крови разлетались по всему рингу. За каждым ударом чувствовалась мощь динамита и жажда крови! Это было испытание на выносливость. С ударом гонга нас пришлось силой разнимать и растаскивать по углам, но в следующем раунде мы продолжили схватку в том же духе, будто нас и не прерывали. Мы осыпали друг друга шквалом молниеносных ударов, то посякаясь на собственную кровь, то падая на пол от мощнейших ударов противника.

Публика безумствовала, издавая лишь нечленораздельные крики. Наш рефери был удивлен и сбит с толку. Он вел отсчет то по-датски, то по-шведски, то по-норвежски, сбиваясь с одного языка на другой. И вот, когда в очередной раз я оказался на полу, Хакон, тяжело дыша, покачивался, держась за канаты, а Ярссен в недоумении стал отсчитывать мне секунды. Сквозь наплывающий дурман я узнал язык. Судья считал по-испански!

— Ты никакой не норвежец! — выдавил я, уставившись на него мутным взглядом.

— Четыре! — выкрикнул он, переходя на английский. — Я такой же норвежец, как ты швед! Пять! Человеку надо что-то есть. Шесть! Я бы не получил эту работу — семь! — если бы не прикинулся норвежцем. Восемь! Я — Джон Джоунз, водевильный суфлер из Сан-Франциско. Девять! Не выдавай меня, и я тоже тебя не выдам.

Прозвучал гонг, и помощники развели нас по углам. Я взглянул на Хакона. Сам я был здорово разукрашен: рана на ухе, разбитые губы, глаза наполовину

заплыли, нос сломан, но для меня это обычное дело. У Хакона, за исключением подбитого глаза и нескольких ссадин, лицо оставалось почти нетронутым, зато его тело напоминало хорошую отбивную. Я сделал глубокий вдох и улыбнулся по-змеиному. Оставив мысли о Старике и липовом норвежце-судье, я мог сосредоточиться на поединке.

С ударом гонга я ринулся вперед словно разъяренный бык. Хакон, как обычно, встретил меня оглушительными ударами слева и справа. Но я упрямо шел вперед, оттесняя его к канатам сокрушительными хуками по корпусу и в голову. Я почувствовал, что он сбавил темп. Нет такого человека, который способен биться со мной на равных!

Словно тигр, чувствующий добычу, я удвоил силу ударов, и публика с криками встала, предвкушая скорый конец. Почти прижатый к канатам, Хакон предпринял последнюю яростную попытку наступления и на какое-то мгновение остановил меня, осыпав градом отчаянных размашистых ударов. Но я лишь упрямо встряхнул головой и, несмотря на шквальную атаку противника, снова пошел вперед, нанося мощнейшие удары правой под сердце и серию левых хуков в голову.

Человек из плоти и крови не может выдержать такого! Хакон рухнул в нейтральном углу ринга под градом правых и левых хуков. Он попытался встать на ноги, но даже ребенку было ясно, что ему конец.

Какое-то время рефери колебался, но потом поднял мою правую руку, и тотчас толпа моих шведских и норвежских болельщиков устремила на ринг и сбила меня с ног. Я увидел, как датчане понесли Хакона в его угол, и попытался было пробраться к нему, чтобы пожать руку и сказать, что он самый отважный и замечательный боец из всех, с кем я встречался, — и это была сущая правда, — но тут мои ошалевшие поклонники водрузили меня и Майка на плечи и, словно особ королевской крови, понесли в раздевалку.

Сквозь толпу пробилась высокая фигура, Муши Хансен схватил мою руку в перчатке и заорал:

— Мы гордимся тобой, приятель! Мне очень жаль, что датчанам пришлось проиграть, но после такой драки какая может быть обида. Я не мог остаться в стороне. Ура нашей старушке «Морячке», самому крутому судну всех морей!

Тут передо мной возник шведский капитан, выступавший в роли зазывалы, и закричал по-английски:

— Может быть, ты и швед, но если это действительно так, то ты самый необычный швед из всех, что я встречал. Но мне на это наплевать! Я только что видел величайшее сражение со времен победы Густава Адольфа над голландцами! Да здравствует Ларс Иварсон!

И тут все шведы и норвежцы подхватили:

— Да здравствует Ларс Иварсон!

— Они хотят, чтобы ты сказал речь,— объяснил Муши.

— Хорошо,— согласился я.— Это есть самый счастливый момент моя жизнь!

— Громче,— подсказал Муши.— Они так шумят, что все равно не разберут твоих слов. Скажи что-нибудь на иностранном языке.

— Ладно,— снова согласился я и заорал единственные иностранные слова, пришедшие мне на память.— Parleyvoo Francais¹! Vive le Stockholm²! Erin go bragh³!

Они заорали громче прежнего. Боец остается бойцом на любом языке!

¹ Вы говорите по-французски? (Искаж. франц.)

² Да здравствует Стокгольм! (Франц.)

³ Ирландия на все времена! (Гэльск.)

НОЧЬ БИТВЫ

Я начинаю думать, что Порт-Саид для меня — гиблое место. Не то чтобы мне не удавалось там подраться, всегда удавалось. Но выходило так, что каждой схватке сопутствовало невезение.

С такими вот мыслями в голове я поднялся по шаткой лестнице гостиницы люкс для моряков и вошел в свой номер, крепко сжимая в кулаке пятьдесят баксов — все свое состояние.

Я только что виделся с Эйсом Ларниганом, менеджером «Арены», и договорился о том, что вечером встречусь в десятираундовом поединке с Черным Джеком О'Брайеном. И вот теперь я гадал, где бы спрятать деньги. Если взять их с собой на матч — их вытащат из кармана моих штанов, пока я буду на ринге, а если оставить в номере — сопрут слуги-китайцы, от которых ничего невозможно спрятать.

Я уже почти решил, что, пока буду расправляться с Черным Джеком, мой белый бульдог Майк подержит денежки в пасти, если, конечно, не проглотит их от волнения, но тут я услышал, как кто-то, прыгая через шесть ступенек, пронесся вверх по лестнице, а потом побежал по коридору.

Я не придавал этому значения. Постояльцев гостиницы люкс частенько преследуют либо выводят из этого гадюжника полицейские. Но вместо того, чтобы бежать в свой номер и там спрятаться под кроватью, как это принято у здешних обитателей, этот беглец налетел башкой на мою дверь, сопя при этом как касатка. От удара дверь распахнулась настежь, и на пол рухнул какой-то взъерошенный человек.

Я с достоинством поднялся и поинтересовался с присущей мне вежливостью:

— Что это за игры? Сам уйдешь из номера или помочь?

— Спрячь меня, Стив! — взмолился незванный гость. — Запри дверь! Спрячь меня! Дай мне револьвер! Позови полицию! Дай спрятаться под кроватью! Посмотри в окно, нет ли за мной погони?

— Сначала реши, что ты от меня хочешь. Я не волшебник какой-нибудь, — раздраженно проговорил я, узнав в незнакомце Джонни Кайлана.

Джонни был неплохой, но глуповатый парень, ему бы следовало торговать содовой водой у себя на родине, а не стоять за стойкой в портовой забегаловке Порт-Саида. Он был одним из тех болванов, которым хочется мир посмотреть.

Он вцепился в меня трясущимися руками, и я заметил, что на лбу его выступил пот.

— Ты должен мне помочь, Стив! — запричитал Джонни. — Я пришел к тебе, потому что мне больше не к кому обратиться. Если ты мне не поможешь, я не доживу до завтрашнего утра. Я ненароком узнал одну тайну, и теперь мне грозит верная смерть. Стив, я узнал, кто такой Черный Мандарин!

— Ты хочешь сказать, что знаешь, кто прячется за маской и китайской одеждой и совершает все эти грабежи и убийства?

— Да! Это ужаснейший преступник на всем Востоке! — воскликнул Джонни, весь дрожа и покрываясь потом.

— Тогда какого черта ты не идешь в полицию? — спросил я.

Его затрясло как в лихорадке.

— Я не решаюсь! Я не дойду живым до полицейского участка. Они следят за мной, и их много. Преступления совершает не один человек, а целая преступная шайка. На ограбление они все выходят одинаково одетыми.

— А как ты обо всем узнал? — спросил я.

— Я был в баре, — сказал он и содрогнулся, — и мне пришлось спуститься в погреб за вином, я очень редко туда хожу. Я натолкнулся на них совершенно случайно. Они сидели за столом и о чем-то договаривались. Хозяин моего бара тоже был там — я и не думал, что он бандит. Я спрятался за бочонками с вином и стал слушать, а потом испугался и убежал. Они заметили меня и бросились в погоню. Я уж думал, что мне конец, но все же умудрился оторваться от них и прибежать сюда. Но я боюсь высунуться на улицу. Вряд ли они видели, как я входил сюда, но они прочесывают улицы и заметят, если я выйду отсюда.

— И кто у них главный? — спросил я.

— Они называют его Шеф, — объяснил Джонни.

— Ну и кто он такой? — продолжал настаивать я, но мой гость задрожал еще сильнее.

— Боюсь говорить. — Его зубы стучали от страха. — Нас могут подслушать.

— Ну и что, — удивился я. — Они все равно за тобой охотятся...

Но им уже овладел необъяснимый страх, и мне не удалось ничего вывести.

— Сам ты никогда не догадаешься, — добавил он, — а я боюсь сказать. У меня мурашки начинают по коже бегать, как только подумаю об этом. Позволь мне пожить у тебя до завтрашнего утра, Стив, — попросил он. — А потом мы свяжемся с сэром Питером Брентом из Скотланд-Ярда. Я доверяю только ему.

Полиция доказала свою беспомощность: никому из узнавших бандитов Мандарина не удалось остаться в живых. Но сэр Питер защитит меня и поймает этих злодеев.

— Почему бы не связаться с ним прямо сейчас? — предложил я.

— Я не знаю, где его сейчас искать, — ответил Джонни. — Но по утрам он всегда бывает в клубе. Ради Бога, Стив, позволь мне остаться у тебя!

— Ну разумеется, малыш, — успокоил я. — Не бойся. Если кто-нибудь из этих Черных Мандаринов попробует сунуться сюда, я его достойно встречу. Сегодня вечером я собирался драться с Черным Джеком О'Брайеном в «Арене», но я могу отменить поединок и остаться с тобой.

— Нет, не надо этого делать, — ответил Джонни, понемногу приходя в себя. — Я останусь здесь и запрусь. Я думаю, сюда они не пожелают. И потом при запертой двери им не добратся до меня, не всполошив весь дом. А ты отправляйся в «Арену». Если ты не придешь на поединок, бандиты могут догадаться, что ты заодно со мной. Они знают, что ты мой единственный друг. Стив, я не хочу, чтобы ты попал в беду.

— Ладно, — согласился я. — Я оставляю Майка защищать тебя.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Если ты придешь без Майка, это тоже вызовет подозрения. К тому же они его застрелят, если ворвутся сюда. Ты иди, а когда вернешься, постучи и назови себя. Я узнаю твой голос и открою дверь.

— Ну, хорошо, — сказал я, — если ты думаешь, что так для тебя безопасней. Не думаю, правда, что у этих Мандаринов хватит ума вычислить, что мы с тобой заодно, только потому, что я не приду на бой в «Арену». Ну да тебе видней. И вот еще что: поддержи пока у себя мои пятьдесят баксов. Я как раз не знал, что с ними делать. Если взять с собой, какой-нибудь карманник наверняка их сопрет.

Итак, Джонни взял деньги, а мы с Майком отправились в «Арену» и, уже спускаясь по лестнице, услышали, как бедолага запирает дверь. На выходе из гостиницы я огляделся по сторонам, но, не заметив поблизости никаких подозрительных личностей, пошел вниз по улице.

* * *

«Арена» располагалась у самых причалов. Она была битком набита зрителями — обычное дело, когда выступали Черный Джек или я. Эйс давно мечтал свести нас в поединке, но наши корабли никогда не оказывались в порту одновременно. Я надевал форму, как вдруг в мою раздевалку ворвался человек, который, как я догадался, и был моим противником. Я слышал, что мы с Черным Джеком похожи друг на друга почти как родные братья. Он был моего роста и веса и тоже брүнет с жгучими голубыми глазами. Но мне показалось, что я все-таки выгляжу получше.

Настроение у него было хуже некуда, и я понял, что его все еще гложет результат последнего поединка со Злым Биллом Кирни. Злой Билл владел игорным заведением в опаснейшем портовом районе и, будучи жестоким по натуре, частенько принимал участие в боксерских поединках. Несколькими неделями раньше они с О'Брайеном устроили беспощадную схватку на ринге «Арены», и в пятом раунде Черный Джек был нокаутирован, хотя, казалось, что он должен одержать победу. Впервые Черный потерпел поражение, и с тех пор он с пеной у рта пытался уговорить Злого Билла вновь встретиться на ринге.

Увидев меня, он криво усмехнулся и сказал:

— Ну, Костиган, может, ты считаешь, что у тебя хватит силенок уложить меня сегодня, а? Горилла ты тупоголовая!

— Может, я тебя и не побью, бабуин черноротый, — проорал я, заподозрив в его словах скрытый

намок на оскорбление, — зато я устрою тебе такую трепку, о которой твои внуки будут вспоминать с содроганием!

— Ты сильно веришь в эту чушь? — спросил он, брызгая слюной.

— Настолько сильно, что готов, не откладывая, прямо здесь вышибить тебе мозги! — проревел я.

Эйс встал между нами.

— Перестаньте! — попросил он. — Я не допущу, чтобы вы испортили мне шоу и разукрасили друг друга до начала боя.

— Что у тебя там? — поинтересовался О'Брайен, когда Эйс стал рыться в карманах.

— Ваши бабки, — мрачно ответил Эйс, вытаскивая пачку денег. — Я обещал каждому из вас пятьдесят баксов независимо от исхода боя.

— Сейчас они нам ни к чему, — сказал я. — Отдашь бабки после драки.

— Ха! — усмехнулся Эйс. — Оставить бабки у себя, чтобы их сперли карманники? Я не такой дурак! Я отдам их вам прямо сейчас! Сами сторожите. Вот, получайте! Я с вами рассчитался, так что теперь ко мне не должно быть претензий. Если вас обчистят, я тут ни при чем!

— Ладно, трусливый мошенник, — усмехнулся Черный Джек и, повернувшись ко мне, добавил: — Костиган, ставлю полсотни, что уложу тебя как коврик.

— Идет! — рякнул я в ответ. — А я ставлю свои полсотни на то, что тебя унесут с ринга на носилках! Кому доверим наши ставки?

— Только не мне, — поспешно сказал Эйс.

— Не волнуйся, — прикрикнул на него Черный Джек, — я бы не доверил и гроша ломаного твоим липким пальцам. Ни гроша! Эй, Бангер!

На зов в комнату вошел старый небритый оборванец, от которого сильно пахло крепким дешевым виски.

— Тебе что-то нужно? — спросил он. — Поставь стаканчик, Черный Джек!

— Я поставлю тебе ведро, но позже, — проворчал О'Брайен. — Вот, поддержишь у себя наши ставки, но если карманники сопрут у тебя деньги, я тебе усы по-выдергиваю по одной волосинке!

— У меня не сопрут! — пообещал старина Бангер. — Будь уверен!

В молодости Бангер сам был карманником. Правда, у него была одна положительная черта характера: в трезвом виде он был абсолютно честным человеком, во всяком случае с теми, кого считал своими друзьями. В общем, он взял у нас две полсотенных, а мы с О'Брайеном, обменявшись взаимными оскорблениями, накинули халаты и пошли по проходу под аплодисменты публики, предвкушавшей долгожданную схватку.

«Морячка» должна была подойти еще только через несколько дней, а я прибыл в Порт-Саид, чтобы ее встретить. В общем я был один, без секундантов, и потому Эйс выделил мне пару остолопов.

Он обеспечил парочкой болванов и Черного Джека — «Морского Змея» в порту тоже не было.

* * *

Ударили в гонг, толпа взвыла, и началась свистопляска. Мы были достойными соперниками. Оба сильные и агрессивны. Недостаток мастерства мы с избытком компенсировали напористостью. Стены «Арены» еще не видели столь яростных атак и таранной силы ударов. Зрители наблюдали за происходящим словно загнипнотизированные.

С началом каждого нового раунда мы бросались друг на друга и продолжали бой. Обмен ударами длился до тех пор, пока все вокруг не погружалось в багровый туман. Сначала мы бились, стоя лицом к лицу, потом наносили удары, навалившись грудью на против-

ника, а затем, чтобы не упасть, клали подбородок на плечо соперника и так висели друг на друге, проводя короткие удары по корпусу. Драка продолжалась до полной глухоты, слепоты и огупения, и все же мы продолжали мясить друг друга, тяжело дыша, бормоча ругательства и рыдая в боевом угаре.

В конце каждого раунда секунданты разнимали нас и разводили по углам, а там смывали с нас кровь, пот и слезы, окачивали ледяной водой и давали понюхать нашатырь. Тем временем публика, затаив дыхание, наблюдала за нами, опасаясь, что у нас не хватит сил выйти на ринг в следующем раунде. Но, как и подобает прирожденным бойцам, под воздействием принятых процедур мы быстро оживали, и с ударом гонга действие начиналось сначала. Ну и драка это была, я вам скажу!

Раз за разом повторялась одна и та же картина: находясь на грани нокаута, мы еле переставляли ноги, внезапно один из нас оживал и бросался в яростную атаку, приводя публику в состояние экстаза.

В восьмом раунде Черный свалил меня с ног мощнейшим хуком слева и чуть не снес мне башку с плеч — зрители с дикими криками повскакивали с мест. Но на счет «восемь» я поднялся и, собравшись с силами, уложил его правым хуком под сердце, едва не сломав ребра. За мгновение до финального счета «десять» он кое-как встал на ноги, и тут ударили в гонг.

Окончание девятого раунда застало нас обоих на полу, но десяти раундов нам было явно маловато, чтобы созреть для нокаута. Я уверен, продлись бой еще пять раундов — половина зрителей упала бы в обморок от волнения. К концу поединка большинство из них еле хлопало в ладоши и квакали как лягушки. Финальный удар гонга мы встретили стоя лицом к лицу в центре ринга и отвешивая друг другу такие жуткие удары, что их было слышно в дальних углах зала. Рефери силой разнял нас, а потом в знак того, что бой закончился вничью, поднял руки нам обоим.

Напяливая халат, Черный Джек пришел в мой угол и, сплюнув кровь и обломок зуба, сказал, ухмыляясь как гиена:

— Ты должен мне пятьдесят баксов, которые поставил на свою победу.

— Тогда и ты должен мне полсотни, — возразил я. — Ты сделал ставку на то, что побьешь меня. Ей-богу, не припомню боя, который понравился бы мне больше, чем этот! Не понимаю, как это Злому Биллу удалось тебя побить?

Лицо О'Брайена стало мрачнее тучи.

— Не напоминай про этого урода, — зло сказал он. — Сам не знаю, как это получилось. Ты бьешь гораздо сильнее его. Я лунил Билла по всему рингу, а он только шатался и отступал. Помню, он пошел в атаку, и мы наполовину вошли в клинч, а потом — бац! Очнулся я от того, что меня поливали водой в раздевалке. Говорят, как только мы расцепились, он врезал мне по челюсти, но я даже не почувствовал удара!

— Ладно, забудь об этом, — посоветовал я. — Давай-ка заберем бабки у старого Бангера и пойдем чего-нибудь выпьем. А потом мне надо возвращаться в гостиницу.

— Чего это ты собрался спать в такую рань? — ухмыльнулся Черный. — Еще не так поздно. Давай придумаем, как развлечься. В заведении Йота Лао есть парочка крутых вышибал, давно хотел с ними разобратся да все откладывал на потом...

— Не-а, — сказал я. — У меня дела в гостинице. Но сначала давай выпьем.

Мы стали искать Бангера, но его и след простыл. Мы проверили раздевалки, но и там его не оказалось.

— Куда мог подеваться этот старый болван? — недоумевал Черный Джек с некоторым опасением в голосе. — Мы подышаем от жажды, а эта портовая крыса...

— Если вы ищете старика Бангера, — сказал один из служителей заведения, — то я видел, как он куда-то побегал в середине пятого раунда.

— Слушай, — спросил я с внезапным подозрением, — он был пьяный?

— Если был, то я не заметил, — сказал Черный Джек.

— Мне показалось, от него пахло выпивкой.

— От него всегда пахнет выпивкой, — нетерпеливо ответил О'Брайен. — Не знаю человека, способного определить, трезвый этот старый забулдыга или пьяный. И трезвый и пьяный он ведет себя одинаково, только по пьянке ему нельзя доверять бабки.

— Ну вот, — недовольно проворчала я, — он смысла и наверняка уже просадил наши деньги. Собирайся, пойдем его ловить.

Мы напялили одежду и пошли на поиски. Прошедший поединок никак не отразился на наших жизненных силах и энергии, хотя у каждого были синяки и ссадины. Мы заглянули во все притоны, но Бангера так и не нашли. Прочесывая город, мы наконец добрались до моего отеля.

— Давай поднимемся ко мне в номер, — предложил я. — У меня там есть пятьдесят баксов. Возьмем их и купим выпивку. И еще... Знаешь, у меня там сидит Джонни Кайлан, но ты не трепись об этом, понял?

— Ладно, — заверил О'Брайен. — Если Джонни попал в передрагу, я ни за что не стану стучать на него. С мозгами у него туго, но парень он неплохой.

* * *

Итак, мы пошли ко мне в номер. В гостинице все спали, а кто не спал, тот куда-нибудь ушел. Я тихонько постучал в дверь и сказал:

— Открывай дверь, парень, это я, Костиган. — Ответа не последовало. Я энергично дернул за ручку, дверь была не заперта. Я распахнул ее. — в комнате

было темно, и я зажег свет. Джонни исчез. В комнате царил полнейший порядок, и, хотя Майк издавал глухое рычание, ничего подозрительного я не заметил. На столе лежала записка. Я взял ее и прочитал: «Спасибо за полсотни, дубина! Джонни».

— Грязный обманщик! — зарычал я. — Я приютил его, защищал, а он меня обчистил!

— Дай посмотреть записку, — попросил Черный Джек и стал читать, качая головой. — Не верю, что это почерк Джонни, — подытожил он.

— Наверняка его! — воскликнул я, оскорбленный до глубины души.

Конечно, плохо, когда теряешь деньги, но еще хуже, когда человек, которого ты считал другом, вдруг оказывается грязным мошенником.

— Я никогда не видел его почерка, но кто, кроме него, мог написать это? К тому же никто, кроме него, не знал про мои бабки. Тоже мне, Черный Мандарин!

— Что? — спросил Черный Джек с блеском в глазах. Упоминание этого имени вызывало интерес у каждого в Порт-Саиде.

Ну, я пересказал ему все, что услышал от Джонни, и добавил со злостью:

— Похоже, меня снова обдурачили как сосунка. Могу поспорить, что паршивец попал в переплет с полицией, а тут подвернулся случай меня обчистить. Он сам смылся. Если бы его захватили бандиты, они бы высадили дверь и уж никакой записки точно не оставили бы. Черт побери, не думал, что Джонни такой негодай!

— Да уж, — сказал Черный Джек, качая головой. — Ты думаешь, он никогда не видел этих Черных Мандаринов?

— По-моему, никаких Черных Мандаринов вообще нет!

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил О'Брайен. — Многие их видели, а некоторые даже узнали, только не смогли рассказать об этом, потому что их

убили. Я всегда говорил, что все эти преступления совершает не один человек, а целая шайка.

— Да забудь ты об этом, — перебил я. — Пошли. Джонни украл мои деньги, а старина Бангер обчистил нас обоих. Я человек действия. Я отыщу старого хрыча, даже если придется разнести к черту весь Порт-Саид.

— Я пойду с тобой, — сказал Черный Джек, и мы вышли на улицу. Через полчаса беготни по грязным забегаловкам мы напали на след Бангера.

— Бангер? — спросил бармен, подкручивая пышные черные усы. — Да, он был здесь вечером. Выпил и сказал, что идет в «Храм Удачи» Билла Кирни. Говорил, что предчувствует удачу.

— Удачу? — проскрипел Черный Джек. — Я дам ему такого пинка, что у него шея будет расти из задницы. Пошли, Стив. Как я не догадался раньше. Как напьется, Бангер начинает думать, что способен обмануть колесо рулетки в заведении Кирни.

* * *

Мы плутали по лабиринту портовых улочек, пока не добрались до «Храма» Кирни, который был так же похож на храм, как муравей на слона. Заведение располагалось в подвале, и, чтобы попасть в него, надо было спускаться по ступеням.

Мы сошли вниз и очутились среди внушительного вида парней, которые либо играли в азартные игры, либо выпивали в баре. Я заметил Копченого Рурка, Обжору Макгернана, Рыжего Элкинса, Ловкача Брелена, Джона Линча и еще очень многих, — что не личность, то темная. Но круче всех выглядел сам Злой Билл. Это был громила с квадратными плечами и холодными злыми глазами, любивший щеголять в крикливых шмотках, напоминая при этом гориллу в праздничном костюме. На его тонких губах играла злая усмешка, а на огромных волосатых лапищах сверкали

бриллианты. При виде своего лютого врага Черный Джек издал гортанный рык и затрясся от бешенства.

И тут мы увидели старика Бангера, который приклонился к стойке бара и с несчастным видом наблюдал за вращением рулетки. С яростным воплем мы направились к нему. Он хотел было броситься наутек, но сообразил, что от нас не уйти.

— Ах ты, старая грязная черепаха! — заорал Черный Джек. — Где наши деньги?

— Ребята, — промямлил Бангер, подняв трясущуюся руку. — Не судите меня слишком строго! Я ни цента не потратил из ваших денег.

— Ну ладно, — протянул Черный Джек с явным облегчением. — Гони назад денежки.

— Не могу, — заныл старый хрыч, шмыгая носом. — Я проиграл их на этой самой рулетке!

— Что-о? — от нашего дикого рева замигали огни.

— Дело было так, ребята, — затянул он. — Наблюдая за вашим поединком, я вдруг заметил на полу монету и подобрал ее. Я подумал, что до конца боя успею сбежать в кабак и дернуть стаканчик. Я выпил, и это было ошибкой. С утра я уже успел несколько раз приложиться к бутылке, ну и перебрал. По пьяному делу я становлюсь азартным как маньяк. Я почувствовал, что сегодня мне крупно повезет. Ну, думаю, сбегаю в заведение Кирни, загребу в два-три раза больше бабок, чем вы мне дали, а разницу возьму себе. Думаю, вы, ребята, останетесь при своих, а я подзаработаю немного деньжат. Мне показалось, что это отличная идея. Поначалу мне действительно везло, вот если б только я вовремя остановился. Один раз я даже выиграл сто сорок пять долларов, но фортуна повернулась ко мне задом, и я глазом не успел моргнуть, как остался без гроша.

— Ах ты, мать твою так, растак и разетак! — весьма кстати встрял Черный Джек. — Хорошее ты придумал себе занятие! Надо бы врезать тебе по заднице, старый болван!

— Да-а! — вздохнул я. — Я бы плюнул на это, да только это были все мои деньги. Поддолларовая монета осталась — мой талисман «на счастье».

— Я тоже плюнул бы, — рявкнул О'Брайен, — вот только у меня даже такой монеты нет!

В это время к нам подлетел Злой Билл.

— В чем дело, парни? — поинтересовался он, подмигнув собравшимся вокруг бездельникам.

— Сам знаешь, в чем дело, вошь паршивая! — зарычал Черный Джек. — Этот старый осел только что проиграл сто баксов на твоей «заряженной» рулетке.

— Ну-у? — ухмыльнулся Злой Билл. — А вас-то это каким местом касается?

— Это были наши деньги! — заорал Черный Джек. — И ты их нам вернешь!

Кирни рассмеялся ему прямо в лицо, вытащил из кармана пачку денег и разлохматил ее большим пальцем.

— Вот бабки, которые он проиграл, — сказал Кирни. — Может, они и были вашими, только теперь стали мои. Я привык держать при себе свой выигрыш и не собираюсь с ним расставаться. Вот разве только у кого-нибудь хватит смелости отнять его у меня, но пока я таких не встречал. А как вы собираетесь поступить?

* * *

Черный Джек так взбесился, что стал задыхаться, а его глаза выползли из орбит.

Тут, уже выходя из себя, заговорил я:

— Я тебе скажу, как мы собираемся поступить, Кирни, раз уж ты решил корчить из себя крутого. Я собираюсь отделать тебя до бесчувствия и забрать свои бабки.

— Ты это серьезно? — воскликнул он кровожадно. — Посмотрим, как это у тебя получится, черноголовая водяная крыса! Хочешь подраться? Хорошо!

Поглядим, насколько тебя хватит. Вот бабки. Побьешь меня, — заберешь их. Они достались мне честным путем, но я человек заводной. Ты появился сюда и требуешь назад бабки? Ладно, увидим, хватит ли у тебя смелости подрататься за них.

Я свирепо зарычал и бросился на него, но Черный Джек остановил меня.

— погоди минуту, — воскликнул он. — Половина денег принадлежит мне. Ты сам знаешь, у меня столько же прав врезать этому гаду, сколько у тебя.

— Кхе-кхе! — ухмыльнулся Кирни, скидывая пиджак и рубашку. — Разберитесь между собой. Если один из вас сможет меня уложить, бабки ваши. Так будет справедливо, парни?

Собравшиеся громы захлопали как дикари. Я сразу же заметил, что все они из компании Злого, кроме старого Бангера, от которого все равно не было толку.

— Я имею право сразиться с этим парнем, — стал выступать Черный Джек.

— Бросим монету, — решительно заявил я, доставая из кармана свои «счастливые» полдоллара. — Я ставлю на ...

— Я ставлю на «орла», — нетерпеливо выпалил Черный Джек.

— Я первый это сказал, — ответил я раздраженно.

— Я этого не слышал, — сказал он.

— А я говорил, — возразил я обиженно. — Поставишь на «решку».

— Ладно, «решка» так «решка», — недовольно фыркнул он. — Давай бросай!

Я подбросил монету, и выпал «орел».

— Говорил же, эта монета приносит мне удачу! — с победной улыбкой воскликнул я, пряча монету в карман и снимая рубашку. Черный Джек скрипнул зубами и крепко выразился по поводу своего невезения.

— Прежде чем вышибу тебе мозги, — сказал Кирни, — убери куда-нибудь этого кровожадного людоеда.

— Если ты, хорек вонючий, имеешь в виду Майка, то Черный Джек его подержит, — ответил я.

— Ага, а когда я буду тебя приканчивать, он спустит этого зверя, чтоб он перегрыз мне горло! — с ухмылкой возразил Кирни. — Ничего не выйдет! Возьми веревку и привяжи его, иначе бой отменяется!

Итак, отпустив несколько едких замечаний, которые, судя по реакции, достали даже толстокожего Злого Билла, я пропустил один конец веревки сквозь ошейник Майка, а другой привязал к ножке тяжелого игорного стола. Тем временем зрители расчистили пространство между столом и задней стеной заведения, завешенной циновками из сухой травы. На вид стена была прочной, но я подумал, что за ней, наверное, полно крыс, так как оттуда то и дело доносился глухой шум и какая-то возня.

* * *

Мы с Кирни стали сходитьсь. Мой противник был мощным черноголовым верзилой, примерно с меня ростом, но чуть потяжелее. Черные волосы покрывали его широченную грудь и запястья, руки походили на кувалды.

Как обычно, я первым бросился в атаку. Соперник встретил меня, не дрогнув. Публика образовала полукольцо перед грудой составленных друг на друга столов и стульев. Поверх шума и грохота ударов я различал рычание Майка, пытавшегося освободиться от веревки, и крики Черного Джека, призывавшего меня прикончить Кирни.

Противник попался крепкий и бил кулаком, как хороший конь копытом. Но он дрался не с кем-нибудь, а с самим Стивом Костиганом! Я с улыбкой встречал страшные удары Злого Билла, голыми кулаками лупил противника и чувствовал себя в родной стихии.

Я снова и снова по самые запястья вонзал кулаки в брюхо Кирни, и понемногу его дыхание стало сби-

ваться, он начал отступать. От мощнейших ударов в голове у меня стоял звон, во рту появился привкус крови, но для меня это привычное дело. Я со всего размаха ударил его в ухо, брызнула кровь. Кирни попытался пнуть меня тяжелым сапогом в пах, но я увернулся и правой мощно врезал под сердце. Он издал стон и зашатался. Сильнейший левый хук по корпусу свалил его, но, падая, он ухватил меня за ремень и потянул за собой.

На полу Кирни обхватил меня своими лапищами, плюнул в глаза и попытался пригнуть мою голову, чтобы ухватить зубами за ухо. Но моя шея крепче стали, и, яростно сопротивляясь, я отодвинулся от Злого и, высвободив руку, трижды сильно ударил его в лицо. Он застонал и обмяк. Но тут же мне в спину вонзился чей-то тяжеленный башмак, и я слетел с неподвижно-го тела Кирни.

Это Джон Линч лягнул меня, а когда я с диким рычанием попытался подняться и броситься на него, раздался возмущенный вопль Черного Джека и звук удара. Железный кулак Джека с хрустом врезался в челюсть Линча, мерзавец как мешок с дерьмом рухнул между составленными столами и затих.

Бандюги с угрозами двинулись вперед, но Черный Джек, словно разъяренный тигр с горящими глазами и оскаленными зубами, повернулся к ним, и они остановились в нерешительности. И тут, придя в себя от подлого удара, я поднялся на ноги. Кирни рутался, бормотал что-то невнятное и пытался встать. Я схватил его за волосы и приподнял.

— Стой на ногах и дерись как мужчина, — с омерзением выпалил я, и тут Кирни внезапно бросился на меня, метя коленом в пах.

Он повис на мне, а когда я попробовал высвободиться из его объятий, Черный Джек крикнул:

— Берегись, Стив! Именно так он свалил меня! В то же мгновение рука Кирни оказалась на моей шее. Я инстинктивно дернулся назад, но успел почувство-

вать, как он сильно нажал большим пальцем в ложбинку под моим ухом. Джиу-джицу! Лишь немногим белым знаком этот прием — «прикосновение смерти», так называют его японцы. Если б я не отклонился назад, он бы пережал нужный нерв, и меня на время парализовало бы. Но крепкие мышцы шеи спасли меня, хотя на секунду в глазах потемнело и по телу пробежала судорога.

Кирни со звериным воплем ринулся ко мне, но я выпрямился и, встретив его левым хуком, раскроил губу от угла рта до подбородка. В дикой ярости от подлого трюка, который Злой хотел испытать на мне, я с размаху врезал ему правой в челюсть.

Это был финальный удар, от которого мой противник поднялся над полом и, словно пущенный из катапульты, рухнул на заднюю стену заведения. Хлоп! Бесчувственное тело Кирни протаранило стену, циновки порвались, и деревянные планки треснули!

* * *

Я ударил его с такой силой, что по инерции полетел в образовавшуюся дыру следом. Оказывается, стена не была капитальной! За ней скрывалось потайное помещение. Ноги Кирни торчали из дыры в сломанной перегородке, а за ними просматривалась еще чья-то фигура. Незнакомец лежал на полу связанный и с кляпом во рту.

— Джонни! — воскликнула, поднимаясь на ноги и слыша враждебный ропот за спиной. Черный Джек крикнул:

— Осторожно, Стив! — И тут же мимо моего уха пролетела бутылка и разбилась о стену. Одновременно раздался звук удара и глухой стук упавшего тела — Черный Джек взялся за дело. Я развернулся и увидел, что на меня несутся громилы Кирни.

Черный Джек отвешивал удары направо и налево, люди падали как кегли, но их было слишком мно-

го. Я заметил, как старина Бангер метнулся к выходу, и услышал рычание Майка, пытавшегося оборвать веревку. Первого из нападавших я встретил крепким ударом, едва не свернув ему шею, но меня окружили, и когда мы с Рыжим Элкинсом повалились на пол, я коленом покорежил ему ребра.

Страхнув с себя атакующих бандитов, я поднялся, мимоходом размозжив череп Ловкачу Брелену. Мы с Черным Джеком колошматили этих гадов до тех пор, пока не образовался ковер из распростертых тел, но бандиты продолжали наседать на нас с ножами, бутылками и ножками стульев, и вскоре с нас обоих уже ручьями текла кровь.

Черного Джека свалили ударом ножки стола, а с поддюжины гангстеров топтали меня ногами, пока я пытался придавить или придушить трех-четыре мерзавцев, оказавшихся подо мной. В этот момент веревка, которую Майк без устали дергал и грыз, лопнула. Я услышал его рычание, а затем вопли какого-то бандюги — Майк вонзил в него клыки. Гады, топтавшие меня, разлетелись, и я вскочил, взревев как бык и стряхивая кровь, заливавшую глаза.

Черный Джек подошел ко мне, сжимая в руке ту самую ножку стола, которой его уложили, и с такой силой треснул Копченого Рурка, что потом того пришлось откачивать и делать искусственное дыхание. Потрепанные бандиты отступили и стали разбегаться, а Майк бегал между ними, цапая то одного, то другого.

Внезапно из толпы выскочил Обжора Макгернан и, решив покончить с нами, навел на нас пушку, рискуя при этом уложить своих же приятелей. Те с дикими воплями бросились искать укрытие. Черный Джек метнул в мерзавца ножку стола, но промахнулся. Тогда наша тройца — Джек, Майк и я — разом бросилась на Макгернана.

Он попеременно наставлял дуло своей пушки на каждого из нас, стараясь побыстрее решить, кого из

нас шлепнуть первым, и тут — бах! — раздался выстрел. Обжора взвыл и выронил пушку, затем попятился к стене, сжимая запястье, из которого текла кровь.

Рванувшие к выходу бандиты встали как вкопанные, а мы с Черным Джеком обернулись. По ступеням спускались около дюжины полицейских. В руках у них были револьверы, а из одного дула вился дымок.

* * *

Громилы, подняв руки, попятились к стене, а я бросился в потайную комнату и развязал Джонни Кайлана.

Задыхаясь от страха, волнения и, конечно же, засунутого в рот кляпа, в первое мгновение он смог вымолвить только:

— Кляк, кляк-кляк!

Но я постучал ему как следует по спине, и он членораздельно произнес:

— Они захватили меня в заложники, Стив! Прокрались в коридор и постучали в дверь. Когда я нагнулся, чтобы посмотреть в замочную скважину, — а они именно этого и ожидали, ведь это естественное движение, — мне дунули в лицо каким-то веществом, и я на несколько минут отключился. Пока я лежал без сознания, они открыли дверь отмычкой и вошли в номер. Потом я очнулся, но на меня направили револьвер, и я не решился звать на помощь.

Меня обыскали, и я стал умолять их не брать твои пятьдесят долларов, лежавшие на столе, ведь я знал, что это твои последние деньги. Но они все равно их забрали и написали записку, чтобы представить дело так, будто я украл деньги и смылся. Потом мне снова дали понюхать какой-то порошок, и очнулся я уже в машине по дороге сюда.

Они собирались еще до рассвета меня прикончить. Я сам слышал, как об этом говорил Главарь Мандаринов.

— И кто же он такой? — спросили мы.

— Теперь я могу вам сказать, — ответил Джонни, оглянувшись на бандитов, стоявших под охраной полицейских, и на Злого Билла, который зашевелился на полу, приходя в чувство. — Главарь Мандаринов — Злой Билл Кирни! Еще в Штатах он был рэкетиrom и здесь занимался тем же самым.

Джонни перебил полицейский офицер:

— Вы хотите сказать, что этот человек и есть Черный Мандарин?

— Вы абсолютно правы! — воскликнул Джонни. — И я могу доказать это в суде!

* * *

Тут полицейские набросились на обалдевшего Кирни, как стая чаек на рыбину, и в считанные секунды надели на него и на гангстеров (что были в сознании) наручники. Кирни не сказал ни слова, только обвел всех нас убийственным взглядом.

— Эй, постойте! — крикнул Черный Джек, когда полицейские стали уводить бандитов. — У Кирни в кармане деньги, которые принадлежат нам.

Полицейский вытащил у Кирни толстенную пачку денег (такой акула подавится), Черный Джек отсчитал из нее сто пятьдесят баксов, а остальные вернул. Гангстеров увели, и тут я почувствовал, что кто-то тянет меня за рукав. Это был старина Бангер.

— Ну, ребята, — прошамкал он, — вам не кажется, что я здорово все уладил? Как только началась драка, я выскочил на улицу, стал орать и звать на помощь, пока не сбежались все полицейские в округе!

— Ты вел себя достойно, Бангер, — похвалил я. — Вот тебе десятка.

— А вот еще одна, — добавил Черный Джек, и старина Бангер засиял от удовольствия.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил старик, нетерпеливо теребя в руках купюры. — Побегу, пожалуй.

В заведении Спайка есть рулетка. У меня предчувствие, что мне повезет.

— Давайте выбираться отсюда, — проворчал я, и мы вышли на улицу и усталились на фонари.

— Бог ты мой! — воскликнул Джонни. — Хватит с меня такой жизни. Рвану-ка я в родные Штаты, и как можно скорее!

— И правильно сделаешь, — сказал я, радуясь, что парень не вор и не мошенник, как я опрометчиво предполагал. — Смышленому парню, вроде тебя, незачем забираться далеко от дома.

— Ну что же, — сказал Черный Джек, — пойдем все-таки выпьем.

— Черт! — воскликнул я раздраженно, запихивая в карман деньги. — В этой свалке я потерял свою «счастливую» монету.

— А это не она? — спросил Джонни, протягивая мне поддоллара. — Я подобрал ее с пола, когда мы выходили на улицу.

— Давай ее сюда, — поспешно сказал я, но Черный Джек схватил монету и удивленно чертыхнулся.

— Талисман на удачу, да? — заорал он. — Теперь понятно, почему ты так хотел поставить на «орла»! Эта чертова монета — «обманка»! У нее «орлы» с двух сторон! У меня же не было шанса выиграть. Стив Косги-ган, ты обманом не дал мне возможности подраться с этим гадом! Мне это не нравится! Тебе придется подраться со мной.

— Ладно, — сказал я. — Мы снова сойдемся сегодня вечером в «Арене» у Эйса. А сейчас пойдем выпьем.

— Боже мой! — изумился Джонни. — Уже почти рассвело. Если вы, ребята, хотите снова подраться сегодня вечером, то, может, вам лучше немного отдохнуть перед поединком? И потом неплохо бы вам обработать и перевязать раны.

— Пожалуй, он прав, Стив, — сказал Черный Джек. — Сначала выпьем, потом немного поспим, а затем позавтракаем и погоняем шары в бильярдной.

— Точно, — согласился я. — Бильярд игра тихая, спокойная, а нам не стоит перенапрягаться, чтобы быть в форме перед поединком. Погоняем шары, а потом смотаемся к Йота Лао и отделаем вышибал, о которых ты говорил.

КИТАЙСКИЕ ЗАБАВЫ

Я сидел в портовом баре Гонконга «Сладкая греза», размышлял о своем жутком невезении, и тут вошел Трепач Джонс — паршивый отброс на пути прогресса. Я его терпеть не могу, и он отвечает мне тем же.

Он всегда считал себя парнем без предрассудков, что тут же и решил доказать:

— Слушай, Стив! Скорей! Дай займы пятьдесят баксов.

— С какой стати я должен одалживать тебе полсотни зеленых? — полюбопытствовал я.

— У меня есть абсолютно надежные сведения с ипподрома, — затараторил он, подпрыгивая от волнения. — Дело бесприигрышное, ставки сто к одному! Завтра же получишь назад свои деньги. Давай отстегивай бабки!

— Будь у меня полсотни баксов, — ответил я со вздохом, — неужели я стал бы торчать в этом порту, где не ценят боксерские таланты?

— Что-о? — взвыл Трепач. — Нет денег? После всего, что я для тебя сделал?

— Разве я виноват, что болваны антрепренеры не хотят устроить мне с кем-нибудь поединок? —

огрызнулся я. — Пятьдесят баксов! Да за эти деньги я бы добрался до Сингапура, а там всегда можно договориться насчет драчки. Я застрял тут со своим бульдогом, даже судна, на которое можно было бы завербоваться, и того нет. Если не удастся удрать отсюда по-быстрому, придется бичевать, а ты просишь полсотни!

За нашей перебранкой наблюдало много посетителей, и один из них — здоровенный матрос-англичанин — заржал, а потом спросил:

— Если антрепренеры не хотят с тобой связываться, приятель, почему ты не пойдешь к Ли Юну?

— О чем ты? — подозрительно поинтересовался я.

Остальные зеваки ухмылялись как ослы, жующие кактусы.

— Ли Юн, — объяснил верзила с наглой усмешкой, — содержит небольшой зверинец. Но это прикрытие. На самом деле он устраивает поединки между животными: собачьи и петушинные бои, схватки мангустов с кобрами, ну и все такое прочее. У него есть здоровенная горилла, вот бы свести тебя с ней на ринге. Сам бы с удовольствием понаблюда! Ты со своей рожей и горюша — просто встреча близнецов!

— Послушай, — начал заводится я в праведном гневе. — Если у меня рожа, как у гориллы, — это ничего, зато твою харю можно подправить!

И с этими словами я от души заехал ему правым кулаком прямо по губам. Он качнулся, а потом налетел на меня как тайфун. Мы обменялись увесистыми ударами, потом сцепились в клинче и головами врезались в стойку бара — от удара она разлетелась в щепки. С потолка сорвалась лампа и, упав на пол, разбилась вдребезги, расплескав по сторонам горящее масло. Надо было слышать, как орали те, на кого оно попало! Стало совсем темно, кто-то полез в окна и двери, кто-то пытался затоптать пламя ногами. В этой свалке мы с противником потеряли друг друга.

Глаза разъедал дым, и я попытался на ощупь выбраться на улицу, но в это мгновение почувствовал, как кто-то задел мою голову ножкой от стола. Я выбросил вперед руку и ухватил чей-то воротник. Швырнув наглеца на пол и навалившись на него сверху, я стал лупить его, что есть сил. Я подумал, что здорово отделал этого нахала, потому что сопротивлялся он слабее, чем до наступления темноты, а орал значительно громче. Потом кто-то чиркнул спичкой, и я обнаружил, что сижу верхом на толстом голландце-бармене. Англичанина и след простыл, к тому же кричали, что приехала полиция. Еще не остыв, я поднялся на ноги и удрал через заднюю дверь. Последний удар все же остался за англичанином, а для меня это вопрос чести — последний удар должен быть за мной. Полчаса я искал его с благим намерением проучить как следует, чтобы знал, как бить человека ножкой от стола, а потом трусливо смываться, но так и не нашел.

* * *

В порванной и прожженной одежде я отправился в свой пансион — «Отраду моряка», что располагался у самого порта и принадлежал толстяку-полукровке. Как обычно, он валялся в холле в дым пьяный, и я этому обрадовался, потому что в трезвом виде он постоянно ныл про мой счет за проживание. Будто, кроме меня, других жильцов не было.

Я поднялся в свой номер, открыл дверь и позвал Майка. Но пес не отзывался, а в комнате как-то странно пахло. Я помнил этот запах еще с того раза, когда какие-то аферисты-вербовщики попытались подпоить меня отравой и обманом отправить в плавание. Номер был пуст. Кровать еще хранила тепло Майка в том месте, где он спал, свернувшись калачиком, но его самого нигде не было. Я уже собрался идти на улицу на поиски моей собаки, но тут заметил приколотую к стене

записку. Прочитал ее и похолодел. Вот что в ней было сказано:

«Если хочешь еще када нибудь увидеть сваю сабаку, оставь пидисят долларов в мусорной банке у задней двери бара Бристоль ровно в одиннадцать тридцать сиводня вечиром. Палажи деньги в мусорник вазвращайся в бар и закрой дверь. Сащитай да ста и найдешь сваю сабаку во дворе. Дилавой чилавек»

Я сбежал вниз по лестнице, встряхнул хозяина и заорал:

— Кто здесь был без меня?

Но в ответ он только хрюкнул и промычал:

— Налей еще, Джо!

Я от души дал ему затрецину и выбежал на улицу. Мы с Майком много лет были неразлучны, он с десяток раз спасал мне жизнь. Майк — единственное, что отличает меня от бродяги. Наплевать, что думают обо мне посторонние, но я всегда стараюсь вести себя так, чтобы моему псу не было за меня стыдно. И вот теперь какая-то мразь украла его, а у меня не хватало бабок, чтобы заплатить выкуп.

Я сел на поребрик, обхватил голову руками и стал напряженно думать. Но чем больше я думал, тем запутанней казалась мне ситуация. Когда я сталкиваюсь с проблемой, которую не могу решить с помощью кулаков, я чувствую себя как мореход, который сбился с курса и не имеет под рукой карты. Наконец я поднялся и побежал в спортивный клуб «Тихий час». В газете было объявление, что сегодня вечером там будут бои, и хотя я уже пытался попасть в список участников, и был отвергнут антрепренером, с отчаяния я решил сделать еще одну попытку. Надеялся на доброе сердце антрепренера, если, конечно, оно вообще у него было.

По шуму, доносившемуся из клуба, я понял, что бои уже начались. Задняя дверь была заперта, тогда я легонько дернул ее, она сама слетела с петель и я вошел внутрь.

В узком коридоре никого не оказалось. Но когда я пошел вперед, открылась дверь и из раздевалки появился здоровенный парень в халате, за ним следовал другой, с ведрами и полотенцами. Верзила громко выругался и загородил мне дорогу. Это был тот самый англичанин, с которым я схлестнулся в баре «Сладкая греза».

— Значит, ножки от стола тебе показалось мало? — очень нагло спросил он. — Добавки хочешь, да?

— У меня сейчас нет времени с тобой возиться, — ответил я, пытаясь протиснуться мимо него. — Мне нужен Бизли, антрепренер.

— А чего ты так трясешься? — ухмыльнулся он, и я заметил, что его руки заклеены пластырем. — Чего ты такой бледный, вспотел, а? Меня боишься, а? Вообще-то меня сейчас ждут на ринге, но сначала я отрихтую тебя как следует, свинья американская!

И с этими словами он закатил мне пощечину.

* * *

Не припомню, чтобы кто-нибудь отваживался шлепнуть меня ладонью по лицу. На секунду я погрузился в багровый туман. Не знаю, что за плюху я отведал этой английской обезьяне. Даже не помню, чтоб я его бил. Но, наверно, все-таки бил, потому что, придя в себя, я увидел его лежащим на полу с челюстью, раскроенной от угла рта до подбородка, и раной на голове в том месте, которым он врезался в дверную ручку.

Секундант англичанина пытался спрятаться под лавку, и еще кто-то орал так, словно его живьем резали. Оказалось, орет антрепренер, к тому же он все время подпрыгивал как кот на раскаленной сковородке.

— Что ты наделал? — выл он. — Что ты натворил, чтоб тебя! Зал набит до отказа. Они орут и требуют зрелища. Один финалист ждет на ринге, а другой валяется в луже крови! Боже мой! Хорошенькое дельце!

— Вы хотите сказать, что этот болван должен выступать в финале? — тупо поинтересовался я, в голове у меня по-прежнему была какая-то смурь.

— А где же еще? — снова занял хозяин заведения. — Ты меня убил! Что теперь делать?

— Да-а, у вас, англичаи, кишка тонка, — констатировал я.

И тут меня осенило! У меня даже челюсть отвисла от, если можно так выразиться, грандиозности посетившей меня идеи. Я вцепился в Бизли с такой силой, что он заскулил, решив, что сейчас его будут бить.

— Сколько ты собирался заплатить этому гаду? — рывкнул я и встряхнул его для приведения в чувство.

— Пятьдесят долларов за бой. Победитель получает все! — простонал он.

— Тогда я — тот, кто тебе нужен! — радостно заорал я и выпустил его из своих объятий, да так энергично, что он во весь рост растянулся на полу. — Ты отказался выпустить меня на ринг своего вшивого клуба из-за гнусного предубеждения против американцев, но сейчас у тебя нет выбора! Толпа жаждет крови, и если она ее не увидит, то разнесет твое заведение ко всем чертям! Слышишь, как они орут?

Он прислушался и содрогнулся: от диких криков тряслись стены. Публика устала ждать и требовала зрелища с неистовством древних римлян, призывавших отправить новую партию гладиаторов на съедение львам!

— Может, ты хочешь выйти к ним и объявить, что финальный поединок отменяется? — поинтересовался я.

— Нет, нет! — поспешно ответил он, трясущейся рукой смахивая пот со лба. — У тебя есть форма и секунданты?

— Найду! — успокоил его я. — Беги скорее на ринг и объяви этим уродам, что финальный бой начнется через минуту!

Итак, он отправился к публике торопливой походкой человека, спешащего на свидание с палачом, а я повернулся к тому парню, что пытался втиснуться под скамейку. Этого остолопа клуб нанял, чтоб он драил полы и служил секундантом тем бойцам, у которых своих помощников не было. Я шлепнул парня по задку и внушительно попросил:

— Иди сюда и помоги мне сдвинуть это бревно! Дрожа от страха, он выполнил приказание. Мы затащили англичанина в раздевалку и уложили на стол. Он начал проявлять робкие признаки жизни. Я стащил с него халат и трусы и напялил на себя. Секундант молча наблюдал за мной как замороженный.

— Хватай ведра и полотенца! — скомандовал я. — Не нравится мне твой видок, но ничего не поделаешь. Уж лучше такой секундант, чем вообще никакого. Идеальных не бывает. Пошли!

* * *

С таким вот секундантом я поспешил на арену, и уже в проходе зрители встретили меня яростными приветствиями. Бизли толкал им какую-то речь, но я услышал только самый конец. Он закончил примерно так:

— ...Таким образом, если вы, джентльмены, проявите немного терпения, то через минуту-другую Драчун Пемброук будет готов к выступлению... хотя вот он и сам направляется на ринг!

Сказав это, Бизли быстренько смылся. У него не хватило духу сообщить толпе, что произошла замена. На меня взглянули, потом злобно уставились, недоумевая, а затем, когда я уже подошел к рингу, здоровенный детина вскочил со своего места и заорал:

— Да никакой ты не Драчун Пемброук! Бей его, ребята...

Я успокоил его ударом в подбородок, от которого он рыбкой перелетел через первый ряд. Потом я по-

вернулся лицом к ревушей толпе и, выпятив широченную грудь, свирепо взглянул на зрителей из-под многократно рассеченных бровей.

— Кто еще думает, что я не Драчун Пемброук? Толпа надвигалась на меня, издавая гортанное рычание, но, увидев мою первую жертву, остановилась. Презрительно хмыкнув, я повернулся к ней спиной и взобрался на ринг. Помощничек поднялся следом и начал неуклюже массировать мне ноги. Это был один из тех медлительных болванов, для которых жизнь проходит так быстро, что они не успевают сообразить, что к чему.

— Который час? — спросил я.

Он вытащил часы, долго шевелил губами и в конце концов вымолвил:

— Пять минут одиннадцатого.

— У меня в запасе больше часа, — пробормотал я и взглянул на своего соперника в противоположном углу ринга.

То, что он — личность популярная, я понял по размеру призового фонда. Большинство выступающих на ринге «Тихого часа» получали по десятке баксов за поединок независимо от исхода. Даже эти крохи приходилось чуть ли не силой выбивать у антрепренера. Мой противник был прекрасно сложен, правда слишком бледен, а лицо его было совершенно бесстрастным, как у тунца. Мне показалось, что я его знаю, но я никак не мог сообразить, кто же он такой.

Толпа недовольно роптала, но малый, представлявший нас публике, был настолько флегматичен, что, видимо, по дурости, никого не боялся, даже посетителей «Тихого часа». В целях экономии времени он представлял нас, пока рефери отдавал нам положенные указания.

Вот что говорил ведущий:

— В этом углу ринга — Моряк Костиган, вес...

— А где Пемброук? — заорали зрители. — Это не Пемброук! Это чертов янки, подлый сукин сын!

— Тем не менее, — глазом не моргнув, продолжал ведущий, — он весит сто девяносто фунтов. Его соперник — Задира Джексон из Кардифа. Вес — сто восемьдесят девять фунтов.

У взбесившихся зрителей аж пена выступила на губах, на ринг полетели всякие гадости, но тут прозвучал гонг, и они мигом притихли. Всем не терпелось насладиться зрелищем. Ведь, в конце концов, они пришли сюда ради хорошей схватки.

* * *

С ударом гонга я вылетел из своего угла с серьезным намерением закончить поединок первым же ударом. Правой я нацелился ему прямо в челюсть и не скрывал этого. Презираю всяческий обман. Пригнись он на долю секунды позже. — бой был бы тут же закончен.

Я не стал долго размышлять и вслед за ударом правой нанес еще один левой. Джексон застонал, когда мой кулак вонзился ему под сердце. Затем его правая метнулась к моей челюсти, и по тому, как кулак просвистел мимо, я понял, что он начинен динамитом. Не давая противнику времени опомниться и собраться с мыслями, я серией ударов загнал его на другую сторону ринга и прижал к канатам. Публика пришла в исистовство, полагая, что я вот-вот его прикончу. На самом же деле я не причинил ему вреда, на который рассчитывал. Дело в том, что он умело прикрывался руками и к тому же откатывался назад вместе с ударом. А когда сам наносил удары, то особо не церемонился. Один раз заехал мне в живот, а потом в глаз и вдобавок вдоволь потоптался по моим ногам.

Однако на подобные мелочи в «Тихом часе» никто не обращает внимания. Публика считает, что они придают остроту зрелищу, а рефери их попросту не замечает.

Но я был раздражен и, стремясь свернуть Джексону шею боковым, раскрылся и подставился под его

удар справа. Его рука мгновенно метнулась вперед, словно разозленная кобра. Я еле успел уклониться, и кулак Джексона только скользнул по моему подбородку. В ответ я вывел его из равновесия резким прямым левой в зубы, а сам все продолжал думать об этом его коронном ударе. Он мне явно кого-то напоминал, но сейчас не было времени соображать, кого именно.

Теперь Джексон задействовал левую, нанося ей то молниеносные прямые, то быстрые и резкие хуки. Однако в этих ударах не было той мощи, что таилась в его правой руке, и ему удалось лишь слегка расквашить мне губу. Правую он держал наготове, я внимательно следил за ней и, когда он снова пустил ее в дело, нырнул под удар и обеими руками провел быструю серию ударов в живот. Он по-прежнему был собран как стальная пружина, но моя серия в живот ему явно не понравилась. До конца раунда он отсиживался в защите.

Едва я опустился на табурет, как помощничек тут же хлестнул мне по глазам полотенцем — он где-то видел, как секунданты машут на отдыхающих боксеров, — а потом с размаху вылил мне на голову целое ведро ледяной воды. Это было совершенно излишне, я тотчас сказал ему об этом на простом и понятном языке, не стесняясь в выражениях, но, видимо, у него в голове была всего одна извилина. Он был уверен, что боксеров окатывают подобным образом независимо от их желания.

Я все еще говорил своему секунданту про его умственные способности, когда прозвучал гонг. В результате пулей вылетевший из своего угла Джексон набросился на меня прежде, чем я успел дойти до центра ринга. Он нанес мне удар левой и следом правой. Вжик! Кулак просвистел в воздухе, словно молот на стальной пружине!

Я ушел вправо и ударил его левой в живот. Он задохнулся, покачнулся, и я решил тут же закончить дело молниеносным ударом правой в голову. Но я не

учел, что стою на том самом месте, где мой тупоголовый секундант вылил ведро ледяной воды. Сделав замах, я наступил на кусочек льда, и, когда я уже летел на пол, Джексон привел в движение свою начиненную динамитом правую и на этот раз не промахнулся.

Черт подери! Это совсем не походило на удар человеческого кулака. Казалось, в моем черепе взорвалась пиротехническая мастерская. Я явственно видел пролетающие кометы, метеоры и другие небесные тела и услышал, как кто-то пытается их сосчитать. Потом в голове моей слегка прояснилось, и я понял, что слышу голос рефери, который склонился надо мной и ведет отсчет секунд.

Я лежал на животе, и мне казалось, что в этом зале звонят во все колокола. Из-за этого звона я еле слышал голос рефери. Но вот он произнес: «Девять!», и я встал. Такая уж у меня привычка. Это моя специальность — подниматься. Я поднимался с пола многих рингов от Галвестона до Шанхая.

Ноги меня не слушались — одна стремилась на юго-запад, другая загибалась на восток, — и мне казалось, что началось землетрясение. Я слышал грохот ливня и рев ветра, но вскоре сообразил, что это грохочет и ревет у меня в ушах после удара ужасной силы.

Джексон снова набросился на меня с легкостью и быстротой пантеры. Ему не терпелось вновь пустить в ход свою правую. Должно быть, он думал, что я поднялся на ноги только для того, чтобы он мог меня бить. Любой старожил ринга сказал бы ему, что, независимо от моего состояния, пытаться познакомиться со мной с помощью удара правой — значит нарушить первое правило собственной безопасности.

Он сделал замах правой и выбросил ее вперед, а я отбил этот удар и провел левый хук в корпус. Лицо Джексона позеленело, как позеленело бы у любого после мощного удара железным кулаком в живот. И не успел он нанести следующий удар, как я повис на нем, стиснув в медвежьих объятиях.

Теперь я узнал его! На свете не было другого бойца с таким ужасающим ударом правой, кроме Торнеды Уиллоуби — Кардифского Убийцы. Из-за страсти к виски и женщинам он не стал чемпионом, опустился до нищеты и зарабатывал на жизнь, выступая под вымышленным именем в притонах вроде «Тихого часа». И все же он был опаснейшим из бойцов, которых когда-либо рождала Англия.

Я протер глаза от пота и крови и не спешил выходить из клинча, но, когда судья все-таки растащил нас, я был готов продолжать бой. Уиллоуби пошел в атаку, а я пригнулся и ушел в защиту.

Предупреждая удары противника, я уклонялся влево, одновременно отвечая левым хуком по ребрам и животу. Моя левая была мощней его левой, и я больше не оставлял брешей в своей защите, не позволяя ему бить правой. Но я не сломался, нет! Даже не знаю, что это означает. И знать не хочу! Я ушел в глухую защиту и одновременно наносил удары в живот, а Джексон от этого все больше выходил из себя, еще яростней работая своей жуткой правой. Но его удары отлетали от моих локтей и головы, а моя левая все глубже и глубже вонзалась ему в живот. Это не самый зрелищный способ ведения боя, но в итоге он все-таки приносит результат.

К концу этого раунда я был вполне доволен собой. Моя тактика не позволяла Уиллоуби уложить меня ударом правой, а сам он неминуемо должен был ослабеть от моих методичных ударов по корпусу. На это могло уйти раундов пять-шесть, но поединок был рассчитан на пятнадцать раундов, и времени у меня было навалом.

Я был доволен, но особой радости не ощущал. Пока секундант брызгал мне лимонным соком в глаза вместо того, чтобы смочить им пересохшие губы, и дал мне вволю напиться йода, вместо того чтобы обработать им рану на подбородке, я думал о Майке. Холодок пробежал у меня по спине, когда я представлял себе,

что сделают с ним эти подонки, если в одиннадцать тридцать деньги не окажутся в мусорной банке.

— Который час? — спросил я. Помощник вытащил часы и ответил:

— Пять минут одиннадцатого.

— Ты это уже говорил! — заорал я. — Дай сюда свои ходики!

Я схватил часы, взглянул на них и встряхнул. Они стояли. Непохоже, чтобы в них вообще был механизм. Охваченный жутким предчувствием, я крикнул судь:

— Сколько сейчас времени? — Он посмотрел на часы.

— Секунданты с ринга! — сказал он и добавил: — Пятнадцать минут двенадцатого.

В моем распоряжении оставалось всего пятнадцать минут! Меня прошиб холодный пот, и я вскочил с табурета так резко, что мой помощник упал за канаты. Всего пятнадцать минут! У меня уже не оставалось ни шести, ни пяти раундов на разборки с Уиллоуби! Если я хотел победить, то сделать это следовало сейчас.

Я плюнул на свой прежний план. Меня трясло, и я так смотрел на Уиллоуби, что он весь напрягся. Противник почувствовал во мне перемену, хотя и не знал ее причину. Зато он понял, что придется биться насмерть.

* * *

С ударом гонга я словно ураган вылетел из своего угла с единственным желанием: убить или быть убитым. Я всегда был и остаюсь бойцом с железными нервами, и, если я захожусь до такой степени, как в том бою, никто меня не остановит. В этом поединке не было ни плана, ни замысла, ни тактики — лишь примитивная и грубая мужская сила, лишь пот, кровь, мелькающие руки и ни секунды передышки.

Я пошел вперед, молотя кулаками, как сумасшедший, и Уиллоуби пришлось сражаться за свою жизнь. Брызги крови разлетались во все стороны, толпа бе-

зумствовала, а для меня все вокруг погрузилось в красный туман. Я видел перед собой только белый силуэт Майка и думал лишь о том, что надо снова и снова наносить удар за ударом, и так до скончания века.

Я не знаю, сколько раз побывал на полу. Каждый раз, когда противник попадал в цель правой, я падал как подкошенный. Но всякий раз я поднимался и нападал на него еще яростней, чем прежде. Я обезумел от страха, как человек, которого преследуют кошмары. Я думал лишь о Майке и стремительно бегущих минутах.

Правая рука моего противника казалась мне живым воплощением самого ада. Каждый раз, когда она входила в контакт с моей головой, мне чудилось, что в моем черепе образуется вмятина, а на нее смещаются позвонки. Но я давно привык к боли. Ведь боль — неотъемлемая часть кулачной забавы. И пусть всякие там модные боксеры-танцоры прекращают поединок, почувствовав, что кости начинают размягчаться как воск, а мозги от постоянной тряски просятся наружу. Настоящий боец лишь ниже пригибает голову и снова идет в атаку. Это его бой. И пусть ребра сломаны, а острые осколки впиваются во внутренности, пусть кишки расплющены, а из ушей идет кровь от лопнувших внутри черепа сосудов — все это ерунда, важна только победа.

Никто из белых бойцов не бил меня сильнее, чем Торпеда Уиллоуби, но и я не оставался в долгу. Каждый раз, нанося точный и мощный удар под сердце или в висок противника, я замечал, как он сникает. Если бы он держал удары так же уверенно, как наносил их, вот тогда он бы стал чемпионом.

Наконец я увидел перед собой бледное лицо и открытый рот, которым Торпеда жадно ловил воздух. И тут я понял, что теперь он мой, хотя сам я в этот момент повис на канатах, а зрители требовали меня добить. Правда, они не видели, что ноги Уиллоуби дрожат, живот тяжело вздымается, а глаза остекленели.

Зрители не могли понять, что от мощных ударов его мышцы онемели, перчатки налились свинцовой тяжестью, а сердце готово выскочить из груди. Они видели только меня, повисшего на канатах и покрытого синяками и кровью, и его занесенную для решающего удара правую руку.

И вот Торпеда ударил, медленно и увесисто, но его кулак лишь чиркнул меня по плечу, потому что я успел оттолкнуться от канатов и увернуться. В следующее мгновение я пушечным ударом справа врезал противнику по челюсти, и тот рухнул лицом вниз на помост.

Когда так падают, уже не встают. Я даже не стал дожидаться, пока судья досчитает до десяти и зафиксирует нокаут. Ощувив прилив сил, я пересек ринг, сорвал перчатки и протянул руку за халатом. Разинув рот, мой помощничек вложил в мою ладонь губку.

Вырутавшись, я швырнул эту губку ему в рожу, и он упал, угодив башкой точнехонько в ведро с водой. Это так развеселило зрителей, что, когда я бежал по проходу, они осыпали меня приветственными криками и швырнули мне в спину каких-нибудь полдюжины пустых бутылок, не больше.

Бизли поджидал меня в коридоре, и я на бегу выхватил у него свои пятьдесят баксов. Он вошел в раздевалку следом за мной и предложил помочь одеться. Но я-то знал, что он рассчитывал спереть мои денежки, поэтому оттолкнул его и, быстро накинув одежду, на всех парах вылетел на улицу.

* * *

Бар «Бристоль» считался третьесортным заведением и располагался на краю туземного квартала, где жили одни китайцы. Я добежал туда минут за пять. Часы над стойкой бара показывали, что до одиннадцати тридцати остается минуты полторы.

— Тони, — тяжело дыша, сказал я бармену, который, разинув рот, любовался моим окровавленным ли-

цом. — Мне нужна задняя комната. Проследи, чтобы туда никто не входил.

Я добежал до черного входа и открыл дверь. В проулке было темно, но я разглядел валявшуюся у ступенек пустую жестянку из-под табака. Я быстренько зачихал в нее деньги, шагнул назад и закрыл дверь. Я думаю, в тени кто-то прятался и наблюдал за мной, — стоило мне закрыть за собой дверь, как на улице послышалось движение. Но я не стал выглядывать наружу, чтоб не навредить Майку.

Я услышал чирканье железной банки по камню, потом все стихло, и, быстро досчитав до ста, я распахнул дверь и радостно крикнул:

— Майк!

Ответа не последовало. Банка исчезла, но Майк не появился.

Меня прошиб холодный липкий пот, язык прилип к нёбу. Как сумасшедший я бросился вниз по переулку и, немного не добежав до фонарного столба на перекрестке, споткнулся обо что-то мягкое и упал. Это «что-то» вымолвило со стоном:

— Ой, моя голова!

Я схватил бедолагу и подтащил поближе к свету. Оказалось, что это Трепач Джонс. На голове у него была шишка, а в руках жестянка, но... пустая.

Я пришел в бешенство. Помню, я схватил Трепача за горло и затряс так, что его глаза стали косить, и зарычал:

— Что ты сделал с Майком, крыса подзаборная? Где он?

Трепач энергично замахал руками, и я догадался, что он не может говорить. Лицо его стало багрово-синим, а глаза и язык вылезли наружу. Тогда я слегка ослабил хватку, и он просипел:

— Я не знаю!

— Нет, знаешь! — заорал я, вонзая пальцы в его немытую шею. — Это ты его украл. Тебе понадобились пятьдесят баксов, чтобы поставить на лошадь. Теперь

я все понимаю. Все настолько ясно, что даже такой болван, как я, догадался. Деньги ты получил, а где же Майк?

— Я все расскажу, — сказал он, тяжело дыша. — Отпусти, Стив. Ты совсем задушил меня. Слушай: действительно, Майка украл я. Забрался в твой номер, усыпил его наркотиком и унес в мешке. Но я не собирался причинять ему вред. Мне нужны были только полсотни. Я думал, ты сможешь их раздобыть, если припрет... Я отнес Майка к Ли Юну и спрятал там. Мы положили пса в клетку, пока он не очнулся, а то этот зверь страшнее тигра. Я должен был прятаться в персулкс, пока ты не положишь деньги в банку, а один из китайцев Ли Юна должен был привезти Майка на автомобиле и ждать, когда я принесу бабки. Тогда, если все пройдет нормально, мы собирались выпустить пса на улицу и смыться на авто. Ну, я спрятался, а потом, как мы и договаривались, приехал китаец и остановил машину в темном месте. Я подал ему сигнал и отправился за выкупом. Но когда я возвращался с деньгами, этот подлый дикарь выскочил из темноты и оглушил меня дубинкой. В общем, он слинял, и денежки укатили вместе с ним!

— А где Майк? — заорал я.

— Не знаю, — ответил Трепач. — Похоже, этот китаец вообще его сюда не привозил. Ой, моя голова! — заныл он, схватившись за череп.

— Считаю, что это просто поцелуй ангела по сравнению с тем, что я с тобой сделаю, если не найду Майка, — пообещал я ему. — Где живет этот Ли Юн?

— На старом складе у причала, который местные зовут «Пристань дракона», — пояснил Трепач. — Там у него несколько комнат под жилье ...

Это я и хотел узнать и в следующую секунду уже мчался к «Пристани дракона». Я бросился вниз по переулку, пересек какой-то темный двор, свернул на узенькую улочку, заворачивавшую к порту, и нырнул в тупик, ведущий к тыльной стороне склада. Прибли-

жившись к зданию, я заметил, что задняя дверь открыта и сквозь нее сочится свет.

* * *

Не колеблясь, я с кулаками наготове ворвался внутрь и тут же остановился. В помещении никого не было. Я стоял в огромной, залитой электрическим светом комнате, причем первое, что бросилось мне в глаза, — рубильник на стене. Повсюду валялись перевернутые столы, сломанные стулья и клочки шелковой ткани. Здесь произошла жуткая драка. Сердце мое ушло в пятки, когда я обнаружил две пустые клетки. На полу виднелись пятна крови, белые ворсинки собачьей шерсти и большие клочья темной шерсти, которые могли принадлежать только горилле.

Я осмотрел клетки. Несколько прутьев бамбуковой клетки были перегрызены пополам. Запор второй стальной клетки был взломан изнутри. Я понял, что тут произошло. Майк клыками проложил себе путь к свободе, а горилла сломала засов стальной клетки, чтобы добраться до моего пса. Но куда же они подевались? Может быть, китайцы со своей гориллой преследуют Майка по темным улицам или горилла прикончила пса, и китайцы унесли его, чтобы избавиться от трупа?

Я ощутил слабость, тошноту и беспомощность. Ведь Майк — мой единственный друг. Затем уже третий раз за сегодняшний день меня стал обволакивать багровый туман. В комнате оставался один несломанный стол. Поблизости не оказалось ни одного человека, об которого можно было бы почесать руки, поэтому оставалось лишь что-нибудь сломать.

Но тут открылась дверь, и в нее просунул голову белый толстяк с сигарой во рту. Он уставился на меня и спросил:

— Что это был за шум? А вы кто такой? И где Ли Юн?

— Я бы сам хотел знать, где он,— прорычал я.— А ты кто такой?

— Меня зовут Уэллс, хотя это не ваше дело,— ответил он, входя в комнату. Его брюхо выпирало из клетчатого пиджака, вихляющая походка завела меня до предела.

— Какой бардак! — воскликнул он, стряхнув пепел с сигары таким развязным жестом, что я был готов его убить. Вот такие житейские мелочи порой провоцируют убийство.

— Куда, черт возьми, подевался Ли Юн? Публика начинает нервничать,— сказал толстяк.

— Публика? — переспросил я. Мне показалось, что я расслышал гул голосов в фасадной части здания.

— Ну да,— ответил он,— публика пришла посмотреть поединок гориллы Ли Юна с бойцовым буль-догом.

— Что-о? — выпалил я.

— Да,— сказал он.— Вы разве об этом не знали? Уже пора начинать. Я — партнер Ли Юна, финансирую это шоу. Я стоял у входа, продавал билеты и пять минут назад услышал непонятный шум. Но я был занят сбором входной платы и не мог отойти и выяснить, в чем дело. Так что же тут произошло, а? Где китайцы и животные? А?

Я горько рассмеялся:

— Теперь все ясно. Майк понадобился Ли Юну для этих гнусных поединков. Он заметил возможность разжиться полсотней баксов и заодно устроить представление. Он надул Трепача, и...

— Идите и разыщите Ли Юна,— перебил меня Уэллс, откусывая кончик сигары.— Публика уже с ума сходит, а это сплошь портовые головорезы. Поторопитесь, и я дам вам поддоллара....

И тут я обезумел. Все накопившееся во мне горе и ярость вырвались наружу как расплавленная лава из вулкана. Я издал дикий вопль и взялся за дело.

— Помогите! — завопил Уэллс.— Он спятил!

Уэлс схватился за рукоятку револьвера, но вытащить его не успел, потому что я наградил его таким ударом, что он полетел башкой прямо в стену и затылком приложился к ручке рубильника с такой силой, что та вылетела из контактов, и здание мгновенно погрузилось в темноту. Я на ощупь добрался до двери, распахнул ее и бросился по узкому коридору, пока головой не налетел на другую дверь. Я распахнул ее и вошел в зал.

Я ничего не видел, но чувствовал присутствие множества людей. Слышался гул голосов, выражавших недовольство на хинди, китайском и малайском языках, а также громкая английская и немецкая брань. Кто-то недовольно крикнул:

— Зачем погасили свет? Включите освещение! Как мы увидим бой без света?

Раздался еще чей-то возглас:

— Они запустили зверей в клетку! Я их слышу!

* * *

Тут все зрители стали громко ругаться и требовать, чтобы включили свет. Я продолжал на ощупь продвигаться вперед, пока не наткнулся на железные прутья. Тогда я сообразил, где нахожусь. Коридор, по которому я бежал, служил проходом или тоннелем, ведущим в большую клетку, где и проходили бои. Я просунул руку сквозь прутья, пошарил вокруг и нащупал ключ, торчавший из двери клетки. Я издал радостный крик, которому позавидовала бы даже горилла, повернул ключ, распахнул дверь и вырвался наружу. Эти скоты любят смотреть на драку, да? Ну что ж, постараюсь их не разочаровать. Когда двое мужчин по собственной воле дерутся за деньги — это одно. Но когда безобидных животных заставляют грызть друг друга для развлечения всяких мерзавцев — это совсем другое дело.

Я выскочил из клетки и вне себя от бешенства стал размахивать кулаками. Кто-то ойкнул и тут же рухнул, а еще кто-то завопил:

— Эй, кто меня ударил?

Тут уж все стали толкаться, пихаться, орать и лупить друг друга наугад, не соображая, что происходит. А я раздавал удары направо и налево, и после каждого удара кто-то валился на пол. Внезапно вдребезги разлетелось окно, и внутрь проник слабый луч света. Я подошел поближе к освещенному пространству, и тут раздался отчаянный вопль:

— Спасайся! Спасайся! Горилла вырвалась!

После этого начался какой-то кошмар. Все бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног, дико вопя и матерясь. В гуще этой свалки стоял я и угощал плюхами всех, кого мог достать.

— Вам хочется драки, да? — вопил я. — Ну, тогда получите на дорожку!

Толпа зрителей как стадо быков врезалась в дверь, разнесла ее в щепки и вихрем вылетела на улицу — во всяком случае те, кто еще был в состоянии летать. Многих в этой свалке искалечили, но, честно говоря, большинство пострадало от моих кулаков. Этим гадам, видите ли, захотелось посмотреть, как прольется кровь — чужая, а не их собственная, — и ради этого нужно было принести в жертву Майка, моего единственного друга на Востоке. Я готов был всех поубивать!

Толпа с дикими криками припустила вниз по улице, я выскочил следом, но споткнулся о невинного прохожего, сбитого удиравшими зрителями. Когда я поднялся на ноги, негодяи были уже далеко, хотя шум панического бегства еще не затих.

Огонь моей ярости поутих, оставив один пепел. Я чувствовал себя старым, больным и смертельно уставшим. Нагнувшись, чтобы помочь человеку подняться, я увидел, что это капитан английского судна, стоявшего под разгрузкой в порту.

— Скажите, — спросил он, делая глубокий вдох, чтобы успокоить дыхание, — вы не Стив Костиган?

— Да, это я, — признался я без энтузиазма.

— Замечательно! — воскликнул он. — Вас-то я и искал! Мне сказали, что это ваша собака.

Я вздохнул:

— Ага. Белый бульдог. Откликался на кличку Майк. Где вы нашли его тело?

— Тело? — удивился англичанин. — Тело! Эта зверюга полчаса гоняла четверых китайцев с гориллой по всему порту, а потом загнала их на такелаж моего судна. Заберите его оттуда. Мне эти шутки ни к чему!

— Старина Майк! — обрадовался я, подпрыгнув от счастья. — По-прежнему самый боевой пес в южных морях! Показывай дорогу, друг. Мне не терпится сказать пару ласковых этим бедным жертвам. Против гориллы я ничего не имею, но за полсотни баксов, которые сперли у нас с Майком, китайцы ответят!

ГЕНЕРАЛ СТАЛЬНОЙ КУЛАК

Когда я вышел на ринг боксерского клуба «Дворец удовольствий», настроение у меня было неважное. Пришлось срочно приехать в Гонконг из Тайваня, даже Майка я оставил на «Морячке», которая должна была прийти в порт не раньше чем через две недели.

Но Сопи Джексон — тот парень, которого я разыскивал, — исчез бесследно. Его не видели уже несколько недель, и никто не знал, что с ним стряслось. Тем временем деньги у меня закончились, и я согласился на поединок со здоровенным боксером-китайцем по прозвищу Желтый Тайфун.

Он был любимцем спортивной публики, и «Дворец» в тот вечер был до отказа забит зрителями — белыми и китайцами, — причем некоторые принадлежали к высшим слоям общества. Пока я ждал в своем углу удара гонга, мое внимание привлек один китаец. Европейская одежда сидела на нем безукоризненно, и казалось, что он проявляет живейший интерес к происходящему. Но, в общем-то, публика меня не инте-

ресовала, я хотел лишь одного — закончить бой как можно скорее.

Желтый Тайфун весил триста фунтов и был на голову выше меня, но большая часть его веса размещалась вокруг пояса, а руки и плечи не выдавали в нем обладателя мощного удара. И потом, неважно каких размеров китаец — просто он не боец.

В тот вечер у меня не было настроения демонстрировать эффектный бокс. Я попросту подошел к противнику вплотную, дал ему поработать руками, пока не заметил брешь в защите, и затем ударил правой. Он грохнулся с такой силой, что помост закачался. На этом поединок закончился.

Не обращая внимания на крики разочарованной публики, я прошел в раздевалку, накинул на себя шмотки и, достав из кармана брюк письмо, в сотый раз прочитал адрес.

Оно было адресовано мистеру Сопи Джексону, бар «Америкэн», Тайнань, и отправлено адвокатской конторой из Сан-Франциско. Покинув борт «Морячки», Сопи встал за стойку в баре «Америкэн», а когда наше судно снова зашло в Тайнань, оказалось, что он уже месяц как ушел оттуда, и владелец заведения показал мне пришедшее на имя Джексона письмо. Хозяин сказал, что Сопи отправился в Гонконг, но адреса его не знал, поэтому я и отправился на поиски. Мне казалось, что в письме содержится что-то очень важное. А вдруг кто-то оставил Сопи состояние?!

Оказалось, что в Гонконге, как и во всем Китае, происходят беспорядки. В горах собрались тысячи бандитов, называвших себя революционерами. Кругом говорили только о Юн Че, генерале Ван Шане и генерале Фэне, который, по слухам, был белым. Пошли слухи, что Юн и Фэн объединились против Вана и теперь ожидали серьезного столкновения. Иностранцы срочно покидали страну. Белому моряку, не имевшему в Гонконге ни друзей, ни знакомых, ничего не стоило потеряться из виду. Я еще подумал, что эти жел-

тые дьяволы могли убить Сопи как раз, когда он мог разбогатеть.

Я засунул письмо в карман и вышел на освещенную фонарями улицу, размышляя, где бы еще поискать Сопи. И тут рядом со мной возник незнакомец — тот самый щеголеватый китаец в европейском костюме, что во время матча сидел в первом ряду.

— Ведь вы — моряк Костиган, правда? — спросил он на безупречном английском.

— Да, — ответил я, немного подумав.

— Я видел, как вы сегодня дрались с Желтым Тайфуном, — сказал он. — Удар, который вы ему нанесли, мог бы свалить быка. Вы всегда так бьете?

— А почему бы и нет? — ответил я.

Он внимательно оглядел меня и кивнул, словно согласился с самим собой по неизвестно какому поводу.

— Давайте зайдем сюда и чего-нибудь выпьем, — предложил он, и я последовал за ним в забегаловку.

Там сидели одни китайцы. Они взглянули на меня, точно спящие рыбы, и вновь принялись за чай и рисовое вино в крохотных чашках, похожих на яичную скорлупу.

Мандарин, или как он там у них называется, провел меня в комнату, дверь которой была задрапирована бархатными портьерами, а стены — шелковыми обоями с драконами. Мы сели за эбеновый столик, и слуга-китаец принес фарфоровый кувшин и чашки.

Мандарин стал разливать напиток. Когда он наполнял мою чашку, за дверью поднялся чертовский шум. Я обернулся, но из-за портьер ничего не было видно. Потом шум внезапно стих. Эти китайцы вечно ссорятся из-за всяких пустяков.

Тут мандарин предложил тост:

— Давайте выпьем за вашу замечательную победу!

— А, — сказал я, — пустяки. Мне и нужно-то было всего разок ударить.

Я выпил и удивился:

— Этот напиток какой-то странный на вкус. Что это такое?

— Каолян, — ответил китаец. — Выпейте еще. Он снова налил и, подавая мне чашку, чуть не перевернул ее, задев рукавом. Я выпил, и он спросил:

— Что случилось с вашими ушами?

— Вам следовало бы знать, раз уж вы такой любитель бокса, — ответил я.

— Сегодня я впервые в жизни увидел боксерский поединок, — признался он.

— Никогда б не подумал, судя по тому, как заинтересованно вы наблюдали за поединком, — удивился я. — А такие уши на профессиональном языке боксеров называют лопухами или цветной капустой. У меня как раз такие и есть, и еще нос кривой, оттого что я тормозил им удары кулаков, спрятанных в перчатки. Все старые бойцы носят такие украшения, если они, конечно, не «танцоры».

— Вы часто выступаете на ринге? — заинтересовался мандарин.

— Чаще, чем могу припомнить, — ответил я и заметил, что его черные глаза загорелись какой-то тайной радостью.

Я сделал еще глоток этого китайского пойла и ощутил приступ красноречия и фиглярства.

— От Саванны до Сингапура, — запел я, — от чистых улочек Бристоля до причалов Мельбурна — повсюду пыль рингов пропитана моей кровью и кровью моих врагов. Я главный задира с «Морячки» — самого боевого из судов, бороздящих океан. Стоит мне ступить ногой на причал, как даже самые сильные парни спасаются бегством! Я...

Тут я заметил, что мой язык начал заплетаться, а голова пошла кругом. Мандарин не делал ни малейшей попытки поддержать разговор. Он просто сидел и внимательно смотрел на меня блестящими глазами, а мне казалось, что я погружаюсь в какой-то туман.

— Какого черта! — тупо рявкнул я.

Затем я начал орать, попытался подняться из-за стола, но комната вокруг меня поплыла куда-то.

— Ах ты, желтопузая крыса! Ты подсыпал наркоту в мою выпивку! Ты...

Левой рукой я схватил его за рубашку и через стол потащил на себя, занося правую для удара. Но прежде чем я успел ударить китаезу, в моем черепе что-то взорвалось, и я отключился.

* * *

Наверное, я долго пробыл в отключке. Пару раз у меня возникало ощущение, будто меня подбрасывают и толкают. Казалось, что я лежу в своей койке на «Морячке», а на море разыгрался шторм. А потом, что еду куда-то на автомобиле по разбитой и тряской дороге. У меня было такое чувство, что мне необходимо подняться и снести кому-то башку. Но, честно говоря, я просто лежал и ни черта не помнил.

Но когда я, наконец, очухался, то первым делом сообразил, что связан по рукам и ногам. Потом я заметил, что лежу на походной кровати, а надо мной навис здоровенный китаец с винтовкой. Я повернул голову и увидел, что на груди шелковых подушек сидит еще один человек, показавшийся мне знакомым.

Сперва я не узнал его, потому что теперь он был одет в расшитые на китайский манер шелковые одежды, но потом, разглядев, понял, что это мандарин. Несмотря на мешавшие путы, я принял сидячее положение и обратился к нему с плохо сдерживаемой яростью в голосе:

— Зачем ты подсыпал отраву в мою выпивку? Где я? Что ты со мной сделал, дерьмо китайское?

— Вы находитесь в лагере генерала Юн Че, — спокойно ответил он. — Я привез вас сюда на своем автомобиле, пока вы были без сознания.

— А кто ты сам такой, черт тебя подери? — рявкнул я.

— Генерал Юн Че, ваш покорный слуга, — сказал он и насмешливо поклонился.

— Черта с два ты генерал! — усмехнулся я, показав, что тоже знаком с хорошими манерами Старого Света. — У тебя хватило смелости самому приехать в Гонконг?

— Эти болваны федералисты — глупы, — бесстрастно объяснил он. — И я частенько работаю шпионом у самого себя.

— А меня ты для чего спер? — заорала и так дернул свои веревки, что на висках вздулись вены. — Я не смогу заплатить тебе чертов выкуп.

— Вы когда-нибудь слышали о генерале Фэне? — спросил он.

— И что с того, если слышал? — У меня не было никакого желания разгадывать загадки.

— Его лагерь неподалеку, — ответил китаец. — А сам он такой же белый дьявол, как и вы. Слышали его прозвище — генерал Стальной Кулак?

— Ну? — отозвался я.

— Это человек огромной силы и необузданных страстей, — начал свой рассказ генерал Юн. — Он приобрел сторонников и последователей скорее благодаря своим бойцовским качествам, нежели интеллекту. Тот, кого он ударит своим кулаком, без чувств падает на землю. Поэтому его и прозвали генерал Стальной Кулак.

Сейчас мы с ним объединили войска, так как наш общий враг, генерал Ван Шан, где-то поблизости. Войско генерала Вана больше нашего. Кроме того, у него есть самолет, который он сам пилотирует. Мы точно не знаем, где сейчас Ван Шан, но и ему неизвестно наше местоположение. К тому же мы принимаем серьезные меры предосторожности против шпионов. Ни один человек не может прийти в наш лагерь или покинуть его без специального разрешения.

Хотя мы и союзники с генералом Стальным Кулаком, но друг друга недолюбливаем. Вдобавок он по-

стоянно пытается подорвать мой престиж перед солдатами. Мне приходится отвечать тем же. Но я не хочу раздувать вражду между нашими армиями, главное — уронить авторитет самого генерала.

Генерал Фэн хвалится, что может одолеть любого человека в Китае голыми кулаками. Он частенько бросал вызов мне, предлагая якобы из спортивного интереса выставить против него моих самых сильных офицеров. Он прекрасно знает, что никто из моих людей против него выстоять не сможет. Его заносчивость роняет мой престиж. Вот я и отправился в Гонконг, чтобы найти боксера, способного с ним сразиться. Сначала я подумывал о Желтом Тайфуне, но после того, как вы уложили его одним ударом, я понял, что вы — тот, кто мне нужен. В Гонконге у меня много друзей. Да и подсыпать вам наркотик не составило труда. В первый раз ваше внимание отвлек шум подстроенной ссоры. Но одной дозы не хватило, и я ухитрился второй раз подсыпать зелье в вашу чашку из собственного рукава. Клянусь священным драконом, прежде чем потерять сознание, вы проглотили такую дозу наркотика, что слону хватило бы.

Но вот вы здесь. Я представляю вас Фэну перед собранием офицеров и требую, чтобы он оправдал свое бахвальство. Он не сможет отказаться от вызова, не уронив свою честь. Ну а если вы его побьете, он потеряет лицо, а мой престиж соответственно возрастет, поскольку вы представляете меня.

— И что я буду с этого иметь?

— Если победите, я отправлю вас обратно в Гонконг с тысячей американских долларов.

— А если проиграю? — полюбопытствовал я.

— Хм. — Он улыбнулся. — Человек, которому палач срубит мечом голову, не нуждается в деньгах.

Я покрылся холодным потом и какое-то время делал вид, что размышляю.

— Вы согласны? — спросил он через минуту.

— Как будто у меня есть выбор! — воскликнул я. — Снимите с меня эти веревки и дайте чего-нибудь пожрать. На пустой желудок я ни с кем драться не собираюсь.

Генерал хлопнул в ладоши. Солдат разрезал веревки пилкой, а слуга принес большое блюдо тушеной баранины, хлеб и рисовое вино. Я принялся за еду.

— В знак благодарности, — сказал генерал Юн, — позвольте преподнести вам эту безделушку. — С этими словами он достал из кармана превосходнейшие часы. — Если подарок вам понравился, — продолжил он, заметив мое восхищение, — то пусть он прибавит вам сил в схватке с генералом Стальным Кулаком.

— Не беспокойтесь, — заверил я, разглядывая золотые часы с выгравированными драконами. — Я ему так врежу — неделю будет кувыряться.

— Замечательно! — заулыбался генерал Юн. — Если вам удастся во время поединка нанести ему смертельное увечье, это может значительно упростить дело. Однако пойдемте! Генерал Фэн попадетсЯ в собственную сеть!

* * *

Я вышел на свет божий и увидел множество палаток, снующих между ними оборванных солдат, а немного поодаль еще один лагерь, полный таких же желтопузов. Было раннее утро, и я сообразил, что мы всю ночь тряслись в автомобиле Юна, чтобы добраться сюда, в горы.

Генерал Юн направился к большой палатке в центре лагеря, и я последовал за ним. Офицеры, одетые в самые разнообразные униформы, поднялись со своих мест и почтительно поклонились, только один здоровенный белый мужчина в защитном шлеме, выцветших брюках цвета хаки и высоких ботинках остался сидеть на походном табурете. Его кулаки были размером с куваду, на руках бугрились мощные мышцы, а

лицо и жилистая шея закоптились от солнца. Судя по его виду, он так и ждал, чтобы кто-нибудь дал ему повод для драки.

— Генерал Юн... — начал было он грубым голосом, но вдруг осекся и уставился на меня. — Какого черта ты тут делаешь?

— Джозл Баллерин! — воскликнул я, хорошенько разглядев сидящего.

Джозла Баллерина всегда можно было найти там, где идет война. Причем в самой ее гуще. Он родился в Южной Австралии и имел врожденную слабость к дракам. Он слыл отличным боксером в Южной Африке, Австралии и южных морях. Торговец оружием и людьми, контрабандист, пират, ловец жемчуга и прочее, но по натуре драчун и задира, томимый неотступным желанием врезать своими кулачищами по чьей-нибудь башке. Сам я никогда с ним не дрался, зато видел результаты его работы. Увечья, которые он мог нанести, вызывали благоговейный ужас.

Он смотрел на меня без особой приязни, потому что у меня тоже была репутация смертоносного бойца, а все боксеры завидуют чужой славе. Поймав его взгляд, я почувствовал, что у меня волосы на спине встали дыбом.

— Вы часто хвастались, что являетесь мастером кулачного боя, — тихо начал Юн Че. — Вы неоднократно заявляли, что в моей армии нет ни единого человека, включая меня самого, которого вы не смогли бы одолеть в два счета. Рядом со мной стоит один из моих приверженцев, и я готов выставить его против вас.

— Это Стив Костиган, американский моряк, — прорычал Баллерин. — Никакой он вам не приверженец!

— Напротив! — торжественно произнес генерал Юн. — Разве вы не видите, на нем мои часы с драконами, которыми я одариваю только верных соратников?

— Что-то здесь не так! — громыхал Баллерин. — Если ты притащил сюда эту гориллу с капустными ушами, значит ...

— Эй! — воскликнул я, негодуя. — Полегче с оскорблениями! Если не хватает смелости подраться, так и скажи.

— Что? Ах ты, чертов дурак! — заорал он и подпрыгнул со стула как ошпаренный. — Да я сейчас, не сходя с места, сверну тебе шею...

Генерал Юн встал между нами и, бесстрастно улыбаясь, сказал:

— Давайте вести себя достойно. Пусть поединок будет публичным. Боюсь, эта палатка не может служить ареной для столь мужественных гладиаторов. Я велю немедленно соорудить ринг.

Баллерин отвернулся и бросил:

— Ладно, устраивайте все как хотите.

Затем он повернулся ко мне и, сверля взглядом, прошипел:

— А что касается тебя, обезьяна американская, ты покинешь лагерь вперед ногами!

— От пустой болтовни синяков не бывает, — отмахнулся я. — И потом я никогда не занимался грязными делами, как ты, грязный работороговец и жемчужный вор!

Он налился кровью, словно вот-вот лопнет, яростно фыркнул и выдетел из палатки. Генерал Юн жестом пригласил меня следовать за собой, часть офицеров потянулась за нами, часть — за генералом Фэном. Похоже, между двумя армиями существовала открытая неприязнь.

— Генерал Стальной Кулак попал в свой собственный капкан! — щебетал Юн, сияя от удовольствия. — Он жаждет битвы, но полон гнева и подозрений, потому что знает: я подстроил ему этот поединок. Пусть солдаты обеих армий станут свидетелями его падения. Отзовите дозорных с холмов! Генерал Стальной Кулак! Ха-ха!

Генерал Юн отвел меня в соседнюю со своей палатку и велел кричать, если мне что-нибудь понадобится. Он сказал, что выставит охрану на тот случай, если Баллерин надумает меня убить до поединка, но я сообразил, что стал пленником.

И вот сижу я в палатке и слышу, как к ней подошли несколько человек и окружили. Кто-то стал отдавать приказания на ломаном китайском, а потом выругался по-английски. Тут я высунул голову в дверь и крикнул:

— Сопи!

В старой армейской шинели на три размера меньше, чем нужно, и с саблей в руках на три размера больше, Джексон возглавлял отряд охранников. Увидев меня, он чуть не выронил железу:

— Стив! Что ты здесь делаешь?

— Собираюсь побить Джозла Баллерина на радость Юну Че, — ответил я.

— Значит, вот почему сооружают ринг! Обо всем происходящем знают только высшие офицеры.

— А ты-то что тут делаешь? — перебил Сопи я.

— Да, дурака валяю... Мне надоело стоять за стойкой, и я решил стать наемником. Приехал в Гонконг, пробрался в горы и вступил в армию Юна Че. Но здесь совсем не та жизнь, на которую я рассчитывал. Ничего не имею против боевых действий, потому что в основном — это много крика, немного стрельбы и совсем мало вреда. Но маршировать по этим горам чертовски тяжело, а еда просто отвратительная. Платят нам редко, а когда получишь деньги, тратить их негде. Готов дезертировать хоть за десять центов!

— Послушай, у меня есть для тебя письмо. — Я полез в карман брюк и тут же заорал: — Меня обокрали! Его нет!

— Чего нет? — спросил Сопи.

— Письма. Я разыскивал тебя, чтобы передать письмо. Оно пришло в бар «Америкэн» в Тайнани. Письмо от юридической фирмы «Ормонд и Эшли» из Сан-Франциско.

— Ну и что же было в том письме?

— Откуда мне знать? Я его не распечатывал. Подумал, что кто-то оставил тебе кучу денег или что-нибудь в этом роде.

— Я помню, папаша говорил, что у него богатые родственники, — заволновался Сопи. — Посмотри еще раз, Стив.

— Я уже смотрел. Нету! Уверен, это Юн Че забрал письмо, пока я был в отключке. Пойду и врежу ему по челюсти.

— Постой! — заорал Сопи. — Ты добьешься, что нас обоих пристрелят! Тебе нельзя выходить из палатки, я должен тебя сторожить.

— Ладно, — согласился я. — Вряд ли в конверте были деньги. Скорей всего, тебе сообщали, куда приехать за наследством. Я запомнил адрес. Когда вернемся в Гонконг, я напишу им и сообщу, что разыскал тебя.

— Долго придется ждать, — с грустью констатировал Сопи.

— Не очень долго, — сказал я. — Вот уделаю Баллерина и сразу отправлюсь в Гонконг.

— Не отправишься, — возразил Сопи. — Во всяком случае не скоро.

— О чем это ты? — Мне стало любопытно. — Юн сказал, что отправит меня в Гонконг, если я побью Баллерина.

— Но он ведь не сказал, когда именно отправит, верно? — спросил Сопи. — Он не станет рисковать. Ты запросто начнешь болтать, и шпионы Вана быстро узнают наше местонахождение. Нет, мой дорогой, он будет держать тебя в плену до тех пор, пока мы не уйдем отсюда, а этого придется ждать месяцев шесть!

— Я должен торчать в этой норе шесть месяцев? — воскликнул я в праведном гневе. — Не буду!

— Может, тебе и не придется, — весело сказал он. — В лагере китайских повстанцев случаются самые неожиданные вещи. Я смотрю, на тебе часы Юна Че.

— Да, — признался я. — Правда, красивые? Юн Че подарил их мне.

— Ну, эти часы он не тебе первому дарит, — поведал Сопи. — Но они всегда возвращаются к Юну Че после смерти очередного владельца, — они умирают неожиданно и довольно часто. Только на моей памяти эти часы дарили четверым, и ни одного из них уже нет в живых.

— Какую чертовщину ты несешь! — воскликнул я, обильно вспотев. — Да-а, кажется, я попал в приятную компанию! А ты сам хочешь здесь остаться?

— Нет, не хочу! — ответил он с горечью. — Я и раньше не хотел, а теперь, когда меня дожидаются миллионы долларов на карманные расходы, я готов забросить эту дурацкую саблю подальше и рвануть на побережье.

— Так, — сказал я. — Я тоже не намерен торчать здесь шесть месяцев. Но мне нужна тысяча баксов. Давай-ка сделаем рывок сегодня вечером, как только я получу деньги.

— Они нас догонят прежде, чем мы успеем отойти на две мили, — мрачно изрек Сопи. — У меня хорошая лошадь, здесь таких немного, но двоих она никаким аллюром не потянет. Все остальные клячи стреножены и охраняются, чтобы никто не смог удрать и сообщить наши координаты генералу Вану. А тот собственную ногу отдаст за такую информацию. Юн Че уверен, что я не сбегу, потому что Ван хочет отрубить мне голову. Во время сражения при Каучау я украл цыплят, предназначенных для его стола.

— Так, — начал я нервно. — Провалиться мне к чертям, если я останусь...

— Тс-с! — зашептал Сопи. — Сейчас будет смена караула. Вот идет другой наряд. Сейчас я уйду и все обдумаю.

Появились солдаты с офицером-китайцем во главе, а Сопи и его люди отправились отдыхать. Я сел и стал заводить часы с драконами, пытаюсь придумать что-нибудь умное, но это мне, как всегда, не удалось.

* * *

Время тянулось медленно, но наконец в середине дня пришли офицеры, и меня с эскортом повели к рингу, воздвигнутому на полпути между двумя лагерьями. Вокруг уже образовалась плотная толпа военных. С одной стороны стояли приверженцы Юна Че, с другой — генерала Фэна. И те и другие были при винтовках. Ринг соорудили из четырех забитых в землю столбов и натянутых между ними веревок, а пол — из досок, приподнятых над землей на ярд или около того. Возле ринга на походном стуле восседал генерал Юн в окружении своих офицеров. Позади него высился огромный обнаженный по пояс китаец. Другие офицеры и солдаты либо стояли вокруг ринга, либо сидели на земле.

Сопи нигде не было видно, секундантов или помощников тоже. Китайцы ничего не смыслят в таких делах. Я взошел на ринг, потрогал веревки — их натянули слишком слабо — и осмотрел пол. Он был достаточно твердым, но неровным и к тому же без всякого покрытия. У них хватило соображения поставить по углам походные табуреты, так что я снял куртку и рубашку и уселся. Генерал Юн поднялся со своего места и подошел ко мне. Он мягко улыбнулся и сказал:

— Побей эту собаку, как побил Желтого Тайфуна. Если проиграешь поединок, потеряешь голову прямо на этом самом ринге.

— Я не собираюсь проигрывать, — прорычал я, сытый по горло обещаниями генерала.

Юн Че мило улыбнулся и вернулся на свое место. Тут кто-то дернул меня за штанину. Я посмотрел вниз и увидел Сопи. Его трясло от волнения.

— Ничего не говори, Стив! — прошептал он. — Только слушай. Юн Че думает, что я хочу подбодрить тебя перед боем. Так вот слушай: я все устроил! До меня дошел слух, что федеральные войска стоят лагерем в долине к югу отсюда. Они ничего о нас не знают, но я нашел человека, который поклялся, что ему можно верить. Я тайком отправил его из лагеря на своей лошади. Он приведет федералистов сюда, и они разнесут это бандитское логово. Когда начнется пальба, мы пригнемся и побежим к федералам. Мой человек уехал сразу после нашего разговора, так что они должны прибыть сюда через час или чуть больше.

— Надеюсь, что они не появятся слишком рано, — сказал я. — Ведь мне еще нужно получить с Юна Че свою тысячу баксов.

— Ая пойду послезу за людьми Фэна, — прошептал Сопи.

В тот же миг толпа с другой стороны ринга расступилась, и к нам вышел генерал Фэн, он же Джозл Баллерин, собственной персоной.

Он был обнажен до пояса, на лице блуждала злая ухмылка, короткие светлые волосы стояли ежиком. Солдаты закричали приветствия. Фэн действительно был крепким парнем и к тому же обладал скоростью и выносливостью. У него были квадратные плечи, широченная грудь колесом и мощная шея. При каждом движении под загорелой кожей проступали бугры мышц. Соперник стоял, широко расставив ноги, он был чуть-чуть выше меня ростом и весил двести фунтов против моих ста девяноста.

Мысленно возвращаясь к той схватке, я думаю, что она была самой странной из всех, в которых я участвовал. Вместо судьи был китаец, который время от времени бил в гонг, причем, судя по всему, когда ему заблагорассудится. В том, как он отсчитывал время, не наблюдалось никакой логики. Один раунд мог длиться тридцать секунд, другой минут девять-десять. Когда кто-то из нас падал, никому даже в голову не при-

ходило считать до десяти. Задумка была такова: продолжать бой до тех пор, пока один из нас не сможет подняться с пола. О существовании перчаток, похоже, тут тоже не знали. Голые костяшки не отскакивают как перчатки, зато на них остаются раны и синяки. Одним или даже полудюжиной ударов, нанесенных голым кулаком, довольно трудно отправить в нокаут крепкого бойца. Его надо добивать методично.

Предварительных церемоний не было. Перемахнув через канаты, Баллерин прыгнул на ринг, отшвырнул табурет ногой и скомандовал:

— Бей в гонг, Ву Шан!

Ву Шан ударил, и Баллерин набросился на меня, как гибрид мустанга и китайского тайфуна.

Мы сошлись в центре. Первым же ударом он расплющил мое капустное ухо, а я с первого раза разбил ему челюсть до кости. А потом началась резня и бойня.

Наш поединок был лишен красоты. Мы грудью налетали друг на друга, и голые кулаки с хрустом били по мышцам и костям. Первый раунд еще не закончился, а мы уже топтались в собственной крови. Во втором раунде Баллерин едва не сломал мне челюсть оглушительным левым хуком, от которого я повалился на пол. Но с ударом гонга я опять полез в драку как сумасшедший. В начале третьего раунда мы с такой скоростью ринулись друг на друга, что столкнулись головами и рухнули на помост почти без чувств. У Баллерина был рассечен лоб, а у меня на темени образовалась шишка размером с яйцо. Китайцы кричали, видя, как мы корчимся на полу, но мы одновременно поднялись на ноги и пошли лупить друг друга, пока Ву Шан не потерял самособладания и не ударил в гонг.

* * *

В начале четвертого раунда я стал методично наносить удары в живот противника, а он тем временем молотил меня по голове. В моих ушах стоял такой звон,

будто все корабли в гавани Сан-Франциско били в судовые колокола, глаза заливала кровь, и я лупил наугад. Я слышал, как тяжело дышал и хрюкал Баллерин, когда мои кулаки все глубже и глубже вонзались в его брюхо. Наконец он издал дикий вопль, схватил меня поперек туловища, швырнул на пол и, усевшись на меня верхом, начал бить головой, моей, разумеется, об пол, к великой радости своего войска.

Поскольку Ву Шан, казалось, решил продолжать этот бой вечно, я избрал для себя долговременную тактику. Лягнув Баллерина в затылок, я скинул его, а когда он начал подниматься, приласкал в глаз.

Это уменьшило его обзор наполовину и вовсе не улучшило настроение, что он и доказал, заревев как паровой гудок и оглушив меня жутким ударом в ухо, от которого я перемахнул на другую сторону ринга. Я врезался в плохо натянутые веревки, которые ничуть не помешали моему полету, и, продолжая движение, рухнул на колени сидевших зрителей.

Я поднялся и полез обратно под канаты, наступая при этом на ноги болельщиков. Один из них в качестве компенсации за неудобства хотел кольнуть меня штыком, но я успел врезать ему по челюсти. Потом я заметил, что мой соперник стоит у канатов и гнусно ухмыляется, показывая окровавленные кулаки. Я догадался, что он хочет нанести удар, когда я буду пролезать сквозь канаты, и сказал:

— Отойди от канатов и дай мне пролезть, крыса гальяунная!

— Это уж как сумеешь, бабуин вонючий! — нахально рассмеялся он.

Тогда я резко просунул руку под веревки и дернул его за щиколотку. Он брякнулся на спину, а я успел прыгнуть на ринг прежде, чем он сумел подняться. Баллерин в бешенстве вскочил на ноги, но тут Ву Шан решил ударить в гонг.

С началом пятого раунда мы вновь сошлись и дубасили друг друга до полного изнеможения. Когда на-

конец раздался удар гонга, мы рухнули, где стояли, и так пролежали до начала следующего раунда, жадно ловя воздух. С началом шестого раунда мы поднялись и продолжили начатое в пятом.

Мы обменялись вихрем ударов справа и слева, и вдруг он нанес удар снизу, да так быстро, что я и не заметил. Я ударился об пол затылком, чуть не заработав вмятину в черепе, но снова поднялся и попер вперед, самозабвенно нанося удары. Я гонял противника по рингу и, не заметив, как он отступил в сторону, по инерции пролетел мимо и упал на канаты.

Он успел трижды врезать мне по шее, а когда я, качаясь, развернулся, двинул мне по физиономии размашистым хуком справа. Бац! Не помню, чтоб я падал, но, видимо, все-таки упал, так как очухался я на полу, а Баллерин топтал меня башмаками. Где-то вдали Бу Шан бил в гонг, но мой противник не обращал на это внимания, и я почувствовал, что отчаливаю в страну грез.

Затем мой блуждающий затуманенный взгляд остановился на генерале Юне. Он мрачно улыбался мне, а полуобнаженный китаец за его спиной вытанил огромный изогнутый меч и проверил пальцем остроту клинка.

Я зарычал, это слегка успокоило мой мятущийся разум, и, несмотря на противодействие противника, я поднялся на ноги. Я врезал слева с такой силой, что чуть не оторвал Баллерину ухо, и он полетел на канаты. Отскочив от них с диким ревом, он размахнулся, но, вместо меня, попал в столб и разнес его в щепки. Я в свою очередь вонзил правый кулак ему под сердце, вложив в этот удар всю массу тела. Услышав хруст ребер, я послал вдогонку серию ударов правой и левой. Он попятился, болтаясь как судно, попавшее в тайфун. От жуткого удара правой в голову Баллерин свесился через канаты. Только я собрался нанести последний удар, как почувствовал, что меня дергают за штаны. Я услышал голос Сопи, ему удалось переорать толпу:

— Стив! Баллерин приказал солдатам держать тебя на мушке. Если ты уложишь его сейчас, то не уйдешь живым с ринга!

* * *

Я протер глаза от крови и мельком глянул через плечо. В первом ряду солдаты генерала Фэна по-прежнему опирались на винтовки, но за их спинами я заметил мерцание направленных на меня стволов.

Баллерин оттолкнулся от канатов и хотел ударить справа, но промахнулся на целый ярд. Он наверняка упал бы, но я успел его подхватить.

— Что же мне делать? — взвыл я. — Если я его не уложу, Юн Че отрубит мне голову, а если уложу. — солдаты пристрелят меня!

— Тяни время, Стив! — взмолился Сопи. — Держись, пока хватит сил. В любую минуту может что-нибудь произойти.

Я посмотрел на солнце и вспотел от отчаяния. Баллерин висел на мне, я прижимал его к себе, насколько хватило сил, а потом оттолкнул и послал вдогонку размашистый удар. Он закачался, я попытался его поймать, но мой противник упал лицом вниз. Услышав лязганье затворов, я тут же пригнулся. Но Баллерин попытался встать. Клянусь, я никогда так не желал, чтобы мой соперник поднялся. Генерал ухватился за веревки, подтянулся и все-таки принял стоячее положение, тупо озираясь вокруг. Один глаз у него был закрыт, а второй блестел как стеклянный.

Он плохо стоял на ногах, но бойцовский инстинкт заставлял его действовать, слоняться по рингу, вслепую нанося удары. Я тоже замахнулся для вида, но он каким-то чудом умудрился подставиться под мой удар.

Когда Баллерин упал спиной на канаты, Сопи жалобно завыл. Я мигом подлетел и подхватил противника, пока тот не рухнул на пол. Я и сам еле передви-

гал ноги, и мне стало чертовски любопытно, как долго я смогу таскать на себе этот полумертвый груз.

Поверх плеча Баллерина я увидел, что генерал Юн сгорает от нетерпения. Даже китайскому революционеру было ясно, что генерал Стальной Кулак спекся. Но я держался, потому что знал: если выпущу Баллерина, ему больше не подняться, а меня изрешетят, как мишень.

Вдруг сквозь крики толпы послышался какой-то гул. Я посмотрел поверх голов и над гребнем отдаленного холма увидел какой-то летящий объект. Это был самолет, причем никто, кроме меня, его пока не заметил. Я протанцевал вместе со своей ношей до канатов и шепотом сообщил эту новость Сопи. Он сообщил, что тарачиться на самолет не следует и прошептал:

— Продолжай тянуть время! Держи его! Федералы послали самолет, чтобы вытащить нас отсюда. Порядок!

Генерал Юн что-то заподозрил. Он вскочил с места, погрозил мне кулаком и что-то крикнул, а его чертов палач ухмыльнулся и снова обнажил меч. А самолет, мгновенно увеличившись в размерах, с ревом обрушился на нас, словно ястреб. Все задрали головы и заорали. Когда самолет пролетел над рингом, я заметил, как от него отделился какой-то предмет и сверкнул на солнце. Сопи закричал:

— Берегись! На нем нарисован дракон! Это не федералы, это Ван Шан!

Я с размаху швырнул Баллерина через капаты и нырнул за ним следом. В следующее мгновение — бах! — обломки ринга полетели в разные стороны.

* * *

Бомбы падали и взрывались, поднимая на воздух палатки. Люди кричали, стреляли и бежали куда-то, натакиваясь друг на друга. Рев проклятого самолета

стоял над долиной. Мы с Сопи брели к высокому дереву, и я смутно понимал, о чем он орет:

— Мой китаец и не думал идти к федералам, крыса поганая! Он был одним из шпионов Ван Шаа. Теперь ясно, зачем он вызвался помочь. Ему понадобилась моя лошадь. Эй, Стив, сюда!

Увидев, как Сопи с разбегу нырнул в автомобиль генерала Юна, я последовал за ним. Заревел мотор; и тут же в то самое место, где только что стоял автомобиль, забрызгав нас грязью, упала бомба. Не знаю, где был генерал Юн. Впрочем, я мельком видел фигуру в шелковых одеждах, бежавшую в сторону холмов. Возможно, это был он.

Мы пронеслись по лагерю словно торнадо, а позади нас разразился настоящий ад. Ну и задал Ван жару своим врагам! Сколько бомб он кинул, я не считал, но парень явно не экономил.

Я плохо помню нашу гонку на автомобиле. Сопи вцепился в руль, утопив педаль газа до самого пола, а я крепко держался за сиденье, чтобы не вылететь из чертовой машины, которую швыряло на колдобинах, словно утлую лодчонку в шторм. Вдруг мы налетели на такую кочку, что меня перекинуло на заднее сиденье.

Когда я поднялся с пола, чтобы глотнуть воздуха, в руке у меня был зажат какой-то клочок, при виде которого я радостно закричал и тут же прикусил язык, потому что мы снова наехали на кочку. Я перелез на переднее сиденье тем же способом, каким в тайфун ползал по салингам грот-мачты, и попытался сообщить Сопи о своей находке. Но он гнал авто с такой скоростью, что мои слова уносило ветром.

К закату мы выбрались из горного района и покатали по довольно приличной дороге среди полей и глинобитных хижин.

— Я нашел твое письмо, — наконец-то сообщил я. — Оно валялось на полу автомобиля. Наверное, выпало у меня из кармана, когда я был связан.

— Прочти его мне, — попросил Сопи, а я сказал:

— Подожди, только взгляну, целы ли мои часы. Я упустил тысячу баксов за победу над Баллерином, поэтому хочу убедиться, что хоть что-то получил за свои мытарства.

Я вытащил часы, которые стоили не меньше пяти сотен долларов. Они оказались целехонькими. Тогда я распечатал письмо и прочел:

«Адвокатская контора „Ормонд и Эшли“ Сан-Франциско, Калифорния, США

Уважаемый мистер Джексон!

Настоящим уведомляем, что против Вас подан иск миссис Джей. Эй. Линч о взыскании девятимесячной платы за проживание и пансион, что составляет сумму...»

Сопи издал душераздирающий вопль и крутанул руль.

— Что ты делаешь, идиот! — завопил я, когда машину стало заносить и вертеть, как лодку в бурный прилив.

— Я возвращаюсь к Юну Че! — закричал он. — Все мои надежды рухнули! Я думал, стану наследником, но я по-прежнему нищий! У меня нет даже...

Бах! Мы съехали с дороги, врезались в дерево и перевернулись.

Смеркалось, я выполз из-под обломков и снял с шеи колесо. Я стал искать останки Сопи и нашел их сидящими в задумчивости на разбитой фаре.

— Мог бы поинтересоваться, не ушибся ли я, — упрекнул я приятеля.

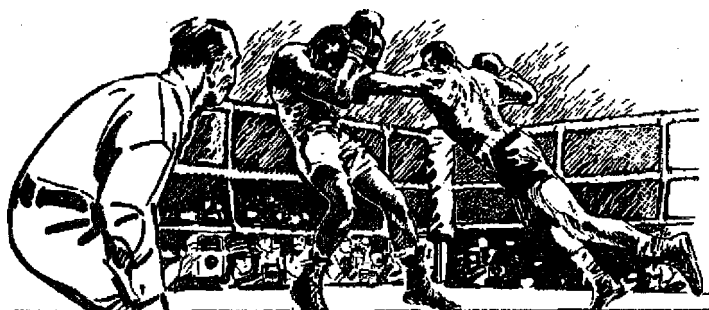
— Ну и какая разница? — жалобно спросил он. — Мы разорены. Нет у меня никакого состояния!

— Во всяком случае у меня остались часы Юна Че.

Я полез в карман и дико взвыл. Видно, часы приняли на себя основной удар. У меня на ладони лежала лишь пригоршня пружинок, колесиков и другой металлической дребедени, по которой невозможно было

определить, имеет все это барахло отношение к часам или нет.

А потом в сумерках можно было наблюдать, как в сторону побережья спешат две фигуры, оглашая окрестности угрозами страшной мести.

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

Я с самого начала невзлюбил человека, который должен был судить мой поединок с Мазилой Харпером в Шанхае. Звали его Хулихан, и так же, как и я, он был моряком и боксером. Это был огромный рыжеволосый человек-горилла с руками, похожими на покрытые шерстью окорока, и нахальной походкой, от которой меня бесило. Он вел себя так, будто был королем в порту, а этот титул всегда принадлежал мне.

Не выношу таких самодовольных болванов и очень горд тем, что не страдаю излишним самомнением. Из моих слов никто бы никогда не узнал, что я самый сильный боец с самого боевого корабля из всех плавающих судов и что меня боятся все задиры от Вальпараисо до Сингапура. Я такой скромный, что нарочно приношу свои достоинства.

Рыжий Хулихан достал меня своими наглыми приказами. Он их выкрикивал, как из рупора. А когда выяснилось, что они с Харпером плавали на одном судне, выходки Хулихана стали просто невыносимы.

А узнал он об этом в третьем раунде, пока отсчитывал положенные десять секунд Харперу, который подбородком остановил мой чудовищный хук слева.

— Семь! Восемь! Девять! — отчеканил Хулихан, а затем прервал отсчет и полюбопытствовал: — Черт подери! Ты случайно не тот Джонни Харпер, что был боцманом на старине «Сайгоне»?

— Угу! — промычал Харпер.

— Ты что, Хулихан? — рявкнул я недовольно. — Давай считай!

— Я — судья в этом матче. — Он презрительно посмотрел на меня. — А ты занимайся своим делом. Ей-богу, Джонни, не видел тебя с тех самых пор, как ударил из тюрьмы в Калькутте.

Но Джонни наконец-то поднялся на ноги и изо всех сил старался увильнуть от моего заключительного удара, и это бы ему не удалось, если б не гонг.

Хулихан помог Харперу добраться до своего угла, и там они продолжали оживленно беседовать до начала следующего раунда. Вернее, говорил один Хулихан, Харпер не мог наслаждаться беседой, так как три его зуба торчали из моей перчатки.

Весь четвертый раунд, пока мы молотили друг друга, я слышал голос Хулихана.

— Не дрейфь, Джонни, — болтал он. — Я прослежу, чтобы все было по-честному. Давай бей левой! Этот удар правой в живот — пустяк для нас. Не обращай внимания на удар по корпусу. Он наверняка скоро устанет.

Вне себя от злости, я повернулся к нему и сказал:

— Слушай, рыжий бабуин! Ты кто: судья или секундант?

Не знаю, что он собирался ответить, потому что в этот момент Харпер воспользовался тем, что я отвлекся, и со всей силы заехал мне в ухо. Обалдев от такого вероломства, я развернулся и всадил свой кулак ему в живот по самый локоть. Мазила тут же стал приятно-го зеленого цвета.

— Прижмись к нему, Джонни, — подначивал Хулихан.

— Заткнись, Рыжий, — прошипел Харпер, пытаюсь войти в клинч. — Ты его заводишь, и он вымещает злость на мне!

— Ничего, мы этого не боимся, — начал было наш судья, но в этот момент я огрел Харпера по уху убойным ударом справа, и он нырнул головой в пол, к явному неудовольствию Хулихана.

— Один! — завопил рефери, делая отмашку рукой, как флажком. — Два! Три! Вставай, Джонни, эта макака не умеет драться.

— Может, он и не умеет, — промямлил Джонни обалдело, оторвав голову от пола и кося глазом в мою сторону, — но если он еще раз так ударит, то скоро я буду плясать на своих похоронах. А я не люблю танцы. Можешь считать хоть до утра, Рыжий, но для меня бал окончен!

Хулихан недовольно фыркнул, схватил мою руку и поднял ее.

— Дамы и господа! — заорал он. — С большим сожалением объявляю, что эта тупоголовая горилла победила!

С гневным ревом я выдернул руку и вмазал Рыжему по хоботу, отчего он упорхнул за канаты головой вперед. Прежде чем я успел наброситься на него сверху, меня схватили десять полицейских. Массовые драки — обычное дело для «Дворца развлечений», поэтому антрепренер заранее подготовился. Пока я разбирался с этими безмозглыми болванами, Хулихан поднялся из груды обломков и тел и попытался пробраться на ринг, издавая при этом бычий рев и брызгая кровью в разные стороны. Но уйма народу налетела на него и с криками оттащила назад.

Тем временем человек сорок пятьдесят из числа друзей хозяина заведения пришли на выручку полицейским, и я как-то незаметно оказался в раздевалке, лишившись возможности выместить на туше Хулихана свой праведный гнев. Его вытащили из зала через один выход, а меня проводили через другой. Им всем

здорово повезло, что я оставил своего белого бульдога Майка на «Морячке».

Я был настолько взбешен, что одевался с большим трудом, и к тому времени, когда я закончил сборы, в здании никого, кроме меня, не осталось. Скрипя зубами, я решил отправиться на поиски Рыжего Хулихана. Шанхай был слишком тесен для нас двоих.

* * *

Направляясь к двери в коридор, я вдруг услышал чьи-то шаги на улице. Внезапно задняя дверь в раздевалку с шумом распахнулась. Полагая, что это явился Рыжий, я резко обернулся и поднял кулаки, но тут же в удивлении замер.

Это был не Рыжий, а девушка. И очень хорошенькая. Но сейчас она была бледна, напугана и тяжело дышала. Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Не дайте им схватить меня! — прошептала она.

— Кому? — спросил я.

— Этим китайским дьяволам! — выдохнула она. — Этим ужасным бандитам Ван Йи!

— Кто они такие? — поинтересовался я, сильно озадаченный.

— Тайное общество злодеев и убийц! — пояснила девушка. — Они гнались за мной по переулку. Они замучают меня до смерти!

— Ничего у них не выйдет! Я их по полу размажу. Дайте-ка, я выгляну на улицу.

Я отодвинул девушку в сторону, открыл дверь и высунул голову на улицу.

— Никого не видно.

Она прислонилась к стене, одной рукой держась за сердце. Я посмотрел на нее с состраданием. Красотка, попавшая в беду, всегда найдет отклик в моей широкой мужественной душе.

— Они, наверное, где-то прячутся, — сказала она со слезами в голосе.

— Почему они гонятся за вами? — спросил я, забыв о своем намерении раскатать Рыжего Хулихана по причалу.

— У меня есть одна вещь, которая им очень нужна, — сказала красотка. — Меня зовут Лори Хопкинс. Я выступаю с танцевальным номером в «Европейском Гранд-театре». Вы когда-нибудь слышали о Ли Яне?

— Это главарь бандитов, что навели здесь шороху пару лет назад? — спросил я. — Разумеется, слышал. Он опустошил своими рейдами все побережье. А почему он вас интересует?

— Прошлой ночью в переулке за театром я наткнулась на умирающего китайца, — сказала она. — Его пырнули ножом из-за клочка бумаги, который он прятал во рту. Китаец оказался одним из головорезов Ли Яна. Поняв, что умирает, он отдал эту бумажку мне. Я думаю, это карта местности, где Ли Ян спрятал свои сокровища.

— Черт возьми, что вы говорите?! — заволновался я, сильно заинтригованный.

— Да. И отсюда до этого места можно добрать-ся меньше чем за день, — продолжала девушка. — Но убийцы откуда-то узнали, что карта у меня. Они называют себя бандой Ван Йи. Они были смертельными врагами Ли Яна и теперь хотят заполучить его сокровища. Поэтому они гонятся за мной. Боже, что мне делать? — зарыдала она, заламывая руки.

— Не бойтесь, — утешал я. — Я смогу защитить вас от этих желтопузых крыс.

— Я хочу уехать, — прошептала красотка сквозь слезы. — Я боюсь оставаться в Шанхае. Они убьют меня. Сама я не осмелюсь искать сокровища и отдала бы им карту в обмен на свою жизнь. Но они все равно убьют меня за то, что я знаю про сокровища. Ох, если бы у меня были деньги, чтобы сбежать отсюда! Я бы продала эту карту за пятьдесят долларов!

— Неужели продали бы? — вырвалось у меня. — Зачем? В этом тайнике, наверно, много золота, серебра, драгоценных камней и других сокровищ. Этот Ли Ян был жуткий грабитель!

— На что они мне, если я погибну, — ответила де-вушка, — Что же мне делать?

— Я вам скажу, что делать, — сказал я и полез в карман брюк. — Продайте эту карту мне. Я дам вам пятьдесят баксов.

— Правда дадите? — подпрыгнув и засияв глазами, воскликнула она. — Нет, по отношению к вам это будет нечестно. Это так опасно. Я лучше порву карту и...

— Подождите! — закричал я. — Не делайте этого, черт возьми. Я готов рискнуть. Меня не пугают желтопузые. Вот вам полсотни. Давайте карту.

— Боюсь, потом вы пожалеете об этом, — сказала она. — Но... вот эта карта.

Пока она пересчитывала деньги, я уставился на карту с таким чувством, будто уже держу в руках сокровища. На ней был изображен маленький зеленый остров, расположенный близ материка. Одно дерево, чуть повыше остальных, одиноко росло в стороне. От него к берегу вела стрелка и упиралась острием в точку, отмеченную крестом. На полях карты было много надписей на китайском языке и только одна строчка по-английски.

— Пятьдесят шагов к югу от высокого дерева, — сказала мисс Хопкинс. — На глубине пяти футов под слоем рыхлого песка. До острова всего несколько часов хода на моторной лодке. На карте имеются все указания на английском языке.

— Я найду его, — пообещал я, благоговейно складывая карту. — Но прежде чем начать поиски, я провожу вас домой, а то с этими бандюгами надо держать ухо востро.

Она отказалась:

— Нет, я выйду через парадную дверь и подзову такси. Завтра к вечеру я буду в полной безопасности,

далеко в море. Никогда не забуду того, что вы для меня сделали.

— Если вы дадите мне адрес, куда направляетесь, то я позабочусь, чтобы вы получили свою долю сокровищ, если, конечно, я их найду.

— Об этом не беспокойтесь. Вы уже сделали для меня больше, чем можете себе представить. Прощайте! Надеюсь, вы найдете то, чего заслуживаете.

И она выбежала так поспешно, что я не сразу сообразил, что ее уже нет.

Я не стал терять времени даром. Начисто забыв о Рыжем Хулихане (человек, которого ждут миллионы, не разменивается на мысли о всякой швали), я на всех парах направился в знакомый мне туземный квартал рядом с портом. Я знал одного рыбака-китайца по имени Чин Ят, который сдавал свой моторный катер в аренду. Всю свою наличность я отдал мисс Хопкинс, а этот китаец был единственным человеком, который позволил бы воспользоваться катером в кредит.

Было уже поздно, потому что список участников боев в тот вечер был необычно длинным. Я добрался до Чин Ята уже за полночь и в свете факелов увидел, что он медленно прохаживается возле лодки с каким-то крупным белым мужчиной. Я бросился бежать, опасаясь, что он отдаст катер напрокат прежде, чем я успею до него дойти. Правда, я никак не мог понять, зачем нормальному белому человеку лодка в такой час.

Уже на подходе к причалу я крикнул:

— Эй, Чин! Я хочу взять напрокат катер...

Белый верзила повернулся, и свет факела упал на его лицо. Это был Рыжий Хулихан.

— Тебе что здесь надо? — спросил он и сжал кулаки.

— Мне некогда терять с тобой время, — рявкнул я. — Я разберусь с тобой позже. Чин, мне нужен твой катер.

Китаец замотал головой и загундосил:

— Осен заль. Нисем ни магу памось.

— Как это понимать? — взревела я. — Что значит, не можешь помочь?

— А то, что катер арендован мной! — сказал Хулихан. — И я заплатил ему вперед, наличными.

— Но у меня важное дело! Мне нужен этот катер. Дело пахнет большими деньгами!

— Откуда тебе знать, как пахнут большие деньги? — фыркнул Хулихан. — Катер нужен мне, потому что на нем я поплыву за такими большими деньгами, какие тебе и не снились, обезьяна тупоголовая! Знаешь, почему я до сих пор не разрисовал твоей рожей доски этого причала? Ладно, я скажу тебе, чтобы ты не умер от умственного напряжения! Так вот, у меня нет времени, чтобы тратить его на такого бабуина, как ты. Я отправляюсь за спрятанными сокровищами! А когда поплыву назад, катер будет по самый планшир завален золотом!

Сказав это, он помахал перед моим носом клочком бумаги.

— Где ты это взял? — выдохнул я.

— Нет твое дело, — ответил он. — Это... эй, а ну отпусти!

Разволновавшись, я дернулся за бумагой, и Хулихан попытался меня ударить. В ответ он получил по роже и чуть не грохнулся с причала. Рыжий чудом удержался на ногах, а затем издал дикий вопль, потому как клочок бумаги выскользнул из его руки и растворился в черной воде.

— Смотри, что ты наделал! — истерично заорал он. — Из-за тебя я потерял целое состояние! Надевай перчатки, дьявольское отродье! Сейчас я тебе вышибу...

— У тебя была такая же? — спросил я, вытащил свою карту и показал ему при свете факела. Один взгляд на бумажку привел его в чувство.

— Черт подери! — вскрикнул он. — Точно такая же! Откуда она у тебя?

— Это неважно. Дело в том, что мы оба знаем, за чем охотимся. Мы оба хотим заполучить сокровища, спрятанные Ли Яном перед тем, как его шлепнули федералисты. У меня есть карта, но нет лодки, а у тебя есть лодка, но нет карты. Поплыли!

— Ну да! А когда дело дойдет до дележки, — сказал он недовольно, — тут я все и потеряю.

— А кто говорит о какой-то там дележке? — взревел я. — Добыча достанется сильнейшему. Мне еще надо свести с тобой кой-какие счета. Сначала найдем клад, а потом разберемся. Победитель забирает все!

— Меня это устраивает, — согласился Рыжий. — Поплыли!

Но когда мы выходили из гавани, мне в голову пришла одна мысль.

— Постой! — крикнул я. — Этот остров лежит к северу или к югу от порта?

— Глуши двигатель, и посмотрим карту, — предложил Хулихан и взял фонарь.

Я поднес карту к свету, и мы стали разглядывать надпись на английском, выведенную мелким женским почерком.

— Это «N», — сказал Рыжий и ткнул своим большим волосатым пальцем в букву на карте. — Значит, остров находится к северу от гавани.

— А мне кажется, это буква «S», — возразил я. — И, по-моему, остров лежит к югу.

— А я говорю к северу! — начал закипать Хулихан.

— К югу! — зарычал я.

— Мы пойдем на север! — заорал Хулихан, размахивая кулаками; он совсем потерял контроль над собой. — Либо пойдем на север, либо вообще никуда не пойдем!

Я хотел подняться, но задел ногой какой-то предмет на дне катера. Оказалось, это черпак. Я не из тех, кто способен упустить богатство из-за упрямства какого-то тупоголового болвана. Я размахнулся и черпаком огрел Хулихана по голове.

— Мы пойдем на юг! — повторил я свирепо, и никаких возражений не последовало.

Пробираться вдоль побережья ночью на катере — это вам не воскресная прогулка! Хулихан пришел в сознание около полудня. Он приподнялся, потер шишку над ухом и долго матерился.

— Этого я тебе не забуду, — пообещал он. — Это дело мы с тобой тоже уладим! Где мы находимся?

— Остров прямо по курсу, — ответил я. Он глянул на карту и ухмыльнулся:

— Этот остров не похож на тот, что нарисован на карте.

— Ты хочешь, чтоб невежественный китаец нарисовал карту идеально? — спросил я с вызовом. — Это именно тот остров, что нам нужен. Ищи самое высокое дерево. Оно должно быть где-то здесь.

Но дерева не было. С этой стороны острова вообще не было ничего, кроме густого кустарника, растущего из болотистой почвы. Тогда мы подошли к острову с другой стороны, и я сказал:

— Вот оно. Китаец сделал еще одну ошибку — нарисовал дерево совсем не там, где надо. Вон песчаный пляж и высокая пальма.

* * *

Хулихан вмиг забыл о всех своих сомнениях. Ему так же, как и мне, не терпелось побыстрее добраться до берега. Мы причалили в узкой бухточке и, навьюченные кирками и лопатами, побрели по вязкому песку в сторону деревьев. Сердце мое бешено стучало, предчувствуя, что очень скоро я стану миллионером.

Высокая пальма росла намного ближе к воде, чем значилось на карте. Отсчитав пятьдесят шагов к югу, мы оказались по пояс в воде!

— Похоже, мы столкнулись с техническими проблемами, — подытожил я, но Хулихан ослабил и, сложив здоровенные ручки на груди, сказал:

— Эти проблемы меня не волнуют. Сейчас я думаю о другом. Мы на острове, сокровища тоже здесь, лежат под слоем воды и песка, остается только откопать их. Но мы еще не определили, кому они достанутся.

— Хорошо, — сказал я, снимая рубашку. — Сейчас определим.

Хулихан тоже сбросил одежду и принял боксерскую стойку. Лучи утреннего солнца отражались от покрытой рыжей шерстью широченной груди, на руках и плечах Рыжего бутрились мускулы.

Он бросился на меня как разъяренный бык, и я встретил его, работая обеими руками.

Говорили, что никому не удавалось одолеть Хулихана ни на ринге, ни вне его. Все двести фунтов его веса составляли крепкие мышцы, а двигался он с кошачьей быстротой. Вернее, мог двигаться, поскольку такой возможности ему не представилось.

Мы стояли по щиколотку в песке, и прыгать ну никак не получалось. Это напоминало танцы на горячем пюре. Солнце поднялось высоко и нещадно палило нас адским пламенем, выжимая последние силы, как воду из губки. И еще этот проклятый песок! Это похуже, чем гири, привязанные к ногам. Не было никаких передвижений или маневров — одни удары, удары и еще раз удары. Нос к носу, голова к голове. Только кулаки снуют взад-вперед как механические кувалды.

Не знаю, как долго мы дрались. Наверно, несколько часов, потому что солнце взбиралось все выше и выше и секло нас раскаленными лучами. В глазах плавал кроваво-красный туман. Я ничего не слышал, кроме отрывистого дыхания Рыжего, шуршания проклятого песка под ногами и хруста ударов.

Смешно говорить о жаре, стоявшей во время поединка между Джеффризом¹ и Шарки на Кони-Айлен-

¹ Джеффриз Джеймс Дж. (1875—1953) — боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1899—1905 годов.

де, или о жарище на ринге в Толедо! Да оба этих местечка — просто ледяные хижины эскимосов по сравнению с нашим островком! Мое тело так затекло и онемело, что я почти не ощущал ударов Хулихана. Я плюнул на защиту, и мой противник сделал то же самое. Мы в открытую наносили друг другу размашистые удары, вкладывая в них последние силы.

Один глаз у меня заплыл, бровь над ним была рассечена, и веко безжизненно повисло, словно занавеска. С половины лица была содрана кожа, а капустное ухо от ударов превратилось в багрово-синюшное месиво. Из носа, ушей и губ сочилась кровь. Пот градом катился по груди и стекал по ногам; я уже давно стоял в грязной жиже. Мы оба были перемазаны потом и кровью. Я отчетливо слышал отчаянные удары собственного сердца, казалось, оно вот-вот выскочит из груди наружу. Мышцы ног, еще не одеревеневшие окончательно, напоминали тлеющие и дрожащие от напряжения канаты. Каждый раз, вытаскивая ногу из раскаленного липкого песка, я думал, что суставы не выдержат и разрушатся.

Хулихан отбивался, пятясь словно раненый бык; дыхание отрывистыми всхлипами прорывалось сквозь разбитые зубы, кровь текла по подбородку. Его живот трепетал как парус на ветру, а ребра от моих ударов по корпусу походили на хорошо отбитое мясо.

Шаг за шагом соперник отступал под моим натиском.

Я не заметил, как мы очутились в тени той самой большой пальмы. Солнце уже не жгло мне спину. Казалось, будто холодной водой окатили. Хулихан тоже немного оживился. Я заметил, что он напрягся и поднял голову, но все равно он уже спекся. Мои удары выбили из него самоуверенность. Ноги меня больше не слушались, идти в атаку я уже не мог, поэтому я просто упал на него и в падении нанес сильный прямой правой в челюсть, вложив в этот удар все свои силы до последней капли.

Удар попал в цель, но упали мы вместе. Немного полежав, я пошарил вокруг себя и, ухватившись за ствол дерева, поднялся на ноги. Держась за пальму одной рукой, другой я протер глаза от пота и крови и начал отсчет. Я был в полуобморочном состоянии, поэтому три или четыре раза сбивался со счета и начинал сначала. Наконец я совсем отключился, но продолжал стоять на ногах, а когда пришел в себя, сообразил, что продолжаю считать и дошел уже до тридцати или сорока. Хулихан лежал без движения.

Я хотел сказать: «Черт возьми! Все бабки мои!» Но сумел только разинуть рот как издыхающая рыба. Я сделал один неверный шаг в сторону груди лопат, но ноги мои подкосились, и я головой рухнул в песок. Так и лежал точно трупик.

Меня разбудило тарахтенье двигателя, доносившееся сквозь шум прибора. Затем, через несколько минут, я услышал шуршание шагов по песку, человеческие голоса и смех. Потом кто-то громко выругался.

Я тряхнул головой, чтобы избавиться от красных кругов перед глазами, и поморгал. У пальмы стояли четверо с кирками и лопатами в руках и таращились на меня. Я узнал их: Кривляка Харриган, Дубина Шиммерлинг, Джо Донован и Том Сторли — банда самых грязных крыс из всех, что когда-либо засоряли порты.

— Черт возьми! — воскликнул Харриган со своей обычной нагловатой ухмылкой. — Кто бы мог подумать! Костиган и Хулихан! Каким ветром этих горилл занесло именно на этот остров?

Я попытался подняться, но ноги не слушались, и я снова шлепнулся в песок. Где-то рядом со мной застонал, а потом выругался Хулихан. Харриган нагнулся и подобрал листок бумаги — это была моя карта.

Он показал ее остальным, и они громко расхохотались; это меня неприятно удивило. Голова все еще не работала после ударов Хулихана и палящего солнца, так что я с трудом соображал, что происходит.

— Положи карту на место, а не то я встану и порву тебя на части! — прошамкала сквозь разбитые губы.

— Ах, так это твоя карта, — поинтересовался Кривляка, ехидно улыбаясь.

— Я приобрел ее у мисс Лоры Хопкинс, — сказал я, по-прежнему плохо соображая. — Она принадлежит мне, и все бабки тоже. Лучше отдай, а то раскатаю как коврик.

— Лора Хопкинс! — гоготнул он. — Это Суэцкая Киска! Самая ловкая аферистка и воровка из всех, кто обчищает карманы нашему брату. Она разыграла тот же номер с этим безмозглым быком Хулиханом. Сам видел, как она подцепила его на выходе из боксерского клуба.

— Что ты хочешь этим сказать? — сурово спросил я, стараясь принять сидячее положение. Встать мне по-прежнему не удавалось, а Хулихану тем паче. — Она продала такую же карту Хулихану? Значит, свою карту он получил от нее?

— Эх ты, придурок! — ухмыльнулся Харриган. — Ты что же, совсем ни черта не соображаешь? Эти карты — липа! Не знаю, что вы делаете здесь, но если бы вы плыли по карте, то ушли бы на много миль к северу от порта, а не к югу.

— Значит, сокровищ Ли Яна не существует? — простонал я.

— Оттого ж не существуют, — сказал он. — Скажу больше, они спрятаны на этом самом острове. А вот — настоящая карта. — Он помахал листом пергамента, исписанным иероглифами вдоль и поперек. — Здесь они и лежат, эти сокровища. Ли Ян их не сам прятал, клад закопал для него один контрабандист. А Ли Яна убили прежде, чем он успел приехать за своим богатством. Карта хранилась у старого мошенника по имени Яо Шан. Суэцкая Киска выкупила у него карту за сто баксов, что выудила у вас с Хулиханом. Этот Яо Шан, должно быть, свихнулся, раз продал карту. Хотя черт их разберет, этих китайцев.

— А как же банда Ван Йи? — спросил я оторопело.

— Чушь собачья! — хмыкнул Харриган. — Уловка, чтобы сделать историю более убедительной. Но если тебе от этого станет легче, могу сказать, что Суэцкой Киске в конце концов пришлось расстаться с картой. Я много дней следил за ней, зная, что она что-то затевает, только не знал, что именно. Когда она получила карту от Яо Шана, я треснул ей по башке и забрал карту. И вот я здесь!

— Сокровища точно так же принадлежат нам, как и тебе, — запротестовал я.

— Ха-ха-ха! — заржал Кривляка Харриган. — Попробуй-ка возьми их! Вперед, ребята, за работу. Эти два болвана так отделали друг друга, что нам нечего их опасаться.

И вот я лежал и молча страдал, пока эти разбойники готовились умыкнуть добычу у нас из-под носа. Харриган не обращал никакого внимания на большую пальму. Внимательно изучив карту, он нашел торчавший из гущи кустов здоровенный камень, отсчитал от него десять шагов на запад и приказал:

— Копайте здесь.

Его приятели принялись за работу с таким рвением, какого я от них совсем не ожидал; песок так и летел во все стороны. Довольно скоро кирка Дубины Шиммерлинга лязгнула обо что-то твердое.

— Смотрите! — завопил Том Сторли. — Лакированный сундук, окованный железом!

Бандюги закричали от радости, а Хулихан жалобно застонал. Он только что пришел в себя и сообразил, что происходит.

— Надули! — зарыдал он. — Провели! Обманули! Подставили! А теперь еще всякое ворье грабит нас прямо на глазах!

Преодолевая боль, я кое-как поплелся по песку и устался в вырытую яму. Мое сердце замерло, когда я увидел кованую крышку сундука. Багровая волна

ярости прокатилась по моему телу, унося слабость и боль.

Харриган повернулся ко мне и завякал:

— Видишь, что ты потерял, дубина стоеросовая? Видишь сундук? Я не знаю, что там внутри, но оно наверняка стоит миллионы! «Ценнее золота» — так сказал Яо Шан. И теперь все это наше! Пока ты и твой дружок-горилла будете до конца жизни тянуть лямку да слизывать пыль с ринга, мы будем купаться в роскоши!

— Сначала ты искупаешься в своем дерьме! — заревел я и бросился на них как тайфун.

Харриган замахнулся киркой, но не успел опустить ее мне на голову, потому что я левым хуком размазал ему нос по щекам, а заодно вышиб все передние зубы. В этот момент Дубина Шиммерлинг поломал черенок лопаты о мою голову, а Том Сторли подбежал ближе и вцепился в мои штаны. Последняя глупость с его стороны! Он тут же осознал это и, перед тем как потерять сознание, крикнул Доновану, чтобы тот бежал за ружьем.

Донован намек понял, бросился к катеру, схватил винтовку и вприпрыжку побежал назад. Он побоялся стрелять с дальнего расстояния, так как Шиммерлинг, Сторли и я сплелись в такой тесный клубок, что ему бы не удалось угробить меня, не задев их. Но в это время я выпутался из безжизненных объятий Сторли и приласкал Шиммерлинга по подбородку таким ашперкотом, от которого он вперед башкой нырнул в яму и воткнулся в крышку сундука.

Донован издал воинственный крик и быстренько приложил к плечу приклад. Но Хулихан на четвереньках подполз к Джо сзади и дернул его за ноги в тот самый момент, когда он нажимал на курок. Дробь прошла над моей головой, задев волосы, а Донован рухнул сверху на Рыжего, который тут же одарил мерзавца таким ударом правой, что чуть башку не оторвал.

Потом Хулихан подполз к краю ямы и посмотрел вниз.

— Оно твое, — выдавил он. — Ты побил меня. У меня сердце разрывается, как подумаю, сколько бабок я потерял.

— Ой, заткнись, — недовольно проворчал я, ухватил Шиммерлинга за ногу и вытащил из ямы. — Помоги лучше достать сундук. Что бы в нем ни было, половина — твоя.

Хулихан разинул рот от удивления.

— И ты станешь делиться? — тихо спросил он.

— Он, может быть, и станет, а я — нет! — раздался вдруг твердый женский голос.

Мы с Хулиханом разом повернулись и увидели перед собой мисс Лору Хопкинс. Она здорово изменилась. Теперь на ней была мужская рубашка, брюки цвета хаки и высокие башмаки. Выражение лица стало более суровым, чем при нашей первой встрече. Вдобавок из-под ее защитного шлема виднелась повязка, а в руке она держала направленный на нас револьвер. Теперь она выглядела как настоящая Суэцкая Киска.

Она ухмыльнулась, взглянув на Кривляку Харригана и его приспешников, которые начали подавать первые признаки жизни.

— Этот дурак думал, что прикончил меня, да? Ха! Меня не так легко убить! — заявила она. — Украл мою карту, крыса! А как вы попали сюда, гориллы безмозглые? На картах, которые я вам продала, нарисован остров, до которого отсюда подня добираться.

— Это была моя ошибка, — сказал я и, хромая, с несчастным видом подошел поближе к ней. — Я тебе поверил. Думал, ты попала в беду.

— Тем хуже для тебя, дурака, — усмехнулась Киска. — Мне позарез была нужна сотня баксов, чтобы выкупить карту у Яо Шана. Мне показалось, что кинуть вас с Хулиханом — неплохая идея. Теперь беритесь за работу! Надо вытащить сундук из ямы и отнес-

ти в мою лодку. А ты — болван, если веришь каждому... Эй!

Я так быстро выбил револьвер из ее руки, что она не успела нажать на курок. Покувыркавшись в воздухе, пушка шлепнулась в воду.

— Ты думаешь, что одна такая умная, а все остальные — болваны, — хмыкнул я. — Давай-ка вытащим наш сундук, Рыжий!

Суэцкая Киска стояла рядом и ошалело глядела на нас.

— Но это мой сундук! — завопила она. — Я заплатила Яо Шану сто долларов за...

— Это была наша сотня, — перебил я. — Знаешь, ты мне надоела.

Мы с Рыжим наклонились и, ухватив сундук, с трудом вытянули из ямы. Суэцкая Киска носилась по всему пляжу и бесновалась.

— Ах вы грязные и подлые обманщики, крысы! — выла она. — Мне следовало знать, что мужикам нельзя верить. Грабители! Бандиты! Нет, это уж слишком!

— Дазаткнись ты! — сказала я устало. — Отсыпем и тебе немного. Рыжий, дай-ка мне вон тот камень. Замок насквозь прогнул.

Я взял камень и ударил по замку пару раз, тот разлетелся на куски. Харриган и его банда очухались и теперь с кислыми рожами наблюдали за нами. Суэцкая Киска кружила поблизости. Рыжий рывком открыл крышку сундука. Секунду-другую стояла гнетущая тишина, а потом Киска издала дикий вопль и схватилась за голову. Харриган и его команда тоже разразились скорбным воем.

Сундук был до краев полон не серебром, не платиной и не драгоценными камнями, а пулеметными патронами!

— Патроны! — констатировал Хулихан с туповатой простотой. — Неудивительно, что Яо Шан хотел избавиться от этой карты! «Ценнее золота», сказал

старик. Конечно, для главаря бандитов боеприпасы действительно ценнее золота. Стив, мне плохо!

Плохо было и Харригану, и всей его команде. А Суэцкая Киска рыдала так, будто села на шило.

— Стив, — спросил Рыжий, пока мы ковыляли к катеру, сопровождаемые рыданиями и причитаниями оставшихся позади нас мошенников. — Ты решил поделиться со мной сокровищами, потому что я не дал Доновану снести тебе башку?

— Я что, похож на дешевку? — возмутился я. — Я с самого начала собирался все поделить.

— Тогда какого же черта, — заорал он, посинев лицом, — ты разуделал меня до полусмерти, если все равно собирался делиться, а? Зачем мы тогда вообще дрались?

— Возможно, ты дрался за сокровища, — устало сказал я и поднес кулак к его лицу. — Лично я хотел доказать тебе, кто из нас сильнее.

— В таком случае ты меня не убедил! — завопил он и тоже стал размахивать кулаками. — Меня уделали солнце и чертов песок, а не ты. Мы решим этот спор сегодня же вечером на ринге.

— Во «Дворце развлечений», — добавил я и, запрыгивая в катер, крикнул: — Поплыли! Я весь чешусь от желания доказать всем, что ты такой же никудышный боец, как и рефери!

МОРЯК КОСТИГАН И СВАМИ¹

Не-ет, все-таки надо принять специальный закон, чтобы держать в узде проклятых газетчиков. Вечно они все перевирают. Взять, к примеру, случай, который репортеришка назвал «Возмутительным происшествием в Батавии²». Уму непостижимо, откуда такая предвзятость у голландской газетенки, заметку из которой прочел мне один «тупоголовый»³ с нашей шхуны. Вот она, слово в слово:

«Вчера свами Дитта Бакш пал жертвой беспричинного свирепого нападения. На него поднял руку некий Стивен Костиган, американский матрос со шхуны „Морячка“ — той самой, что ухитрилась, к несчастью для законопослушных граждан, пережить тайфун, недавно опустошивший Сингапур. Сей матрос, известный многим как отчаянный задира, очевидно, за что-то невзлюбил свами. Вломившись в „Замок Снов“,

¹ Господин (*ing.*) — почтительное обращение к брамингу.

² Батавия — старое название Джакарты.

³ Squareheads (*англ.*) — презрительное прозвище скандинавов.

он разбил о голову почтенного брамина магический хрустальный шар, нанес ему сокрушительный удар в нос, пнул пониже спины и перекинул его через высокую лакированную ширму.

Затем он причинил серьезные телесные повреждения семерым местным полицейским, пытавшимся арестовать его (по слухам, все они обязательно поправятся), и сбежал на свою шхуну, снедаемый жгучей ненавистью ко всему городу. Хочется спросить, как долго наглым хулиганам-янки будет позволено шлаться по нашим улицам и нападать на ни в чем не повинных граждан?»

Там еще много чего было, но и без того ложь торчит из статейки, что твое шило из мешка. Во-первых, я не янки. Во-вторых, не было «свирепého нападения», как выразился репортер, тем более «беспричинного». У меня была веская причина воздать проклятому факиру по заслугам.

Случилось так, что мы со Стариком поругались, как никогда раньше. Все началось с того, что четверым тупоголовым, которых мы наняли в Мельбурне, вздумалось усомниться в моем праве называться вожаком кубрика. Вообще-то я снисходителен к салагам, но эти закоренелые уголовники попытались отделать меня кофель-нагелем¹ и ганшпутом², поэтому нам пришлось вести судно при значительной нехватке матросов, пока мои недруги валялись на койках и сотрясали воздух стонами и тяжкими вздохами. Меня просто тошнит, когда взрослые парни так раскисают из-за нескольких треснувших ребер, сломанных рук и вывихнутых челюстей, вот я и высказал это вслух. Но Старик здорово осерчал и обвинил меня в том, что я их отправил на койки нарочно, и теперь-де «Морячка» не успеет прибыть в порт по расписанию.

¹ Кофель-нагель — деревянный или металлический болт для наворачивания снастей.

² Ганшпуг — ручной рычаг.

Несправедливые упреки всегда портили мне настроение, но в этот раз все прошло бы гладко, не оказись помощник капитана круглым дураком — чем еще объяснить, что он вздумал песочить меня, едва мы вошли в гавань Батавии? Я не любитель трепать языком, поэтому так двинул ему в челюсть, что он чуть не пропахал всю палубу носом. Ну, а справа как раз проходил Муши Хансен с большой бадьей горячей смолы, и помощника утраздило врезаться в него. Тут вся команда заголосила от отчаяния, потому что этим утром мы на совесть отдраили палубу пемзой и до блеска начистили всю медь. Приняв брюхом удар головы помощника, Муши слетел с копыт, бадья выскочила у него из лап и залила палубу от леера до леера. При виде смоляной лужи на своей драгоценной палубе Старик завопил и выдрал клоч из бороды.

— Гляньте-ка на палубу! — прорычал он. — Стив Костиган, сидеть тебе в кутузке! Ты ведь это нарочно!

От таких слов мой праведный гнев выплеснулся наружу.

— Черта с два! — рявкнул я. — И вообще, не собираюсь я чистить это дерьмо, потому что и без того сыт по горло вашими придирками, скоблением палубы и прыжками через шкоты¹. С меня хватит!

— Что?! Решил драпануть с судна?! — завопил он. — Да я тебя...

— Я сойду на причал, едва мы пришвартуемся, чтобы не видеть больше ни вас, ни эту лохань, — огрызнулся я. — Можете уведомить фараонов, и посмотрим, хватит ли их в Батавии, чтобы скрутить меня.

— Ты мне здесь больше не нужен! — кипятился шкипер. — Ненавижу твою физиономию! Но и тебе не видать другого корабля, я об этом позабочусь!

— Ой, до чего же страшно! Да я и на суше зарабатываю себе на хлеб.

¹ Шкоты — снасть для натягивания нижнего угла паруса.

Я так разозлился, что стиснул кулаки и пошел на Старика, и он в тот же миг со злобным смешком укрылся в своей каюте. Пока он осыпал меня оскорблениями через иллюминатор, я маленько остыл, кликнул своего белого бульдога Майка и сошел на пристань.

На берегу я вдруг вспомнил о деньгах и сунул руку в карман, но нашарил лишь свой верный талисман — монету в полдоллара с головами на обеих сторонах. Я ее отобрал у одного матроса, которого поймал на нечестной игре в орлянку.

— Ну, и как нам теперь быть? — обратился я к Майку, но вместо ответа бульдог уселся и принялся гонять задней лапой блох. Это, конечно, подняло ему настроение, но мне не принесло особой пользы.

— Куда податься? — пробормотал я, не забыв по привычке чертыхнуться, а голос у меня громкий.

— Эй, друг, — произнес кто-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел доброжелательно взирающего на меня толстяка с черными усами, в тюрбане и халате с широкими рукавами.

— Невольно услышал ваши размышления, — промурлыкал он. — Я свами Дитга Бакш, искушенный в оккультных науках. Если позволите, я вам помогу.

— Годится! — согласился я и пообещал отплатить ему за услугу, как только найду работу.

— Гм-мм, — промычал индус. — Я не имел в виду обычную плату, любезный. Идемте в мой «Замок Снов», там я вызову духов и покажу верный путь, которому вы должны следовать.

— Ну что ж, — пробормотал я, немного смутившись. — Почему бы и нет? Пошли, Майк.

Меня разочаровало то, что он называл своим «Замок». Мне всегда казалось, что замок — это громадная хоромина с башнями и разгуливающими туда-сюда стражами в жестяных кольчугах. Но передо мной стояла обычная для цветного квартала хибара, на ней красовалась единственная вывеска: «Свами Дитга Бакш, посвященный из Индии. Он Зрит, Ведает, Прорицает!»

Индуc провeл мeня в комнату, увешанную бархатными гобелeнами и разделeнную большой лакированной ширмой, за которой, по его словам, прятались и вeщали души. Из мебели, кроме ширмы, был эбeновый стол и несколько стульев вoкруг; на столе я увидел хрустальный шар. Дитта Бакш велел оставить Майку снаружи, дескать, душа пса привязана к этому свету и может не поладить с духами умерших. Но я воспротивился, ответив, что Майк скорее не поладит с тем, кто вздумает его прогнать.

— Вaляйте, кличьте своих духов, — сказал я. — Им ничего не грозит, пока они не тронут Майку, но если вздумают шутки с ним шутить, он мигом превратит ихние штаны в лохмотья.

Свами помахал руками над хрустальным шаром и изрек:

— Ага! Я вижу человека с расплюсченными ушами и белого бульдога! Позвольте сосредоточиться. Да, я его узнаю! Это моряк Стив Костиган! Вижу боксеров, дерущихся на ринге! Вижу деньги — много денег. Мне все ясно. Вы должны отправиться в Сингапур и открыть боксерский клуб!

— То есть стать антрепренером? — недоверчиво переспросил я.

— Вот именно, — промурлыкал он. — Это все показывает хрустальный шар.

— Ну что ж, если должен... — пробормотал я.

— Замечательно! — воскликнул он. — Пожалуйте один доллар.

— Черт побери, нет у меня ни гроша.

Индуc то ли опечалился, то ли обозлился — вo всяком случае, улыбка на миг исчезла, а рука дернулась к бедру, будто свами хотел выхватить пушку. Но он тут же снова заулыбался и сказал:

— Ничего, это можно уладить. Обещайте за совет духов отдать мне половину выручки от первых состязаний в клубе. Согласны?

— Согласен. Но, кстати, как попасть в Сингапур?

— А это уж не моя забота, — ответил он, и мы с Майком вышли на улицу.

Едва мы очутились у пристани, как меня окликнул какой-то тип. Он подбежал и оказался моим старым знакомым.

— Я открываю тут боксерский клуб, — похвастал Джо Барлоу. — Как насчет поединка-другого?

— Мне нужно в Сингапур, — проворчал я. — Так велел хрустальный шар. Джо, одолжи на билет, а?

— Еще чего! — Он фыркнул. — Нужны монеты — дерись!

Он ушел, а я грустно покачал головой. Если б не духи, можно было бы подраться в клубе Джо Барлоу. И тут из-за бочек донесся знакомый шум, и мне в голову пришла счастливая мысль.

Обогнув бочки, я подошел к компании матросов — они, позабыв обо всем на свете, резались в орлянку.

— Ставлю поддоллара, — объявил я и выложил свою монету-талисман.

Должно быть, духи не оставили меня своей заботой, поскольку через полчаса я обобрал всю толпу до единого цента. Я уж было собрался уйти, но тут один здоровяк поднял оставленную кем-то по рассеянности монету и с изумлением и гневом на тупой роже уставился на меня.

— Эй, погоди-ка! — взревел громила. — Это же твоя монета! Ты с ней игру начинал!

— Ну и что с того? — осведомился я, сгребая свой выигрыш. — Ведь я выиграл, верно? Какая теперь разница?

— Я тебе покажу, какая! — заорал он, целя мне в челюсть...

В общем, после короткой, но яростной стычки я оставил здоровяка и трех его приятелей в нокауте, и пока уцелевшие игроки отливали их водой, мы с Майком поспешили к пароходу, уходящему, как мне было известно, этим вечером на Сингапур.

Мы путешествовали первым классом, и на пристань Сингапура я сошел при деньгах. Но, учредив клуб и подготовив первый турнир, я обнаружил, что почти разорился. Работенка оказалась потруднее, чем я рассчитывал. Пришлось помотаться по всему Сингапуру и переговорить с доброй тысячей моряков, прежде чем я подобрал участников состязаний, всего три пары: для первого поединка — Малыш Джексон против Джоя Гэгнона, оба в легком весе; полутяжи Билл Гаррисон и Джим Брент для полуфинала и, наконец, гвоздем программы — тяжеловесы Громила Брок и Туз Кинан. Все эти боксеры были морскими волками под стать мне и привыкли обходиться без всяких там антрепренеров и менеджеров.

Я нанял за пять долларов субъекта по фамилии Хопкинс на роль рефери и зазывалы и потратил большую часть оставшихся денег на изготовление и расклейку афиш. Обойдя все прибрежные салуны, я оповестил завсегдатаев о намеченных боях и дал нескольким мальчуганам по четвертаку на нос, чтобы носились по улицам на велосипедах и вопили во всю глотку: «Большой турнир! Кулачные бои на ринге вновь открытого „Дворца Удсвольствий"! Вас ждет боксерский клуб моряка Стива Костигана!»

Старый «Дворец Удовольствий» никак нельзя было назвать шикарным заведением. Но эту прогнившую развалюху у самой воды в цветном квартале я заполучил задешево и подлатал как сумел. А до этого она много лет простояла с заколоченными дверями.

В тот вечер я чертовски нервничал, потому что все непредвиденные траты оставили мне паршивый доллар в кармане и тягостную мысль в голове: хватит ли выручки за билеты, чтобы расплатиться с боксерами?

Но толпа вопреки ожиданиям собралась нешуточная, хотя многие возмущались насчет дороговизны (доллар за место возле ринга и поддоллара — на галерее). Когда все собрались и билетер отдал мне выруч-

ку, я насчитал ровно сто двадцать пять монет. Финалистам я собирался выплатить по двадцать пять, полуфиналистам по пятнадцать, а открывающим турнир ребятам — по десять. Чистой прибылью ожидалось двадцать пять монет, если не брать в расчет организационных расходов.

Я побывал в раздевалках и заплатил парням авансом, что, как выяснилось впоследствии, было роковой ошибкой. Но не хотелось держать при себе все деньги в таком поганом вертепе, как мой «Дворец Удовольствий».

Ночь выдалась душная, солнце утонуло в багровой дымке на горизонте. Толпа потела и вопила, а со мной обращалась так, будто я шут гороховый, а не антрепренер боксерского клуба. Особенно лезли вопи из кожи «лимончики»¹, которых набралось предостаточно и с которыми я всегда был не в ладах.

Вскоре на ринге появились легковесы и дрались три раунда, как дикие кошки. В начале четвертого раунда Гэггнот подловил Джексона на хук левой, и этот хук пришелся по меньшей мере футом ниже, чем следовало. Джексон скукожился на брезенте, а придурок рефери начал считать...

— Ты что делаешь? — заорал я, прыгнув на ринг. — Неужто не видишь, что парень схлопотал ниже пояса?

— По новым правилам это неважно, — ответил рефери. — Девять! Вали с ринга, я — судья!

— А балаган мой, — прорычал я в ответ. — Мне плевать, что там за новые правила в Америке, но в клубе Стива Костигана такое жульничество не пройдет!

— Тогда я свалю! — рявкнул он. — И заберу пятерку!

— Катись к черту! — огрызнулся я, и публика изумленно взывала. Не более десятой ее части увидело тот подлый удар. — Мотай с ринга, и поживее. Я сам буду судить.

¹ Limey — презрительное прозвище англичан (англ.).

— А не слабо прогнать меня? — осведомился он, принимая боевую стойку. Я, недолго думая, угостил его левой в челюсть, он пролетел сквозь канаты, приземлился на задницу среди зрителей и больше никому не причинял беспокойства.

Подобрав с брезента стонущего Малыша Джексона, я поднял его бессильную руку в знак победы, а затем отнес его в раздевалку, где им занялись срочно вызванные коновалы.

Толпа волновалась, свистом и улюлюканьем выражала недовольство, поэтому я бросился в раздевалку Билла Гаррисона, чтобы поторопить его. К моему удивлению, у него оказался Джим Brent, и оба недружелюбно уставились на меня.

— В чем дело? Вы уже должны быть на ринге.

— Мы бастуем, — пояснил Гаррисон, и Brent подтвердил кивком.

— Это еще почему?! — заорал я. — Разве я не заплатил авансом?

— Этого недостаточно, — беспокожно заерзал Гаррисон. — Добавь, иначе не выйдем.

Толпа в зале зверела с каждой минутой. В отчаянии я едва не предложил этим гадам всю мою прибыль, все двадцать пять монет, но вовремя вспомнил, что половину должен отдать индусу.

— Мне просто нечего добавить, — посетовал я. — Братки, да вы что, в самом деле! Нельзя же просто взять и уйти и оставить меня на растерзание толпе.

— Неужто нельзя? — ухмыльнулся Brent. — А ну, посмотрим!

— А я говорю, вы не уйдете! — Рассвирепев, я метнулся к двери, повернул в замке ключ и сунул его в карман. — Вы будете драться на моем ринге, — процедил я. — За пятнадцать монет на нос, как договаривались.

Тут они яростно набросились на меня, и любому за дверью раздевалки слышен был шум сражения: хруст кулаков, крики боли и гнева, гулкий стук черепов о пол.

— Ну так что, будете драться? — растирая кровь под носом, спросил я вскоре двух измочаленных пен-тюхов, которых только что колотил головами об пол.

— Эй, Костиган! — послышался за дверью голос моего помощника. — Толпа угрожает разнести притон, если сейчас же кто-нибудь не выйдет!

— Будете драться? — повторил я, хватая обоих за ширки.

— Погоди, — прохрипели они. — Будем драться...

У обоих подгибались ноги. Поддерживая бедолаг за плечи, я провел их по коридору на ринг. При виде разукрашенных боксерских физиономий публика взревела от изумления. Когда я объявил имена и вес противников, зрители вскочили с мест и освистали нас скопом.

Джонни ударил в гонг, гладиаторы, пошатываясь, побрели навстречу друг другу, и Гаррисон в отчаянии прошептал, что еле стоит на ногах — какой уж тут бокс!

— Тогда притворяйтесь, — кровожадно посоветовал я, — или мой первый урок покажется вам пикником по сравнению со вторым.

Гаррисон с воплем бросился через ринг, широко размахнувшись и нанеся зубодробительный удар правой. Вместо глаз у Брента остались щелки, поэтому он даже не углядел летящего кулака. Крепко получив по челюсти, он зарылся носом в брезент. Гаррисон повалился на него, и я присудил нокаут обоим.

Публика снова поднялась на ноги и разразилась львиным ревом. Я сроду не видел любителей бокса в таком дурном настроении. В зале было жарко, и в этом, похоже, все винили меня. Толпа так вошла, что я едва не оглох. Снаружи мог обрушиться весь город, и мы бы этого не заметили.

Пришлось мне с помощью Джонни оттащить бесчувственных полутяжей в раздевалку, после чего я приказал Джонни поскорее выставить на ринг Брока и Кинана.

Мое очередное появление в зале встретило такой бурный прием, что готов поспорить: его слышали в Австралии. Я хотел вежливо улыбнуться, но сумел изобразить только жуткую ухмылку. Я потел, как негр, Гаррисон подбил мне глаз, Брент расквасил нос, и в довершение всего публика своими издевками довела меня до бешенства.

— А сейчас... — Я с удовлетворением заметил, что зрителям меня не переорать — между прочим, это не под силу даже противотуманной сирене. — ...поединок из десяти раундов, в котором сойдутся Громила Брок из голландского города Амстердама и Туз Кинан из Сан-Франциско. Эти ребята шутить не любят...

— А то мы не знаем! — перебила обезумевшая толпа, стряхивая пот с глаз и потрясая кулаками. — Давай ближе к делу, обормот! Мы тоже шутить не любим!

Испепеляя взором ближайшие ряды зрителей, я заметил некоего субчика, шумевшего за десятерых. Он был в «закопченных» очках, с длинной рыжей бородой и в надвинутой на глаза матросской шапочке. Мне стало не по себе от его устремленного на меня через темные очки горящего взгляда. Может, это нанятый моими конкурентами стрелок? Я решил при малейшем подозрительном движении расколоть ему череп и только потом задавать вопросы.

Кто-то просунул руку между канатами и дернул меня за брючину. Я увидел побледневшего Джонни.

— Стив, — прошептал он. — Теперь нам крышка. Брок смылся!

— Что? — Я непроизвольно дернулся, потом наклонился, сгреб его за ворот и протаскил меж канатами на ринг. И процедил: — Развлеки этих паразитов. Спой им что-нибудь или спляши, а я сейчас вернусь.

Бегом устремляясь по проходу, я расслышал жалкий лепет Джонни:

— Господа, не угодно ли послушать «Мордой об стойку бара»?

— Не-ет! — хором заорала толпа, в которой я уже приметил знакомую персону. То был англичанин Бристол Рейни, бывалый боксер.

Я ухватил его за плечо, наклонился и прошипел на ухо:

— Брок удрал из клуба. Не хочешь взгреть Туза Кинана за двадцать пять монет?

— За такие деньги я готов взгреть самого Демпси, — живо отозвался он и поспешил за мной. В раздевалке я быстро объяснил ситуацию Кинану.

— Извини, но это не моя вина, — потя как лошадь, сказал я боксеру. — Но если ты откажешься драться с Рейни, я тебя размажу по стенам этой раздевалки.

— Я с ним подерусь, — заверил меня Кинан. — Но только он мне не нравится.

— Плевать! — бросил я, торопясь вернуться в зал, где неблагодарная толпа забавлялась швырянием пустых пивных бутылок в беднягу Джонни.

Мой громовой рев положил этому конец.

— Хватит! Того, кто бросит еще одну посудину, я своими ногами втопчу в пол! — Как ни странно, публика утихомирилась, и я добавил: — Господа, к сожалению, Брок смазал пятки. Я заменяю его Бристолем Рейни и...

Я вынужден был замолчать, потому что от рева едва не обрушилась крыша. Ничто на свете не огорчает публику сильнее, чем замена бойца.

— Гони назад наши деньги! — орали зрители.

— Ладно! — отозвался я, на миг теряя терпение. — Я верну ваши проклятые монеты, но только желающий забрать их пускай подойдет ко мне!

Все еще вне себя, я спрыгнул с ринга, и ко мне нетвердой походкой подошел здоровенный матрос.

— Хочешь забрать свои деньги? — осведомился я.

— Ага! — рявкнул он. — Я выложил за этот вшивый балаган целый доллар!

— Ну хорошо, — проскрежетал я. — Забирай!

Сунув в протянутую лапу мой последний доллар, я изо всей мочи саданул ему по скуле. Он перелетел через первый ряд стульев и успокоился среди обломков второго, задрав к потолку матросские сапоги.

— Кто еще хочет забрать деньги? — воинственно прогремел я, приплясывая от возбуждения. Во «Дворце Удовольствий» воцарилась зловещая тишина, но никто не подошел ко мне, а через минуту в проходе появились боксеры.

Воспоминания о том поединке останутся со мной до последнего дня. Иногда он мне снится, и я просыпаюсь среди ночи с воплем о помощи. То был кошмар наяву. В первом раунде Рейни схлопотал в брюхо и после этого уже не открывался. Он был подл, хитер и труслив. Кинан желал драться по-мужски, но Рейни сводил на нет все его благородные порывы. Один клинч следовал за другим, я замучился разнимать. Попробуйте-ка оторвать друг от дружки пару двухсотфунтовых громил. Только растащил, глядишь, они снова в обнимку... И так целых семь раундов, а жарница — вот-вот мозги расплавятся!

Лампы над рингом опаляли нас адовым пламенем, и все это время я сознавал, что подвергаюсь этой пытке задаром. Рейни кусался, лез пальцами в глаза противнику и в клинче падал на колени. Когда мне надоели эти фокусы и я пригрозил его вышвырнуть, он заржал и сказал: «Валяй, я ведь уже получил свои деньги!»

Короче говоря, все кончилось в седьмом раунде. На протяжении всего боя болельщики Рейни осыпали меня оскорблениями, им не нравилось, что я представлял их любимца драться честно. В толпе их поддерживали многие англичане. Но вот боксеры вышли из своих углов. Кинан размахнулся — тщетно, Рейни мигом

вошел в клинч. Я, пошатываясь, приблизился, чтобы разнять, и — бац! — пивная бутылка разбивается о мой череп. Я растянулся между боксерами, секунду повисев на их сомкнутых руках, затем Рейни ухмыльнулся и злобно опустил каблук мне на подъем стопы. Я мигом очнулся и вышел из себя, забыв при этом о публике, индусе и всем прочем, кроме ухмыляющейся физиономии Рейни.

Размахнувшись от самого бедра, я впечатал Рейни по челюсти. Никогда еще мне не доводилось видеть столь восхитительного полета: кувыркаясь в воздухе, этот лимончик перелетел через канаты и уже без чувств шмякнулся на колени своим поддипалам. Толпа с ревом вздыбилась, и человек сорок с пеной у рта полезли на ринг.

Джонни взвыл и устремился к ближайшему выходу. Кинан каким-то чудом перевалился через канаты, и его поглотила свора очумелых лимончиков. Я тремя ударами уложил троих, остальные волной прокатились по мне. Их было так много, что я не мог работать кулаками. С охапкой нападающих я обрушился на пол, чтобы кусаться, царапаться, увечить. Кто-то вцепился в мою глотку, другой прижался ко мне так тесно, что я отчетливо расслышал треск его сломанных ребер; пока он орал от боли, мои зубы застряли в чужом ухе; все это время по мне градом молотили сапоги. Послышался треск рвущейся материи и кожи, затем пронзительный визг, и я понял, что в схватку вступил Майк. Неожиданно в гущу дерущихся с грозным боевым кличем прыгнул некто устрашающий, он размахивал стулом, будто цепом. Это был рыжебородый незнакомец в темных очках!

Благодаря его стулу и зубам Майка нажим толпы ослабел, и я поднялся, раздавая тумаки направо и налево и каждым ударом повергая по меньшей мере одного зрителя. Зал превратился в бедлам, кругом метались и корчились люди, в щепки разлетались стулья и

скамьи, стену вспучило наружу. Кто-то выломал столбик ринга, помост с треском накренился. Потом этим столбиком рыжебородого шарахнули по башке, вынудив покачнуться и уронить очки.

Я уложил парня со столбиком зверским хуком левой, и тут вдруг раздался страшный грохот.

Постройка закачалась, будто в нее угодил мощный снаряд. Я ясно увидел, как покосилась и застыла крыша; вскоре она взмыла в ночь, и мы, оглушенные ревом ветра и грохотом рушащихся стен, изумленно уставились в красно-черное небо. Кто-то крикнул: «Тайфун!» — и все окончательно обезумели.

Смутно припоминаю, что меня опять сбили с ног и едва не затоптали, когда я пытался добраться до рыжебородого спасителя. Я дотянулся до него и схватил за рыжую бороду. Она осталась у меня в руке — то был Старик. Я снова вцепился — на этот раз в настоящую бороду, — но порыв ураганного ветра буквально разнес в щепы «Дворец Удовольствий» и подхватил помост ринга. Берег был рядом, но я почти не помню нашего полета. Помню только, как меня едва не растерзали ураган и потоки воды, как швыряло туда-сюда помост, точно бутылочную пробку. Я держался за бороду Старика, Майк — за мой ворот, и кто-то еще висел на канатах ринга, что плыл в бурных волнах пролива, бывшего некогда улицей.

Мимо, кружась, проплывали дома и обломки построек, за них цеплялись китайцы. Ураган и вода превратили ту ночь в настоящий ад.

— Держись! — крикнул я Старiku. — Нас выбросит на холм!

— А! — отвечал Старик, задирая голову, чтобы извергнуть из глотки добрый галлон морской воды.

— Где «Морячка»? — крикнул я, перекрывая гул ветра.

— С ней все в порядке! — ответил кэп. — Я заранее узнал о тайфуне. Шхуна в море, с командой на борту. Я отправился следом за тобой в Сингапур, потому

что знал: парню вроде тебя не справиться в одиночку. Но не хотелось, чтобы ты меня узнал, если добьешься успеха.

— Свами Дитта Бакш посоветовал открыть здесь боксерский клуб! — выкрикнул я.

— Знаю! — отозвался Старик. — Свами — гнусный обманщик, он никакой не индус, а белый мошенник по имени Ормонд. Его брат — боксер, и Ормонд выпроводил тебя из порта, чтобы его чертова братца нанял Джо Барлоу. Послушай, если выберемся отсюда живыми, ты вернешься на шхуну?

— С одним условием! — ответил я. — Ты меня отвезешь на Батавию, и я отдам должок свами Дитта Бакшу, или Ормонду, или как там его...

Несколько дней спустя я вошел в «Замок Снов» и устремил на индуса загадочный взор. Вначале он немного удивился, затем просиял:

— Ага! Ты пришел отдать мне половину выручки?

ПО ПРАВИЛАМ АКУЛЫ

Самый злачный из портов Южных морей — Баррикуда. На этом острове одна гавань и один городок, вобравший в себя все мыслимые пороки, а уж городов и пороков я повидал немало. Население — белые, аборигены и подонки всех мастей. И хватит рассказов — слишком много чего можно порассказать.

Если интересуетесь, побывайте там сами, но тому, кто обладает чувствительной натурой, либо питает любовь к роду людскому в целом, лучше воздержаться от посещения Баррикуды.

Отчетливо помню, сколь неприятно было протрезветь и обнаружить себя на мели в этом вертепе. Поверьте, я вовсе не пьяница. Пусть я немного склонен к пороку, но мне необходимо блюсти форму, чтобы удерживать титул чемпиона «Морячки» среди горилл, называющих себя моими товарищами по плаванию. Нет, верно, кто-то «зарядил» мой ром. Я пропустил пару стаканчиков в казино «У Хуана», еще пару в «Прибежище моряка», потом три или четыре в «Американском баре» и еще несколько в безымянных кабачках поменьше, после чего, к своему искреннему изумлению, забыл обо всем на свете.

Очнулся я в отдельном кабинете «Американского бара», где меня приводила в чувство, поливая водой, незнакомая девица.

— Мне ужасно неловко, — пробормотал я. — В жизни не видел такой прекрасной девушки, и приходится у нее на глазах выходить из состояния алкогольного опьянения.

Она одарила меня печальной и сочувственной улыбкой, нежно похлопала по руке и в ответ на мои неуклюжие попытки поймать ее пальцы выскользнула из комнаты, оставив меня под чарами алых губ, нежных бледных щечек и огромных грустных глаз. Эти глаза преследовали меня, когда я отправился на поиски своего корабля.

Вот так новость: «Морячка» отчалаила прошлой ночью и, по словам портовых рабочих, проклятия неждавшегося меня Старика могли превратить в лед кровь пылающего квартерона. Старый черт все же исполнил угрозу когда-нибудь уйти в море и предоставить мне отсыпаться на берегу. Прежде мне не верилось, что он на такое способен. Я преподнес докерам пару-тройку непристойностей в адрес Старика, затмивших его вчерашние проклятия, затем дал по челюсти согласившемуся со мной стивидору¹ и вернулся в «Американский бар».

По странной причуде судьбы буфетчики и воришки не тронули мелочь в моих карманах, поэтому я заказал выпивку и попытался навести справки о посещающих эту гавань судах. Бармен упомянул о стоящем на якоре британском пароходе, — скоро он возьмет курс на Таити и прибудет туда раньше «Морячки». Перспектива наняться на судно лимончиков меня не увлекала, но я был согласен плыть с самим дьяволом, лишь бы убраться с Баррикуды.

Узнав, что хотел, я поинтересовался насчет девушки, испытывая при этом жгучий стыд за свой ут-

¹ Стивидор — лицо, ведающее погрузкой и разгрузкой судов в заграничных портах.

ренный позор. Удалось лишь узнать, что она француженка, зовут ее Диана и по вечерам она танцует в «Американском баре». Вспомнились ее грустные глаза и тонкие белые руки, и у меня защемило сердце. Приятели говорят, что я готов влюбиться в первую встречную красотку, но им просто завидно.

Не найдя девушку, я забрел в казино Хуана и затеял спор со здоровенным голландцем с парусника. Не помню конкретной причины ссоры — кажется, речь шла о Лиге Наций. Короче, мы погорячились, я заехал ему левой в челюсть, и он зарылся носом в плевательницу. Тут какой-то подлый сын Вельзевула огрел меня по черепу дубинкой, и я отправился считать звезды.

Очнулся я на задворках казино, где оказался по милости вышибал Хуана, и гляньте — меня снова поливает водой маленькая француженка!

— Кажется, это становится привычкой, — произнес я, садясь.

— Месье, похоже, вы неразлучны с неприятностями, — отозвалась она. — Вам не следует общаться с плохими людьми.

— Но все шло прекрасно, пока меня не огрели дубиной, — возразил я. — Идемте в «Американский бар» — это вроде бы самое безопасное место в городе. Мне нужно с вами поговорить.

Расположившись в кабинете означенного бара, я отдал последние несколько центов на помой, которые там называют пивом, и сказал:

— Во-первых, объясните, чем занимается красавица вроде вас в этом гнусном вертепе.

— Сама не знаю, месье, — печально и покорно ответила она. — Я здесь оказалась в поисках работы. Я танцую, потому что ничего другого не умею. Но я не знала, что меня здесь ждет, а теперь не могу выбраться с острова.

— Я заработаю на билеты нам обоим... — начал было я, но она отрицательно покачала головой.

— Нет-нет, месье, дело не в деньгах. Их-то я могу заработать. Вы не понимаете.

— Конечно, не понимаю,— сознался я.— Не понимаю, почему такая фея застревает в подобном при-tone, имея возможность заработать и уплыть...

— Нет, вы ошибаетесь,— перебила она, нервно и испуганно оглядываясь.— Я здесь пленница... пожалуйста, никому не говорите о том, что я вам расскажу. Я бы ни с кем не поделилась, но вы, месье, не такой мужчина, как другие. Вы кажетесь храбрым и добрым. Вот почему я лью на вас воду, когда вам плохо.

— Я тоже надеюсь, что не похож на здешних бродяг,— с достоинством произнес я.— Сестренка, рассказывай как на духу. Мне можно доверять.

— Я сюда приплыла несколько месяцев назад,— взволнованно переплетая бледные пальцы, продолжала девушка.— А теперь мне не позволяют уехать. О, будь моя воля, я бы давным-давно сбежала с этого острова. Вы слышали о месье Акуле Муркене?

— Конечно,— сказал я.— Слышал о нем много, но, увы, ничего хорошего. Он вроде бы заправляет на этом острове. По слухам, он контрабандист, работороговец и продавец оружия. Я знаю, что он замешан в темных делах, и, честно говоря, считаю его...

— Тш-шш, месье, пожалуйста, молчите! — Диана побледнела и с дрожью приложила ладонь к моим губам.— Он убьет вас на месте, если услышит эти слова. Ужасный человек!

— Эге! — осенило тут меня.— Часом, не он ли удерживает тебя на этом захолустном острове?

Она кивнула, и ее глаза увлажнились. При виде слез я невольно стиснул кулаки, мечтая сокрушить чью-нибудь мужественную челюсть.

— Когда я здесь очутилась, он принялся за мной ухаживать, но не понравился мне и получил отказ. Тогда он поклялся, что я останусь здесь, пока не соглашусь выйти за него замуж. Я пыталась сбежать, но его люди постоянно следят за мной, преследуют...

Сюда часто заходят суда, но большинство капитанов слишком боятся месье Акулу и не хотят взять меня с собой, а иные даже не позволяют мне приблизиться. Ах, месье, — всхлипнула она, — пожалуйста, помогите мне!

— Бога ради, не плачь, — сказал я. — Рад буду помочь тебе, но успею ли я что-нибудь сделать до того, как меня прикончат? Ведь я один против целого острова! Допустим, я способен раскидать целую шайку в кулачном бою, но идти на ножи и револьверы... Тут мои шансы невелики.

— Месье Акула страшно дерется на кулаках... — продолжала она.

— Ага, знаю, он был боксером, — кивнул я. — Но что с того?

— Он очень гордится своими победами, — пояснила она. — Построил себе ринг на окраине города, и когда с кем-нибудь спорит, заставляет этого человека драться. Месье Акула часто повторяет, что удерживает свое имущество только кулаками, и если появится парень, способный его одолеть, — пожалуйста, пускай забирает все. Ведь вы — знаменитый кулачный боец Костиган, правда, месье?

— Правда. — Я невольно выпятил грудь и напряг бицепсы. — Стив Костиган с «Морячки», я уже представлялся.

Ее глаза вспыхнули, и мое сердце снова дрогнуло. Ей-богу, я втюрился в эту юбчонку по уши!

— Ах, если бы вы уладили с Акулой это дело! — воскликнула она, ломая руки. — Если бы вы подрались с ним и разок нокаутировали, он бы меня отпустил! С вами!

— Со мной, — эхом отозвался я, будто наткнувшись челюстью на удар правой.

— Месье, мы отправимся, куда захотите! — разошлась она не на шутку, протягивая ко мне руки.

— А ну погоди! — воскликнул я, обуреваемый вихрем мыслей. В те дни я нередко влюблялся в девчо-

нок, зато они крайне редко влюблялись в меня, а тут вдруг такой персик сам бросается на шею! — Давай поговорим начистоту, — предложил я. — Значит, если я отделаю этого типа, Акулу, ты выйдешь за меня?

— О, месье! — Она обняла меня руками за шею. — Ваша победа над этим гнусным шутом сделает меня самой счастливой девушкой на свете!

Что еще могли означать эти слова, как не обещание выйти за меня замуж?

— Договорились, малютка! Укладывай вещички в чемодан и считай, что с Акулой уже покончено!

Девушка вскочила и пролетела в танце по кабинету.

— Как вы добры ко мне, месье! Я бегу за вещами, потом буду ждать вас на пристани.

— Не беспокойся, если я немного задержусь, — предупредил я, вспоминая «послужной список» Акулы Муркена. — И не удивляйся, если не сразу узнаешь меня, — чуть подумав, добавил я.

Простившись с девушкой, я зашагал по грязной улице, упиваясь сумбурными мечтами о любви, медовом месяце и здоровенных головорезах, которых ради этого придется нокаутировать. На удалении от дианиных чар мозги мои чуток остыли, и я решил, что Акула блефует насчет согласия отдать Диану любому, кто сможет ее взять.

Я знал, что он гордится своими кулачищами, но не мог поверить, что такой отпетый мошенник позволит столь шикарной мадемуазели ускользнуть из его лап только потому, что кто-то ухитрится садануть ему по челюсти. Впрочем, тропики черт-те что делают с белыми людьми; возможно, он и впрямь верит в то, что говорит. Остается лишь выяснить, чего на деле стоят его обещания. Я не сомневался, что увезти Диану тайком невозможно. Не зря ведь она предупредила, что за ней постоянно следят.

Разнюхав, что Акула ошивается в гостинице Тая Йонга, я направил туда стопы. В это время дня стояла

свирепая жара, я ее проклинал и запоздало думал о том, что не мешало бы выбрать более подходящий час для поединка с таким мордоворотом, как Акула Муркен. Я не ел с вечера, да и спирт еще не выветрился; вдобавок с похмелья меня мучила сильнейшая головная боль. И все же я не сомневался в том, что способен уложить любого костолома на Баррикуде, и решил взять Акулу за жабры в его логове.

Поднявшись по шатким ступеням гостиницы, я отмахнулся от пытавшегося выяснить цель моего визита китайчонка и плечом проложил путь в комнату с вывеской: «Муркен и К°. Морские перевозки и экспорт». Итак, я предстал пред очами знаменитого Акулы Муркена, которого узнал в ту же секунду. Он сидел за грубым подобием стола и, завидев меня, выхватил из ящика огромный револьвер. В комнате торчало еще несколько обладателей устрашающей наружности, но я не сводил глаз с потного, измученного жарой Муркена. Это был верзила с густыми черными бровями и глазами рассерженного тигра.

— Ты всегда вламываешься в частную компанию без стука? — раздраженно осведомился он, возвращая револьвер на прежнее место. — Когда-нибудь тебя подстрелят. Чего надо?

— Я Стив Костиган, матрос с торгового судна «Морячка», — представился я, решив применить дипломатию. — Пришел поговорить с тобой о девушке, которой ты в последнее время не даешь проходу. Я имею в виду мисс Диану.

— Что?! — заревел он, и свиные глазки налились кровью. — Какая наглость! В моей же конторе обвинять меня в...

— Сам ты наглец, да еще пират и торговец черномазыми! — огрызнулся я, вмиг потеряв терпение. — Может, ты и хозяйничаешь на этом острове, но меня не купил. А ну, не суй лапу в ящик, если не хочешь получить в морду! С каких это пор шайка торговцев оружием и контрабандистов опия называет себя «компа-

нией»? А? Короче, перехожу к делу и задаю вежливый вопрос: ты отвечаешь за свои слова, или кишка тонка?

— Что за слова? — пророкотал он с убийственным блеском в сощуренных глазах.

— Ты обещал отдать тому, кто тебя взгреет, лютбое твое имущество. Мне нужна малютка французенка, и честь требует отнять ее у тебя на боксерском поединке. Ну что, продырявишь меня из пушки, как последний слюнтяй, или готов лишний разок убедить шайку, что не бросаешь слов на ветер?

Муркен убрал клешню с револьвера и сжал на столе огромные узловатые кулачищи. По его свирепой физиономии расплылась людоедская ухмылка.

— С удовольствием сражусь с безмозглым маньяком, который возомнил, что способен свалить Акулу Муркена с копыт. Превратить в котлету ближнего своего — что может быть приятнее? Эх, если бы кулачные бои давали столько же прибыли, сколько контра... честная торговля, я бы ничем другим не промышлял.

— Значит, ты держишь слово?! — воскликнул я, подумав, что ослышался.

— Еще бы, жалкое ты отродье! — проревел он, расшибая стол ударом правой. — Глянь на мои кулаки! Я поселился на этом архипелаге еще в те времена, когда белые предпочитали держаться от него подальше, и сколотил внушительное состояние вот этими руками! Я беру, что хочу и могу удержать, и признаю это право за другими. Если когда-нибудь не сумею отстоять в кулачном бою свое имущество, можешь списать меня в утиль! Да, я подтверждаю свое обещание и готов встретиться с тобой на ринге. Я тебя отучу совать нос в мои дела, ирландская горилла!

Я оказался прав: эта безжалостная скотина, отдубасившая на своем веку уйму крепышей, была одержима боксом. В предвкушении драки и победы Муркен забыл обо всем на свете, включая женщин.

— Мы сразимся прямо сейчас, на моем ринге, — бушевал он. — Когда я с тобой разделаюсь, ты сгодишь-

ся на корм акулам. Я тебя до смерти изобью! Знай, что еще никто и нигде не отдубасил меня!

— А меня где только не дубасили, — ухмыльнулся я. — Но справедливости ради замечу, что в нокауте не побывал ни разу, а спортивные писаки считают меня одним из сильнейших бойцов ринга. Для меня главное — честный бокс.

— Будет тебе честный бокс, — пообещал он с гадкой усмешкой. — А заодно и первый нокаут. Если каким-то чудом победишь меня, никто тебе не помешает забрать французскую юбку. Но если я тебя отделаю, а это обязательно случится, — то, скорее всего, брошу акулам!

В моей голове долго звучал этот посул, пока я шагал за Акулой Муркеном и его бандой по петляющим улочкам с залежами пыли и отбросов, с голыми детишками-аборигенами. Место, где должен был состояться поединок, находилось сразу за чертой города. Ринг был грунтовый, как в добрые старые времена, когда дрались без перчаток. То есть в грунт были загнаны колья, а между ними натянуты канаты; брезент, разумеется, отсутствовал. Меня это не слишком обрадовало, поскольку такая «подстилка» затрудняет работу ног. Но я промолчал. На ринг падали тени огромных баобабов, но жара все равно была способна расплавить медную обезьяну. Почему-то мне казалось, что бой будет недолгим, кто бы его ни выиграл.

Прослышав о поединке, собралась внушительная толпа — ну и зрелище, скажу я вам! Полукровки всех оттенков кожи, аборигены в набедренных повязках, бродяги в грязных лохмотьях и с нечесаными бородами, богатые купцы в белых костюмах и тропических шлемах, бармены, карточные игроки и матросы — короче говоря, случалось мне драться в сомнительных сборищах, но они в подметки не годились этой шайке!

— Эй, кто-нибудь, займитесь Костиганом! — заорал Муркен, и вынырнувший из толпы шулер с бе-

гающими глазками предложил мне свои услуги. Не очень-то мне понравился этот субъект, но худший на свете секундант лучше никакого, а лучший всегда чем-то плох.

Мы с Муркеном обнажились до трусов и ботинок, после чего нам одели перчатки, и мы пролезли между канатами на ринг. Рефери — тощий и голодный с виду кочегар с британского парохода — вызвал нас в центр ринга, и мы осмотрели друг у друга перчатки. Меня слегка удивило, что Муркен не припрятал в своей ни подковы, ни наковальни.

Мы обменялись рукопожатием, причем он едва не раздавил мне кисть.

— Надеюсь, твои земные дела в порядке, — про-
рокотал он, уставясь на меня сверху вниз горящими
свинными глазками.

Я лишь ослабился, выдернул руку и пошел в свой
угол. Должен признать, что обнаженный Муркен вы-
глядел довольно внушительно. Росту в нем было доб-
рых шесть футов два дюйма, а весу не меньше двухсот
пятнадцати фунтов — сравните с моими шестью фу-
тами и ста девяноста фунтами. Такой бочкообразной
груди я не видел ни у одного белого, а плечи Муркена
казались базальтовыми глыбами. Могучие руки, плечи
и ноги были густо покрыты волосом, густые черные
брови хмурились над устрашающими глазами — коро-
че, самый звероподобный боксер из всех, кого мне до-
велось повидать. Тем не менее я приободрился, заме-
тив на его пузе складку жира. Он тренируется нечасто,
а значит, разгульный образ жизни обязательно возьмет
свое. Но я не знал, что он редко пускается в загулы и
обладает поистине сверхчеловеческой стойкостью и
жизненной энергией. Я не ждал легкой победы, но ве-
рил, что он сломается через несколько раундов.

— Ты с ним полегче, — посоветовал мой секун-
дант, откусив от плитки жевательного табака. — Сове-
тую напасть на него и...

— Намять бока, — перебил я.

— Не-ет,— протянул мой веселый помощник.— Завалиться после первого удара в челюсть. Тогда, может, он тебя не убьет.

— Замечательный совет боксеру от так называемого секунданта,— с негодованием ответил я.— Да я тебя уложу за пару центов...

В эту минуту прозвучал гонг. Я быстро повернулся, но не успел выйти из своего угла, как в меня врезалось что-то вроде боевого слона. Я даже представить себе не мог, что жлоб вроде Муркена может двигаться с такой быстротой. Получив левой в скулу, я увидел семь тысяч звезд. Размахнувшись, Акула добавил сокрушительный удар правой, едва не угодив мне по челюсти. Не успел я прийти в себя, как Муркен отправил меня «сушиться» на канаты очередным левым в голову, но я, успев осерчать, оттолкнулся от них и погрузил левую по запястье ему в брюхо. Он крикнул — видать, не ждал отпора.

Акула снова надел на меня, размахивая обоими кулаками, и я пропустил жуткий хук в подбородок. Потом он рассек мне скулу скользящим правой, а я левой от души влепил ему под сердце. Некоторые болельщики кричали мне «боксируй!», но разве может боксировать человек, не искушенный в этой благородной науке? Я грубый и безыскусный «молотила» и никогда не исправлюсь.

Бац! Он с ходу запечатал мой глаз хлестким ударом, и пока я над этим раздумывал, Акула зверски вломил мне под сердце правой. Мои колени подогнулись, и пара мощных ударов справа и слева уложила меня носом в травку. Я слышал, как миль примерно в тысяче от ринга считает судья, а лица зевак за канатами двоились. Но тут я вспомнил о Диане и поднялся на колени. Акула Муркен стоял надо мной и злобно лыбился. Я потряс головой, туман слегка рассеялся. Я был оглушен, но не лишился сил.

— Девять! — сказал судья, и в ту же секунду я вскочил и влепил Муркену правой по губам.

Он не успел закрыться, его голова дернулась, будто крепилась к плечам на петлях, и кровь брызнула на меня и на рефери. Акула взревел, отвел правую и... достань она цели, я получил бы билет в один конец до Земли Обетованной. Прикрываясь обеими руками, я присел, выпрямился и саданул снизу левой. Алперкот пришелся в цель, Акула заревел, будто его резали, и оторвал меня от земли хлестким ударом правой по корпусу. В отчаянии я вошел в клинч, и пока мои каблуки опускались на его стопы, он пытался выковырять мне глазные яблоки.

Судья разнял нас, но я успел достать Муркена прямым левой. Он загнал меня в угол, и мы обменивались тумачами, пока белый свет не стал красным. Наши руки двигались медленно и тяжело, точь-в-точь поршни тормозящего паровоза. Ни один из нас не услышал гонга; судье пришлось снова разнять нас и развести по углам. Я плюхнулся на табурет и откинулся на канаты, очень слабо воспринимая происходящее. Пока весельчак-секундант равнодушно обрабатывал меня, я сосредоточился на мыслях о красавице Диане, моей будущей супруге, и благодаря этой оздоровительной процедуре встал по удару гонга довольно свежим, без пелены на мозгах.

Во всяком случае, я был свежее Муркена. Мне досталось крепче, но ведь я вышел на ринг в лучшей форме. Он больше меня привык к жаре, но ему мешал излишек жира. Я вообще недоумевал, как он ухитряется выдерживать убийственный темп. Бог знает, когда Акула в последний раз встречался с хорошим боксером, но все же он задал мне перцу.

Второй раунд он начал шустро и сразу схлопotal в правый глаз. Он взвыл и угостил меня левым хуком в подбородок и правым — в живот. Я ринулся на Акулу, чтобы свалить его отчаянной атакой на корпус. Я все поставил на карту, осыпал его таким вихрем размашистых ударов, что толпа едва не обезумела. При этом я изо всех сил старался не обращать

внимания на его отпор. Под градом моих тумачов он заревел раненым львом и отбросил меня сильнейшим правым свингом в висок. Я снова «поплыл», но рефлексy старого «молотилы» удержали меня на ногах.

Широко открывшись, я ринулся в атаку и ошеломил Муркена мощным ударом правой. Второй удар я закатал ему в глаз, а он едва не отшиб мне нос ответным левой. Затем он проломил мою защиту хлестким апперкотом под сердце, отчего у меня напрочь заперло дыхание.

Я бессильно уронил руки, и он влепил мне по подбородку хук левой. Мои подошвы взлетели выше головы, а затылок шмякнулось о грунт с такой силой, что в легкие вновь устремился воздух. Я вскочил, не дожидаясь отсчета, и явно слабеющий Акула погнался за мной по рингу. Но мне пришлось хуже, чем ему.

Кровь заливала глаза, я еле двигал руками и смутно догадывался, что отголоски далекого грома на самом деле — хлопки кулаков по моей голове и корпусу. Я опять уронил руки и повис на канатах, раскачиваясь от его ударов. Дальнейшее помню плохо, но ему пришлось потратить чуть ли не минуту, чтобы сбить меня наземь — настолько он вымотался.

Судья произнес надо мной «девять» одновременно с ударом гонга. А может, и нет — я не помню. Помню только, что очухался в углу, когда мой секундант размахнулся, чтобы бросить на ринг полотенце. Я перехватил его руку.

— Не смей, — пробормотал я. — Вылей лучше на меня ведро воды.

Он заворчал, но повиновался, и я посмотрел на Муркена, которого массировали и обмахивали секунданты. Муркен являл собой печальное зрелище: глаз заплыл, щека глубоко рассечена, пот ручьями бежит по волосатой груди, мешаясь с кровью, а грудь судорожно вздымается. Он уставился на меня так, будто не верил своим глазам, но тут прозвучал гонг.

— А ну, помоги встать, такой-эдакий! — рывкнул я секунданту, и он неохотно повиновался, сказав при этом:

— Ты самый крутой тип из всех, кого я видел, но это тебя не спасет.

У меня очень ослабли ноги, и, сказать по правде, я вообще чувствовал себя неважно, когда, пошатываясь, брел навстречу Муркену. Но моя способность приходить в себя всегда изумляла любителей бокса, а уверенность в том, что Муркену едва ли лучше, добавила мне сил. Когда мы сошлись посреди ринга, мне подумалось, что награда вполне оправдывает перенесенный кошмар. Затащить под венец такую краля, как французенка Диана? Да за это жизни не жалко!

На этот раз Муркен не спешил. Он неторопливо «опробовал» меня левой, прежде чем выбросить правую. Когда это случилось, я опустился на колени и судья начал отсчет. Я поднял глаза на Муркена. Его руки повисли как плети, голова склонилась на огромную грудь, а брюхо колыхалось от судорожных вздохов. Ужасная жара и недостаток тренировок навалились на моего противника тяжелым бременем, и я понял, что одолею его, если еще чуть-чуть продержусь. Передо мной маячило лицо Дианы, милые печальные глаза умоляли выстоять и победить.

Воспрянув духом, я успел подняться за долю секунды до того, как судья засчитал нокаут. Увидев меня на ногах, Муркен ужасно расстроился. Выругавшись, он враскачку побрел ко мне. Но я знал, что он начисто выдохся в предыдущем раунде и, хотя все еще опасен, у меня есть неплохие шансы.

Этот раунд прошел в относительно медленном темпе. Мы часто входили в клинч и обменивались вялыми ударами, накапливая силы для следующего раунда. Вот для чего нужны тренировки — в затяжных клинчах я успел обрести прежние силы, а Муркен, которому не доставало подобного навыка, еще сильнее раскис. За полминуты до конца раунда я пошел в ата-

ку, заставил Акулу пошатнуться от хорошего хука, а перед самым гонгом провел очередной хук правой в челюсть.

Уходя в свой угол, я оглянулся на Муркена. У него дрожали ноги, и я понял, что конец не за горами — если только Акула не убьет меня раньше.

Отдыхая на табурете, я заметил, как мой секундант, метнув в меня колющий взгляд, выслушал шепчущего ему на ухо коллегу из угла Муркена. Мой помощник кивнул и сунул мне под нос флагу.

— Выпей, поможет.

Я ощутил знакомый аромат отравы, которую подливают в питье завлекаемым обманом на судно матросам. Говорят, наркотики не пахнут, но иногда это не соответствует действительности.

— Проклятый такой-эдакий! — проревел я, срываясь с табурета. — Опоить меня вздумал? — И от удара правой в челюсть он перелетел через канаты.

— Нарушение правил! — завопил какой-то умник из публики. — Костиган только что уложил своего секунданта. Я свидетель!

— Тоже мне свидетель! — рывкнул я, перегнувшись через канаты и на волосок не достав его мощным зубодробительным. — С чего ты взял, что взгреть собственного секунданта — нарушение?

В эту минуту прозвучал гонг, и у меня не осталось времени ни на кого, кроме Муркена.

Эта горилла бросилась в атаку! Муркен понимал, что скисает, и сочетание невероятной бойцовской ярости с поразительной энергией увлекло его в бой, чтобы убить или погибнуть. Переставляя непослушные ноги, он пересек грунтовый ринг с удивительной быстротой. Он размахивал руками неуклюже, как дубинами, но силы в них еще хватало, чтобы нокаутировать быка.

Следующие несколько секунд я провел будто посреди смерча. Акула осыпал меня градом ударов, но быстро выдохся. Сквозь красный туман я увидел окровавленную, покрытую синяками физиономию с ши-

роко открытой в мечтах о глотке воздуха ластью и одним незаплывшим глазом, и этот глаз прожигал меня яростью.

Я глубоко вздохнул, и в голове сразу прояснилось. Большинству настоящих «молотил», к которым я принадлежу, сила удара не изменяет даже в рауше, а если меня оглушить, я становлюсь опасным как никогда. Двигаясь подобно роботу, Муркен ударил в пустоту левой и правой, а я ответил левой под сердце и правой в челюсть. Ноги Акулы подломились, а когда я добавил правой по челюсти, он «поплыл» и медленно опустился на колени. Судья начал отсчет, но Акуле удалось кое-как подняться. Свесив на грудь голову, он стоял на широко расставленных дрожащих ногах. Мне ужасно не хотелось продолжать, но бой следовало закончить без пощады. Я выдал прямой в подбородок, и Муркен снова рухнул — на этот раз надолго.

Я потащился в свой угол, размышляя о том, как подфартило древнеримским гладиаторам — ведь им не пришлось драться с Акулой Муркеном. Если и есть на свете парень, довольный исходом нашего поединка, то этого парня зовут Стив Костиган!

Один мой глаз был плотно закрыт, другой глядел через узенькую щелку; ребра болели, будто по ним прошлась кувалда, голову украшали огромные шишки, а скулы были рассечены. В общем, я истекал кровью, точно забитый боров, и чувствовал себя примерно так же. Пальцы, когда я пытался ими шевельнуть, показались мне деревяшками. Рефери — вроде бы приличный парень — подошел ко мне и помог одеться.

— Проводи меня на пристань и скажи гориллам Муркена, что я выиграл бой, — попросил я. — Они, наверное, слышали, что Акула дерется со мной за девушку, но никогда не поверят, если я скажу, что победил. Акула уже оклемался?

— Его все еще отливают водой, — ответил рефери-кочегар. — Может, нам лучше уйти, пока он не очнулся? Он еще способен на неприятности.

Я в душе согласился с ним. Мы протиснулись через молчаливую толпу, все еще переживающую падение своего кумира, и поспешили к пристани.

Когда мы покинули тенистую поляну, у меня закружилась голова от жары, хотя день клонился к вечеру, а солнце — к закату. Я спросил у кочегара, найдется ли для меня местечко на британском пароходе, уходящем на Таити, и он сказал, что наверняка удастся что-нибудь придумать.

Тут мы как раз вышли к причалу и первое, что я увидел, — терпеливо ожидавшую меня на скамье Диану. Возле нее топтались зловещие на вид субчики, в которых я мигом узнал присных Акулы. Когда я приблизился, девушка вскочила на ноги и испуганно вскрикнула при виде моей физиономии.

— О-о, Стив! — едва не заплакала она. — Тебя побили!

— Ничуть не бывало, — возразил я, галантным и покровительственным движением привлекая девушку к себе. — Эй, лимончик, расскажи-ка ей о поединке!

— Костиган здорово отдела! Муркена, мисс, — подтвердил кочегар. — И сгореть мне на этом месте, если я видал на своем веку поединок не хуже этого.

— Слыхали, портовые бабуины? — прорычал я взявшим нас в кольцо головорезам. — Все вы знаете, что Муркен собирался отдать Диану любому, кто его отдубасит.

— Ага, — согласились они. — Муркен велел не чинить тебе помех, если случится так, что ты его осилишь.

— Ей-богу, я в нем ошибся: у этого типа характер настоящего мужчины. Диана, видишь вон тот корабль? Через час он поднимет якорь и уйдет в Америку. И мы на нем.

— Эй, а мне казалось, что ты хотел сесть на наш пароход, чтобы перехватить «Морячку».

— «Морячка» может катиться к чертям, — сказал я, — потому что с этой минуты я намерен жить на суше.

Прощай, море! Капитан поженит нас с Дианой, и я остепенюсь.

— Как хочешь, — вздохнул кочегар. — Печальный финал для парня, отделавшего Бэта Слэйда и Акулу Муркена.

— Диана, поцелуй меня перед тем, как мы отправимся в путь, — попросил я.

— Я поцелую вас один раз, месье, — промолвила она робко. — Поцелую, потому что вы такой сильный и храбрый. — И она коснулась нежными губами моих губ, с избытком возместив доставшиеся на мою долю тумачи.

— Послушай, малютка, — заговорил я, когда голова перестала кружиться. — Ты ведешь себя как-то странно...

— Костиган! — Я узнал бы этот бычий рев где угодно. Ко мне шагал по пристани Акула Муркен в сопровождении своих прихлебателей. Акула выглядел не лучше меня, но вышагивал так, будто ничего не случилось. Ну и выдержка у этого парня!

— Муркен, не приближайся ко мне, — предупредил я. — Ты здесь уже ни при чем. Я победил честно, поэтому забираю Диану с собой. Если надеешься остановить меня, мозги вышибу!

— У меня нет пушки, — невозмутимо проговорил он, — и я не собираюсь с тобою спорить. Но посуди сам, Костиган: мне понравилась эта крошка, и я тоже понравлюсь ей со временем. По-моему, она уже не против, но не признается из упрямства. Я ее не обижу, просто женюсь. Уступи ее, а? Я заплачу, сколько попросишь...

— Ах ты такой-сякой! — прорычал я. — Все-таки я в тебе ошибся, ты не джентльмен, а грязный мошенник! Да я готов за пару центов еще раз тебя проучить...

— Диана, — произнес вдруг Муркен жалким, умоляющим тоном. — Неужели ты меня ни капельки не любишь?

— Тебя! — презрительно фыркнула девушка, вздернув свой премилый носик. — Разве не ты держал меня на этом острове и шагу не давал ступить? Полюбить этот человекоподобный окорок?! Еще чего!

— Вот что, Костиган, — вмешался в нашу беседу кочегар. — Неподалеку отсюда живет священник. Почему бы ему не поженить вас с Дианой до того, как подниметесь на борт? Тогда вы начнете свое путешествие молодоженами. Я слышал, девушки не любят, когда роль священника играет капитан.

— Хорошая мысль! — согласился я. — Диана, ты слышишь? Идем сейчас же к священнику и...

Она опустила голову и залилась румянцем, и тут откуда-то появился стройный юноша, которого я прежде не видел. Подошел к Диане и положил ей руку на плечи. Я уже было собрался бросить его в залив, но она вдруг прижалась к нему и умоляюще посмотрела на меня.

— М-месье, — заикаясь пробормотала она. — Пожалуйста, не сердитесь на меня! Это... это мой муж Арман.

— Что?! — Я едва не рухнул с пристани.

— Вы должны нас простить! — робко настаивала она. — Я давно люблю Армана, с тех пор, как здесь очутилась, а он любит меня. Мой Арман храбр, как лев, он подрался бы ради меня с Акулой, но я ему не позволяла — он не противник этому верзиле! Акула всегда следил за мной и, поймав возле меня Армана, прогнал его пинками! Ну а я...

— Эх, знал бы я, что ты втрескалась в этого моллюска, — ошеломленно пробормотал Акула, — я бы его...

— Я поняла, что мне нужен сильный и храбрый человек, способный побить этого дикаря, — продолжала Диана как ни в чем не бывало. — Я узнала вашу репутацию, месье Костигане, и подумала, что вы заступитесь за несчастную девушку...

— Так, значит, ты притворялась и ухаживала за мной только ради того, чтобы я за тебя дрался? — с горечью пробормотал я. — И пообещала выйти за меня...

— Месье, — мягко произнесла она. — Я боялась, что иначе вы откажетесь драться и я не достанусь Арману! Я была просто в отчаянии, месье. Вы же джентльмен, вы понимаете, что слабой девушке простительны любые уловки. Я сожалею, что обидела вас, но что же мне оставалось? Пока вы выколачивали пыль из этой огромной скотины, мы с Арманом ускользнули к священнику и поженились. А потом Арман ждал вон за теми ящиками, победите ли вы, и отпустит ли нас Акула.

— Очень мило, — вздохнул я. — Но ты нарушила данное мне обещание...

— Месье, я глубоко раскаиваюсь! Вы были так добры к нам! Но я не обещала выйти за вас, я просто сказала, что буду самой счастливой девушкой на свете. Так и случилось, месье!

Печаль ушла из ее глаз, в них плясали звезды, и мне стало легче.

— Ну, тогда игра стоила свеч, — заключил я. — Я сам виноват — не разглядел подвох. Маленькие персики вроде тебя не влюбляются в мужланов вроде меня. Полезайте-ка оба в лодку, я сяду за весла и отвезу вас на судно.

— Месье, — протянул мне руку Арман. — Если позволите, я хотел бы пожать вам руку. Вы храбрец! Ну а ты... — он щелкнул пальцами в сторону замороженно глазающего на нас Акулы, — тьфу! Невежда и дикарь! Ты прогонял меня пинками? Ха, когда-нибудь я вернусь и встречу с тобой на дуэли!

— Садитесь в лодку, — повторил я. — Эй, лимончик, забей мне местечко для матроса первого класса. Я плыву с тобой, но сначала доставлю этих ребят на другое судно.

— Отлично! — обрадовался кочегар. — Я всегда говорил, что моряку не жить без моря!

— Но я составлю тебе компанию только до Таити, не дальше! Там есть одна девушка, она меня сроду не подводила.

— Девушка? Как ее зовут? — спросил он.

— «Морячка», — ответил я, помогая Диане сойти в лодку.

Я спустился за ними следом, и когда они уселись, приготовился оттолкнуть лохань, как вдруг Акула Муркен, казалось, стряхнул с себя чары, и смысла происходящего коснулся смешливой стороны его натуры. У него было грубейшее чувство юмора на свете.

— Ха-ха-ха! — заржал он, хлопая себя по ляжкам. — Подумать только, Костиган дерется со мной, чтобы завоевать невесту, а когда приходит за добычей, выясняется, что она готова удрать с жалким лягушатником! Ха-ха! А теперь Костиган нанялся в лакеи к счастливой парочке! Гляньте, как этот просоленный ветрами южных морей чурбан обслуживает девчонку и ее мужа! Ха, ха, ха!

Он подошел к краю причала и нагнулся над водой, лупя себя по ляжкам и хохоча во всю глотку. Теперь уже ржала вся шайка, и слышно ее было миль за десять.

Пристань в этом месте была низка, и до нависшей над водой головы Муркена можно было запросто дотянуться.

— Ах ты такой-этакий! — сказал я, сжимая весло. — Поглядим, как ты теперь посмеешься!

Расколотое о череп Акулы Муркена весло пришлось бросить. Ну да не беда, назовем его моим прощальным подарком острову Баррикуда.

РАЗБИТЫЕ КУЛАКИ

Не пристало моряку иметь дело с проклятущими аэропланами. Я понял это через несколько часов после того, как Джонни Планкетт уговорил меня составить ему компанию в беспосадочном перелете из Кито¹ в Вальпараисо. Я бы не согласился, если бы, оказавшись на мели в Кито, не понадеялся перехватить мою шхуну «Морячку» в Вальпараисо. Я был единственным пассажиром аэроплана, не считая белого бульдога Майка.

Машина Джонни оказалась допотопной развалиной, он, верно, купил ее на распродаже хлама. Она была склеена, стянута проволокой и залатана в сотне мест, шумела громче борющегося с тайфуном кардифского танкера и вдобавок хлопала крыльями, воображая себя сарычем. При всем при этом первые часы мы летели с хорошей скоростью, как вдруг случилась беда.

Я как раз высунул голову, чтобы глянуть вниз и увидеть под нами городок с океаном по одну сторону и джунглями — по другую.

¹ Кито — столица Эквадора.

— Джонни, что это за порт? — прокричал я.

— Пуэрто-Гренада, — крикнул он в ответ. — Но мы здесь не сядем.

Трресь! — раздалось вдруг, и самолет, клянуv носом, завалился на крыло.

— Виноват, садимся здесь! — вмиг передумал Джонни.

Я не летчик, а потому не знаю, отчего сорвался с креплений чертов ящик. Парашютов у нас не было, поэтому пришлось снижаться, и, скажу я вам, это был кошмар наяву! Однажды в Китайском море задрипанная джонка угодила в тайфун вместе с пьяным малайцем, бесноватым китайцем и вашим покорным слугой, но то были просто цветочки по сравнению с посадкой аэроплана Джонни!

Проклятая машина возомнила себя сразу и не-объезженным мустангом, и тонущим лайнером, дополнив все их трюки судорожными рывками и вращением, от которых у меня так закружилась голова и заболел живот, что мысли о неминуемой гибели перестали внушать ужас. Джонни все же ухитрился посадить аэроплан — не преувеличу, сказав, что для нас обоих это было приятным сюрпризом. Вначале я видел несущуюся на нас землю, затем прямо по курсу возникла постройка вроде большого загона с суматошно мечущимися людьми, и вдруг — тррах!

За несколько секунд все кругом превратилось в щепки и помятый металл, потом я вылез из обломков, ожидая увидеть в своей руке арфу. Но, к моему искреннему изумлению, я не умер, а еще поразительней было то, что руки и все остальное действовали ничуть не хуже прежнего.

Почти оглохший от свиста воздуха, я все же слышал крики множества людей. Поведя вокруг диким взором, я пришел к выводу, что мы сподобились рухнуть прямо в середину большого, огороженного жердиями корраля. За изгородью возбужденно подпрыгивали и вопили смутлокожие парни в сомбреро. Я по-

махал им рукой, давая понять, что со мной все в порядке, и повернулся к Джонни.

Услышав громкие жалобные стоны и увидев торчащие из-под обломков аэроплана ноги, я вцепился в них и вытащил его на свет Божий. Он был в сознании, но многочисленные ссадины здорово кровоточили. Поставив друга на ноги, я осведомился, сильно ли ему досталось. Джонни открыл было рот, чтобы ответить, и вдруг крикнул: «Стив, берегись!» В тот же миг я получил мощнейший удар в зад и птицей перелетел через грудь того, что совсем недавно было аэропланом. «Помогите, помогите!» — вопил Джонни.

Выдернув сопелку из грязи, я стряхнул с глаз пыль и звезды, и сердито огляделся. Мой взгляд упал на мчавшегося сломя голову Джонни, он опережал на три корпуса самого огромного и свирепого на вид быка из всех, кого я видел. Мы попали в загон для крупного рогатого скота!

Джонни бегал не слабо, но бык нагонял, а зрители выли как волки. Гулко топоча, Джонни обогнул разбитый аэроплан, но рядом со мной споткнулся и зарылся носом в землю.

Я предпочитаю действовать не колеблясь. Под ногами лежал трехфутовый гаечный ключ Стилтона из набора инструментов Джонни. Я схватил его и, едва бычья голова опустилась, чтобы поддеть меня на рога, саданул изо всех сил. Ключ согнулся у меня в руках, зато бык рухнул, будто сраженный кувалдой, — что, по сути, и случилось. Чудище успело только вздрогнуть — я расколол ему череп.

— Спасибо, Стив!

Задышавшись, Джонни кое-как поднялся и вытер с лица пыль и грязь. Его слова утонули в оглушительном реве по ту сторону ограды. Полагая, что даже пенам по нраву настоящие богатыри, я повернулся, чтобы ответить на аплодисменты улыбками и поклонами. Но представьте мое изумление, когда я увидел

море смуглых лиц, искаженных гримасой ярости, а над ними — лес угрожающе вскинутых грязных кулаков.

— Что за черт? — осведомился я у вселенной в целом, и Джонни смущенно предположил, что эти люди, кажется, чем-то сильно расстроены.

В эту минуту высокий стройный мужчина с усами и в мундире с золотым шитьем ворвался в ворота и подбежал ко мне.

— Свинья! — заревел он. — Собака-гринго! Убийство невинной скотины! — И не успел я понять, в чем дело, как он отвесил мне хлесткую пощечину, другой рукой выхватывая из ножен саблю. Но он так и не успел воспользоваться своей железкой. Пощечин я никому не прощаю, даже щеголям в золотых аксельбантах. Я познакомил его с моим хуком левой, после чего он ткнулся носом в грязь, а сабельные ножны встали торчком, словно хвост осерчавшего скунса.

Толпа заголосила, затем устремилась в загон с дубинками, мачете и револьверами, — не иначе, вообщила себя волчьей стасей, а меня безобидным ягненком. Я укладывал этих придурков рядами, как косярь — траву, их вопли были музыкой для моих ушей. Вскоре я, к своему стыду, обнаружил, что Джонни нашел убежище под обломками аэроплана. Его излишняя осторожность настолько обидела меня, что я удвоил усилия, и урон, нанесенный мною пылким аборигенам, выглядел поистине жутко.

Но в разгар бойни, когда люди падали как кегли, офицер с золотыми аксельбантами выдернул нос из грязи и кинулся вон из загона, увлеченно дуя в свисток. Тут же в ворота хлынул взвод солдат с отнюдь не игрушечными ружьями. При виде этой теплой компании гражданские отпрянули от меня — те, кто способен был отпрянуть. По приказу офицера солдаты в желтых мундирах образовали шеренгу и дружно взяли меня на мушку.

— Берегись, Стив! — завопил Джонни из-под развалин крылатой машины. — Они хотят тебя расстрелять!

— Ни с места! — рявкнул офицер на хорошем английском. — Ни с места, американская свинья! А теперь, пес, что ты нам скажешь перед залпом?

— Скажу, чтобы целились как следует! — заревел я, не остыв еще после яростной схватки. — Если промахнетесь, я усею этот бычий загон желтобрюхими трупами!

— Целься! — крикнул офицер по-испански, и я напряг мышцы ног, чтобы прыгнуть на солдат, но тут кто-то скомандовал: «Отставить!»

Все мы обернулись и увидели въезжающего в корраль на лошади толстого коротышку. Он щеголял большими усами, шляпу со страусиными перьями носил набекрень, а мундир едва не трещал под тяжестью золотых шнуров, позументов и эполет. Все пеоны сняли шляпы и низко поклонились, а офицер отдал честь.

— Генерал Сальвадор, что здесь происходит? — осведомился толстяк, а потом завопил, будто его резали: — Каррамба! Кто убил быка? Что за злосчастный сын греха прикончил моего любимца?

— Это сделал проклятый гринго, дон Рафаэль, — наябедничал офицер и заорал мне: — Смирно, свинья, когда на тебя смотрит высшее должностное лицо в государстве! Перед тобой дон Рафаэль Фернадес Пизарро, диктатор республики Пуэрто-Гренада!

— И что с того? — хмыкнул я.

Дон Рафаэль застыл как громом пораженный.

— Бык! — сказал он. — Мы выписали этого быка из Мексики. Каррамба, черт побери, кого-то за это повесят!

— Это сделали они, — осуждающе наставил палец на меня и на Джонни генерал Сальвадор. — Намеренно разбили в коррале свой проклятый аэроплан, пытались задавить нашего прекрасного быка дьявольской машиной! Потом этот верзила хладнокровно взял

инструмент гринго и убил беззащитное животное ударом по голове. И за что? Всего лишь за то, что бык собрался выпустить кишки его жалкому спутнику!

Дон Рафаэль покрутил усы и поскрипел зубами.

— Так-с, — прошипел он гремучей змеей. — Теперь бой быков не состоится. Разбойники! Убийцы! Захватчики мирной деревни! Подобное оскорбление можно смыть только кровью!

Тут Джонни выполз из-под аэроплана и сказал на испанском, в изучении которого преуспел гораздо больше меня:

— Послушайте, господа, это просто недоразумение. Мы не замыслили ничего плохого. Я — Джон Уиффертон Планкет, известный авиатор, а это Стив Костиган, матрос, увлекающийся боксом. Мы летели на Лиму и...

— Молчать! — проревел дон Рафаэль. — Вы нарушили законы Пуэрто-Гренады. Генерал Сальвадор, разве нет параграфа, который запрещает аэропланам падать на мирные селения?

— Говоря по правде, ваша светлость... — начал было Сальвадор, но дон Рафаэль отмахнулся.

— Хватит! Я собственноручно впишу этот закон в конституцию Пуэрто-Гренады. И доведу до сведения правительства Соединенных Штатов! И потребую возместить ущерб до последнего сантима! Мы никому не позволим топтать себя сапогами! Ты, авиатор, будешь моим пленным до тех пор, пока твое правительство не выплатит компенсацию в одну тысячу песо!

— О боги! — тоскливо простонал Джонни. — Похоже, я застряну здесь надолго.

— Что касается тебя, чудовищная горилла, — кроважно продолжал дон Рафаэль, грозя мне пухлым кулаком, — твой грех непростителен. Знаешь, что ты наделал, душегуб? Убил быка, предназначенного для фиесты в мою честь! Вся Пуэрто-Гренада уже много недель живет предвкушением боя быков. Мы выписали из Мексики прекрасное животное и пригласили за

огромные деньги великого тореро Диего по прозвищу Лев. А теперь праздник испорчен! Какую кару заслуживает скотина, совершившая столь ужасное преступление?

Он едва не пролил слезу, а генерал Сальвадор опять дал команду целиться, но тут дон Рафаэль поднял руку и лицо его просветлело. Он подкрутил усы, и по жирной смуглой роже скользнула улыбка.

— Нет! Меня посетило вдохновение! — промолвил он, озирая богатую россыпь стонущих и бесчувственных пеонов. — Оно пришло ко мне сейчас, когда я посмотрел на этих бедняг, напоровшихся на кулаки разбойника-американо. У нас все же будет коррида. А поскольку сеньор Костиган отнял у нас быка, именно он займет его место!

— Вы хотите сказать, что Диего убьет его шпагой? — с надеждой осведомился генерал Сальвадор.

— Нет-нет, — ответил диктатор. — Вы что, не знаете, что Диего прекрасный боксер? Да, на его родине, в Парагвае, он чемпион. Диего бывал и в Соединенных Штатах Америки, побеждал на ринге лучших из лучших, прежде чем снова вернулся к любимому занятию юности. А теперь молчите, все решено! На плазе мы оборудуем ринг, и поединок боксеров увенчает собою празднество, организованное мно... вернее, благодарными гражданами Пуэрто-Гренады в мою честь — в честь дона Рафаэля Фернандеса Пизарро, потомка величайшего конкистадора.

С этими словами он повернулся и выехал из корраля, раздувшись от гордости и самомнения.

Хмуро покосившись на нас, Сальвадор растер кровь под носом и рывкнул на солдат. Нас вытолкали прикладами из загона и повели по улице; босоногая толпа не отставала, осыпая «злодеев-гринго» проклятиями.

В захолустном городке Пуэрто-Гренада царила ужасная духота, но народу на улицах хватало, большей частью это были неотесанные пеоны в широкополых

шляпах, вооруженные револьверами и ножами. Город пестрел флагами, цветами и прочими украшениями, на плазе играл оркестр, народ плясал, бузил и поглощал спиртное.

Плаза находилась неподалеку от гавани, но вблизи причала стоял на якоре один-единственный пароход. Нас привели в патио — открытый двор дома, выходящего окнами на плазу; Сальвадор приказал нам сесть и не шевелиться без приказа.

— Требую обеда! — воинственно молвил я. — Если мне предстоит бой, я должен быть накормлен. Не будет жратвы, не будет и представления, это я вам твердо обещаю! Лучше пристрелите меня, чем голодом морить.

— Вас накормят, — нахмурился Сальвадор. — Но не пытайтесь бежать. Мои люди получили приказ стрелять вам в спину при попытке к бегству.

— Эх ты, обезьяна позолоченная! Только и смелости, что в спину стрелять, — отбрил я, и он принялся угрюмо жевать усы, а Джонни сказал:

— Ради Бога, Стив, заткнись! Неужели хочешь, чтобы нас поставили к стенке?

— Я пойду пригляжу за строительством ринга, — пробурчал Сальвадор и, звеня шпорами, широко зашагал прочь, оставив нас под надзором четырех солдат самого дебильного вида. Вскоре толстая индианка принесла нам большое блюдо с мексиканскими тако¹ и тушеными бобами, и мы набросились на них, поскольку оба не ели с раннего утра. Пища была недурна, но так щедро сдобрена красным перцем, что едва не сожгла нам желудки.

Мы еще расправлялись с едой, когда по брусчатке площади загрохотали подкованные каблуки, и в патио вошел высокий худощавый белый. Наши охранники не пытались его остановить, хоть и вытаращились с подозрением и неприязнью.

¹ Тако — начиненные мясом лепешки (прим. перев.).

— Привет! — ожил Джонни. — Ну и рады же мы вас видеть! Я уж было решил, что в этом вшивом городишке нет ни одного белого. Вы американский консул?

— Консул? — переспросил незнакомец. — В республике Пуэрто-Гренада нет консула. Она еще не признана нациями, и вряд ли это случится, пока в ней хозяйничает жирная свинья Пизарро. Нет, я капитан Старк, владеец парохода, что стоит в заливе. Дернула же меня нелегкая привезти быка этому прохвосту!

— А не опасно ли говорить такие вещи? — нервно спросил Джонни, поглядывая на четырех солдат, которые сейчас ничем не отличались от деревянных индейцев.¹

— Эти вчерашние пеоны по-английски ни бум-бум, — успокоил Старк, усаживаясь за наш стол и обмахиваясь фуражкой. — Я слышал, вы, ребята, попали в серьезную переделку. Плохо дело. Пизарро вам не простит своего быка.

— Да кто он такой? — рассердился я. — Откуда он, вообще, взялся?

— Просто жирный мошенник, — ответил Старк. — Поднял восстание и отхватил себе клочок земли. Теперь называет себя диктатором. Что ж, он и впрямь большая шишка в Пуэрто-Гренаде и на примыкающих к ней сорока милях джунглей.

Меня он сцапал, когда я доставил быка. Требуется, чтобы я продал ему мой пароход за смехотворную цену. Решил, видите ли, сделать из него канонерку! Когда я отказался, он приковал меня к этой забытой Богом помойке.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— Упрятал в кутузку всю мою команду, — проворчал Старк. — Обвинил в нарушении общественно-

¹ Фигурки, выставлявшиеся у входа в табачные лавки (прим. перев.).

го покоя, а закон, между прочим, состряпал тут же. Я не могу поднять якорь, пока он не выпустит ребят, а он не собирается отпустить команду, пока я не уступлю судно этак за четверть стоимости.

Тут мы услышали звяканье шпор и бряканье сабли о мостовую, и в патио вошел дон Рафаэль. Следом появился генерал Сальвадор.

— А, капитан Старк, — с усмешкой молвил дон Рафаэль. — Ну и как вам наш новый бычок?

— Думаю, он способен забодать любого в этой паршивой дыре, если дадите ему шанс, — проворчал Старк.

Дон Рафаэль чуть-чуть нахмурился, затем усмехнулся и сказал:

— В этом я с вами согласен! Мне тоже сдается, что он уложит Диего.

— Позвольте усомниться, — возразил Сальвадор, почесывая нос. — Диего разорвет эту шавку на части.

— Ставлю десять тысяч песо на гринго! — воскликнул дон Рафаэль.

— Идет! — согласился Сальвадор, угостив меня убийственным взглядом.

— Погодите минутку, — вмешался я. — Разве здесь найдутся перчатки?

— У Диего найдутся, — ответил дон Рафаэль. — Он всегда возит с собой лишнюю пару. Итак, Сальвадор, вернемся к празднику. Пускай глашатаи повсюду объявят: мне угодно, чтобы весь народ Пуэрто-Гренады — солдаты и гражданское население — присутствовал на первом в республике состязании боксеров.

Когда они ушли, Старк возбужденно произнес:

— Нет, ребята, вы слышали? Тут соберутся все солдаты. Тюрьма останется без охраны! На борту у меня есть динамит, в разгар матча я взорву кутузку, вызволю команду и ударюсь в бег!

— Жалко, что мы не сможем драпануть с вами, — посетовал Джонни. — Наверно, эти проклятые сторожа не слезут с наших шей.

— Я сообщу о вас ближайшему американскому консулу, — пообещал Старк, затем пожал нам руки и ушел в весьма приподнятом настроении.

Медленно тянулись часы. Мы слышали, как на плазе сколачивают ринг. Я без усталости пил воду, тщась утолить жажду, вызванную густо наперченным обедом. Через пару часов Сальвадор вернулся со взводом солдат и вывел нас со двора. Посреди плазы стоял помост, а вокруг него, похоже, собрался весь город. Зажиточные горожане расселись на стульях вокруг ринга, а кто победнее — стояли и сидели на брусчатке. На заднем плане я заметил капитана Старка, он ответил на мой взгляд многозначительной улыбкой.

Дон Рафаэль расположился в золоченом резном кресле на платформе с багдахином, его окружала щеголяющая кружевами и аксельбантами челядь со своими женами. Диктатор ухмылялся, как мордастый кот.

Я влез на ринг, грубо сколоченный из неструганных досок и даже не прикрытый брезентом, толпа замахала кулаками и огласила небеса криками «Янь-ки!» или чем-то вроде этого. Джонни побледнел и высказался в том смысле, что мы, очевидно, здесь не слишком популярны. Затем на ринг вышел Диего, и публика разразилась приветственным ревом.

Он был примерно моего веса, коренаст, мускулист, смутлокож, низколоб и мрачен.

— Черт побери, а ведь я его видел! — сказал я. — Он выступал в Калифорнии меньше года назад. Тогда его звали Диего Зорилла, Тореадор.

— Какая у него техника? — озабоченно спросил Джонни.

— Хлесткий удар правой способен опрокинуть линейный корабль. Он нокаутировал в Штатах нескольких второразрядных боксеров, потом нарвался на старину Спайка Маккоя и послужил ему грушей. После этого Диего вроде бы оставил бокс и вернулся к рогатому скоту.

— На вид он в хорошей форме, — заметил Джонни. — Не рискуй, Стив. Дон Рафаэль ставит на тебя, он огорчится, если проиграешь.

— А уж я-то как огорчусь! — хмыкнул я. — Не дрейфь. Я не позволю себя уложить какому-то забойщику коров.

Диего был в боевом облачении, я за неимением одного сбросил рубаху и позволил зашнуровать на своих руках старые заскорузлые перчатки, которые почему-то возил с собой Диего. Ему прислуживала целая свора секундантов, а судьей выступил полковник, не смыслящий в боксе ни уха ни рыла.

Когда все было готово, дон Рафаэль встал и произнес торжественную речь, публика пожонглировала шляпами, тепло приветствуя Диего, затем оглушительными воплями выразила презрение «убийце-янки». Но дон Рафаэль во всеуслышание объявил, что ставит на меня десять тысяч песо, после чего толпа неохотно похлопала и мне.

Вскоре какой-то парень за неимением гонга ударил в невзрачный колокол, и началось!

Я помнил бои Диего, я предугадал каждый его удар, и, конечно, он оправдал мои ожидания. Вылетев из своего угла, он слабо обозначил финт левой и вложил все силы в размашистый удар правой. При других обстоятельствах я бы шагнул ему навстречу, снес башку хуком — ведь я не привык тянуть резину и всегда стараюсь побыстрее закончить бой. Но я побоялся, что толпе не понравится, если я убаюкаю Диего первым же ударом, — не ровен час, по мне откроют стрельбу. Публика была та, что жаждет крови, и больше, — лишь бы кровь была чужая.

Поэтому я начал с того, что расквасил и так уже сплюснутый нос Диего прямым левой. Кровь потекла струйкой, а после — ручьем, потому что при выходе из клинча я разбил ему губы хуком справа.

Диего оказался крепким парнем. Он бросился на меня, всхрапывая и вкладывая все, что имел за душой,

в убойный удар правой. Он размахивал руками, как ветряк крыльями, месил воздух и зверел с каждой минутой. Но ему удалось лишь пробить несколько дыр в атмосфере. Не заблуждайтесь: я отнюдь не кудесник бокса и презираю подобные метафоры. Я «молотила» с железной челюстью и каменными кулаками, и этим горжусь. Чтобы справиться с Диего, незачем было творить чудеса. Я просто шатал Тореадора градом прямых ударов, так что его мощные свинги проходили мимо цели, либо теснил его в ближнем бою, барабанил по корпусу или по башке, в зависимости от настроения. Когда он норовил прижаться ко мне, я отшвыривал его удачно нацеленным хуком в голову.

Повторяю, я приберегал свой коронный для нокаута, но мои прямые в корпус уже утомили его, вдохбавок перед самым гонгом он напоролся на хук правой под сердце и прилег на доски.

Публика выразила свое неудовольствие шумом и градом пустых пивных бутылок, но восседающий на своем помосте под балдахином дон Рафаэль довольно ухмылялся, покручивал усы и торжествующе поглядывал на мрачающего с каждой секундой Сальвадора. Топая в свой угол, я увидел, как Сальвадор наклонился и прошептал что-то хмырю в широкой потрепанной шляпе, тот кивнул в ответ и вскоре исчез в толпе. Я успел разглядеть только его поношенное сомбреро.

— Ты молодчина, Стив! — похвалил Джонни, стряхивая с меня пот ударами влажного полотенца и поглядывая в противоположный угол, где нахохлился обескураженный Диего с мокрыми волосами.

Над тореро по прозвищу Лев хлопотали секунданты с примочками.

— Постарайся уложить его в этом раунде, — продолжал Джонни. — Все-таки у него правая как пушка, не стоит рисковать... Эй, что они там мудрят с его перчаткой? — С этими словами он в три скачка пересек ринг и вклинился в окружавшую Диего стайку.

Я присосался к бутылки,— проклятый перец, когда ж ты перестанешь меня мучить? Вода успела нагреться от солнца, поэтому я ее выплюнул и смачно выругался. Твердо решив покончить с Диего в этом раунде и вволю напиться, я вдруг услышал чей-то голос:

— Хотите освежиться, сеньор?

Опустив глаза, я увидел парня в большой потрепанной шляпе, он протягивал мне кувшин с холодным, аппетитным на вид напитком.

— Пальмовое вино,— пояснил он.— За мой счет. Ей-богу, очень холодное!

— Вино? — подозрительно переспросил я.— На ринге мне нельзя ни капли спиртного.

— Да что вы, сеньор, разве ж это спиртное? — уговаривал он.— Не крепче лимонада.

— Ладно, давай сюда! — согласился я и ополовинил кувшин единым духом. Пойло и впрямь оказалось хоть куда, правда, со странным привкусом. Я прямо-таки ощутил, как живительная прохлада растеклась по всему телу, и велел парню поставить кувшин в тень помоста.

Он с готовностью исполнил просьбу и затерялся в толпе, а я откинулся на своем табурете, ощущая себя в полной гармонии с окружающим миром, и решил, что позволю Диего продержаться еще раунд. Тут как раз вернулся Джонни и сообщил:

— Они пытались зарядить его перчатку железной, но я не дал. Как самочувствие, Стив?

— Отлично! — весело отозвался я, и в ту же секунду ударил гонг.

Покинув свой угол, я направился к Диего и вдруг ощутил нечто странное. Будто во мне что-то размешивали поварешкой. Казалось, я даже слышу бульканье варева. С первых же шагов я заподозрил неладное. Не знаю, с чем это можно сравнить... Может, с сочетанием землетрясения, взрыва динамитного завода и удара оглоблей по кумполу?

Все вокруг заходило ходуном, а шум толпы почти растаял где-то вдали. Я смутно помню несущегося с отчаянным блеском в глазах Диего. Он махал руками на манер ветряной мельницы, я уклонился от летящего ко мне кулака... Но уклонился не в ту сторону!

Бац! На секунду я устался на собственный звоночник. Затем взмыл в воздух и удивился — когда это Джонни успел починить аэроплан? Хрясь! Лежа на досках, я услышал, как взвыл, перекрывая гомон толпы, Джонни.

Рефери считал быстро, как только мог. Я слишком плохо соображал, чтобы уследить за испанскими цифрами, а потому решил не залеживаться. Поднялся и обнаружил, к своему ужасу, что на меня устремились два Диего. Я продырявил кулаком одного, но другой попал мне в голову, и я упал спиной на канаты. Отброшенный назад, я в отчаянии развел руки и схватился с обоими противниками. Мы плясали по рингу втроем под крики осатаневшей толпы, пока нас не развела в стороны пара судей. Выплюнув большой сгусток крови, я в отчаянии потряс головой и угодил убийным левым хуком одного из маячивших передо мной Диего. Но я снова ошибся противником. Страшный кулак боксера Торeadора мелькнул в воздухе, и я растянулся на пыльных досках.

Но я встал. Это мне всегда удавалось. Подниматься с пола — мой коронный прием. Диего дрался как безумный, орудовал правой, будто мясник топором, с сообразным ущербом для моей физиономии. Я мазал, как слепой. Но всякий раз поднимался с досчатого настила и вскоре, в очередной попытке отбиться от Диего, услышал гонг.

Очнулся я на стуле в своем углу, где надо мной лихорадочно хлопотали Джонни и его брат-близнец.

— Что с тобой случилось? — проорали секунданты.

— Против меня выставили двух тореро, — ответил я и икнул. — Я могу отделать любого парня в

Южной... ик! — Южной Америке, но двое — это нечестно!

— Ты пьян! — взвизгнул Джонни. — Только этого нам не хватало. Когда ты успел налакаться?

— Я не лакал ничего, кроме лимонада, — пробормотал я.

— Ты что, спятил?! Да от тебя несет, как от винокурни!

— Посмотри сам, — предложил я. — Кувшин там, под рингом.

Он нырнул вниз и простонал:

— Тупица! Знаешь, что это такое? «Гренадская молния», ее секрет знают только местные виноделы. Слона уложит! Мы пропали! Я брошу полотенце!

— Не вздумай!

— Но ты спас меня от быка, и я не допущу, чтобы тебя прикончили!

Толпа сходила с ума, и вдруг кто-то потянул меня за брючину. Это был дон Рафаэль с посиневшим лицом. Он трясся и скалился, как разъяренный котяра. Могу добавить, что мое зрение раздвоило и его.

— Вижу, ты вздумал проиграть! — завопил он. — Хочешь выставить благородного дона Рафаэля Фернандеса Пизарро на посмешище? Видишь вон тех ребят? — Он указал на стоящую неподалеку шеренгу солдат с ружьями у ног. — Если ляжешь, — прошипел диктатор, — они тебя поставят к стенке!

— К какой стенке? — ошалело осведомился я.

— Вон к той! — прорычал он и показал пальцем.

— Мне эта стенка не нравится, на нее солнце падает. Неужели нельзя расстрелять меня в тени?

— Р-рр, скотина-янки! — Он отвернулся и тяжело зашагал к своему креслу, подле которого сидел Сальвадор, ухмыляясь, как набивший брюхо канарейками кот.

— Что же делать? — простонал бледный, как устрица, Джонни.

— Подай мне кувшин, — пробормотал я.

— Но ты и без того уже пьян в стельку!

— Подай кувшин! — проревел я. — Сейчас будет гонг! — И, выхватив кувшин из неуступчивой руки, я опустошил его и запустил в генерала Сальвадора. Тот взвизгнул и опрокинулся назад вместе со стулом.

— Помоги встать, — пьяно прогудел я, и Джонни, рыдая в голос, помог.

Ударил гонг, я покачнулся на нестойких ногах и увидел скачущего ко мне по рингу Диего с убийственным пламенем во взоре.

Я неуклюже побрел навстречу и едва мы сошлись, обрушил на него удар правой. Не промазал! Будто молотом по наковальне! Диего рухнул как подрубленный, затылком расщепил доску настила.

Наступила мертвая тишина, потом толпа взорвалась криками, генерал Сальвадор позеленел, будто проглотил свою табачную жвачку, а дон Рафаэль запрыгал на месте и восторженно замахал шляпой с плюмажем. Рефери не отсчитывал секунды — даже тулому полковнику было ясно, что сегодня Диего уже не боец. Секунданты подняли поверженного фаворита, и в наступившей тишине Джонни бросился мне на шею, заливаясь слезами радости и облегчения. Затем дон Рафаэль влез на ринг, оттолкнул Джонни, положил руку мне на плечо и уставился на толпу, выпатив брюхо и подняв шляпу, точно зная.

— Граждане! — воскликнул он. — Я, дон Рафаэль Фернандес Пизарро, потомок прославленного конкистадора и диктатор республики Пуэрто-Гренада, отомщен! Я разбираюсь в боксерах, поэтому поставил деньги на сеньора Костигана, и он победил! Но это лишь первый из многих поединков. Мы предложим всем боксерам Южной Америки сразиться с нашим чемпионом. Синьор Костиган задолжал нам быка. Он расплатится за него на ринге!

Толпа покидала вверх шляпы и покричала, а после я возразил:

— Эй, погодите-ка минутку! Вы говорите, что мне придется сражаться на этом ринге, чтобы расплатиться за быка?

— Именно так, — усмехнулся он. — Я, дон Рафаэль, великодушен. Тридцати или сорока поединков будет достаточно, конечно, если ты победишь на всех.

— Что?! — пьяно заревел я. — Сорок боев за быка? Ах ты дешевый...

Бабах!! Неожиданно плаза содрогнулась, ринг покосился, мужчины и женщины повалились друг на друга. Не успело эхо взрыва замереть вдали, как до меня донесли голоса болтающих на добром старом английском парней, и звуки эти были волшебной музыкой. Из-за угла появилась шайка здоровенных моряков в форменках. Они орали, хохотали и сметали всех, кто становился у них на пути.

— Это Старк и его головорезы! — вскричал Джонни. — Ему удалось задуманное!

— Что происходит? — пискнул дон Рафаэль.

— А вот что! — Я закатал ему в сопелку сокрушительный удар правой. Аксельбанты и перья мелькнули над рингом и исчезли за канатами.

— Скорее, Джонни! — крикнул я. — Уходим со Старком!

Мы нырнули с ринга в толпу, как лягушки в пруд, а солдаты, ошеломленные взрывом каталажки и падением своего диктатора, не успели подстрелить нас до того, как мы исчезли среди публики.

Плаза находилась между тюрьмой и пристанью. Но ребята Старка прокатились по толпе, как тайфун по пальмовой роще. Само собой, мы с Джонни были в первых рядах. Вскоре площадь осталась позади, усеянная десятками бесчувственных тел, — не надо было этим дуракам становиться на нашем пути.

Коварная «гренадская молния» все еще бродила у меня в крови, и я почти не запомнил обстоятельства побега. Кажется, была беготня, тумак и падение вниз головой с причала, а потом меня вроде бы вытащили

из воды и сунули в лодку. Очухался я на палубе парохода и услышал, как Старк скомандовал: «Живо поднять пары, такие-разэтакие, пока эти недоумки не вспомнили, что у них есть лодки!»

Снова все закружилось, я перегнулся через леер и провалился в темноту. Когда пришел в себя, мы полным ходом шли в открытое море, а люди на берегу приплясывали и потрясали кулаками. Старк хлопнул меня по спине и гаркнул: «Отличная работа, Костиган, и отличный бой! Будьте моими гостями, ребята. На этом пароходе вам не придется отрабатывать дорогу!»

— Везде бы так, — с глубоким вздохом облегчения заметил Джонни. — Но знаешь, Стив, я упорно не возьму в толк, как это ты сумел убаюкать тореро сразу после второй порции отравы.

— Все очень просто, — ответил я. — От того, что я выпил вначале, у меня в глазах двоилось. Я дрался с двумя Тореадорами и всякий раз целил не в того. А потом еще хлебнул «молнии», и передо мной запрыгали три Диего. Остался сущий пустяк — приземлить того, что в середине.

ВЕЛИКОДУШИЕ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

В прекрасном настроении войдя в «Американский бар», я прошелся колесом между столиков, к изумлению посетителей и моего белого бульдога Майка. Нет, я вовсе не был пьян. Дело в том, что «Морячка» несколько часов назад бросила швартовы на причал Порт-Артура и я был чертовски рад увольнению на берег. Но, пожалуй, я уже не был столь проворен, как в былые времена, когда после боя проходилась колесом по рингу, показывая публике, сколь мало на мне отразились пятнадцать раундов свирепого мордобоя.

В общем, я «напоролся на риф», а попросту говоря, врезался прямо в стол, и тот опрокинулся вместе с типом, который куксился, уронив голову на сложенные руки. Стряхнув с нас обоих обломки, я изумленно уставился на гневную физиономию капитана «Морячки».

Не успел я открыть рот, как Старик, чей характер за последнюю неделю вконец испортился, заревел от ярости и вскочил на ноги, расшвыривая стол и стулья.

— Ах ты пьяный балбес! — загремел он. — Неужели порядочному человеку уже нельзя спокойно посидеть и поразмышлять? Ну, почему от тебя нигде нет покоя, ирландский бабуин! И чем тебе не понравился мой стол, а, безмозглый твердолобый дебил?!

Вообще-то, я не корю Старика за вспыльчивость, но в этот раз его манеры подействовали мне на нервы. У меня характер тоже не мед, и я не привык сносить чьи бы то ни было оскорбления. Я вспыхнул как порох.

— Придержи язык, старый морской козел! — захохотал я. — Ты не смеешь оскорблять меня, хотя я и плаваю под твоим началом черт знает сколько лет! Прибереги проклятия для салаг, которых заманиваешь на шхуну в портах. Я свободный американский гражданин, и ни один старый пират-работорговец не будет угрожать мне плетью! На борту я уже столько лет выполняю твои приказы, что тебе давно пора было вычислить мой сухопутный маршрут. Я сыт по горло и тобой, и паршивой посудиною, которую ты называешь «Морячкой».

— Ладно! — заорал он. — Надоела «Морячка»? Радуйся! Ты ходил на ней в последний раз. Ее новыми владельцами будут не мягкосердечные глупцы вроде меня, они ни в жисть не наймут эдакую твердолобую гориллу.

— Ха! — буркнул я и очумело уставился на него. — Какие-такие новые владельцы?

— Самые обыкновенные! — отозвался Старик, и я вдруг заметил, как он постарел и осунулся. — Я теперь до самой смерти не увижу «Морячку», но буду радоваться этому всякий раз, когда вспомню команду обезьян под стать тебе.

— Но я не понимаю...

— А когда и что ты вообще понимал? — перебил он, дернув себя за бороду. — Я задолжал компании кучу денег. У хозяев моя расписка. Я даже проценты выплатить не могу. Будь у меня несколько недель, вы-

крутился бы... Но если завтра утром не принесу тысячу долларов, они не продлят аренду. А у меня в кармане нет даже проклятого полпенни! Ты ведь знаешь, как нам не повезло с последним рейсом. И теперь я теряю «Морячку». Завтра, если не наскребу тысячу монет, хозяева арестуют судно. А ведь это не просто лоханка, это моя жизнь, моя душа.

Я бы предпочел потерять ногу, руку или глаз. Биение парусов моей шхуны — сладчайшая музыка, а скрип ее снастей для меня все равно что болтовня старых друзей. Отдать ее — все равно, что вырвать у себя сердце. Но что до этого тебе, толстокожее ирландское отродье? Высоких чувств в тебе не больше, чем в этом бульдого. У меня, старика, отнимают корабль, и остаток жизни я обречен сохнуть на мели. Что, небось радуешься? Убирайся прочь, оставь меня в покое!

Что ж, я повернулся и ушел без единого слова. Пожалуй, не преувеличу, если скажу: его речь ошеломила меня. Я знал, что Старик по уши в долгах, а последние рейсы принесли одни убытки, но не подозревал, насколько плохи его дела, иначе был бы с ним поласковей. Даже в голове не укладывалось, что у него могут отобрать «Морячку». Я весь покрылся холодным потом. Почувяв, что со мной неладно, Майк прижался ко мне и лизнул руку.

На улице я принялся ломать голову, где бы достать денег, и вспомнил единственный известный мне способ — кулачные бои. Я даже вскрикнул — столь внезапно осенила меня счастливая идея. Первая часть замысла касалась Ловчицы Стройцы, сильнейшего боксера-средневеса, находящегося в тот день в Порт-Артуре по программе своего кругосветного турне. Как раз передо мной большая афиша гласила, что Стройца и Бенни Гольдстейн будут драться десять раундов до окончательной победы на ринге «Прибрежная арена Джима Барлоу».

Я прибавил шагу, намечая дальнейший план действий, как вдруг заметил впереди широкоплечего мо-

лодца среднего роста — самого Ловчилу Строццу! Какая удача! Он проходил мимо дешевой забегаловки, одного из тех подвальных притонов, куда ведет с улицы длинная лестница. Содержал эту забегаловку мой знакомый китаец. Я поравнялся со Строццей.

— Привет, Ловчила! — поздоровался я. — Рад видеть тебя снова!

Он угостил меня цепким, презрительным взглядом. Этот смуглый красавчик в бесстрашии и жестокости на ринге не уступал пантере.

— Ах, да, — произнес он. — Старина Моряк! Как же, помню. Три года назад на Западном побережье мы с тобой дрались на открытии турнира. С тех пор ты не слишком прославился.

— Ага, — согласился я. — Но зато ты пошел в гору — не узнать того салагу со сверхъестественным талантом ускользать и уворачиваться. Говорят, сейчас чемпион-средневес норовит ускользнуть от тебя.

— Не ускользнет, — ухмыльнулся Ловчила. — Сейчас я езжу по всему миру и дерусь только для того, чтобы доказать поклонникам: в среднем весе я лучший. Вот, вернувшись в Америку, я заставлю глиняного чемпиона встретиться со мной, и тогда пояс будет моим. Ну, а тебе что нужно? Доллар? Я не подаю ошивающимся возле ринга пьянчугам и бродягам.

— Я не прошу подачку, — проворчал я, сдерживаясь, но уже видя перед собой пляшущие красные искры. — Я прошу выпить со мной и обсудить одно дельце.

— Ладно, только поживее, — согласился он. — Через час я должен быть на «Арене», а если опоздаю хоть на минуту, мой паршивый менеджер решит, что меня похитили, и заттит истерику.

Я первым спустился по лестнице в притон, кивнул его хозяину, старому китайцу Ят-Яо, и тот провел нас в отдельный кабинет — грязный, замшелый, очень смахивающий на погреб. Китаец поставил выпивку на шаткий стол и ушел, затворив за собой дверь.

— Ну, так чего ты хочешь? — бросил Строща. — Сроду не видал дыры поганей, чем эта.

— Сейчас поясню. Ловчила, нынешний бой тебе не больно-то нужен. Ты дерешься сегодня только потому, что твой менеджер углядел шанс срубить легких денег. Но ты сам знаешь, что в этом городе бокс непопулярен. Что для тебя обещанные Джимом Барлоу полторы тысячи долларов? Жалкие крохи. По мне, так ты стоишь никак не меньше сотни тысяч. Бенни Гольдстейн — твой спарринг-партнер, об этом во всем городе только я знаю. Будет не бой, а дешевый спектакль, публика останется в дураках.

— Тебе-то что? — бросил Ловчила. — Ведь боксерам придут поглазеть на меня. Разве я не стою денег за билеты?

— Возможно, — поддакнул я. — Но суть не в этом. Полторы тысячи, которые тебе не нужны, мне бы оченьгодились. Я не собираюсь просить их взаимы, но напомню, что три года назад, когда Ловчила был салагой без имени и открывал турниры во Фриско, он пришел ко мне и попросил, чтобы я включил его в полуфинал. Я согласился, и тебе прекрасно известно, что именно тот бой вывел тебя на нужную дорогу. О нем тогда написали все ведущие спортивные репортеры Фриско. Вообще-то я не из тех, кто всегда требует услугу за услугу, но сегодня ты можешь здорово меня выручить.

Будь добр, не появляйся сегодня на «Арене». Предоставь это мне. Мой капитан — старик, и у него хотят отнять шхуну. Это разобьет ему сердце. Полторы тысячи для тебя мелочь...

Ловчила сидел с ухмылкой на смуглом смазливом лице, и я знал, что напрасно сотрясаю воздух. Вспышки ярости молниями пронизали мой разум, и пришлось вцепиться в край стола, чтобы не дать рукам волю.

— Значит, ты предлагаешь, чтобы я упустил полторы тысячи монет, — посмеивался он, — ради какого-то жалкого старого хрыча? Я тебе что, благотворитель-

ный фонд? Допустим, полторы тысячи и впрямь для меня мелочь, но это не значит, что я выложу их первому встречному бродяге. Любой скажет, что Ловчиле Строцце своя рубашка ближе к телу. А теперь убирайся.

Дрожа от ярости, я вскочил на ноги.

— Итальянская крыса! — проревел я. — Ты всегда думал только о себе! Твоя подлая оболочка скрывает змеиное сердце. Слава Богу, что среди боксеров мало таких ублюдков. Три года назад ты умолял дать тебе шанс, а теперь отказываешь в пустячной сумме, которую тратишь на сигареты. Но знай, грязная трюмная крыса, что тебе не видать этих полутора тысяч зеленых!

Он завопил от злости и вскочил с налитыми кровью глазами, а я вломил ему в челюсть, вложив в удар все свое мясо и десяток тонн багровой ярости. Строцца разбил стол в щепки и остался лежать среди них. Я позвал Ят-Яо, и он появился с невозмутимым выражением на пергаментной физиономии.

Подняв Строццу, я перетащил его через отворенную для меня китайцем дверь в крошечную, смахивающую на темницу, каморку.

— Через минуту-другую оклемается, — сказал я старому китаезу. — Но все же запри его на пару часов, а когда будешь выпускать, держи при себе несколько вышибал — он будет сильно не в духе.

Старый Ят-Яо кивнул и ослабился, а мы с Майком поспешили к «Прибрежной Арене», куда так и стекалась толпа. Я подошел к будке билетера.

— Как выручка, Ред? — спросил я, и кассир усмехнулся.

— Привет, Моряк, — сказал он. — Никогда бы не подумал, что в Порт-Артуре столько поклонников бокса! Нынче здесь все собрались — американцы, англичане, французы, голландцы, япошки и уйма богатых китайцев! И то сказать, не часто любителям бокса, прозябающим на Востоке, удастся поглядеть на пер-

воклассного бойца вроде Ловчила Строццы! Общая выручка будет под три тысячи, а то и больше. Знал бы Ловчила об этом заранее, потребовал бы процент вместо ставки.

Я похолодел, и внутри у меня все заходило ходунном. Все эти любители бокса пришли, чтобы посмотреть на Строццу. Может, их не удовлетворят мои старания. Мне не часто вспоминается, что я всего лишь заурядный трудяга ринга, но сейчас я вспомнил об этом, и во рту сразу возник привкус пыли.

— Ред, пропусти меня, а? — попросил я. — У меня ни гроша, но я хочу повидать Джима Барлоу.

— О чем разговор, Моряк? — сказал Ред. — Валий, заходи. Жаль, что ты не дерешься сегодня на открытии, народ еще помнит, как ты полгода назад уложил здесь Черного Джона Скэнлана.

Я вошел в зал вместе с Майком и оглядел толпу — порядочное сборище для боксерского матча. У меня даже сердце защемило. Все эти люди пришли, чтобы посмотреть на знаменитого боксера — разве потрафит им моя бесхитростная манера боя?

Толпа уже волновалась, но я вдруг заметил в задних, самых дешевых рядах троих парней, при виде которых мне в голову пришла идея. Я зашагал по проходу и, к моему радостному удивлению, толпа охотно расступалась. Она еще не забыла старину Моряка. Я подошел к раздевалкам. Бенни Гольдстейн был облачен для ринга, а Строцца, естественно, не появился. Его менеджер носился, как очумелый, а Джим Барлоу метал громы и молнии. Я увлек Барлоу в боковую комнату, которая служила ему конторой.

— Джим, — сказал я, — народ теряет терпение.

— Ага, — проворчал он. — Я знаю, но что могу сделать? Куда, по-твоему, запропастился чертов Строцца?

— Неважно. Он не придет.

— Что?! — Барлоу так и выпрыгнул из кресла. — Откуда знаешь? Я разорен! Придется вернуть публике деньги...

— Погоди,— сказал я.— Кажется, я могу тебя выручить.

— Ты? — усмехнулся Барлоу.— Эта толпа пришла взглянуть на кандидата в чемпионы, а не на бродячего «молотилу». Ты по-своему неплох, Моряк, но ты не Ловчила Строцца.

— Ладно,— рявкнул я.— Тогда иди и скажи этому хулиганью, что представление отменяется и желающие могут получить свои монеты в кассе.

Джим Барлоу запричитал, будто его вот-вот хватит удар.

— Поверь, я понимаю, что тебе очень не сладко,— вкрадчиво сказал я.— Строцца и его менеджер надеялись, что ты останешься на бобах, выплатив им гонорар в полторы тысячи долларов. Но ты оказался хитрее: снимая по три, пять и десять монет за место, собрал выручку больше четырех тысяч. Расходов почти нет, ты ведь даже не потратился на предварительное выступление. Получается, что ты наварил чистых две тысячи прибыли. Но если придется вернуть толпе деньги, ты останешься с носом. Хочешь, я тебя выручу? Толпа не увидит Строццы, зато мы ей покажем настоящий бокс, не в пример фальшивым танцулькам Ловчилы и Бенни Гольдстейна.

— А ну, карты на стол,— сказал Джим Барлоу. До нас уже доносились выкрики толпы, требующей начать, а менеджер и секунданты Строццы выбежали из помещения, чтобы подождать «кандидата в чемпионы» снаружи.

— Я заметил в толпе троих, они нам пригодятся,— продолжал я.— Это Французик Ладо, Питер Нога и Билл Брэнд. Зови их сюда.

Барлоу послал за ними мальчишку, и вскоре они вошли один за другим в контору. Ладо и Нога были смуглы и здорово смахивали на бандитов. Брэнд — блондин с грубоватыми чертами лица. Вся троица была выварена в ста боксерских щелоках, меня она угостила неприязненными взглядами.

— Расклад такой, — начал я. — Вначале мы предлагаем публике выбор: если она желает вернуть деньги, то мы, само собой, ставим на этом точку. Но я полагаю, зрители согласятся на мое предложение, и тогда я буду драться с этими тремя уголовниками по очереди. Если уложу всех троих, то получу тысячу долларов, а они — шиш. Если хоть один взгреет меня, то поделит эту тысячу с двумя другими. Ну как?

Они только облизнулись, потому как все трое были матросы и сейчас, по своему обыкновению, сушили на мели.

— Но, поскольку Строццы с нами нет, мы должны показать толпе нечто из ряда вон выходящее, — добавил я. — Ладо — боксер и мастер саватэ, он может работать руками и ногами. Пит — специалист в джиу-джитсу, если хочет, пусть выступает без перчаток. Брэнд — чистый боксер и будет драться со мной в этом качестве. Я проведу все три поединка в перчатках по правилам бокса.

— А вдруг тебя уложит первый из них? — спросил Барлоу. — Толпа сочтет себя обманутой.

— Меня еще никто не укладывал, — проворчал я. — Но если даже это случится, окати меня водой, и я встану на ноги. Не беспокойся, я ублажу толпу за ее деньги.

— Хорошо, — сказал Барлоу. — Вы согласны?

— Согласны, — ответили хором трое громил.

Итак, мы облачились в доспехи для ринга и поднялись на помост, где Барлоу поднял руки, прося у публики внимания. Толпа притихла, и Джим начал:

— Господа, я имею кое-что сказать вам, и прошу не орать, пока не закончу. Во-первых, с прискорбием сообщаю, что Ловчила Строцца до сих пор не найден, и у нас есть основания полагать, что сегодня он здесь не появится.

Его слова потерялись в яростном реве поклонников бокса. Вскочив на ноги, они вопили: «Нас обманули! Гони назад наши деньги!»

Барлоу махал руками, пока толпа не успокоилась, а потом сказал:

— Господа, дайте мне договорить, и если все-таки захотите вернуть деньги, то сможете получить их в кассе. Перед вами четверо бойцов, которых вы уже видели на этом помосте. Эти ребята — закаленные ветераны и всегда дерутся в полную силу. Вы их знаете: Ладо, Ногая, Билл Брэнд и Моряк Стив Костиган. Моряк согласен драться с остальными тремя по очереди. Каждый будет работать в своей манере, и вы увидите спор обычного бокса с утонченным французским боксом саватэ и таинственной японской борьбой джиу-джитсу. Моряк согласен продолжать бой даже в том случае, если его нокаутирует первый или второй противник. А теперь, господа, если угодно, ваши деньги ожидают вас в кассовом окошке. Ну, а хотите посмотреть бои в смешанных стилях, прошу уведомить меня.

С минуту народ колебался, потом заголосил: «Пусть дерутся, мы согласны!», и ни один человек не покинул «Арену».

Барлоу повернулся ко мне.

— Я свое дело сделал. Теперь твоя очередь. Кого выбираешь первым?

— Французика, — сказал я, и Барлоу снова обратился к толпе:

— Первым поединком вечера, — проревел он, — будет бой между Моряком Стивом Костиганом, американцем с торговой шхуны «Морячка», вес сто девяносто фунтов, и Французиком Ладо с парохода «Граф», вес сто восемьдесят фунтов. Костиган дерется строго по правилам, в стандартных перчатках. Ладо также будет в перчатках, но ему позволены удары ногами когда ему заблагорассудится и куда угодно — выше или ниже пояса. Они будут драться десять раундов. Начинаем!

Мы с Ладо с опаской сошлись. Он был тощий и жилистый, ростом на дюйм выше моих шести футов, весь из стальных пружин и китового уса. Мне знако-

мо было саватэ — борьба свирепых костоломов, — и я не собирался рисковать. Я начал с финта левой, но он ушел в сторону. Я мощно размахнулся той же рукой, но Ладо отскочил как кошка и — бац! Откинувшись назад, он очертил ногой широкую дугу и закатал мне прямо в челюсть. Ей-богу, мне показалось, что у меня сломана шея! Мои ноги взметнулись в воздух, и я приложился к брезенту шеей и плечами. Барлоу прыгнул вперед и начал считать, но я вскочил до того, как он сказал: «Три!»

Ладо был уже тут как тут и снова выбросил ногу, но я был начеку. Мне удалось отразить его копыто левой перчаткой, и я тут же вломил хук правой в челюсть. Ладо рухнул на брезент и не шевельнул ни единым мускулом при счете «десять». Толпа восторженно заголосила.

Ладо утащили с ринга, и Барлоу объявил:

— В следующем поединке встречаются Стив Костиган и Питер Ногай с англо-китайского судна «Мон-гло». Как и прежде, Костиган будет боксировать по правилам, нанося удары только выше пояса. Ногай разрешено бороться и боксировать голыми руками.

Ногай был коренастым здоровяком, этакий полукровка с примесью малайской, французской и японской кровей. Крепкий орешек, большой и гладкий, как морской котик. Его мышцы не бутрились, они перекачивались под атласной кожей, а двигался он с кошачьей грацией и проворством.

Не желая бросаться в бой очертя голову, я атаковал быстро, но осторожно, и он отступил, приседая и водя длинными сильными руками. Я прыгнул к нему, метя хуком в голову, но он шагнул в сторону, и я волчком пронесся мимо.

Он уже летел на меня, но в прыжке передумал и вскинул руку, чтобы блокировать мой мощный хук правой в челюсть. Я сразу ударил вдогонку левой, но он дернул круглой головой, и кулак скользнул мимо.

Лишь на секунду моя левая оказалась полностью вытянута, и в этот миг он схватил ее обеими руками, рванул и перебросил меня через голову. Ринг закувыркался у меня в глазах, и я приземлился на спину с грохотом, потрясшим весь зал. Я едва не «поплыл», но, увидев несущегося на меня через ринг Ногая, похожего на огромного темного кота, успел вскочить на ноги.

Я выдал финт левой, он снова поймал мою руку и превратил ее во что-то вроде рычага. В локте хрустнуло, и рука отозвалась мучительной болью, но в ту же секунду я провел мощный апперкот между руками Ногая. Кулак попал под челюсть, его голова откинулась назад, как на петлях, и он опустился на колени. При счете «девять!» он было поднялся, но хук правой в ухо уложил его опять, и он отдыхал, пока его не вынесли с ринга.

Я вернулся в свой угол. Левая жутко болела и плохо двигалась, но я промолчал. Толпа проводила меня ободряющими возгласами, и я улыбнулся; сами того не зная, они получали за свои деньги зрелище, до которого далеко чечетке и кривлянью Ловчицы Строццы и Бенни Гольдстейна.

— Послушай, — обратился ко мне назначенный Барлоу секундант (удивительно, что в зале не оказалось ни одного парня с «Морячки»), — мне показалось, или в самом деле что-то хрустнуло, когда Пит схватил тебя последний раз за руку?

— Наверно, его челюсть, — проворчал я.

— Третий и последний поединок! — проорал Джим Барлоу. — Между Моряком Костиганом и Биллом Брэндом с английского лайнера «Король Уильям», вес сто девяносто фунтов.

Брэнд был скитальцем морей и кулачным бойцом вроде меня. Между нами не было разницы — ни на дюйм, ни на фунт. Это был неотесанный жлоб, светловолосый, с грубым квадратным лицом и суровыми светлыми глазами. Он дрался не в классической анг-

лийской манере — он был «молотила» с булыжником в каждой руке.

Мы быстро сошлись в центре ринга, и я врезал левой ему в голову. И тут же в моей руке вспыхнула чудовищная боль, и я на секунду ослеп, а сила покинула мои конечности. Я понял: Ногай сломал мне кость в локте, и теперь я, одорукий калека, противостою одному из опаснейших бандюг семи морей!

В тот миг, когда я ослабел от боли в сломанной руке, Брэнд прыгнул вперед и нанес мне страшный удар в голову. Я покачнулся и засеменял ногами как слепой, а он добавил левой и правой! И опять слева, справа мне по кумполу, да так, что я повалился на канаты. Толпа вскочила на ноги, вопя от изумления. Прижимаясь спиной к канатам, я отчаянно отбивался здоровой рукой, и мне удалось отогнать Брэнда на середину ринга, где он занял прочную позицию, и мы стояли голова к голове, обмениваясь размашистыми ударами. Но это не могло длиться долго — моя левая висела плетью, и я не мог ни закрыться ею, ни сфинтить. Брэнд рассек мне ухо, наполовину закрыл глаз и расквасил губы. Пошатываясь под градом ударов, я впечатал ему кулак в корпус, заставив согнуться и отступить, — тут гонг застал его месящим воздух в стремлении не подпустить меня ближе.

Когда я уселся на табурет, Майк ткнул носом в мою правую перчатку и тихо зарычал. Почуял, что у меня неприятности.

— Почему не бьешь левой, чертов олух? — поинтересовался мой секундант, промокая губкой кровь на моей физиономии.

— Не могу, — с усилием пошевелил я разбитыми губами. — Ногай сломал.

Помощник едва не уронил губку.

— Что? Дерешься со сломанной рукой! Я бросаю полотенце! Брэнд тебя прикончит!

— Бросишь полотенце, убью! — оскалился я. — Я уложу Брэнда и одной лапой.

Когда мы поднялись на второй раунд, Билл Брэнд уже смекнул, что от моей левой мало проку, и решил быстро закончить бой. Не рискуя нарваться на мой «правый убойный» он атаковал, прикрывая левой голову и ловко блокируя локтем мои удары по корпусу. Он знай лупил меня по корпусу и голове, но я отчаянно сопротивлялся, и ему не всегда удавалось уходить от моей здоровой правой. Не прошло и десяти секунд раунда, как я заставил его покачнуться от хлесткого удара в висок, потом нырнул под его левую и содрал коротким хуком кожу с ребер.

Но я получал больше, чем два к одному. Он дубасил меня, как кузнец наковальню, швырял на канаты, и наконец посреди ринга отвесил три ужасающих хука по подбородку. Я ответил «убойным» правой под сердце, от которого он крикнул, но тут же отреагировал левой и правой по корпусу, потом левой в глаз, запечатав его окончательно. Затем его свинг справа угодил мне по сломанной руке, и от боли меня едва не стошнило. Я пошатнулся, и Брэнд, чувствуя слабость, набросился на меня, как дикий кот на воробышка. Он прогнал меня по рингу шквалом классных ударов и уложил на пол возле канатов.

Я поднялся до начала счета и отчаянным правым в голову заставил его отпрянуть, но вскоре он разбил мне нос хуком левой, рассек кожу на челюсти коротким тычком правой и едва не оторвал мое и без того багровое ухо жестким левым свингом.

Я не успел ответить правой в челюсть, и он выдал мне прямо по сопелке апперкот, заставивший меня запрокинуть голову. Затем хук правой в челюсть отбросил меня на канаты, а когда я, шатаясь, расстался с ними, то столкнулся с черным кожаным тараном и повалился на колени. Ослепший и окровавленный, я поднялся на счет «девять», но шикарные левый и правый свинги уложили меня обратно. Я смутно слышал, как толпа вопила Джиму, чтобы остановил бой. Он поинтересовался моим мнением на этот счет, но я

лишь отрицательно покачал головой, брызгая во все стороны кровью, и кое-как поднялся снова. Я почти не заметил возвратившего меня на пол удара, но почувствовал, как грянулся плечами о доски, и потерял сознание. Позже мне сказали, что я лежал не шелохнувшись, и гонг прозвучал как раз в тот момент, когда Барлоу произнес: «Девять».

Очнулся я на своем табурете. Меня поддерживал секундант, а рядом стоял Барлоу.

— Стив, я останавливаю бой, — сказал он. — Ты спекся.

— Дай щепотку нюхательной соли, — задыхаясь, попросил я. — Я еще не спекся. Не останавливай бой, Джим Барлоу.

Я понюхал соль, и в голове просветлело. На виске у Брэнда я заметил кровоточащую рану — стало быть, его все-таки достал один из моих отчаянных хуков правой. Брэнд был крепок, но не настолько, чтобы легко переносить мои удары, когда они достигали цели. Эх, будь у меня целы обе руки! Неужели я выдержал всю эту пытку напрасно? Неужели я вырубил Нога и Ладо лишь ради того, чтобы проиграть этому лимончику? И выходит, Старик все-таки потеряет «Морячку»? От этих мыслей я пришел в бешенство. Зарывав диким зверем, я вслепую смел моего секунданта и, шатаясь, поднялся с табурета. Прозвучал гонг, и Брэнд двинулся ко мне.

Я устремился к нему по прямой. Меня обуревала и едва не валила с ног знаменитая ирландская ярость. Брэнд встретил меня прямым левой; я ощутил, как согнулась его рука, когда я налетел на нее, и по запястью утопил правую в его брюхе. Он крикнул и пошатнулся. Я продолжал наседать, работая правой, как отбойным молотком. Держу пари, что публике в этом зале еще никогда не доводилось видеть такое «воскрешение». Брэнд сопротивлялся изо всех сил, но их не хватало. От его ударов я шатался, как пьяный, и на ринг брызгала кровь, но остановить меня было уже невоз-

можно. Я наседал без малейшей передышки и бил, бил, бил! Те, кто видел этот бой, говорили, что я дрался, как загнанный в угол черт. Еще бы, ведь я сражался ради Старика и «Морячки»!

Я погнал Билла Брэнда, как волна гонит щепку. При каждом моем ударе по корпусу рука тонула по запястье, а каждый удар по голове пускал ему кровь. Теперь его физиономия была под стать моей, он тоже задыхался и шатался. Билл уже не надеялся исправить ситуацию с помощью кулаков. Он просто махал руками изо всех сил, чтобы не подпустить меня ближе.

Но я был неодолим. По сути, я дрался в обмороке, ринг плыл в красной пелене. Передо мной маячило лицо Билла Брэнда, бледное, с гримасой отчаяния и потеками крови. А мною всецело овладело желание сократить дистанцию и бить, бить, бить!

Я даже не слышал иступленных воплей толпы, но чувствовал, как слабели удары Билла. Он уже крепился, барахтался, шел ко дну. И тогда я вложил мои убывающие силы в одну серию яростных ударов и почувствовал, как он обмяк; я ощутил отдачу моего «убойного» в челюсть и увидел, как он повалился, точно куль с опилками. После этого я откинулся на канаты и старался не упасть, пока Джим Барлоу вел отсчет.

Говорят, я выбрался с ринга сам. Не знаю, как мне это удалось. Помню только, как редела обезумевшая толпа, как меня хлопали по плечам, как жали мне руку, — короче говоря, публика осталась удовлетворена. Потом я сидел за столом в раздевалке, и мне вправляли руку, заштопывали ухо и рассаженный висок, смазывали коллодием многочисленные ссадины.

— Ай да бой! Ай да бой! — кудахтал Барлоу. — Надо же, ты победил со сломанной лапой...

— Где монеты? — кое-как пошевелил я разбитыми губами. — Где моя тысяча? А ну, гони живо.

Билл вложил пачку денег в мою руку, и я попытался пересчитать.

— Бога ради, Стив! — изумился Билл. — Я никогда не видел, чтобы тебя так волновали деньги... хоть ты и дрался за них насмерть.

— Это не мои деньги, — пробормотал я, все еще приходя в себя. — Моего приятеля. Мне пора идти, а то вдруг его хозяева решат забрать корабль сегодня ночью.

Все посмотрели на меня так, будто я наклюкался вдрызг или даже свихнулся, но помогли мне одеться, и я вышел на улицу вместе с Майком. Прохладный ночной воздух прочистил мне мозги, но все же я представлял собой жалкое зрелище: рука на перевязи, один глаз закрыт полностью, другой — наполовину, и вся физиономия облеплена пластырями.

Надеясь встретить Старика в забегаловке Теренса Мэрфи за игрой в пинокл, я направился прямо туда — и верно! Старик резался в карты с Теренсом. В заведении, кроме них, не было ни души по причине позднего часа. Мне сразу бросилось в глаза, каким тяжким грузом легли на Старика его годы.

— Да, — говорил он Теренсу, — завтра у меня отнимут милую лоханку. Теренс, я старик, хотя до сих пор этого не замечал. Я совсем на мели. Эта шхуна была для меня и женой, и дочерью...

Он огляделся, увидел меня и приуныл еще больше.

— Ага, Стив Костиган. Никак опять ввязался в позорную уличную драку? Разве я не просил оставить меня в покое? Сделай одолжение, убирайся отсюда...

Я без единого слова протянул ему пачку денег. Я не мастак говорить высокопарные речи.

— Что это? — опешил он.

— Тысяча долларов, которую вы задолжали компании, — ответил я. — Можете заплатить, и у вас не отнимут «Морячку».

— Но я не могу их взять... — пролепетал он.

— Нет, возьми! — рявкнул я. — Я уложил трех крутейших азиатских мордоворотов не для того, что-

бы ты придерживался этикета. Бери! — И я сунул деньги ему в лапу.

Старик замер на месте, меняясь в лице как хамелеон. Первый раз в жизни я увидел его онемевшим. Наконец он промолвил:

— Стив, я... даже не знаю, что и сказать... Кажусь себе вонючим скунсом. Не могу выразить, как много это значит для меня... Ей-богу, я верну эти деньги до последнего цента. Стив, я часто бывал невежлив с тобой, но ты ведь понимаешь, это было не всерьез. Под твоей слоновьей шкурой прячутся душа и сердце настоящего мужчины...

— Ладно, чего там, — перебил я, испытывая крайнее смущение. — Не благодарите меня. Просто мне бы не хотелось увидеть, как вы потеряете «Морячку». Да и жалко старую посудину — потонет ведь, если капитаном на ней будет человек с мозгами вместо пробки.

— Не смей оскорблять меня, бабуин ты эдакий, — проворчал Старик, но глаза его снова помолодели, а на губах появилась улыбка.

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

Джон Закария Граймс впервые окрысился на меня в кубрике «Морячки», в тот же день, когда мы покинули Фриско. Он был салага и нанялся на судно перед самым отплытием. Вообще-то я не обижаю салаг, если только не возникает необходимость показать им, кто «вожак» на нашей шхуне, и даже в таких случаях я скор на расправу, но милосерден, насколько это возможно. Граймс помалкивал, работал споро и не обижался на подначки бывалых матросов. Это был долговязый сухопарый горец из штата Кентукки. Не знаю, как этот горец превратился в моряка, но факт остается фактом.

Ссору начал Олаф Эриксон. Он подшучивал над Граймсом в своей дубовой скандинавской манере, но тот предпочитал не обращать внимания, и это злило Эриксона. Вскоре Олаф отпустил довольно грубую шутку о неотесанных горцах, и тогда Граймс впервые обернулся и посмотрел на него в упор. Внешне он не дрогнул, но что-то в нем определенно изменилось. В кубрике вдруг воцарилась тишина. Улыбка слиняла с лица Олафа, он покраснел и выпучил зенки.

Граймс неторопливо поднялся и сказал: «Встань!»

Это простое словечко заключало в себе целую гамму эмоций. Олаф взревел и едва успел поднять кулаки, как Джон шагнул вперед и его длинная правая метнулась от плеча наподобие тарана. Послышался треск, будто не выдержал рангоут, и длинная желтая грива Олафа встопорщилась. Здоровенный швед пролетел по всему кубрику, брякнулся и остался лежать неподвижно.

Граймс обернулся к вытаращившим на него глаза матросам. Некоторые из них уже успели проучить Олафа, но никто даже помыслить не смел, что его можно уложить одним ударом. На узкой постной физиономии Граймса не дрогнул ни один мускул, но глаза его блестели, точно серые льдинки.

— Если кто-то надеется мной помыкать, — молвил он, — пусть выйдет, и начнем потеху! Я обойдусь без скидок и готов принять по одному за раз, либо всех вместе. Я знал, что этот корабль — не фунт изюму, еще когда вербовался. Мне ни к чему неприятности, но я пальцем не шевельну, чтобы их избежать. Если кому-то из тупоголовых не нравятся мои манеры, если он считает меня неотесанным горцем, то пускай подойдет и скажет прямо.

Тут завелся Муши Хансен. Муши обидчив, как все датчане, для него услышать слово «тупоголовый» — все равно что получить в морду. Он внушителен на вид, выше шести футов ростом; весу в нем добрых двести фунтов, и все они приходится на долю костей и мышц. Муши проворен, как кошка, да и удар у него неплох.

— Тупоголовые? — завопил он. — Ну, держись, проклятый деревенский олух!

Он ринулся на Граймса подобно тайфуну, но после первого обмена ударами я понял, что у Муши нет ни единого шанса. Он не уступал ростом Граймсу и мускулы имел потолще, но у Граймса они были упруги, как сырая кожа, и прочны, как стальная проволо-

ка. В отличие от Муши, он не прыгал по-кошачьи вокруг противника и даже выглядел неуклюжим, но был проворнее, чем казалось. Граймс не пытался боксировать, он просто работал кулаками, как поршнями, — быстро и мощно.

Муши ударил правой Граймса в челюсть, и кровь потекла ручейком, но ей-богу, тот даже не моргнул. Его правая и левая хряснули Муши по ребрам, будто молоты по бочке, и Муши скривился от боли. Но тут же ответил серией хлестких ударов, способных уложить трех-четырёх обычных парней.

Однако Джон Закария Граймс отнюдь не принадлежал к числу обычных парней, и эти плюхи смутили его не больше, чем быка — хлопки воздушных шариков. Запросто выдержав их, он перехватил инициативу и принялся методично месить голову и корпус Муши. Всякий раз, когда он бил под ребра, рука погружалась по запястье, и Муши начал сдавать.

Его удары потеряли силу, глаза остекленели, и он, шатаясь, отступил. Но я сроду не видел бойца безжалостнее Граймса. Он наседал неумолимо, наносил удары с терпением часового механизма. Он не оборонялся — защитой ему служили тараноподобные кулаки. Лицо Хансена превратилось в кровавую маску, а тело покрылось синяками. Отступив под градом ударов, он прислонился к койке. Он пока держался на ногах, но был уже не в силах поднять руки.

Но Граймс не остановился. С бесстрастным, как гранитная глыба, лицом он продолжал выколачивать перхоть из поникшего датского кумпола.

Я шагнул к нему и схватил за руку.

— погоди! Ты что, убить его решил?

Он поднял на меня тусклые глаза. С рассаженной скулы по щеке текла алая струйка, из угла рта тоже сочилась кровь, но дышал он почти ровно.

— Разве не он начал? — спросил Граймс.

— Да, но ведь ты его проучил, верно? — возразил я. — Неужели этого мало? Оставь его.

Муши соскользнул вдоль койки и без чувств растянулся на досках. Граймс поддернул штаны, глянул на меня и сказал:

— Я о тебе много чего слышал, Стив Костиган. Тебя считают вожаком на этой шхуне, но не пытайся помыкать мною, понял?

— Никто тобой не помыкает, — с досадой повторил я. — Но я не допущу хладнокровного убийства.

— Не беспокойся, — холодно продолжал он. — Я слышал о тебе, ты обожаешь кулачные бои и дерешься ради удовольствия. Ну, а я не люблю кулачные бои, и дерусь только с проклятыми олухами, которые пытаются ущемить мои права. И если приходится кого-то взгреть, я делаю это так, что он надолго оставляет меня в покое. Я и в Кентукки часто дрался, и с тех пор, как ушел в море. Ты вожак на этом корабле? Ладно, если тебе не нравятся мои манеры, начнем потеху!

— Мне ни к чему поддерживать свою репутацию, укладывая каждого встречного салагу, — раздраженно бросил я. — Со мной уживется любой, кто не слишком возникает. Эй, ребята, поднимите-ка Муши и уложите на койку. Билл, вылей на Олафа бадью воды.

Пока мы оживляли Олафа и Муши, Граймс растянулся на своей койке и уткнулся в журнал. Крепкий орешек!

После той драки команда старалась Граймса не задирать. Олаф и Муши не таили на него зла; удар в челюсть на борту «Морячки» — дело обычное для тех, кто знаком с морскими правилами. На подобные пустяки ребята не обращают внимания.

Граймс не пытался подружиться ни с кем из команды, но и не слишком обособлялся. Он подсаживался к компаниям и прислушивался к разговорам, но редко принимал в них участие. Он был не из тех, кто любит чесать язык.

Из-за нелюбимости команда относилась к Граймсу с прохладцей, но мой белый бульдог Майк, похо-

же, привязался к нему, а это любому служило хорошей рекомендацией. Но мне он не нравился. Его манеры действовали мне на нервы, казалось, он постоянно ждет, что я задену его, и, похоже, ему только это и нужно. Я не тепличная орхидея, и нрав у меня крутой, но я не унижаю людей только потому, что мне это может сойти с рук. Мне необходимо поддерживать свой авторитет, и я искренне обожаю добрую потасовку, но никогда не помыкаю людьми лишь по прихоти.

Граймс не был охоч до воспоминаний, но из его обмолвок ясно было, что за его плечами множество кровавых сражений, как на кулаках, так и с оружием. На теле у него были отметины от пуль и ножевые шрамы, а разукрашенная физиономия Муши служила наглядным доказательством тому, что в кулачной драке Граймс не новичок. Горцы из Кентукки — народ грубый и жестокий, но из тех, кто проходит их школу, получают отменные бойцы. Похоже, Граймс был не из двоечников.

В нескольких днях пути от Сингапура я снова попался с Граймсом. Матросы на палубе вспоминали о своих проделках, и среди нас был привычно молчаливый и хмурый кентуккиец. Я только что поведал о том, как уложил на бостонской пристани несколько грузчиков, и тут он возьми да ляпни:

— Я знавал многих приличных бойцов, и большинство из них помалкивало о своих подвигах. А ты бахвалишься пуще любого пьянчуги.

На нашу компанию опустилась тишина, потому что все знали: я не из тех, кого можно безнаказанно унижить.

— Поясни, что ты имеешь в виду! — потребовал я.

— Что, уши отсохли? — равнодушно спросил он.

Чувствуя, как краснеют белки моих глаз, я начал было подниматься, машинально прикидывая расстояние до его челюсти, но тут меня схватил за руку Билл О'Брайен.

— Погоди, Стив. Ишь забыл, что в первый вечер по прибытии в Сингапур ты встречаешься с Кидом Рейнольдсом?

— Ну и что с того? — возразил я. — Отпусти меня, Билл. Этот юнец торгует сопелкой с тех пор, как поднялся на борт.

— Не сейчас, — настаивал Билл. — У него башка крепче, чем кабестан¹. Муши сломал о нее четыре пальца. Ты не должен рисковать своими поршнями перед боем с Рейнольдсом, когда я готов поставить на тебя монету. Сначала выиграй бой, а потом разбирайся с Граймсом.

— Ладно, Билл, — проворчал я. — Только ради тебя. Но поверь, мне ужас как нелегко усидеть на месте, когда меня называют треплом.

— Я не называл тебя треплом, Билл, — вмешался Граймс. — Я просто сказал, что...

— Помолчи, мне все ясно! Пока что я забуду твои слова ради этих ребят, готовых поставить на меня последнюю рубашку, но не искушай меня впредь.

Граймс пожал плечами, очевидно, его ничуть не обрадовало чудесное избавление от смертельной опасности.

— Граймс, ты чертовски несдержан в своих оценках, — предостерег Билл. — С твоей стороны глупо было усомниться в боевых качествах Стива. Во всех портах мира о его доблести ходят легенды.

— Я не усомнился в его доблести, — коротко бросил Граймс. — Я просто высказал свое мнение.

— В следующий раз держи его при себе! — гневно посоветовал я.

— Сроду не приучен следить за языком ради кого бы то ни было, — не уступил он, но Билл положил мне на предплечье руку, затем порылся в кармане и, выудив книжку боксерских рекордов, бросил ее Граймсу.

¹ Кабестан — подъемный ворот.

— Вот его «послужной список», — сказал он. — Прочти на досуге. И помни, что перечисленные здесь бои — это меньше четверти его побед. Сюда не вошли уличные стычки, разборки на борту и драки на пристанях. Когда парень дерется во всех портах семи морей, лишь ничтожная часть его успехов попадает в «послужной список».

Граймс взял книжку и открыл, но, поскольку лицо его было невозмутимо при любых обстоятельствах, я не мог судить о его впечатлениях. Он довольно долго изучал мой «послужной список», а в нем были имена, способные прославить любого боксера. Но, возможно, у Граймса были иные мысли на этот счет, а может, просто нелады с грамотой. Возвращая книжку Биллу, он так и не произнес ни слова.

После этого я старался его избегать, поскольку терпение мое небеспрдельно. Но через день-другой я маленько остыл. Я быстро выхожу из себя, но столь же быстро мой гнев уступает место благодушию.

Мы вошли в сингапурскую гавань точно по расписанию, и когда пришвартовались, чтобы взять груз, я обнаружил, что пристань обклеена афишами. На них красовались наши с Рейнольдсом фото, а также снимок моего белого бульдога Майка. Набранное крупным шрифтом объявление гласило: «Моряк Костиган со шхуны «Морячка» встречается с Кидом Рейнольдсом с «Короля Ричарда» сегодня вечером на ринге «Олимпик».

Я напыжился при виде собственной помятой физиономии, глядящей со стен складских построек, и растаял окончательно, когда у причала меня встретила радостными возгласами большая шайка моряков.

— Вчера вечером пришвартовалось корыто Рейнольдса, — сказали они. — Мы боялись, что ты опоздаешь. Макпартленд, антрепренер «Олимпика», уже распродал все места. Каждому, кто видел твой последний бой с Рейнольдсом, просто не терпится побывать и на этом.

Я встречался с Рейнольдсом, когда последний раз гостил в Сингапуре. Пятнадцать кровавых изнурительных раундов... Бр-р!

— По городу ходят разные слухи,— продолжали матросы.— Мол, игроки делают на тебя слишком большие ставки. Но мы-то знаем, что вы с Рейнольдсом ровня. Нам известна репутация «Морячки»: любой парень из ее команды дерется честно или не дерется вообще.

— Ценю ваше доверие,— сказал я.— Пока еще я не подводил своих болельщиков.

— Знаем, Стив! — дружно заорали они и один за другим покинули пристань, а я повернулся к Граймсу и ухмыльнулся, забыв о своей досаде. Потом сказал:

— Видишь, эти ребята не судят о моих боевых качествах по тому, насколько я болтлив.

Он ничего на это не сказал. Постоял, провожая взглядом толпу, затем отвернулся, и это меня задело. Не люблю, когда со мной играют в молчанку. Но Граймсу это сошло с рук.

Мы с Биллом О'Брайеном, Муши Хансеном и Свенем Ларсеном решили заглянуть в ближайший салун, и Билл предложил Граймсу развестись вместе с нами, но тот отрицательно покачал головой и ушел с каким-то типом. Никто из нас раньше не видел этого парня, и его физиономия не вызвала у меня интереса. Мы бросили якорь в «Американском баре» и пропустили стаканчик-другой, и тут Билл говорит: «Гляньте, к нам топают Скользящий Стив».

Я повернулся и хмуро глянул на типа, навалившегося на стойку брюхом. Он щеголял золотой цепью поверх клетчатого жилета, а сигару закусил под таким углом, что она едва не встретилась с надетой набекрень шляпой. На физиономии расплылась масляная улыбка. Он протянул мне пухлую руку с алмазами на толстых пальцах.

— Привет, Стив, старина! — жизнерадостно воскликнул он.— Как делишки?

— На черта мне твоя грязная клешня? — огрызнулся я. — И сам ты нужен мне здесь, как бубонная чума.

— Ну-ну, Стив, — успокаивающе произнес он, собираясь похлопать меня по спине, но передумал (и правильно сделал, иначе бы я затолкал сигару ему в глотку). — К чему вспоминать старое? Пусть оно быльем порастет.

— Ага, — с горечью согласился я. — Давай забудем, обнимемся, и ты воткнешь мне в спину ножик. Не далее как полгода назад, ты клялся погубить мою репутацию в Сингапуре. А почему? Всего лишь потому, что я отказался «сдать» поединок ради шайки грязных игроков, которой ты помыкаешь.

— Да я уже и забыл об этом пустяке... — начал он, но я перебил:

— Прежде чем ты забудешь о каком-нибудь пустяке, у китов вырастут крылья и они чайками воспарят над волнами. Все, вали отсюда, мне не нравится твоя свинячья морда.

— Что ж, Костиган... — Он сбил пепел с сигары. — Если ты не в настроении...

— Вот именно, — проворчал я. — Не в настроении. Выметайся, да поживей.

Пожав жирными плечами, он повернулся и свалил из бара. Какой-то субъект встретил его снаружи, и они ушли вместе.

— Не нравится мне это, — заметил Муши. — Когда Скользкий Стин дружелюбен, он прячет за спиной булыжник. И, кстати, ты знаешь, с кем он ушел? С тем же парнем, которого встретил на пристани Граймс.

— Ну, в этом нет ничего странного, — сказал я. — Ведь Граймс уже плавал в этих водах.

В эту минуту ко мне подошел китайчонок и потянул за рукав. Когда я обернулся, мальчишка сунул мне в руку записку и был таков. Развернув ее, я прочел: «Любезный Стив. Одна из моих знакомых дам хотела бы встретиться с тобой. Приходи в „Лавку Дракона“, я вас познакомлю. Твой друг».

— Что читаешь? — спросил Билл.

— Да так, ерунда, — ответил я, торопливо пряча записку в карман. — Вы, ребята, развлекайтесь пока без меня. Позже встретимся.

— А тебя куда понесло? — подозрительно осведомился Билл. — Небось, решил приударить за юбкой? Гляди, Стив...

— По-твоему, я уже не в состоянии позаботиться о себе? — раздраженно произнес я. — Не лезь в мои дела. Я буду в «Олимпиаке» к началу боя.

— Только не вздумай опоздать, — напомнил Билл, и я быстро вышел, сопровождаемый верным буль-догом.

Любопытно, кто этот незнакомый «друг»? Но, вообще-то, записка меня не удивила. На некоторых дам моя персона издали производит неплохое впечатление.

«Лавкой Дракона» называлась прибрежная таверна, содержал ее мой знакомый, старый китаец. Там подавали грог. Когда я вошел, китаец закивал и жестом предложил следовать за ним в кабинет. Там сидел за столом и разливал по стаканам виски Джон Граймс.

— Привет, Костиган, — сказал он. — Присаживайся. Выйди, Ли Вун, и затвори дверь.

— Не ты ли послал записку? — сурово спросил я. — Где же дама?

— Нет никакой дамы. Я просто хотел поговорить с тобой наедине, а как это сделать, если вокруг тебя всегда толпа? Но я знал, что на свидание с женщиной ты придешь.

— Разрази тебя гром, — гневно заговорил я. — Решил выставить меня на посмешище, такой-раззаткий?!

— Не обижайся, — безмятежно перебил он. — Все в порядке, никто ничего не узнает. Сядь и давай потолкуем. Это виски. Угощайся.

Я был разозлен и озадачен, но сел за стол и осушил пододвинутый Граймсом стакан. А потом прика-

зал не тянуть время и выкладывать, зачем он меня позвал.

— Костиган, — начал Граймс, — ты давно ждешь боя с Рейнольдсом?

— Несколько месяцев, с тех пор как мы с ним договорились встретиться, — ответила. — В прошлый раз была ничья. А в чем дело?

— На этот бой поставлена куча денег, но что будет, если... Только предположим: один из вас не появится, и антрепренеру придется заменить боксера?

— Ребята ставят на меня и на Рейнольдса, — проворчал я. — Они снимут ставки. Но я не понимаю...

— Это все, что я хотел знать, — проговорил он, вставая. Изумленный и рассерженный, я вскочил — вернее, попытался вскочить, но в ту же секунду меня будто грот-мачтой по затылкухватило, и я мгновенно провалился в забытие.

А когда очухался, обнаружил, что влажный язык Майка вылизывает мне лицо.

С трудом поднявшись на ноги, я на основании ощущений, в том числе мерзкого привкуса во рту, пришел к выводу, что Граймс попотчевал меня наркотиком. Захотелось тут же разорвать подонка на куски, но в комнате никого не было, а дверь оказалась на запоре. Ревя, как бешеный слон, я выломал ее и ввалился в таверну с кулаками наготове. Там тоже никого не было, потому что старик Ли Вун с воплями удрап через черный ход, едва я накинулся на дверь.

С минуту вокруг меня все ходило ходуном, наконец в голове прояснилось, и я огляделся, пытаясь найти хоть какой-то ключ к разгадке этой идиотской шарады. Увидев над стойкой часы, я вдруг завопил так, что Майк подскочил от испуга.

— Боже милосердный! Я же несколько часов провалялся! Мне давно пора быть на ринге!

Я вылетел из таверны на улицу, будто хотел побить рекорд в беге на длинные дистанции, и китайцы брызнули передо мной в стороны, но никого, похоже,

не удивил несущийся по улице моряк с непокрытой головой, преследуемый белым бульдогом. На Востоке всех белых считают сумасшедшими. От энергичной работы легких в мозгу окончательно рассеялся туман, и вскоре, срезав угол по боковой улочке, я очутился прямо перед «Олимпиком». Из дверей заведения потоком изливалась толпа.

Схватив за грудки первого встречного, я прохрипел: «Что тут происходит?». А поскольку мы оба стояли в тени, он меня не узнал.

— Да просто сегодня должны были драться Костиган и Рейнольдс, но Костиган не появился, — с отвращением пояснил прохожий. — В последнюю минуту Макпартленд объявил, что, по его сведениям, Костиган не сможет выступить, и публика воляна забрать свои деньги или согласиться на замену. Короче, Макпартленд выставил никому не известного парня, и, ей-богу, тот ухитрился вырубить Рейнольдса. Но он не соблюдал правил, и судья отдал победу Рейнольдсу. Мы едва не линчевали этого типа. И знаешь, что? Сразу после боя Рейнольдс в раздевалке потерял сознание, и сейчас над ним хлопочут костоправы. Кажись, он чем-то отравился.

— Кто с ним дрался? — мрачно спросил я.

— Парень по фамилии Граймс с корабля Костигана.

Не теряя времени, я повернулся, пересек двор и свернул на улочку, огибающую «Олимпик». На нее как раз выходили двери раздевалок. Возле самых дверей кто-то обогнал меня, нырнул в одну из них и затворил за собой.

Я узнал субъекта, который встретил Граймса на пристани. Его освещенное уличным фонарем лицо показалось мне неестественно бледным.

Но в ту же минуту я забыл о нем, потому что из другой двери показался Джон Граймс. Он был в рубашке, пиджак перекинут через плечо, кепка надвинута на глаза, а лицо, как всегда, бесстрастное.

Я заступил ему путь и схватил за плечо. Его мускулы под моими железными пальцами были что стальные тросы.

— Грязная подлая крыса! — рявкнул я. — Что ты скажешь перед тем, как я разорву тебя на куски?

Он, не моргнув глазом, высвободил плечо.

— Костиган, ты слишком разгорячен, — промолвил он. — И не способен сейчас рассуждать здраво. Давай завтра поговорим. Согласен, тебе это кажется странным, но я постараюсь объяснить...

— Ни к чему так утруждаться! — разъярился я. — Не знаю, на черта ты это затеял и замешан ли тут Скользящий Стиг. Но лопни мои глаза, если тебе это сойдет с рук! Ты устроил мне подлянку, снулая рыба, потому что невзлюбил мои манеры. А меня тошнит от твоих, и сегодня мы разберемся раз и навсегда!

Он что-то пробормотал, затем поджал губы и повел плечами.

— Здесь? — спросил он.

— Нет. Тут кругом слишком много фараонов и прохожих. Я знаю местечко на пляже, где нам никто не помешает. Будем драться без правил и до тех пор, пока один из нас не похолодеет.

— А как насчет пса? — спросил он.

— Он тебя не тронет, если я не прикажу, — проворчал я. — Идем!

У воды, где пляж заливала серебром луна и где нас окружали черные тени пальм, мы сняли рубахи. Я бросил свою на песок и приказал Майку сесть на нее. Он понял, что ему ни при каких обстоятельствах нельзя нападать на Граймса. Похоже, бульдогу это не понравилось. Похоже, ему вообще не нравилось, что мы собираемся драться. Он полюбил Граймса, хотя было бы за что.

Мы сошлись в лунном свете, для меня он был подернут красноватой пеленой ярости. Пульс молотом стучал в висках, железные мускулы напряглись, а отмеченное боевыми шрамами лицо исказилось гневом.

Одним своим обликом я мог бы устрасить любого противника, но Граймс не дрогнул. В лунном свете его лицо оставалось бесстрастным и хмурым, из боя с Рейнольдсом он вышел без единой отметины. Кстати, позже я узнал, что он не пропустил ни одного удара. Под кожей у него при малейшем движении натягивались сверхпрочные мускулы. Лишней плоти не было ни унции, и вообще, Граймс выглядел хищным, как лесной волк. Все в этом парне говорило о силе, закалке и стойкости.

— Ты решил стать вожаком кубрика на «Морячке», — процедил я. — Но для этого мало взгреть мясистых скандинавов. Для этого надо взгреть меня.

С этими словами я кинул левую ему в подбородок и, не успев он «нырнуть», добавил короткий справа в челюсть. Он рухнул на песок, и я отступил, злобно глядя на него и тяжело дыша от ярости.

— Поднимайся! — Но он вскочил на ноги, не успев я договорить.

В глазах у него появился ледяной блеск, скула, рассеченная моими железными костяшками, кровоточила. Но он нисколько не «плыл», и это меня поразило, ведь мой правый способен уложить лошадь. Скажу, не совру: такими ударами я раскалывал челюсти.

— Ты чертовски проворен, — холодно заметил он. — Врасплох меня застал. Готов повторить?

— Еще как! — взревел я и коротко ударил его левой в живот, затем ею же — снизу по челюсти.

Он пошатнулся... и взорвался ураганом мелькающих кулаков.

Мы топтались на залитой лунным светом поляне, осыпая друг друга ударами, пока свет не потускнел, трава не оросилась кровью, а пальмы и океан не заходили ходуном. Крутом не было ни души, кроме утробного рычащего на моей рубашке Майка.

Граймс не был боксером, и я не пытался драться с ним по правилам. Моя гордость — шквал стремительных ударов, и я всегда готов доказать, что выдержу

любой натиск. Граймс налетел на меня тайфуном, работая руками, точно поршнями, но я встретил его ного к ноге и грудь к груди.

Впервые в жизни я столкнулся с бойцом под стать себе. Я выкладывался от души, и почти каждый мой удар попадал в цель. Кулаки, способные изувечить среднего боксера, без видимых последствий отскакивали от головы и корпуса Граймса. Его ребра были прочней стальных обручей, голова — что твой чугуновый слиток, а мускулы, наверное, не поддались бы и ножу. Стоило ли удивляться, что до сих пор никто не осилил этого парня в драке без правил?

Точно кувалдами по корпусу корабля, лупили мы кулаками друг по дружке. Граймс кренился, как судно в шторм, но выпрямлялся и пуще прежнего охаживал меня кулаками-булыжниками. Бац! бац! бац! Без передышки.

Не знаю, сколь долго мы бились, но знаю, что оба были залиты кровью, а его костлявые кулаки запечатали мне один глаз, сплющили неоднократно сломанный нос и порвали шкуру в десятке мест на лице и теле. Знаю, что и я избил его почти до неузнаваемости, он дышал с надрывным свистом, а за лохмотьями губ поблескивали расшатанные зубы. Не помню, сколько раз я падал и сколько раз валился с копыт Граймс. Мы ни разу не вошли в клинч, наш бой не делился на раунды, и никто не предлагал нам бросить на ринг полотенце.

Но в моих плюхах было больше силы, хоть и он бил не слабо. Наконец, через века этой безжалостной пытки, я почувствовал, что он сдает. Мои беспощадные кувалды несколько раз воткнулись Граймсу в живот, и его голова откинулась назад на слабеющей шее. Но с ним еще не было покончено. Он никому не давал пощады и ни у кого ее не просил. Поэтому я был вынужден молотить его упорно и жестоко. Я перешел на короткие резкие удары и неумолимо гнул его к земле, пока он не растянулся в луже крови.

Мне тут же захотелось последовать его примеру. Я был еле жив и почти ничего не видел. Пальмы кружились вокруг меня в безумной пляске, а земля качалась под ногами.

— Отдохни, вонючий скунс,— выдавил я, задыхаясь и сплевывая кровь и выбитые зубы.— Ты самый лучший боец по ту сторону ринга, но все равно ты — подлая крыса.

Окликнув Майка, я поплелся в сторону гавани. Рубаху я нес в руке — меня так мутило, что надеть ее я даже не пытался. Я брел, как нализавшийся до зеленых чертиков старик. Майк скулил и оглядывался на поляну, и даже разок вцепился мне в штанину и потянул назад.

— Оставь его, Майк,— пробормотал я.— Он недостоин заботы приличного пса.

Вскоре прямо по курсу замаячил белый силуэт, кто-то окликнул меня по имени. Я остановился, чтобы стряхнуть кровь с глаз, и увидел Макпартленда, антрепренера «Олимпиака».

— Эй, Стив,— сказал он.— Я повсюду тебя ищу. Один местный видел, как ты шел сюда с каким-то парнем. Он тебя узнал по бульдогу. Боже мой, приятель, что стряслось?

— Да просто я тут топтал одного скунса,— проворчал я.— Знаю, в твоих глазах я теперь дешевка, потому что не пришел на поединок, но...

— Между прочим, Костиган,— перебил он, откусывая кончик сигары,— ты очень мудро сделал, что не пришел. Я это понял, когда Рейнольдс вырубился в раздевалке. Доктор говорит, его опоили, причем такой дозой можно уложить слона. Мне показалось, что Рейнольдс не в себе, еще до того, как он поднялся на ринг.

— Наркотик? — равнодушно спросил я.

— Разумеется. Тут, конечно, Стив постарался и его грязные игроки. Все это замышлялось, чтобы вовлечь тебя в гнусный скандал. Стив уже несколько дней болтал повсюду, будто у него есть доказательства,

что ты подкупил Рейнольдса. Никто ему, конечно, не верил, но если бы в драке с тобой Рейнольдс слез на ринге через два-три раунда, это многим показалось бы странным.

Но, поскольку ты не появился, а боксер, выступивший взамен, дрался не по правилам и проиграл, никто не увязал твое имя с мошенничеством. А теперь нам известна вся правда. Одному из подручных Стина показалось, будто Рейнольдс получил слишком большую дозу наркотика. Боясь, что тот отдаст концы, парень раскололся и выдал весь план. Как раз такого случая мы и дожидались, чтобы вышвырнуть Стина и его банду из Сингапура.

Знаешь, мне кажется, твоему приятелю Граймсу было известно о затее Стина. Но он даже не заикнулся об этом, когда пришел ко мне с известием, что ты заболел и не сможешь драться, и предложил себя взамен, не прося за бой ни цента, но...

— Граймс? — тупо переспросил я.

— Он самый. Сказал, что не возьмет ни гроша и... эй, ты куда?

Я резко повернулся и бросился обратно на поляну. Граймс все еще лежал там, где я его оставил. Я потащил Джона к воде, а тут подоспел и Макпартленд. Мы смыли с него кровь, Макпартленд поднес к его губам флягу со спиртным, а Майк все это время облизывал его, и я впервые увидел, как мой пес лижет не меня.

Вскоре веки Джона дрогнули и размежились, и он посмотрел на нас затуманившимися, но не потерявшими ледяного блеска глазами. Разглядев меня, они посуровели, и Граймс захотел подняться.

— Лежи смирно, — проворчал я, толкнув его назад. — Граймс, зачем ты это сделал? Я понимаю, что из лучших побуждений, но все-таки — зачем?

Он чуть помедлил и пробормотал:

— Знаешь, когда я прочел список твоих побед в книжке, что дал мне О'Брайен, я понял: ты настоящий

боксер. И окончательно в этом убедился, когда увидел афиши на пристани и слышал о тебе от других парней. У меня на родине мужчина всегда стоит за свою родню, а наш корабль и команда для меня все равно что дом и семья. Я не допущу, чтобы парня с такой репутацией, как твоя, опозорили и выставили мошенником. Это ведь пятно не только на человека, но и на всю команду.

Я тебя опоил, потому что не знал другого способа удержаться от поединка, а иначе ведь невозможно было вырвать жало у Стина. А потом я убедил Макпартленда выпустить меня против Рейнольдса. У меня нет репутации кулачного бойца. Я ничем не рискуя мог уложить Рейнольдса с нарушением правил.

Ну, поворчала публика, сочла себя обманутой, но ведь несколько центов на брата — невелика потеря. А твоя репутация связана с добрым именем корабля, если мы его запятнаем, грош нам цена. По крайней мере, я так считаю.

— Но откуда ты обо всем узнал? — поинтересовался Макпартленд. — И почему не рассказал мне до поединка?

— Потому что не мог рассказать, не предавая парня, который мне все это выложил, — ответил Граймс. — Когда мы пришвартовались, я встретил знакомого. В прошлом я ему оказал услугу и в благодарность он рассказал, что его хозяин, Скользкий Стин, подкупил секунданта, и тот опоит Рейнольдса. Мой приятель советовал мне поставить все деньги на тебя, Костиган, — ты должен был выиграть нокаутом в первых раундах. Стин и его шайка ничего другого не ждали. Это означало бы конец твоей репутации честного боксера и большой навар для них.

Макпартленд потянул меня за рукав.

— Стив, знаешь, почему я тебя искал? — проговорил он. — Док считает, через день-другой Рейнольдс сможет драться. Что скажешь? Стина мы вышвырнули, и теперь бой будет честным.

— Само собой,— рассеянно согласился я.— Конечно, я буду драться. Но послушай, Граймс, почему ты не рассказал об этом перед тем, как я тебя взгрел?

— Ага, а ты бы подумал, что я испугался твоих кулаков.

— Я просто призовой осел,— пробормотал я.— Ты меня выручаешь, а я тебя калечу. Если хочешь врезать мне в сопелку, я не шевельну и пальцем.

— К черту! — сказал он, затем рассмеялся, и я увидел это впервые.— Я бы не поменял наш бой ни на какие деньги! Впервые в жизни я встретил противника моей категории и получил удовольствие от драки. Мне это так понравилось, что я всерьез подумываю о карьере боксера. Когда-нибудь и ты увидишь мое имя на афишах у пристани.

— Знаешь, такие парни, как ты, рождаются не для того, чтобы украшать стены складов или драить палубы. Худо-бедно я разбираюсь в людях, и уж поверь: когда-нибудь я увижу твое имя на чем-нибудь посолиднее портовых афишек.

И я не ошибся. Не столь уж много лет прошло, но если хотите увидеть надпись с именем Джон Закария Граймс, загляните в одну из контор крупнейшего пароходного агентства Сан-Франциско. Оно сверкает золотом на матовом стекле, а под ним стоит короткое, но емкое словечко: «Президент».

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЛИТЫЕ ИЗ ЖЕЛЕЗА (перевод с англ. В. Правосудова)	5
ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕМПИОНА (перевод с англ. В. Правосудова)	60
КУЛАКИ ПУСТЫНИ (перевод с англ. В. Правосудова)	92
ЗМЕИНАЯ ЯМА (перевод с англ. Л. Старкова)	131
БУЛЬДОЖЬЯ ПОРОДА (перевод с англ. Л. Старкова)	152
ЗЛОСТЬ МОРЯКА (перевод с англ. Л. Старкова)	175
КУЛАК И КЛЫК (перевод с англ. Л. Старкова)	197
ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧИТ ВСЕ (перевод с англ. Л. Старкова)	220
БОЙЦЫ ПОБЕРЕЖЬЯ (перевод с англ. Л. Старкова)	239
КУЛАЧНЫЙ БОЕЦ (перевод с англ. С. Соколова)	260
ВИКИНГИ В БОКСЕРСКИХ ПЕРЧАТКАХ (перевод с англ. С. Соколова)	284
НОЧЬ БИТВЫ (перевод с англ. С. Соколова)	309
КИТАЙСКИЕ ЗАБАВЫ (перевод с англ. С. Соколова)	332

ГЕНЕРАЛ СТАЛЬНОЙ КУЛАК (перевод с англ. С. Соколина)	354
БОИ БЕЗ ПРАВИЛ (перевод с англ. С. Соколина)	377
МОРЯК КОСТИГАН И СВАМИ (перевод с англ. А. Юрчука)	396
ПО ПРАВИЛАМ АКУЛЫ (перевод с англ. А. Юрчука)	412
РАЗБИТЫЕ КУЛАКИ (перевод с англ. А. Юрчука)	433
ВЕЛИКОДУШИЕ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ (перевод с англ. А. Юрчука)	452
ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ (перевод с англ. А. Юрчука)	470

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том третий

Ответственный редактор
Е. Артемьева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
А. Платонова

Корректор
Л. Макеева

Компьютерная верстка
М. Кузнецов

Изд. № 0403158.

Подписано в печать 26.09.03 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 23,22.

Заказ № 0314470.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

**«Терра — Книжный клуб»
выпустил в свет:**

Лот № 3149

Вашингтон Ирвинг

Собрание сочинений в пяти томах

Вашингтон Ирвинг (1783 — 1859) был первым американским беллетристом, завоевавшим мировую известность. В его творчестве гармонично сочетаются романтическая фантазия, мягкий юмор и ощущение полнокровной жизни.

В Собрание сочинений вошли одни из лучших произведений писателя: «Жизнь Колумба», «История Нью-Йорка», «Поездка в прерии» и другие.

*Книги можно заказать по адресу:
115093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

На открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).

Лот № 2827

Виктор Гюго

Собрания сочинений в четырнадцати томах

Уже не одно столетие во всем мире поколение за поколением читают и перечитывают романы Виктора Гюго (1802—1885).

Почему не уменьшается число поклонников творчества писателя, почету тома его современников пылятся на библиотечных полках, а его произведения остаются востребованными? Ответ вы найдете на страницах томов Собрания сочинений.

*Книги можно заказать по адресу:
115093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

На открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).

Лот № 3150

Ирвинг Стоун

Собрания сочинений в тринадцати томах

Свое творческое кредо Ирвинг Стоун (1903—1989) выразил в словах: «Одним из достоинств человечества является его способность учиться на опыте прошлого. История и биография представляют собой в этом отношении великолепный источник».

Тринадцать томов впервые издаваемого на русском языке Собрания сочинений Ирвинга Стоуна вместили в себя практически все, что было написано в течение долгой жизни.

*Книги можно заказать по адресу:
115093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

На открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).

Готовится к выпуску

**Собрание сочинений
Елены Хаецкой в пяти томах**

Фантастика и фэнтези, психологическая проза и приключения, исторический роман и постмодернистская притча — творчество Елены Хаецкой разнообразно и многолико. И где бы ни происходило действие — в Римской империи IV века или в России XX столетия, легендарной Англии Робина Гуда либо в причудливо-узнаваемом Вавилоне технологической эпохи — везде автору удастся донести до читателя ощущение чуда и удивительное чувство единства миров и времен.

*Книги можно заказать по адресу:
115093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

**На открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).**

**Книги издательств и Книжного клуба холдинга «ТЕРРА»
вы можете купить в магазинах
«ТЕРРА — КНИГИ ДЛЯ ВАС»:**

Астрахань ул. Советская, д. 17	Москва ул. Щипок, д. 2
Великие Луки просп. Ленина, д. 55	Москва просп. Мира, д. 79, стр. 1
Воронеж ул. Генерала Лизюкова, д. 25	Новосибирск ул. Танковая, д. 47
Киев (Украина) Артиллерийский пр., д. 5а	Омск ул. Бударина, 3б
Краснодар ул. Красная, д. 43	Псков Октябрьский просп., д. 22
Москва ул. Красная Пресня, д. 29	Ярославль ул. Свободы, 97

**или заказать по адресу:
115093, Москва, ул. Щипок, д. 2**

**Дополнительную информацию можно получить
в Интернете по адресу:
<http://www.kkterra.ru>**

**По вопросам оптовых закупок обращаться
по телефонам: (095) 737-04-73, 737-04-74
E-mail: lavka@kkterra.ru**

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 3

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

Жители экзотического побережья Тихого океана
всегда с радостью приветствуют тех,
кто на потеху публике готов выйти на ринг,
чтобы отстоять честь своего корабля,
спасти от жестоких негодяев туземную красотку
или просто подзаработать денег, поставив
на кон свое жалованье за год вперед...

ISBN 5-275-00862-7

9 785275 008623

